

Огни Кузбасса

№ 6 / 2011

ВРУЧЕНИЕ БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ РОССИИ

Вручение премии: Г. В. Иванов, В. Н. Ганичев, Б. В. Бурмистров

Лауреаты премии: В. Г. Распутин, Т. В. Доронина,
Б. В. Бурмистров, А. И. Казинцев, Ю. П. Вяземский

Почетный президент, министр культуры РФ А. А. Авдеев,
Председатель правления СП России В. Н. Ганичев,
председатель Счётной палаты С. В. Степашин, председатель
комитета по культуре Государственной Думы Г. П. Ивлиев

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
Кемерово, Председатель
общественного совета

В. Н. Ганичев,
Москва, Председатель
Союза писателей России

Л. Т. Зауэрвайн,
Кемерово, начальник
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

С. Ю. Куняев,
Москва

В. И. Лихоносов,
Краснодар

М. И. Найдов,
Кемерово,
директор Кемеров-
ского областного
общественного фонда
«Шахтёрская память»,
им. В. П. Романова

Г. Л. Немченко,
Москва

В. И. Носырев,
Кемерово,
заместитель председа-
теля совета директоров
ОАО «Кемсоцинбанк»

В. А. Плющев,
Кемерово, начальник
отдела по связям
с общественностью
ОАО «Кузбассэнерго»

И. Ф. Фёдорова,
Кемерово, заместитель
Главы города по социаль-
ным вопросам

С. В. Филатов,
Бийск

В. И. Шемшученко,
Санкт-Петербург

**ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ**

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

**№ 6 / 2011
НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ**

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово,
ОАО «Кемсочибанк»
и издательства
«Кузбассвуиздат»

**Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ**

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Валерий ЗУБАРЕВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответ. секретарь),
Любовь НИКОНОВА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

735790

ГБУК КеМОНБ им. В.Д.Фёдорова
Газетно-журнальный
фонд

Содержание

ПРОЗА

Сергей Павлов. Кузбасская сага. Роман. Книга 2. Пленники Маньчжурии (окончание)	9
Виктор Коняев. Робка, Димыч и печаль. Рассказ	65
Михаил Кривошеин. Тёплый цвет холодного апельсина. Повесть	81
Владислав Ровицкий. Алёша. Кемеровский миф	92
Ирина Тюнина. «Мой» ожидает. Рассказ	103

ПОЭЗИЯ

Владимир Шемшученко. Писательские заградотряды поэзию не щадят	3
Сергей Подгорнов. Над терриконом, парком, лугом... ..	63
Лана Шангина. Ошалевший от метели май	79
Владимир Шумилов. Я живу в деревенской тиши	90
Лидия Музыка. Ничтожность и причастность	101

ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Переяслов. Литература как предвестница нанотехнологий и её влияние на общественные процессы	116
Влад Ривлин. Размышления двадцать лет спустя	123
Надежда Кудрявцева-Кузнецова. Должна появиться «мода» на чистую русскую речь	125

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Николай Наседкин. Подпольный человек Достоевского как человек	128
Елена Трухан. Евангельские открытия Достоевского	134

ИСКУССТВО

Олег Кухарев. Случайные записки нехорошего человека. Эссе	136
--	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Екатерина Тюнина. Потому что душа так велела (К 65-летию со дня рождения поэта Бориса Васильевича Бурмистрова)	147
--	-----

СВЕТЛИЦА

Елисей Елизаров. Рассказы. Татьяна Распопова. Стихи. Карина Танцырева. Очерк	150
---	-----

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Наталья Мурзина. «Имя родное всё выше...» (К 130-летию со дня рождения иерея Василия Гоголушко (1881–1920))	155
---	-----

ЦИТАТА

Дмитрий Мурзин. Дневник читателя (К 190-летию Ф. Достоевского)	159
---	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Марина Струкова. Между небом и мной... (О поэзии Владимира Шемшученко)	6
---	---

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературные хроники. Подготовили Н. Скарлыгин и Н. Мурзина	62, 161, 163
Обзор журналов. Подготовил В. Арнаутов	166

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Михаил Безуглов. Не забуду кладбище в Беслане	162
Содержание журнала за 2011 год	170

РУССКОМУ ГЕНИЮ МИХАИЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЛОМОНОСОВУ – 300 ЛЕТ

(1711–1765)

Так же, как будущих святых – людей при жизни неудобных, редко кто из современников Михаила Васильевича Ломоносова считал русским гением. О Ломоносове вспомнили лишь через 90 после того, как его не стало. Пришлось вспомнить, что Ломоносов был основателем Московского университета.

«...он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». «Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник».

А. ПУШКИН

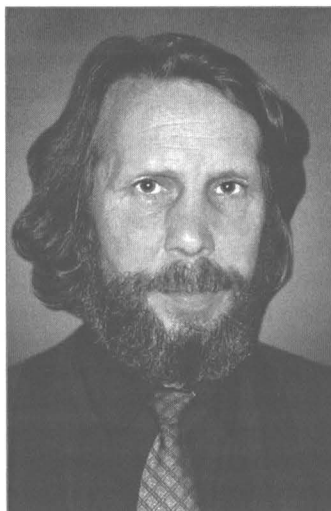
«Ломоносов был Петром Великим нашей литературы...»

(В. БЕЛИНСКИЙ)

Трактаты, статьи, проекты Ломоносова: «Рассуждение о размножении и сохранении российского народа», «О истреблении праздности», «О исправлении нравов и о большем народа просвещении», «О исправлении земледелия», «О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств», «О лучших пользах купечества», «О лучшей государственной экономии», «О сохранении военного искусства во время долговременного мира»...

**Владимир
ШЕМШУЧЕНКО**

**ПИСАТЕЛЬСКИЕ
ЗАГРАДОТЯДЫ
ПОЭЗИЮ НЕ ЩАДЯТ**

ПЕТЕРБУРГ

На озябшем перроне
и пусто сегодня, и гулко.
Милицейский наряд прошагал
безучастный, как снег.
Точно так же глядел на меня,
выходя на прогулку,
Насосавшийся крови двадцатый,
сдыхающий век.

Ах, ты, память моя!
Я прощаю, а ты не прощаешь!
Отпусти же меня,
помоги мне обиду забыть.
Ничего не даёшь ты взамен,
даже не обещаешь,
Кроме ветхозаветного – быть!

Славный выпал денёк, с ветерком,
до костей пробирает,
Гололёдец такой, ну, совсем,
как у Данте в аду...
Я всем мозгом спинным понимаю:
меня забывает
Полусонный вагон,
убывающий в Караганду.

Он забудет меня,
одиноко ржавея на свалке,
Как забыли меня все,
кому я тепло раздарил...
Здесь, в неспомленном городе,
люди блокадной закалки
Отогрели меня, когда
жить уже не было сил.

Смейтесь, братья мои!
Нам ли нынче стонать и сутулиться!
Смейтесь, сёстры мои!
Вы затмили достойнейших жён!
Посмотрите в окно...
Кто метёт и скребёт наши улицы?
Это дети оравших в безумии:
«Русские, вон!»

Белый день. Белый снег.
И бела простыня.
Бел, как мел, человек.
Он бледнее меня.

Он лежит на спине,
Удивлённо глядит –
По отвесной стене
Страшновато ходить.

ШЕМШУЧЕНКО Владимир Иванович родился в 1956 году в Караганде. Получил образование в Киевском политехническом, Норильском индустриальном и Московском литературном институтах. Работал в Заполярье, на Украине и в Казахстане. Кавалер ордена Святого благоверного князя Александра Невского, действительный член Петровской Академии наук и искусств. Главный редактор журнала «Всерусский собор». Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

«Помолчите, больной.
Не дышите, больной», —
Говорит ему смерть,
наклонясь надо мной.

* * *

Сугробы оплыли, как сальные свечи.
Собака уже не грустит в конуре,
А грязные лапы мне ставит на плечи...
Вот дура! Поляк бы взорвался: «Пся крев!»

Да что с неё взять, если талые воды
Под окнами бродят, как в бочке вино,
И в лужах цветут нефтяные разводы,
И вынес сосед первый раз домино.

И вдрызг разругались соперницы-кошки,
Изрядно помяв меховые манто.
Вот глупые твари. Свернуть бы им бошки!
Семь лет обещаю... А им хоть бы что.

Ударились в бегство. Свалили фиалку.
Горшок на куски... На паркете земля...
И мне до того вдруг себя стало жалко,
Поскольку услышу: «Не надо ля-ля...»

Собрать черепки — это плёвое дело,
И пол подмести не составит труда.
Всю зиму фиалка цвести не хотела,
А тут расцвела... Отошли холода.

Я новый горшок принесу из подвала,
И чтоб на упрёки не отвечать,
Жену обниму, как ни в чём не бывало —
Фиалка не выдаст. И кошки смолчат.

* * *

Дождь походкой гуляки прошёл по облаку,
А потом снизошёл до игры на трубе.
Он сейчас поцелует не город, а родинку
На капризно приподнятой Невской губе.

И зачем я лукавую женщину-осень
С разметававшейся гривой роскошных волос
Ради музыки этой безжалостно бросил?
Чтоб какой-то дурак подобрал и унёс?

Я по лужам иду, как нелепая птица,
Завернувшись в видавшее виды пальто...
Этот сон наяву будет длиться и длиться —
Из поэзии в жизнь не вернётся никто.

* * *

Апрельское утро грачами озвучено.
Уходит в подлесок туман не спеша.
Ещё две недели, и скрипнет уключина,
И лодка пригладит вихры камыша.

Ещё две недели, и синяя Ладога
Натешится вволю, подмыв берега.
И в небе проклюнется первая радуга,
И рыба пойдёт нереститься в луга.

И ветер с Невы — аж до самого Таллина! —
Молву донесёт... А пока среди льдин,
Как спящая женщина, дышит проталина
С лиловым цветком на высокой груди.

ДРУГУ

Как много в городе снега!
Бери и стихи пиши.
В вагоны метро с разбега
Прыгай, буянь, греши.

До хрипоты с судьбою
Спорь, не теряй лица.
За женщину — только стоя!
За Родину — до конца!

И пусть второму — корона,
А третьему — соловьи!
Ты первый — крылья грифона
Твои!

Взлетай и лети — так надо!
Не возвращайся назад —
Писательские заградотряды
Поэзию не щадят.

ДЕНЬ КОРЮШКИ

Ветер вытряхнул город
из шубы песцовой —
Пофорсил и довольно...

Пора возвращать...
Светофор, обоня лосьон «Огурцовый»,
Всё не может никак
красный свет проморгать.

Не рычит автохлам
на случайных прохожих,
Нахлебавшись по самые крыши воды.
Только шалые девки — ни кожи, ни рожи —
Перепуганных кляч волокут из беды.

Чуть поодаль буксирчик
буравит стремнину
И трубою дымит, и насадно ревёт –
Расползлись по всем швам
на речушках плотины,
И вот-вот Эрмитаж по волнам поплывёт.

Ах, какая весна! Бог сегодня в ударе!
Своеволье воды и нашествие льда!
И на небо глядят возмнившие твари,
Моментально забыв, что они – господа.

МАРИНЕ

Скрипит под ногами ледок.
Чирикает воробышка.
Меняет и наш городок
На плащик худое пальтишко.
Любимая, вот и весна!
Снега уползают в овраги...
Вот брякну в сердцах: «Не до сна!»
И двину из греков в варяги,
Минуя весёлый Париж,
В котором полно чернокожих,
И хищники снежные с крыш
Не падают на прохожих,
И каждый пугливый сугроб
Сметанен и даже – творожен,
И каждый любовный микроб
Опознан и уничтожен,
И веник у них не цветёт,
А наш, посмотри, расцветает...
Любимая, я – идиот,
Европа стихов не читает!
Не смейся, родная, прошу!
И пусть непростительно трушу,
Я лучше тебя напишу –
Слушай...

Когда лязгнет металл о металл,
и Вселенная вскрикнет от боли,
Когда в трещинах чёрных такыров
напитается кровью вода,
Берега прибалхашских озёр
заслезятся кристаллами соли,
И затмит ослабевшее солнце
ледяная дневная звезда.

И послышится топот коней,
и запахнет овчиной прогорклой

И гортанная речь заклоочет,
и в степи разгорятся костры...
И проснёшься в холодном поту
на кушетке под книжную полку,
И поймёшь, что твои сновиденья
осязаемы и остры.

Ох, как прав был строптивый поэт –
Кузнецов Юрий, свет Поликарпыч,
Говоря мне: «На памяти пишешь...»
(Или был он с похмелья не прав?)
Хоть до крови губу закуси –
никуда от себя не ускачеешь,
Если разум твой крепко настоян
на взыскующей памяти трав.

От кипчакских ковыльных степей
до Последнего самого моря,
От резных минаретов Хорезма
до Великой китайской стены
Доскачи, дошагай, доползи,
растворяясь в бескрайнем просторе,
И опять выходи на дорогу
под присмотром подружки-луны.

Вспомни горечь полыни во рту
и дурманивший запах ямшана,
И вдохни полной грудью
пьянящий синеватый дымок кизяка,
И сорви беззащитный тюльпан,
что раскрылся, как рваная рана,
На межзвёздном пути каравана,
увозящего вдаль облака.

Светилась яблоня в саду
За три минуты до рассвета.
В тени ракушек купало лето
Кувшинки жёлтые в пруду.
Играла рыба в глубине
На перламутровой свирели,
И камыши о вечном пели,
И подпевать хотелось мне.
Звенел комарик у виска
О чём-то бесконечно важном,
И так бывало не однажды,
И те же плыли облака...
Упало яблоко – пора –
И ветка, охнув, распрямилась...
И, торжествуя, жизнь продлилась
За три минуты до утра.

Марина
СТРУКОВА

МЕЖДУ НЕБОМ И МНОЙ...

(о поэзии Владимира Шемшученко)

Стихи, которые народ ценит и запоминает, всегда о любви: к Родине, Богу, человеку. Владимир Шемшученко распахнул врата своей поэзии для простых людей и обыденных ситуаций. Но, как всякий талантливый творец, рассмотрел в образах обыденных приметы вечности, Божью искру и суть русской истории. Ранний опыт главного лирического героя суров и, кажется, автобиографичен. Впрочем, автор должен уметь смотреть на мир глазами выдуманных персонажей: «Любил я блатные словечки / И драки квартал на квартал. / И жизнь не плясала от печки, / А волчий являла оскал». Водка, драка, осознание одиночества среди дикого размаха евразийских просторов – пульс реальной жизни: «Юность в отчем краю бесшабашной была – / наше вам... из карлаговских мест. / Я из дома ушёл, закусив удила, / А очнулся – трелёвка окрест. / Я погнал своё время, пустил его вскачь – / Эка невидаль – лесоповал! / Ел подёнными хлеб, пил вино неудач, / Протрезвившись, ещё наливал». В упоминаниях о лагерях, татуировках, отсидевших родных и друзьях невольно замечаю интонации шансона. Поэт утверждает, что не любит блатных песен, однако стихи говорят обратное, может, просто признаваться в симпатии к шансону – дурной тон? Но в народе такие песни популярны. Тем более что у поэта это лишь поверхностный слой рискованного опыта, скрывающий глубину философских смыслов. Мы прослеживаем путь лирического героя далее. Узнаём, что вырос он в Азии, но всегда чувствовал себя чужим на Востоке. Время раскола СССР отразилось на его судьбе, вынудив уехать в Россию. В стихах, где упоминается Восток, я не вижу ностальгии, скорее страх перед ним, подступающим к русскому миру. «Южный ветер хохочет в трубе водосточной, / по разбойничьи свищет и рвёт провода... / все назойливей запахи кухни восточной, / но немногие знают – так пахнет беда». «А нечисть ползла и ползла, / душа цепенела от страха... / и вот – ни двора, ни кола / и русские верят в Аллаха». Но есть и «старый казах, который не выдал толпе иноверца». И констатация исторического возмездия: «Смейтесь, братья мои! Нам ли нынче стонать и сутулиться! / Смейтесь, сёстры мои! Вы затмили достойнейших

жён! / Посмотрите в окно... Кто метёт и скребёт наши улицы? / Это дети оравших в безумии: «Русские, вон!». Изображение коллизий повседневности, её конфликтных узлов, разрушаемых авторской строкой, придаёт творениям Владимира Шемшученко подлинную мудрость: «О высший смысл земного бытия – / в величии своём неповторимый, / и в низости своей необозримый, / в сравнении с тобой что значу я?» Столь возвышенное и вдумчивое отношение к жизни часто обрекает на скитание и непонятость окружающими, оглушенными материализмом: «Одиночество – оно страшнее плена, / ведь не каждому дано писать навзрыд. / Не горит в печи намокшее полено – / Одинокое полено не горит». Порой поэт обречён на пожизненное заключение в виртуальной одиночке. Но лирический герой Владимира Шемшученко после испытаний находит любовь: «Ничего я тебе не скажу. / Я тобой безнадежно болею, / Я жалею тебя и жалею / И дыханье твоё сторожу... / Чиркну спичкой – и станет светло, / И в оконном стекле отраженье / Передразнит любое движенье / И рука превратится в крыло». Семья становится приютом души, где находит отдохновение и силы для самоутверждения в мятущемся мире: «Вокруг Гоморра и Содом. / Сегодня это многим нравится. / А у меня жена и дом. / Жена, как в юности, красавица». Многие стихи посвящены детям и женщине его судьбы. Мир семьи вдохновляет и даёт надежду. Замечается лирика в повседневности, в течении жизни с её очарованиями, разочарованиями, разлуками и воспоминаниями. Отдельно стоит упомянуть о том, что и о домашнем зверье – собаках и кошках – Владимир Шемшученко пишет с есенинкой теплотой и сочувствием. Кавказская овчарка, на которой остались шрамы войны, котёнок, подобранный сынишкой, бродячий пёс. «Пёс отскочил от протянутой мною руки – / Били, конечно, когда доверялся проходим... / Воет метель, беспощадно диктует стихи, / И наплевать ей, что псы и поэты похожи». «Жаль, что век твой недолог, – совсем уже морда седая. / Я прошу тебя, псина, от смерти беги со всех ног. / Ну а если уйдёшь, ты достойна собачьего рая – / У меня на руках абрикосовый дремлет щенок». Но уют сиюминутных домашних впечатлений никогда не заслоняет великий и опасный путь страны. Традиционное для русской поэзии осознание связи поколений серьёзно осмыслено в стихах В. Шемшученко. У поэта собственная судьба, но в ней – отзвуки судеб деда, отца, всего русского племени. Эти нити вплетены в полотно истории, в бескрайний гобелен с трагическими сюжетами былого: «Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа. / Руби руду! Бланду съешь потом... / Мой дед с кайлом в обнимку – доходяга. / А я родился... в пятьдесят шестом. / Война. Концлагерь. На краю оврага / Эсэсовец орудует хлыстом... / Отец с кайлом в обнимку – доходяга. / А я родился... в пятьдесят шестом». Раздумывая о судьбах России не могут оставлять человека в стороне от знаковых для неё собы-

тий, ответственности за происходящее. Даже если ты – не представитель властной элиты, а винтик, на её взгляд. Нравственные традиции русской классики, включающие в себя разграничение света и тьмы, добра и зла, вдохновляют авторскую волю к битве за свои идеалы, которые одновременно являются и идеалами народными. Любовь рождает ответственность за любимое. Поэзия такого типа помогает в сближении с религией, конечно, при условии, что читателю она изначально близка: «Бегут высоковольтные столбы / За поездом, кочующим по свету. / Восходит сердце к Новому Завету, / А разум ждёт возмездия судьбы». Тема русских городов с их индивидуальной мистической аурой и исторической судьбой занимает заметное место в творчестве Владимира Шемшученко. Кажется, сердцем он выбрал северную столицу. Конечно, обращения к Москве и Петербургу, их описания не лишены печальных примет времени. Но всё же в стихах о Петербурге чувствуется больше романтизма: «Я завидую тем, кто родился у моря. / У людей в Петербурге особая статья. / Я стою на мосту в одиночном дозоре / И учусь по слогам этот город читать. / Свирипеет зюйд-вест, и вода прибывает, / Застонали деревья в окрестных лесах... / Я представить не мог, что такое бывает: / Город в море выходит на всех парусах!» Бывает, проskalьзывает горькая ирония в стихах о Петербурге: «...Приветствую тебя, моя столица, / шуршаньем деревянного рубля. / Сегодня ты на диво хороша. / Большому кораблю – большая свалка». Но всё-таки в строчках о Москве больше отстранённости, поэт держит дистанцию: «Подкрался унылый трамвай, / загрязненный свежей рекламой. / Ещё не дописанной драмой разит из метро наяву, / И чтобы в сердцах не назвать / Столицу купринскою «Ямой», / Я сразу спасительно вспомнил, / Что в Санкт-Петербурге живу». Больше живого сочувствия в стихах, обращённых к северной Пальмире: «Дождь на Неву опустился с утра. / Пушка ударила в небо. / Дремлет страна, а в кармане – дыра, / Значит, не будет хлеба. / Не удалось ничего накопить / Выходцам из барака... / Смирно «Аврора» сидит на цепи, / Словно больная собака».

А вот о Москве говорится словно из чувства долга, но без ощущения душевной близости. Она, потерявшая былую святость матери городов русских, пронизанная враждебными энергиями, чужда простому человеку. Он согласен даже на её сожжение, веря, что на пепелище возстанет новый град: «Гуляй, Вавилон! Разбазаривай грады и веси! / Гони русский дух и поэта гони аки пса, / Но помни о том, что бесстрастно грехи твой взвесит / Всесильный Творец, и падут на тебя небеса. / ...О, как ты был прав, поджигатель Москвы неизвестный. / Вернись сквозь века и сверши, что тебе суждено. / А люди придут, осеняясь знаменем крестным, / И стены поднимут, и в пепел уронят зерно».

Москва столь осквернена, что её нужно развеять пеплом и создать с нуля. А Петербург сохранил жи-

вую душу. У Владимира Шемшученко много размышлений о назначении поэзии и роли поэта в эпоху разочарований и эгоизма. Творческая личность у Шемшученко – сильная натура, взыскующая идеального мира, страдающая от несовершенств мира реального. Страстные, резкие обличения бросает он современникам, обвиняя их, призывая к духовному возвышению. Но и себя не щадит. Обречённость талантливого человека, призванность его служить высшим истинам беспощадна: «Была бы на то моя воля – / Ни строчки бы не написал!» Он прямолинеен и чеканит строки, как лозунги: «Всяк за своё ответит. / Каждому – свой черёд. / Слово, если не светит, – / Запечатает рот... / Пуля – она не дура, / А провиденья рука. / Да здравствует диктатура / Русского языка!». Позиция поэта-обличителя идёт от пушкинского «Пророка», от пушкинских укоров власти и толпе.

В стихах Шемшученко нет искусственной усложнённости формы, заведомой неясности выражения мысли. Как в стихотворении о казачьей песне: «Все так просто, по-русски, без глупых прикрас». А минорный фон многих лирических сюжетов создан трезвым пониманием безрадостной действительности: «Мысль превращается в слова, / Когда, безумием обьятый, / Ты слышишь, как растёт трава / Из глаз единственного брата, / Когда ночей твоих кошмар / Впивается в неровность строчек, / Когда о край тюремных нар / Ты отобьёшь остатки почек, / Когда кружит водоворот, / Когда не объяснить событий, / Когда копаешь, словно крот, / Нору в осточертевшем быте». Но если ты поэт, то отвечаешь не только за себя, но за связь земли с небом. «Между небом и мной неразрывная нить». Поэт как жрец, как пророк, осознающий свою человеческую малость и слабость, но борющийся с ними. Сильный и трагический характер. Показывает мир погрязшим во грехе, но вновь и вновь пытается спасти его в творческом усилии, заклиная стихами: «Слышащий – да услышит. / Видящий – да узрит. / Пишущий – да напишет. / Глаголящий – повторит». Слову придаётся смысл магический, нет, скорее молитвенный. Не всякий талант воюет на стороне Бога: «Не заглядывай в бездну, поэт – / Жизнь земная всего лишь минутка. / Расскажи, как цветёт незабудка, / Поднебесья вобравшая цвет». Не заглядывать в бездну – это очень похристиански, но, на мой взгляд, излишне осторожно для вольного творца. Заглянуть и остаться прежним – это ли не испытание для сильного характера? Шемшученко много размышляет о судьбе слова в наше время: «Золотые слова растащило по норам ворьё, / И аукнулась нам бесконечная наша беспечность». «Позарастала жизнь разрыв-травой. / Мы в простоте сказать не можем слова. / Ушёл, не нарушая наш покой, / Безвестный гений, не нашедший крова». «Как в ржавых механизмах шестерёнки, / Скрипят стихи – поэзия мертва... / Мы днём и ночью пишем похоронки / На без вести пропавшие слова».

Он думает о других поэтах. О бунтарях, ушедших, «не умея служить и прислуживать», и их антиподах, в которых я узнаю некоторых патриотов, распинаящихся о любви к России, не православных, а православствующих, действующих с оглядкой на власть и спонсоров: «Врачуем людские пороки / За предполагаемый грош. / Нам влепят вселенские сроки / За вечную трусость и ложь». Должен создавать альтернативу распаду, унынию, согласию толпы со злом: «До хрипоты с судьбою / Спорь, не теряй лица. / За женщину – только стоя! / За Родину – до конца!».

Ценность родной речи тем выше для Шемшученко, что он вернулся на родину из чужого, ставшего враждебным края. «Не то чтобы нас пригласили – / Скорее наоборот. / Но мы приезжаем в Россию / Из всех суверенных широт... / Над мыслями нашими властуй. / Пришли мы к тебе налегке... / Как сладко сказать тебе: «Здравствуй!» / На русском своём языке». «Коль написано на роду / В Петербурге мне быть поэтом, / Не воспользуюсь я советом: / «Да пошёл ты в Караганду!»

Тема речи перекликается с темой молчания. Это две стороны одной медали для творческого человека, который изнемогает от борьбы с равнодушным миром и порой отчаивается. Разочарование прорывается на страницы: «Я на ночь не читаю нестихи, / И днём я их обычно не читаю – / Вместилищам словесной шелухи / Молчанье звёзд теперь предпочитаю». Или: «Переосмысливаю быт. / Переиначиваю строки. / Когда горланят лжепророки, / Поэт молчаньем говорит». Неоднократно встречается этот мотив у Владимира Шемшученко – констатация бессилия поэзии, которая не может изменить мир: «Стало страшно читать и писать, / К нелюбови людской прикасаться – / Потерявший желанье спасать / Обретает желанье спастись...».

«Спит дочурка, спит маленький сын. / Ночь звезду за звездой зажигает. / Разжигаю стихами камин. / Мне жена помогает». Но момент уныния проходит. Это как отступление на войне, после которого наступление ещё яростнее: «А я всё хмурю брови / И лезу напролом – / Поэзия без крови / Зовётся ремеслом». «Мне только бы мысль не спугнуть, / О главном поведать, о новом... / Сказать, а верней, полоснуть / По нервам отточенным словом». Русское правдоискательство, жажда народной правды пронизывает монологи автора, чей взлёт пришёлся на времена кардинальных исторических перемен и социальных катаклизмов. Чувствуется в его строчках волевой напор и уверенность в своих силах. В чём сила? Сила его песен от матери-земли, от господнего неба, от песен, даже от печалей, которыми богат челове-

ский век. Нужно только уловить эту незримую энергию. И пусть экзистенциальные открытия поэта – следствие личных неурядиц и катастроф современности, нравственная и эстетическая ценность высоких порывов души от этого несколько не уменьшается. Ведь главное – вывод, к которому приходит человек: «Не желаю стихи, как жаркое на блюде, / Господам подавать, демонстрируя прыть. / Если я упаду, ничего мне не будет, – / Между небом и мной – неразрывная нить». Взаимоотношения Поэта и Бога важны для Владимира Шемшученко. Бог этот – христианский, православный, чья природа сродни человеческой – рожденный от земной матери и распятый за людские грехи. «Блажен, кто по ночам не спит / И времени не замечает, / Кто сыт пустым недельным чаем, / Кто знает – ДУХ животворит... / Блажен, кто верою горит / И в этом пламени сгорает, / Кто на путях земного рая / Взыскует скорбь в поводи-ри». Христос близок русскому поэту, потому что так же знает, что такое боль, оставленность, жертвенность. С Христом поэт чувствует себя способным защищать народ, справедливость, честь и славу Родины. «А за песней и к небу России / Кто-нибудь да поднимет глаза». О чём просит он, русский человек в безжалостном мире? «Проснусь среди ночи, как в детстве, луну отдышу / В замёрзшем окошке, и свет снизойдёт к изголовью... / У Господа я всепрощенья себе не прошу, / Я только молю, чтобы сердце наполнил любовью». «Мне такого народа не жаль! / И себя мне такого не жалко! / Я гордец, не умею молиться. / Я умею лукавить и красть. / Богородица скорбно глядит, / и свеча разгорается ярко... / Дай мне, Господи, остановиться, / чтоб в неверье своём не пропасть!» «Благодать» и «преображение» – эти сложные понятия можно отнести к некоторым состояниям, озвученным в стихах Шемшученко: «И сдержать не смогу подступающих слёз, / Что приносят прозренье и очищение. / Скоро вспыхнет звезда, и родится Христос – / Остальное уже не имеет значенья». Но поэт самокритичен и может смиренно констатировать несовершенство окружающих и себя самого относительно религии: «Вот и отшумело Рождество, / Утомяв торговцев и таксистов. / Боже, маловерья моего / Хватит на десяток атеистов».

Порой по-своему трактует отношение к добру и злу: «Дьявольский смысл обретает / непротивления грех: / жизни на всех не хватает. / Смерти хватает на всех». Автор знает, что гармония в земном мире, как и небесное царство, достигается усилием. И в своём творчестве сумел коснуться пределов души, где таятся воспоминания о том, что человек – образ Божий.

г. Москва

Сергей
ПАВЛОВ

**КУЗБАССКАЯ САГА.
ПЛЕННИКИ
МАНЬЧЖУРИИ**

Роман. Книга 2*

Часть 3.
«...И МЕЖДУ ВОЙНАМИ НЕТ МИРА...»

ГЛАВА 1

...К началу 1906 года волна революционных выступлений в России пошла на спад. Подавлены вооруженные восстания в Москве и Санкт-Петербурге, Красноярске и Чите, Сормове и Новороссийске, интернирован в водах Румынии мятежный броненосец «Князь Потемкин Таврический», а большая часть его экипажа отдана под трибунал. И хотя в апреле еще вспыхивали с новой силой в ряде регионов Российской империи крестьянские волнения, было ясно, что пик революции уже пройден и страну накрыла волна реакции – самодержавие вело прямое подавление революции старыми и неоднократно проверенными методами: повсюду, от Балтики до Тихого океана, действовали карательные экспедиции; во всех крупных городах заседали военно-полевые суды, тюрьмы переполнились, как никогда ранее, а самым расхожим выражением того времени стала фраза «столыпинский галстук». К апрелю 1906 года число расстрелянных, повешенных и убитых участников ре-

волюционного движения превысило четырнадцать тысяч человек, более семидесяти тысяч человек брошены в тюремные застенки. Именно в это время разогнана 1-я, а вслед за ней и 2-я Государственные Думы, закрывались все либеральные газеты и журналы, так или иначе скомпрометировавшие себя поддержкой стачечного движения и сочувствием к восставшим матросам, рабочим и крестьянам. Попытка совместить в России самодержавие с конституционной формой правления не удалась, но до новых революций, до новых потрясений России оставалось еще более десяти лет...

В недрах Главного Министерства юстиции спешно готовилась новая инструкция. И хотя она еще находилась в работе, автор ее, главный инспектор тюремного ведомства генерал Семеновский, устно и письменно успел довести до сведения наиболее преданных последователей основное ее требование: **УЖЕСТОЧИТЬ РЕЖИМ** содержания арестантов, и в первую очередь политических. Своеобразным полигоном был и Орловский каторжный централ, где инспектором служил верный ученик Семеновского коллежский советник барон фон Куббе, и его структурное подразделение – Орловская тюрьма, где с 1908 года должность помощника на-

* Окончание. Начало в № 4 за 2011 год.

ПАВЛОВ Сергей Михайлович родился в 1952 году в городе Белове в семье шахтера. Подполковник милиции в отставке, член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор 12 книг. В 2003 и 2004 годах становился победителем конкурсов МВД России в номинации «Художественная литература и искусство». За серию книг о политических репрессиях в СССР Патриархом Московским и всея Руси Алексием II награжден орденом Святого Даниила III степени. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Всерусский собор», «Жеглов, Шарапов и К», «Южная звезда». Живёт и работает в городе Кемерово.

чальника исполнял Головацкий Александр Иосифович, любимчик барона. Успешно претворив на практике наказ генерала Сементовского в Орловском каторжном центре, барон фон Куббе получает чин статского советника и в 1910 году переводится тюремным инспектором в Забайкальскую область, а вслед за ним туда же едет его протеже Головацкий, и тоже с повышением в должности и чине...

...Шел десятый час утра, а в кабинете начальника Кутомарской тюрьмы рабочая атмосфера не ощущалась ни в коей мере. Никто не спешил к нему с докладом, не стучал клавишами печатной машинки ординарец-секретарь, и стол его непривычно пуст. Даже попугайчики в клетке как-то пригорюнились, наблюдая за своим хозяином. Накануне тот ознакомился с приказом по личному составу Нерчинской каторги, коим он, начальник Кутомарской тюрьмы, титулярный советник Ковалев Иван Никанорович, освобождался от занимаемой должности, выводился за штат учреждения с последующим уходом в отставку и начислением соответствующего пенсионного капитала. Огорчал его не столько приказ (он и сам уже подумывал оставить службу), а то, что он подписан его учителем, а с некоторых пор и хорошим приятелем, так же любившим порыбачить и поохотничать, полковником Забелло. Не вовремя, ох, как не вовремя эта отставка! До конца года ему был обещан очередной чин коллежского асессора, что автоматически позволило бы получить достоинство личного дворянства и массу привилегий, и вдруг...

Александр Александрович Забелло знал о тайной мечте своего товарища и постоянного спутника по рыбалке и охоте и в последние годы трижды посылал наградные реляции в главное тюремное ведомство, но всякий раз оттуда приходил отказ. Уже потом он прознал причину этих отказов: в разгар революционного движения в России, и особенно потом, когда наступила пора реакции, первое слово в их ведомстве стало принадлежать сторонникам ужесточения карательных мер в тюремной системе. Ковалев же слыл большим либералом, но, поскольку его тюрьма считалась образцово-показательной во всем регионе за Уралом, в спокойное для страны время ему прощали эту слабость. Но пришла другая пора, пришли другие люди, и теперь методы работы Ковалева сочли недопустимыми, а

его решили отправить в отставку, и даже сам он, начальник Нерчинской каторги полковник Забелло, ничем не смог помочь своему фавориту. «Так, глядишь, и самого вскорости задвинут на пенсию», — грустно думал полковник, машинально покручивая кончики пышных седых усов. Он знал, что Головацкого за собой в Сибирь потянул фон Куббе, который, в свою очередь, является ставленником Сементовского. Попробуй такого прижать да построжить — он, поди-ка, сразу через голову наверх полезет с жалобами...

...Головацкому было предписано вступить в должность начальника Кутомарской тюрьмы 1 июня 1911 года, а накануне он должен явиться для представления по поводу прохождения дальнейшей службы лично к нему, начальнику Нерчинской каторги. Однако новый назначенец довольствовался долгой беседой с глазу на глаз с фон Куббе, самовольно отложив визит к полковнику Забелло, своему непосредственному начальнику, на более поздний срок. Вопиющее нарушение субординации, а как его приструнить, если у тюремного инспектора Забайкальской области в кабинете стоит прямой телеграфный аппарат для связи с генералом Сементовским, а сам генерал уже не раз в шутливой форме предлагал ему, полковнику Забелло, оставить службу на Нерчинской каторге и поселиться где-нибудь в имении на берегу Байкала?..

— Ох, недобрые времена наступают, чует мое сердце... — И, хмурясь, он принялся набивать свою трубку табаком...

Ковалев Иван Никанорович также знал, когда Головацкий должен вступить в должность начальника тюрьмы. Знал он и то, что новый назначенец был на приеме у тюремного инспектора Забайкальской области фон Куббе, но после этого так и не появился ни у начальника Нерчинской каторги, ни в кабинете начальника Кутомарской тюрьмы.

«Похоже, этот чижик ведет себя чересчур вызывающе», — решил Ковалев. И когда на следующий день в 9 часов утра ему доложили, что в его приемной ожидает приглашения господин Головацкий Александр Иосифович, он попросил его подождать, а сам остался сидеть за столом, помешивая серебряной ложечкой в стакане остывший чай. «Теперь твоя очередь ждать, дружок...»

Потомив своего преемника около часа, Ковалев наконец пригласил его в кабинет. Головацкий вошел энергичным, отчасти даже нервным

шагом, что говорило о том, что унижительное ожидание в приемной не лучшим образом отразилось на его настроении.

— Здравия желаю, господин титулярный советник. Коллежский секретарь Головацкий Александр Иосифович... представляюсь по случаю прибытия для прохождения дальнейшей службы в должности начальника Кутомарской тюрьмы...

— Эдак, батенька, вы должны представляться начальнику своему, полковнику Забелло Александру Александровичу, а не мне, но коли уж доложились, так тому и быть... Присаживайтесь...

— К сожалению, я вчера не смог быть ни у вас, ни у полковника Забелло, потому как мы с Иваном Христофоровичем находились на приеме у генерал-губернатора... Такие приемы, как вы понимаете, Иван Никанорович, не принято манкировать...

Так же энергично Головацкий подошел к столу, за которым Ковалев обычно проводил служебные совещания, выдвинул стул и присел, причем сделал руками такое движение, словно бы откидывал фалды фрака. Этот жест Ковалевым не остался незамеченным: «Похоже, он привык фалдочки фрака откидывать руками... А малый-то франт... И губернатором прикрылся, каналья!..»

Небольшого роста, стройный, с короткой прической, Головацкий в строгом тюремном мундире смотрелся элегантно, и даже легкое косолазие не портило общее впечатление о нем.

— Шкафы и сейф я вам освободил, вот опис служебных документов... Их вы найдете у секретаря-ординарца... Вам его представить?

— Увольте... Я насмотрелся на него, пока ожидал вашего приглашения...

Сказано это было таким тоном, что Ковалев понял: уже завтра секретарь-ординарец новым начальником будет сменен...

— Какие-то вопросы у вас будут? Может быть, вас провести по территории тюрьмы?

— Не стоит беспокоиться, Иван Никанорович, все российские тюрьмы похожи друг на друга, а необходимые наставления я получил у барона фон Куббе Ивана Христофоровича... Представит же меня лично составу тюрьмы полковник Забелло, к которому я намерен отправиться прямо сейчас, а вас я больше не смею задерживать...

Несмотря на то, что Головацкий сразу не понравился ему, Ковалев все же намеревался хоть немного побеседовать с ним, поделиться сове-

тами, но бесцеремонность поведения приемника покорила его.

— Что ж, и я не смею вас задерживать, — Ковалев тяжело поднялся из-за стола, за коим ему пришлось работать многие годы, неторопливо снял с вешалки форменную фуражку, водрузил ее на голову и уже взялся за ручку двери, но в последний момент обернулся к новому хозяину кабинета, который стоя провожал своего предшественника.

— Александр Иосифович, я наслышан о вашем твердом и энергическом характере и потому хотел бы вам дать небольшой совет... или пожелание. Как-никак я старше вас и сему заведению отдал много лет... Пусть для ваших подопечных пребывание в этих стенах не станет мукой... Наказание не есть пытка, как почему-то сейчас думают некоторые...

— Спасибо, Иван Никанорович, — с плохо скрытой иронией перебил его Головацкий, — на досуге я непременно обдумаю ваши слова, а сейчас я тороплюсь к полковнику Забелло... Могу попутно доставить вас в поселок, домой, потому как к полковнику я поеду как раз на бывшей вашей коляске...

Ковалев заметно побледнел от такой бестактности, но нашел в себе силы отказаться от предложения:

— Не извольте беспокоиться, господин коллежский секретарь, я как-нибудь сам решу эту проблему...

— Да-да, я дам команду, и вас отвезут домой на дежурной карете...

Так же стремительно и бесцеремонно Головацкий приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Одним своим приказом он отменил все льготы, что имели политзаключенные, и тем самым низвел их до положения уголовной шпаны. Политических арестантов обязали приветствовать стоя громким «Здравие желаю!» любого надзирателя; им запретили передвижение за территорию тюрьмы, а их бараки стали запирают на ночь на замок; время прогулок сократили, и вдобавок приходилось шагать по кругу под контролем охраны. Из всех камер исчезли бумага и карандаши, а из книг были оставлены только Евангелие и журнал «Вестник». Количество посылок, ранее поступавших с воли в адрес политических без ограничения, теперь резко уменьшили, а провинившиеся в чем-то арестан-

ты вообще их лишались. А когда в ответ на резкое ужесточение режима арестанты стали громко выражать свое недовольство, наиболее энергичных он заковал в кандалы. Реакция политических заключенных последовала незамедлительно — они объявили голодовку...

Более месяца терпеливо наблюдавший за всеми новациями Головацкого либерально настроенный полковник Забелло не на шутку встревожился положением в Кутомарской тюрьме и незамедлительно прибыл туда, чтобы лично выявить причину беспорядков. Ознакомившись с ситуацией на месте, он отменил все приказы нового начальника тюрьмы и слегка попенял ему за чрезмерное усердие в службе. В тот же день голодовка прекратилась. Не рискуя в открытую перечить шефу, Головацкий на время оставил политических арестантов в покое...

В камере, где сидел Федор Кузнецов, в этот вечер царило приподнятое настроение: политические заключенные праздновали победу над невесть откуда свалившимся на их голову новым начальником тюрьмы и открыто сожалели об отставке Ковалева.

— При Иване Никаноровиче таких безобразий над политическими не вытворяли, скажи, Федя? — это Шубин обратился к своему другу Кузнецову. — Ты помнишь, как в девяносто восьмом году здесь сидел? Тогда же мы и познакомились с тобой...

— Помню, конечно, да только я тогда по уголовке проходил...

— По уголовке проходил, а постоянно у нас пропадал: книжки читал да чаи гонял с вареньем, что нам присылали родители. Помнишь, как мы жили?... Нет, товарищи, что ни говорите, а политических всегда и везде уважали, и потому терпеть то безобразие, что чинит тут господин Головацкий, нельзя! Поднялись мы дружно — и наша взяла! Решительность нужна в борьбе, вот я к чему веду разговор...

— Прав ты, Николай, только в одном: нужна решительность и сплоченность, а это уже не вашей РСДРП конек, а нашей партии, партии эсеров... — возразил Григорий Тур. — Ваши же социал-демократы слишком долго подступают к решению важных вопросов. Много говорите, много пишете, по границам норвите поездить, хотя эпицентр политической борьбы именно здесь, в России! Дело всегда должно превалировать над словами... Вы же всегда при-

держивались наших принципов, Федор? Вы же человек дела, так будьте же последовательны в своих взглядах...

— Пока, Григорий Иванович, я вижу решительность партии эсеров в переманивании членов других партий в свои ряды, а для этого ни ума много не надо, ни отваги... — и Шубин натянуто засмеялся, приглашая к этому и остальных сокамерников, но откликнулись лишь его однопартийцы Рычков, Кириллов и Лейбазон. Трое меньшевиков и анархист Маслов слушали эту легкую перебранку отстраненно.

— Нет, господа, совсем неспроста этот сатрап оставил нас в покое... Это не победа наша, а его тактический ход, — произнес задумчиво меньшевик Павел Михайлов. — Тюремная почта сообщила, что в августе ожидается приезд в тюрьму главного тюремного инспектора генерала Сементовского... Уж этот-то любит позверствовать над нашим братом...

— Откуда вам знать? — спросил Федор. — Может, они нарочно страху нагоняют?..

— Вы, Федор, недавно в наших рядах... даже еще не определились, с кем пойдете на баррикады: с большевиками, эсерами, а может быть, вообще к анархистам примкнете... Ну, да это дело времени, определитесь, придет срок... Так вот, я хочу сказать вам, господин Кузнецов, что тюремная почта ошибается редко... крайне редко... — Михайлов в камере был самый старший по возрасту и по партийному стажу, и потому всякий раз, как он начинал говорить, у всех невольно появлялось ощущение, что он снисходит до своего собеседника, позволяя по достоинству оценить его доводы и аргументы. — Боюсь, что визит престарелого генерала резко отразится на нашем с вами бытии...

— Вы, как всегда, витийствуете, Павел Андреевич, — с плохо скрытой усмешкой произнес Шубин, — остаетесь верным своим принципам, а вот обращаться к окружающим стали совсем по-другому... Раньше-то вы всех называли «товарищами», а сейчас — «господами». Что так?

— Николай Константинович, — Михайлов повернул свою крупную, костистую голову, слабо поросшую седым волосом, в сторону своего оппонента и, выставив вперед подбородок, неимоверно удлинённый узкой седой бородкой, сказал почти нараспев: — Мы были с вами товарищами, Шубин, до II съезда РСДРП. Это же ваш Владимир Ульянов выбросил тогда лозунг: «...Сначала надо размежеваться, а уж потом объединять»

ся...»? Вот тогда мы и размежевались с вами, и именно там вы узурпировали право называться «большевиками», хотя большинство было за нами... А коли мы разошлись идейно, то, значит, перестали быть товарищами, и потому я как человек воспитанный и... принципиальный могу позволить себе называть «товарищем» только своего однопартийца, все прочие, будь то большевик, эсер, кадет или анархист, остаются для меня «господами»... Надеюсь, я ничем вас не обидел, господин Шубин?

— Да, в общем-то, нет... — несколько смутился последний.

— И слава Богу, как говорят верующие люди, хотя, признаюсь, в ваших словах нередко сквозит плохо скрытая ирония и даже какая-то насмешка... И вообще я, в принципе, не согласен с господином Ульяновым по вопросам объединения и размежевания. Разве события последних дней не подтверждают этого? Мы объединились в борьбе с нашим общим врагом, с этим мракобесом Головацким, и победили. А уж после победы мы можем прокладывать межу между нашими партиями, не так ли, господа?..

Похоже, легкая пикировка грозила перерасти в острый и полный обидных упреков спор, и потому Федор Кузнецов, посчитавший, что именно из-за его реплики разгорелась эта ненужная дискуссия, поспешил исправить положение:

— Господа... товарищи... У меня нет такого опыта партийной работы, как у вас, Павел Андреевич, я не был на баррикадах, как некоторые из вас, и потому никого не хотел обидеть... Я только усомнился, действительно ли генерал Сементовский такой злодей, а разговор так круто изменился... Простите, если что-то не так...

— Напрасно извиняетесь, Кузнецов, — откликнулся пожилой еврей Лейбазон. — Вашей вины нет, а у нас с меньшевиками, так сказать, уже застарелые противоречия, и идейные, и личные, и... черт еще знает какие!.. Книги отняли у нас, бумагу, перо, вот мы и грыземся меж собой от вынужденного ничегонеделания... А насчет Сементовского Павел Андреевич прав... Зверь, а не человек! Когда я сидел в Орловском центральном, приходилось встречаться с этим господином... Боюсь, что и эта встреча не будет доброй...

...Всю неделю перед приездом московского генерала тюрьму чистили, мыли, красили, но тот, не особо заглядывая на сияющие чистотой стек-

ла и стены учреждения, едва ли не первый вопрос задал Головацкому: «Дисциплину навел, или либеральничаете, как Ковалев?» Не смея в присутствии полковника Забелло рассуждать по данному вопросу, начальник тюрьмы звонко щелкнул каблуками сапог и надсадно рявкнул: «Стараемся, ваше превосходительство!..»

— Что ж, ведем, уже посмотрим, как ты тут стараешься... К политическим пойдем, а уголовников потом Александр Александрович сам проверит... Они, слава богу, не жалуются на свою жизнь...

Обход проводился настолько стремительно, что сопровождавшая свита едва поспевала за сухопарым, под два метра ростом генералом. Пищеблок, баня, прачечная, дежурная комната, длинные тюремные коридоры с десятками камер по обе его стороны. Остановившись перед одной из них, генерал заглянул в «волчок», затем подозвал к себе Головацкого:

— Кто здесь сидит?

— Разный политический сброд, выше превосходительство!..

Сементовский удовлетворенно хмыкнул, но потом слегка нахмурил свои кустистые седые брови и спросил:

— Эх ты их сурово — «сброд»! Отчего же так нелюбезно?

— Не потому, что я хотел обидеть их... совсем нет, ваше превосходительство, политические они, но все разные: социалисты, эсеры, анархисты... Только поэтому я так их назвал... Обидчинить им лично не намерен и другим не позволю!..

— Да ладно уж, не пыжьтесь... А хорошо, однако, вы их окрестили: «разный политический сброд»! Остроумно!.. Ну, а этот, носатый в пенсне, кто таков?

Головацкий снова прильнул в «волчку» и потом четко отрапортовал:

— Лейбазон Семен Моисеевич, эсдэк... простите, выше превосходительство, социал-демократ, большевик, осужден на семь лет за участие в организации антиправительственных беспорядков в Чите...

— Вот-вот... Такие вот носатые русичи и сеют смуту на Руси святой... Запретить этому еврею и всем другим иноверцам служить свои службы, запретить иметь в камерах Кораны и всякие прочие талмуды — только Евангелие! Пусть там набираются ума, покорности и долготерпения. Бог терпел и им велел...

В это время кто-то подошел к «волчку» изнутри камеры, и раздался голос:

— Кто там треплет фамилию честного еврея Лейбазона?

— Ого! — Сементовский удивленно отшатнулся от двери камеры. — Какая дерзость! Будучи за решеткой, они еще смеют разговаривать таким тоном?! Бардак, господин полковник! — и он бросил недовольный взгляд на побледневшего Забелло. Генерал направился дальше, но был остановлен истерическим криком:

— Молчать, жидовская морда! — это Головацкий, подойдя вплотную к двери, заорал в ответ на вопрос Лейбазона. От неожиданности многие офицеры из свиты генерала вздрогнули и ошарашенно оглянулись на взъяренного начальника тюрьмы, но сам Сементовский поспешил разрядить обстановку:

— Ничего, господа, ничего... Такой порыв служебного рвения можно только приветствовать...

И все же завершить свой обход тюрьмы генерал решил беседой с кем-либо из арестантов. Не рискуя входить в общую камеру, он решил заглянуть в камеру-одиночку, где томился эсер Израиль Соломонович Брильон. Тот неспешно поднялся с нар, молча приветствуя генерала и его свиту. С высоты своего роста Сементовский надменно глянул на сухопарого пожилого человека и бросил сквозь зубы:

— Здорово!

— Здравствуйте, — арестант ответил негромко и совсем без страха глядел прямо в глаза седому генералу.

— Давно сидите?

— А как посадили, так и сижу... Скоро уж пять лет минет...

— А за что сидите?

— Наверное, за правду... Спросил одного большого человека, почему так плохо живется в России, а он рассерчал да вот и определил сюда. Как есть за правду...

— А как же тебя звать-то, правдолюбец ты этакий?

По лицу арестанта промелькнула едва заметная усмешка, он нервно дернул своей кучерявой, сильно побитой сединой головой и вдруг ледяным голосом выпалил:

— Вы, сударь, научитесь сначала элементарным правилам вежливости, а потом уж разговаривайте с людьми...

— Что-о?! — взревел Сементовский. — Кто таков этот стервец?

— Эсер Брильон Израиль Сол... — начал было Головацкий, но его доклад был прерван истерическим криком генерала:

— Наказать его, подлеца!..

Надзиратели и офицеры охраны бросились к арестанту, но тот успел выкрикнуть в лицо разъяренному генералу:

— Мерзавец!.. Вон отсюда!..

Генерал со свитой покинули камеру, а надзиратели еще долго избивали дерзкого арестанта...

— Никаких поблажек этим политическим бандитам! Никаких, слышите, полковник Забелло?.. В первых числах сентября вы получите новую тюремную инструкцию, и пусть кто-нибудь посмеет ее не исполнять!.. — так подвел итог своего обхода тюрьмы генерал Сементовский, выступая на совещании перед тюремным начальством.

Получив такой карт-бланш от высокого столличного гостя, Головацкий восторжествовал и принялся с новой энергией наводить драконовские порядки во вверенной ему тюрьме...

...Утром 16 августа генерал отбыл из Кутмары, и в тот же день в камеру Брильона ворвались несколько надзирателей во главе со старшим надзирателем Апрельковым и снова принялись его избивать, а затем, окровавленного, за ноги выволокли на внутренний тюремный двор, где подвергли публичной порке. Головацкий, лично присутствовавший при экзекуции, самолично назначил ему тридцать пять ударов розгами, а по ходу дела добавил еще пять ударов — «для науки». Когда избитого арестанта собирались отнести в карцер, чтобы там стекла кровь, Головацкий наклонился и с издевкой в голосе сказал:

— А вот тебе и элементарная вежливость!..

На следующий день известие о порке Брильона дошло до арестантов, и политические объявили новую голодовку. На вечерней поверке Головацкий лично обошел все камеры голодающих и, усмехаясь, заявил:

— Отныне и вовеки веков к политическим применяется режим уголовников! Помните, что Брильон наказан, и это ждет каждого ослушника. Голодовка вам не поможет, самоубийства тоже. В конце концов, ваше дело — умирать, мое — хоронить!..

В эту же ночь одиннадцать заключенных приняли яд. Он был старый, действовал медленно, и потому многие ничего, кроме отравления и мучений, не получили. В камере, где сидел Федор Кузнецов, яд приняли Кириллов, Маслов,

Лейбазон и Рычков. В ожидании смерти они много курили и разговаривали с товарищами.

— Зачем? Товарищи, зачем вы убиваете себя, а не их? — Федор растерянно переходил от одного умирающего к другому. — Ведь вы умрете, а они будут жить и радоваться, будут смеяться над вашим поступком!.. А по мне, так хоть одну гадину, но нужно взять с собой на тот свет! Без них мне одному будет скучно там...

— Федор, — заговорил слабеющим голосом Лейбазон, — вы еще молодой и сильный человек, вы можете сделать то, о чем говорите, мне же, старому и больному еврею, это не под силу... Но наш поступок покажет им силу нашего духа! Мы не боимся смерти, что уж говорить об этих злобных карликах... — он громко закашлялся, изо рта пошла пена, а тело забилося в конвульсиях. Шубин и Федор бросились ему на помощь, но старый еврей знаком руки отстранил их и попросил положить его под нары. Видя их недоуменные взгляды, Кириллов едва слышно сказал:

— Надзиратели увидят... откачают... и трагедия превратится в фарс, а это дурно... Федор, помоги ему умереть... прижми его к полу...

С широко раскрытыми от ужаса глазами Федор сначала слегка придавил умирающего Лейбазона к полу, но агония усиливалась, и ему пришлось лечь на него...

Рычков, видя, как медленно действует яд, осколком стекла вскрыл себе вены и, преодолевая слабость, сам лег под свои нары. Уже оттуда он попросил:

— Гриша... помоги мне... это недолго... прошу...

Григорий Тур тяжело опустился на агонизирующее тело товарища и лежал на нем до тех пор, пока тот не умер, а потом сам потерял сознание...

Кириллов и Маслов умирали легко, без судорог и конвульсий, лежа на своих нарах. Шубин не раз порывался стучать в дверь, но раз за разом его останавливал Павел Михайлов, который сидел на полу, прислонившись к стене под окошком, и каким-то безумным взглядом окидывал камеру, а Шубин лежал на нарах ничком, прикрыв свою голову казенной серой подушкой.

Вдруг коридор гулко отозвался топотом множества ног. Несмотря на неурочный час, надзиратели проводили ночной осмотр камер. Они останавливались около дверей и заглядывали в дверные глазки, «волчки», проверяя, соответствует ли порядок в помещениях предписаниям

тюремных инструкций. И хотя помещения камер круглосуточно освещались керосиновыми лампами, видимость их убранства больше походила на вечерние сумерки, тем не менее вездесущий Апрельков усмотрел, что в пятой камере половина нар пустует. Кликнув себе на подмогу еще несколько надзирателей, он ворвался в камеру... Заслышав топот ног, Федор Кузнецов осторожно оставил навсегда замершее тело старого еврея-большевика и сел на полу рядом с нарами, опустошенно глядя в серый потолок. Когда один из надзирателей принялся трясти руку Лейбазона, Федор выдохнул только одну фразу:

— Он умер...

Григория Тура пришлось доставать из-под нар и потом приводить в чувство. Бледный, перемазанный кровью Рычкова, он долго не мог понять происходящего в камере... Когда Апрельков приказал Михайлову встать с пола, тот немедленно выполнил команду, а затем, глядя куда-то вверх, возопил:

— И пришел час расплаты, и кара Божья настигла всякого, кто был греховен в этой жизни, а безгрешные, глядя на их мучения, тоже мучались и умирали!.. Так где же та высшая справедливость?! Где высшее благо, которое карает грешников и щадит агнцев Божиих? Господи, спаси и сохрани мя!.. Черти, бесы обступили нас, смерть и пустота...

— А этот умом тронулся... — констатировал Апрельков и приказал вывести его из камеры, а еще одного надзирателя послал к дежурному за стражниками и носилками...

Всего в эту ночь покончили жизнь самоубийством шесть политических заключенных Кутомарской тюрьмы, а Павел Михайлов сошел с ума...

Но даже такой исход протеста заключенных никак не навредил карьере Головацкого. Напротив, в сентябре 1912 года его энергичные действия «по умиротворению» политических заключенных были отмечены в приказе по тюремному ведомству, а военный генерал-губернатор Забайкалья Кияшко, наехавший с инспекторской проверкой в Кутомарскую тюрьму, в «Книге проверок» от 13 сентября оставил следующую хвалебную запись:

«...Все, что зависит от начальника тюрьмы, — в полном порядке, за что коллежскому регистратору Головацкому приношу сердеч-

ную благодарность... В данное время в тюрьме происходит пассивное сопротивление тюремным правилам со стороны так называемых «политических», однако я убежден, что при известной мне стойкости и твердости характера Головацкого все устроится к лучшему и недовольства со стороны политических совершенно прекратятся...».

Весть о «положительном опыте работы с политзаключенными» Головацкого мигом облетела все учреждения пенитенциарной системы Российской империи, и теперь на имя начальника Кутомарской тюрьмы стали приходить письма, авторы которых, такие же начальники тюрем и централов, просили последнего поделиться с ними этим самым «положительным опытом». Мало того, зачастили гости, которые хотели воочию убедиться, как же выполняется новая служебная инструкция в тюрьме, некогда славившейся своими либеральными порядками. Одним из таких визитеров, прибывших по своим служебным делам в Нерчинск, оказался подполковник жандармского управления при железной дороге Томской губернии Колодный Гурьян Степанович.

Покончив со своими первоочередными делами, кои привели его на Нерчинскую каторгу, один день он оставил специально для того, чтобы лично ознакомиться с положением дел в Кутомарской тюрьме. После плотного обеда в кабинете начальника тюрьмы с обильным возлиянием спиртного Головацкий и Колодный в сопровождении старшего надзирателя Апрелькова отправились знакомиться с тем, как содержатся в тюрьме политические заключенные. Они заходили в камеры, и подполковник имел возможность задавать любые вопросы арестантам, и ни один из них не остался без ответа, ни один дерзкий взгляд не был направлен в сторону посетителей.

— Однако здорово вы их умиротворили, Александр Иосифович, — похвалил хозяина тюрьмы Колодный, — не злодеи, не бунтовщики и царевубийцы, а агнцы какие-то... Шарман, шарман... — и он пожал руку своему спутнику. — Будет что рассказать моему приятелю, начальнику Томской тюрьмы... А что здесь? — спросил Колодный, остановившись перед камерой № 5. — Хотя, может быть, хватит смотреть на эти морды, а лучше за стол да за коньячок?..

— Как изволите, Гурьян Степанович... Коли утомили они вас — извольте-с в мой кабинет...

Они уже направились по тюремному коридору к выходу, как Головацкий бросил еще одну фразу:

— Эта камера, как и другие, да только в ней сразу четверо покончили жизнь самоубийством, а один сошел с ума...

— Вот оно как? — Колодный остановился и оглянулся на дверь камеры. — И что, там кто-то остался из бывших арестантов, кои были при этих... акциях?

— Так точно, трое... Один — большевик, второй анархист, а третий все никак не может определиться со своей политической платформой, а и то с ним ясно, что добропорядочного верно-подданного царю и отечеству из него уже не выйдет... Потерянный для нас человек...

— И кто же он?

— Да бывший крестьянин, так сказать, хлебопашец Федор Кузнецов...

— Федор Кузнецов?... — подполковник задумался, словно что-то выискивая в своей памяти, и спросил: — А откуда он?

— Откуда? — Головацкий заметно растерялся, поскольку не знал ответа, и вопросительно глянул на стоявшего в стороне Апрелькова. — Петр Петрович, не помнишь?

— Как не помнить, ваше высочорodie, другой раз он у нас обретається... Из ваших он, Гурьян Степанович, из Томской губернии...

— Вот как! — голос Колодного зазвучал заинтересованно, и он медленно пошел назад к двери. — А за что же он у вас сидит?

— В первом-то разе он сидел еще в 98-м году за пьяное убийство... — старший надзиратель говорил медленно, но твердо, и это говорило за то, что свое дело он знает хорошо. — А в другой-то раз он попал уже за политику. С дружкой своим, Шубиным, переправляли в тайгу бунтовщиков из Красноярска, оружие прятали, типографию подпольную готовили, да тут им и конец пришел — по пять лет дали обоим...

— Да, да, да... — словно соглашался со всем услышанным гость и вдруг рассыпался в похвалах надзирателю: — А молодец у тебя господин Апрельков! Сколько полезной информации держит в голове! Правильно, Петр Петрович, если хочешь победить врага, перво-наперво надо изучить всю его подноготную, а там бери его голыми руками... А ну-ка, открой мне эту комнатку...

В камеру они вошли все трое. Головацкий и Колодный курили дорогие папиросы и, похоже, настраивались на легкий и интересный разговор.

Арестантов было пятеро: Головацкий вместо четырех покончивших с собой и одного сошедшего с ума определил сюда пока двоих меньшевиков, осужденных Иркутским судом.

— Добрый день, господа... Или товарищи? Как вас лучше называть? — Колодный в богатом гражданском костюме из твида, в галстук и с большим золотым перстнем на безымянном пальце левой руки выгодно отличался от в темной униформе тюремщиков.

— И вам добрый день! — отозвался Шубин, сидя у стола с сигаркой в руке. Федор Кузнецов лежал на нарах в нижнем ряду и не торопился вставать: он сразу узнал Колодного, но еще не определился, как себя вести, и потому притворился спящим.

Новички-меньшевики торопливо вскочили со своих мест, приветствуя вошедших, а Шубин и Тур медлили.

— Черт-те что, Александр Иосифович! — шутливо обратился к начальнику тюрьмы жандарм. — Сколько, говорите, трупов вынесли отсюда?..

— Четыре, ваше высокородие! — доложил Головацкий. — А один чокнулся...

— Ну, вот, такие жертвы, а никакого вывода для себя не сделали эти граждане... господа или, пардон, товарищи... — веселость в голосе подполковника почти исчезла, и теперь он звучал нервно, с плохо скрытым раздражением. — Не хотят нас приветствовать надлежащим образом господа политические, я так думаю...

— Встать! — рявкнул Апрельков, да так громко, что жандарм и начальник тюрьмы вздрогнули от неожиданности, а Шубин и Тур поспешно вскочили на ноги.

— Теперь уже лучше, — с издевкой в голосе проговорил жандарм, а затем резко повернулся к лежащему на нарах Кузнецову. Глаза того были по-прежнему закрыты, а на лице была полная безмятежность.

— А это, как я понимаю, убийца из Кузнецкого уезда, не так ли? И зовут его Федор Кузнецов?..

Федор нехотя открыл глаза и увидел стоящего над ним жандарма. В левой руке он держал носовой платок, видимо, намереваясь вытереть пот со лба (в камере было душно), а на безымянном пальце его в свете керосиновой лампы тускло блестел огромный перстень с изображением двуглавого орла.

— Господин ротмистр, а это, как я понимаю, перстень из украденного вами у бедного Липата Коровина золота, не так ли?

— Встать! — теперь уже орал сам Колодный, и у него получилось не хуже, чем у Апрелькова. Федор, немного побледневший, неторопливо встал и по-тюремному закинул руки за спину. Он был выше жандарма почти на полголовы, что позволяло ему смотреть на него свысока и с едва заметной улыбкой. Это обстоятельство, похоже, взбесило Колодного, и потому он, раздраженно ворочая желваками, направился к двери, бросив на ходу Головацкому:

— Этого — в кабинет!..

...Когда Федора привели в кабинет начальника тюрьмы, Колодный уже успокоился, и они с Головацким успели выпить по рюмке коньяка. Обретя спокойствие, жандарм снова принял вальяжный вид и, развалившись в кресле, начал разговор.

— Ну, что, Кузнецов, приятно встретиться с земляком за сотни верст от дома? — и, не дожидаясь ответа, поспешил продолжить свою речь: — У меня есть к тебе предложение, Федор...

— Господин ротмистр... — начал было Федор, но его оборвал Колодный.

— Я давно уже подполковник... Можешь называть меня «господин подполковник» или «ваше высокородие», или совсем запросто — Гурьян Степанович... Итак?

— Господин подполковник, я буду называть вас именно так, вот только мне называть вас на «ты», как вы меня, или все же на «вы»?

— Ну, ты наглец, Кузнецов! — снова вспыхнул жандарм.

— Ага, значит, мы все же будем друг к другу говорить «вы»? Согласен... Но если ваше предложение будет опять касаться золота, то я здесь ничем не смогу помочь, потому как я по вашей милости, господин подполковник, почти восемь лет отсидел вот в этой самой тюрьме за убийство, которого я не совершал. Ведь вы отлично знаете, что Липата Коровина прибила ваша лошадка, а не я... Ее надо было судить или кучера неумеху... А золотишко его у вас на пальчике блестит, не так ли?

— Ваше высокородие, — привстал из-за стола Головацкий, — может, Апрелькова позвать, чтобы он ему язык укоротил да заодно зубы пересчитал? Наглеет на глазах!.. Какое золото? Какой Липат?

— Ничего, ничего, — попытался успокоить начальника тюрьмы Колодный, — это пустяки, дела

столетней давности... Мы разберемся сами... не надо Апрелькова...

— Продолжим разговор о золоте, господин подполковник, о том, как вы обещали мне, что за пьяную драку мне дадут от силы три-пять лет, если я забуду про золото... Про золото я промолчал: послушал вашего совета и совета своего адвоката, а вместо этого мне дали все восемь лет! Так-то вы слово офицера сдержали?..

Хозяин кабинета продолжал переводить недоуменный взгляд с гостя на заключенного, до конца не понимая сути разговора. Колодный занервничал и, извинившись, попросил Головацкого на полчаса оставить их наедине. Обескураженный тюремщик покинул кабинет, а Колодный налил целый стакан коньяка и предложил его Федору:

— В народе говорят: сухая ложка горло дерет. Выпей, перекуси, а потом я изложу суть дела... Да не показывай мне зубы... зови меня на «ты», глядишь так быстрее найдем общий язык...

Федор какое-то время смотрел на предложенный стакан, взвешивая, стоит ли его пить со своим палачом. Наконец он решил, что можно себе позволить эту нечаянную радость, и залпом опрокинул его. Уже через минуту в висках его застучало, а по всему телу разлилась сладкая истома. Краем вилки он ухватил с блюда тощенького рябчика под соусом и, не торопясь, съел его вприкуску с белым хлебом, после чего выпил сельтерской и нарочито внимательно приготовился слушать жандарма.

— Федор, ты пошел в бунтовщики, в революционеры — и это печальный факт, очень печальный... Многого уже не вернешь, ведь у тебя за плечами почти десять лет тюрьмы, ведь так?

— Увы, но это только благодаря тебе...

— Ну, вот опять ты... — кисло улыбнулся жандарм. — Лучше скажи, ты действительно еще не определился, к какой партии примкнуть?

— Возможно...

— И это замечательно! Тебе еще три года сидеть — срок немалый, а годы твои самые золотые и разгульные проходят... Тебе ведь скоро сорок?..

— И что же, господин подполковник, ты хочешь, чтобы я хлебнул всех житейских радостей?

— Ну, где-то так... Возможно...

— И что же ты можешь мне предложить?

— Свободу, хлеб, интересную работу... Я давно понял, что парень ты рисковый... Да, да,

еще тогда, в Гурьевске, на ямской станции, я помню, как ты нахально смотрел на меня: узнает — не узнает жандарм, поймают — не поймают?.. Не узнал, не поймал, потому как дал промашку, а позднее, когда все расставил по полочкам, вычислил тебя — да неохота было снова возвращаться в ваши края, да и тот дурак нерусский буквально сам себя загнал на каторгу...

— Ты знаешь, что он умер?..

— Да, лет пять тому назад... Что делать — каторга!..

— Не жалко?

— Федя, у меня суровое ремесло, и если нюни распускать над всяким... В общем, давай о деле...

— Давай...

— Видишь, что творится в стране? Видишь, как закручиваются гайки? А почему? Террористы, бомбисты и прочие революционеры хотят взорвать страну изнутри, а что потом получится, не думал? Нас же расхватают соседи по кускам: Польша, Китай, Япония, Англия и присные с ними! Надо остановить эту чуму, надо всех их надежно усадить в тюрьмы...

— На всех не хватит...

— Построим новые, с толстыми стенами, крепкими дверями и надежными замками...

— Ну а я-то здесь при чем, господин подполковник? Я не строитель, не тюремщик... Или ты хочешь, чтобы я пошел к Головацкому в надзиратели? Так у него есть Апрельков и еще несколько десятков таких же дуболомов...

Федор уже давно понял, куда клонит жандарм, но решил какое-то время еще покружить вокруг да около, чтобы убедиться в правоте своей догадки, а главное, придумать какую-то вескую причину для отказа от предложения жандарма. Опыт тюремной жизни подсказывал ему, что иногда такие отказы заканчиваются для отказников весьма печально. И не то чтобы он боялся мести Колодного, но в последнее время столько видел в своей жизни страшного, что просто хотел оградить себя от лишних горьких впечатлений хотя бы на какой-то короткий промежуток, ему нужна была передышка, ему нужно было набраться сил для дальнейшей борьбы, для новых испытаний...

Все время, пока Федор размышлял про себя, Колодный продолжал что-то говорить и убеждать его, Федора, пока наконец не заметил, что тот далек от него.

— Ты меня слушаешь, Федя?

— А как же?..

— Пойми, Федор, ты свой человек и среди уголовных, и среди политических... Мы будем давать тебе определенные задания, снабжать какой-то информацией... Человек ты неглупый, сориентируешься в ситуации... Можешь призывать к свержению царизма, обличать сатрапов, писать листовки... Тебе много будет позволено...

— Но я же в тюрьме!

— Ты начнешь работать прямо здесь... и тебе будут платить. Подумай, это хороший хлеб! Ты не будешь работать как ломовая лошадь...

— Хороший хлеб? Нет, господин подполковник, это Иудин хлеб... Уж лучше золото мыть в горах, лучше уголь рубить в копиях, лучше настоящий хлеб сеять, чем предавать своих друзей и товарищей и потом шархаться от каждой осины...

— Не спеши, Кузнецов, с отказом! Я ведь подниму старое дело, где ты положил шестерых, и как знать, не приговорят ли тебя к повешению...

— А если золото всплывет, что вы, господин подполковник, незаконно присвоили себе? А если родственники того телеута, Ивана-маленького, начнут жаловаться, что их сына, брата и внука понапрасну заморили на каторге, и все потому, что жандармский офицер Колодный поленился вернуться в Кузнецкий уезд и по-настоящему расследовать дело да найти настоящего убийцу... Я ведь несколько лет был на свободе, и я был уверен, что рано или поздно мы встретимся, и подготовился к этой встрече...

— Ты мне угрожаешь, подлец?!

— Господин подполковник, прошу оградить меня от оскорблений и разрешить идти в камеру... Считайте, что разговора не было... Уж лучше я досижу свои три года, но на вашу подлую службу не пойду, не хочу жрать Иудин хлеб, не хочу!..

Эта часть разговора уже велась на таких высоких тонах, что Головацкий, услышав через дверь их сердитые голоса, поспешил своему приятелю на помощь.

— Гурьян Степанович... Все ли в порядке у вас тут?..

— Головацкий, этот мерзавец поносил меня последними словами и хотел меня убить... Будь у меня с собой револьвер, я бы его застрелил...

— Бог с вами, Гурьян Степанович, в кабинете начальника тюрьмы убить арестанта?! Да меня же самого посадят на следующий день...

— Слизняк! Высечь его! Сегодня же! Сейчас же! — на глазах двух мужчин Колодный из ре-

спектабельного и рассудительного мужчины превратился в разъяренного неврастеника. Он топал ногами, громко кричал:

— Во двор его!.. Сечь его! Сечь!.. Я приказываю...

По коридору в кабинет начальника тюрьмы уже бежали несколько надзирателей...

— ...Пятьдесят один, пятьдесят два, пятьдесят три... — Апрельков, сняв гимнастерку, с отягощенным била еловой веткой по телу Федора. Руки и ноги того были связаны под лавкой, на которой он лежал, рубаха и арестантские штаны были изорваны в клочья и превратились в грязно-красную массу, которая летела во все стороны ошметками при каждом новом ударе.

— ...Семьдесят два, семьдесят три, семьдесят четыре, семьдесят пять... — Апрельков отбросил в сторону наполовину обломанный и испачканный кровью прут и, взяв из рук надзирателя полотенце, вытер от крови руки и пот с лица. — Все, ваше высочордие, у нас больше не положено бить...

— Почему?

— Помереть может арестант... Он и так уже не дергается... — старший надзиратель наклонился над Федором, поднял его голову за волосы, потрянул. Глаза того с трудом открылись, а искусанные в кровь губы едва слышно прошептали:

— Пить...

— Это можно... А крепкий ты парень, Кузнецов, ни разу не крикнул... Однако ты первый у меня такой... — с этими словами он зачерпнул железной кружкой воду из ведра, стоявшего неподалеку, и принялся поить свою жертву, а остатки воды вылил ему на голову.

— Стой! — взревел Колодный, выбил кружку из рук надзирателя, после чего схватил новую еловую ветку и принялся размахисто бить по окровавленному телу, приговаривая: — Вот тебе, тварь! Вот тебе!..

Мужественно вытерпевший всю экзекуцию в исполнении Апрелькова, Федор уже расслабился, и неожиданные новые хлесткие удары заставили его взвизгивать совсем по-звериному, но уже через мгновение он овладел собой и принялся иступленно грызть край лавки, но крика больше никто не услышал...

— Господи, да что же это делается! — испуганно воскликнул один из надзирателей. — Забьет ведь до смерти парня!.. — и он кинулся на поиски Головацкого.

— Ваше благородие, ваше благородие... Остановите смертоубийство! Ведь их высокородие совсем озверели... Грех ведь это, да и дело подсудное... Остановите его...

— Эх, Сережкин!.. — выждав еще какое-то мгновение, Головацкий быстрым шагом направился во внутренний тюремный двор. Первое, что ему бросилось в глаза — безумное лицо подполковника, который с каким-то внутренним придыханием опускал на тело своей жертвы колючий прут. Таким же безумным выглядело и лицо Кузнецова: глаза его готовы были вывалиться из орбит, а губы были в крови. Он молчал, но едва Головацкий вбежал во двор, словно что-то надорвалось внутри его, и он закричал страшным голосом:

— Колодный! Я убью тебя!.. Я убью тебя, сука подколодная!.. Я убью тебя!.. — и он потерял сознание.

Головацкий вырвал из рук Колодного прут и бросил с упреком:

— Эх, ваше высокородие! Разве можно так-то, среди бела дня да на людях?.. — Он распорядился перенести Кузнецова в лазарет и вызвать на службу фельдшера...

...В этот же день, не прощаясь с хозяином учреждения, Колодный покинул тюрьму, а Федор Кузнецов почти две недели находился в тюремном лазарете, блуждая между жизнью и смертью...

Расправа над Федором Кузнецовым не была из ряда вон выходящим событием в Кутомарской тюрьме. По приказу Головацкого заключенных секли до этого, продолжали их сечь и после. Всего же до конца 1912 года в Кутомарской тюрьме подверглись наказанию розгами 64 человека, в 1913 году — 81, в 1914-м — 21... Резкий спад экзекуций объясняется тем, что в начале 1914 года против Головацкого и большой группы чиновников тюремного ведомства было возбуждено уголовное дело по факту казнокрадства и злоупотребления служебным положением. В их числе окажутся генерал Сементовский, генерал-губернатор Кияшко, полковник Забелло, статский советник фон Куббе и добрый десяток других чиновников этого ведомства. В августе 1914 года Головацкий будет призван в действующую армию и отправлен на русско-германский фронт, а подполковник Колодный продолжит службу в Томске. Но тогда, в 1912 году, никто из участников этой расправы — ни Кузнецов, ни Головацкий,

ни Колодный — еще не могли знать, что спустя годы их пути вновь пересекутся...

ГЛАВА 2

...Нет, не пели сибирские ямщики песен, в отличие от своих европейских товарищей по ремеслу, колеся по бесконечным дорогам, проложенным сквозь глухие дебри вековой тайги. И что тому виной: бесталанность ли сибирских возниц, а может, их излишняя серьезность и благовоспитанность, не позволявшая им в присутствии незнакомого человека — пассажира — драть горло почем зря и тем самым мешать отдыхать путнику под мерный стук колес или легкое по-визгивание полозьев на снегу? А может, самой русской песне не хватало раздолья на сибирских дорогах, чтобы звучать так же широко и вольно, как она звучала на степных просторах центральной России? Хоть и исстегана уже Сибирь-матушка к началу XX века трактами своими, Московским или Сибирским, Чуйским или Крестьянским, торными дорогами да путями езжалыми, а все, по большей части, стремили они свой бег среди вековой тайги. И гикнет, бывало, иной возница на чуть заленившуюся лошадь, свистнет посвистом молодецким или щелкнет по-разбойничьи кнутом, но сосны да ели черновой тайги, что сумрачно стоят по обе стороны дороги, тут же погасят все звуки, превращая их в детскую забаву. Тут и песня любая не дойдет до своей шири и удали, а превратится в невнятное бормотанье. Ну, а коли так, то, наверное, и вовсе лучше ехать молча: и петуха не дашь на высокой ноте, и степенность обретишь в глазах пассажира, потому как искони считалось на Руси, что молчанье — это золото...

...Именно в таком гнетуще-молчаливом аллуре по иссохшему и утопающему в дорожной пыли Крестьянскому тракту из Брюханова к Урскому двигалась коляска с открытым брезентовым верхом. Единственный ее пассажир, мужчина лет тридцати, тучный, с узкими кошачьими усами на круглом лице, изнывал от жары, и даже широкий цветной зонт не спасал его от полуденного зноя: лоб был покрыт испариной, глаза закрыты. Приглушенный топот копыт, скрип рессор и редкие окрики возницы не нарушали его дремотного состояния. Иногда он приоткрывал один глаз, словно нехотя косил им в сторону от дороги, затем опять забывался на какое-то время, изредка всхрапывая и заставляя испуганно вздрагивать как лошадь, так и возницу.

В ногах у пассажира покоился большой деревянный кованый сундук. Кроме внутреннего замка, сундук имел небольшой навесной замок, который в такт конскому шагу легонько вызванивал о его железную стенку. На сиденье, рядом с пассажиром, стоял холщовый мешок, доверху набитый какими-то вещами. На лицевой стороне мешка в четыре столбика красовались ярко-красные значки, какие возница уже видел в своей жизни, когда привозил из Томска в Брюханово китайского купца. Кроме того, к задку коляски толстой веревкой был привязан плоский деревянный ящик длиной с маховую сажень. Пахом Бутаков, уже несколько лет колесивший на федосеевских лошадях по Крестьянскому тракту в качестве извозчика, подрядился довести этого странного путника до Урского и, чтобы развеять дремоту, что навевала монотонная езда, пытался завести с ним разговор, но тщетно. Отказался пассажир и от предложенного самосада, а всю дорогу молча поглядывал по сторонам да дремал. Не зная, чем занять себя, Пахом принялся строить догадки: кто же таков его пассажир? К кому-то он едет, в гости или насовсем, а главное, что же у него в сундуке да в ящике? И сундук, и ящик были тяжелыми, что он заметил, когда помогал незнакомцу крепить их на коляске.

Первые вопросы для себя Пахом решил быстро: человек это не наш, не сибирский, потому как больно толстый, одет в легкие хлопчатые штаны и такую же рубашку, какие местные крестьяне не носят. Опять же, усы — не то татарские, не то еще Бог весть какие, но явно не русские... Одно слово, мурза или китаец. И едет он в гости, везет подарки, но какие?.. По большому счету Пахому было все равно, что везет этот странный мужик, но про себя он знал, что если сейчас он перестанет задавать себе эти досужие вопросы и мучиться над их разгадкой, то просто-напросто заснет и свалится с облучка...

«...Яблоки? Посуду? Золото? — лениво продолжал размышлять возница, тупо уставившись соловыми глазами на круп своей лошади, на ее мотающийся из стороны в сторону хвост. — Ох, только бы не заснуть!.. Только бы не свалиться!..»

— Хозяин, где едем? — раздался голос странного мужика.

— Ась?! — Пахом встряхнулся и повернулся всем телом к пассажиру. — Да какой я тебе хозя-

ин? Хозяин дома на печке лежит, а я мотаюсь пятый год на его кобылах...

— На чьих кобылах?

— На чьих, на чьих... На федосеевских!.. Слыхал, небось?

— А то как же! Иван Иванович тут всяк чудак знает! Справный хозяин!..

— Так-то оно так, да похварывать стал Иван Иванович, нонче делами все больше его сынок ворочает, Левка, да больно уж скуповат супротив батюшки-то.

— Так ты что ж, в Урском живешь, или как?

— Ага, «или как...». Живу-то я в Брюханово, а служу, выходит, тому, кто здесь живет. А ты что же, из местных, али как?

— «Али как...», из местных я...

— Шуткуешь, паря, местных-то я всех наперечет знаю, а вот с такой ряхой чтой-то никого не припомню...

— Но-но, батя, ты с ряхой-то полегче, а то рассержусь и буду бить больно... Ты лучше скажи, где мы едем? Горскино, кажись, проехали?

— Да я не в обиду тебе сказал, а так, к слову, уж больно здоров ты, парень! А Горскино-то мы уже проехали... Проспал ты его, мил человек... Эвон, гляди, Девичий кут... Бабы тут местные купаются... Голые!..

— Да ну?! — толстяк ожил, закрутил головой по сторонам. — Ты посмотри, как все изменилось, Господи!.. А ну, стой!

— Тпру-у! — Скачков натянул вожжи и остановил коляску. — Чой-то не пойму я тебя, ты и впрямь местный что ли?

— Тебе-то на что, родимый?

— Да, может ты офеня и товары везешь с собой?..

— Ага, а ты меня сейчас ограбишь, так?

— Свят! Свят! С чего ты взял?

— Ну, ладно, договорились: грабить ты меня не будешь... — толстяк соскочил с коляски, взял с собой мешок и пошел к воде. — ...Я искупнусь пока, а ты отдохни...

— Ладно, ступай уж... — снисходительно проговорил Пахом, ослабляя подпругу лошади и пускающая ее на полянку.

— Эй, дядя! — уже издалека окликнул возницу странный толстяк. — Золота в ящиках нет, поэтому ты туда не лась, а то я тебя — пук-пук! — В руке у толстяка был большой черный наган, и возница испуганно перекрестился:

— Святой боже! Ну и пассажира мне Бог дал...

Продолжая ворчать, он упал на траву и тут же захрапел...

— ...Хазяина, ставай, пазариста, ехать нада, однако!..

Бутаков проснулся, сел рывком и недоуменно уставился на стоявшего перед ним не то японца, не то китайца.

— Ты... ты кто?

— Я японская спиена. Я приехара взорвать мост через Ур и мерьяница... в Горскино. Поехари быстра!..

Пахом окончательно стряхнул остатки полуденного сна, встал на ноги и внимательно осмотрел незнакомца: широкий цветастый халат, подвязанный белым поясом, белые тапочки, круглая шляпа из соломы, круглые очки на носу-пуговке...

— Вот что, шпиен! Там вон купается мой пассажир, и без него я никуда не поеду...

Не торопясь, он свернул сигарку, взобрался на козлы и стал ждать пассажира, а тот все не шел, зато невесть откуда взявшийся «японский шпион» совсем по-хозяйски расположился в коляске. Прошло еще несколько минут, а пассажир все не шел, но главное, что у реки не слышалось никаких звуков.

— Да что, он утонул там что ли? — недовольно проворчал Егор. — И ты тут еще навязался!.. Тебе-то куда?

— Урское... Я буду пратити осень карасо...

— А куда денешься — заплатишь, как будто я тебя от Брюханова везу, лады?

— Я тебе, е... твою мать, дам — «с Брюханова»! На шпионе нажитья хочешь?! — теперь странный незнакомец говорил на чисто русском языке и грубым басом, отчего Егор чуть не упал с облучка.

— Ты?... Ты?..

— Я, дядя, я, поехали, а то меня слеза прошибет сейчас... Я же здесь пацаном купался!.. Поехали! Я дома, дядя, я дома!...

— Тпру-у, милая! — Бутаков остановил коляску перед магазином купца Харламова и обернулся к пассажиру. — Зайдешь аль домой сразу?

— Однако зайду на минутку к Михаилу Ефимовичу... — откликнулся тот и легко прыгнул на землю.

— Эй, ты, мил человек, полегше с Михал Ефимычем-то, — остановил его возница, — неровен час, обидишь кого из родных его...

— Это как же?

— Так помер Михал Ефимыч, пятый год уже идет... Сынок его тут заправляет нонче...

— Федька Окаянный? — мужчина даже присвистнул. — Ну, Федька так Федька, а вот старого Харламова жалко...

Надвинув соломенную шляпу поглубже на глаза, чуть ссутулившись, мужчина короткими шажками направился в магазин.

В это время дня покупателей в магазине, как всегда, немного. Аграфена Лукина, Матрена Кузнецова, Лизавета Каткова да дед Прошка встретились по случаю в торговом зале да разговорились меж собой. Ехидную и злую на язык Аграфену Лукину сейчас было не узнать. Жалостным голосом, то и дело смахивая с глаз набежавшую слезу, рассказывала она о болезни своей заморской лошади Урги, а женщины со скорбными лицами сочувствовали ей. Сильно располневший Спирька лениво слушал их разговоры и что-то записывал в потрепанную тетрадку. На его круглом лице, словно помазок, под самым носом торчали серые усики. Такого же цвета борода топорщилась на подбородке, а плутоватые глаза прятались за круглыми стекляшками очков.

— ...Вот так вот третьи дни не емши наша кашатуха, ой, горе-то какое...

— Можя, хворь какая приключилась али сглазил кто? — Матрена Кузнецова смотрела на Аграфену Лукину с таким сочувствием, что казалось, вот-вот расплачется от жалости.

— Да кто ж ее сглазить может, ежели самая глазливая у нас на селе и есть Аграфена! Аль забыли, как она бабку Семениху на тот свет отравила? — усмехнулся дед Прошка, сворачивая громадную «козью ножку».

— Ах, бесстыдник! — тут же взорвалась Лукина, и теперь на нее было уже страшно смотреть. — За троих живешь на ентом свете зазря да еще подсмеиваешься! Вон дружок-от твой, Лука Прокопьевич, свекор мой, туды его мать, уже больше десяти лет как помер, а ты все бегаешь да зубы скалишь, охальник!.. Погоди ужю...

Спиря, или, как он теперь иногда требовал себя называть, Спиридон Ксенофонтович, отложил тетрадку в сторону и решил прекратить назревавшую ссору. Он давно заметил, что редкое появление в магазине Аграфены Лукиной обходится без перебранок.

— Эй, бабы, кто за чем пришел — делайте покупки, а лясы точить и на улице можно!..

— Ой, Спирька, мне бы керосину... — Матрена Кузнецова подала полуведерный бидон. Кликнув мальчика, помогавшего ему за прилавком, Спиря отправил его на склад за керосином.

— А вам, мамаша, замечание делаю: впредь называть меня Спиридоном Ксенофонтычем, ну... в крайнем случае — Спиридоном. Спирька на базаре семечками торгует, а у нас тут торговля сурьезная... Так-то вот.

— Ой, Спиридон Ксе... как? Больно тяжелое у тебя отчество, Спирька, пока привыкнешь — язык сломаешь, — сделала свое заключение Матрена и засмеялась. Ее поддерживали все остальные покупатели.

— У-у, зубы скалят по всяким пустякам... — нахмурился Спиридон Ксенофонтыч. — Ладно вам, тебе чего, тетка Аграфена?

— Скипидару мне надоть с пол-литры, да в твою кубышку...

— Сделаем! А тебе, дед, чего надо?

— Мне? — старик так и застыл с широко раскрытыми глазами и дымящейся самокруткой во рту. — А веришь, Спиридон Ксенофронтонвич, забыл... Шел — помнил, а тут баб послушал — и забыл...

Как ни старался держать себя солидно, Спирька не выдержал и громко захихикал, а вслед за ним рассмеялись и женщины. Последним хохотнул сам дед Прошка. Не успел затихнуть их смех, как дверь в магазин открылась и в нее вошел... живой японец.

— Здратвуте! Здратвуте! — сделав руки лодочкой у себя на груди, японец, не переставая кланяться, пошел к прилавку. — Хазяина, я хатера купити у вас самурайский меч...

Появление нового покупателя в магазине было настолько неожиданным, что бабы и дед Прошка словно бы закаменели, а у Спиридона от испуга даже очки упали с носа.

— М-м-меч н-нет в п-продаже...

— Как нет?! Я, самурай, не могу купити себе меч? Да я вас стреряти буду!... — и в руках у самурая тускло сверкнул вороненой сталью револьвер. Бабы дико взвизгнули и бросились вон из магазина, а Спирька упал на четвереньки и под прикрытием прилавка пополз из зала. Довольный произведенным эффектом, японец повернулся к старику, молча стоявшему у него за спиной.

— А ты, дед, что не побежал, или опять в штаны навалил с перепугу?

— Есть маненько... навалил чуток... Старый я уже, запоры плохо держут... вот.

Японец подскочил к старику, приобнял и спросил негромко:

— Фу-у! Правда, что ли, обделался? Как тогда у своей бани, помнишь? — и он заржал своим жеребячьим смехом.

— Яшка! — изумленно воскликнул старик. — Живой?! — И он, забыв о своей беде, кинулся обнимать уже давно похороненного и отпетого земляка...

...Спирька с ревом вбежал в конторку, где сидел за столом Иван Кочергин. В очках, с окладистой бородой, он выглядел очень солидно. Правый рукав его рубашки был зашит на уровне локтя, а в левой руке он держал химический карандаш, раз за разом отправляя его в рот, отчего все губы его были синими.

— Иван Иванович! Там... самурай! Он сейчас всех там порешит!..

Услышав одно только слово «самурай», Кочергин моментально вскипел и, схватив стоявший в углу конторки топор, кинулся в зал магазина. За ним с большой долей опаски затрусил Спиридон.

— Отпусти старика! — взревел Кочергин, видя, как японец тискает деда Прошку. — Сейчас ты у меня получишь, япона мать, за всех своих сраных самураев!.. — И он, грозно размахивая топором, бросился вперед.

— Иван! Стой! — оставив в покое старика, японец скинул со своей головы шляпу и, раскинув руки, пошел навстречу Кочергину. — Ваня! Дружище ты мой! Это ж я, Яшка-Чуваш!..

— Яшка?! — Кочергин оторопел, узнав в странном незнакомце своего земляка и фронтового товарища, и топор со звоном упал на пол.

— Яшка!

— Ваня!

Они долго тискали и целовали друг друга, а в глазах у них блестели небогатые, а потому особо дорогие мужские слезы. Когда первая радость встречи поутихла, Яшка осторожно дотронулся до зашитого рукава рубахи:

— Ваня, это ты там получил или уже дома?

— Там, Яша. Когда тебя увез полковник с собой, нас погнали по Маньчжурии, ну, а мы решили бежать... Сцепились с узкоглазыми, а у майора Осиро был самурайский меч... Ты помнишь Осиро?

— Это помощник Накамуры?

— Да, этот злодей и укоротил мою руку...

— Вот черт, а я и не знал...

— Пять лет же прошло, Яша. Ты про нас многого не знаешь, мы — про тебя. Где ты был? Тебя ведь похоронили здесь и отпели по всем статьям...

— Дед Прошка тут меня уже просветил малость... А сейчас собирай, Ваня, всех наших фронтовых дружков — и ко мне домой, там, наверное, старики меня заждались, да и Валентина моя, должно быть, на корню засохла за пять-то лет, а?

Кочергин как-то странно переглянулся со Спирькой, дедом Прошкой и потупил взгляд.

— Яша, присядь на лавку, послушай нас...

Спиридон стоял рядом со своим начальником и согласно кивал головой.

— Пять лет, Яша, — срок большой... Не дождался тебя твои родители. Мать-то сразу свалилась, как из военного присутствия пришло уведомление, что ты без вести пропал... Месяца не прошло, как ее схоронили, а тут Федька Окаянный возвратился домой и сказал, что тебя увезли в Японию... для того, значит, чтобы... ну, чтобы тебя съесть там... мол, такой толстый... Вот батя твой и слег тут — паралич его схватил, да шибок очень... Недельку только и мучился, а потом помер...

— Охо-хо! — Яшка сидел на лавке, обхватив голову руками, и стонал с болью в голосе: — Тятя, маманя!.. А вы что же, не могли объяснить, что японцы не едят людей? Что из плена иногда возвращаются?..

— Не могли, Яш, потому как мы возвратились домой только через полгода после этого, аж в апреле шестого года... все израненные, больные... Мы же всю Маньчжурию прошли, Корею, а уж потом из Владивостока да опять через Харбин в Красноярск... Яша, столько всего было — не перескажешь!

— Перескажешь, Ваня! Собирай всех наших и айда ко мне...

— Яша, а ведь всех-то наших — ты да я, да Гордей с Тимохой... Левка Федосеев всю войну в санитарном поезде прокатался, а нонче он в Томске, там же и Федька Харламов...

— А Петька Ежуков? А Гриша Голов?

— Никого нет, Яша, все там остались...

— Охо-хо! — снова схватился за голову Яшка. — Какая жаль, мужики! Какое горе!.. Что ж, зови Гордея с Тимохой — и ко мне!..

— Куда к тебе?

— В мой дом, в отцовский дом! Он-то хоть сохранился или...

— Сохраниться-то сохранился, да только живет нонче там Петро Иванович Качура...

— Это что еще за хрен такой? — Яшка грозно поднялся с лавки.

— Яш, я ведь говорил тебе, что тебя отпели по всем правилам, погиб ты для всех наших селян, а тут Калистрат Зосимыч помер, и старостой избрали Афоньку Гвоздева...

— Этого гада? — взвился Яшка. — Да...

— Что сейчас-то шуметь? Федосеев Иван да Харламов настояли на том, чтобы Афоньку поставили старостой... Федька Харламов, потому как к тому времени Михал Ефимович уже преставился...

— Ну, дела у вас тут... Ну, а Качура-то откуда взялся?

— А он откуда-то с Украины приехал в Брюханово со всей родней... У нас в последнее время их много понаехало, столыпинцев-то... Мужик он грамотный, холостой, ну и направили к нам писарем в село, к Афоньке в подмогу... Пожил он тут с полгода во флигеле, да потом и высмотрел твою Валентину... Она что, баба одна с ребенком на руках, хозяйство, а он какой-никакой, а мужик. Вот, значит, и сошлись они так, но в церкви не венчались! Валентина так и сказала на людях: перед Богом мой муж Яков, пусть им и останется до конца дней моих...

Снова упал на лавку гигант Яшка, снова обхватил голову и застонал:

— Охо-хо!!! Горе мне! Куды же деваться-то? Я же этого писаря сейчас порешу! — и в руках у него снова появился наган. Спиридон незамедлительно шмыгнул в кладовку, а Иван, вытянув вперед единственную руку, попытался успокоить друга. В это время дверь магазина с грохотом отворилась и на пороге появилась толпа мужиков, баб, за их спинами маячили ребячьи фигуры — все торопились посмотреть на живого японца, но на поверку вместо японца оказался Яшка-Чуваш, давно отпетый и уже чуть подзабытый своими земляками. Ахи, охи, объятия — всякий норвил подойти к воскресшему для них земляку, пожать руку или просто потрогать за рукав: село радовалось внезапному воскрешению своего сгинувшего было в плену единоземца. Афанасий Гвоздев, уже как сельская власть, предложил Якову сейчас в дом не ходить, а встречу с друзьями и свое возвращение отметить в харламовском бистро. Он же, Гвоздев, брался переговорить с Валентиной, женой Якова, если тот согласится простить ее невольный грех и вернуться

к ней, а Петра Качуру Гвоздев обещал отправить нынче же в Брюханово, дабы избежать кровопролития. С Якова он взял крепкое слово: домой сегодня не ходить!

...Все село гуляло на встрече Яшки Яковлева под харламовским навесом. Земляки заново узнавали друг друга, наверстывали упущенное. С замиранием сердца они слушали Яшкины рассказы о далекой и неведомой им Японии, о странных и страшных законах, по которым живут эти островные люди. Рассказ Якова неоднократно прерывался криками и заздравными словами в его честь, а также во славу русской армии и всей матушки России. В пылу рассказа проговорился он и о том, что был женат на японке, что у него там родился от нее сын, которого он называл Иваном, но вся японская родня звала его Имаси...

Наверное, впервые за время существования бистро всю площадь заставили столиками и лавками, на которых восседали мужики и женщины, а дети толпились вокруг. Угощение до них не доходило, но, похоже, они вполне довольствовались рассказами Якова о чудесной стране Японии. Как только обронил он слова о своей невольной женитьбе на японке, бабы облегченно зашептались меж собой и перекрестились:

– Ну, знать, не так велик грех Вальки Яковлевой, что она сошлась с писарем Качурой да прижила ребеночка от него... И сам Яшка не такой уж беленький и мягонький, авось сойдутся и жить будут...

Для всех запомнился тост деда Прошки. Пока в бистро накрывали столы, дед успел сбегать домой, где устранил последствия своего конфуза, и теперь не отходил от Яшки. Долго слушал старик поздравительные слова земляков, а потом предложил выпить за здоровье Якова и, шутя, перекрестить его и отныне называть не Яшка-Чуваш, а Яшка-Японец. Дружным хохотом встретили односельчане это предложение.

А самым деловым в этой компании оказался Афанасий Гвоздев. Пока шла гулянка, он успел переговорить и с Валентиной, и со своим писарем Качурой. И едва он предложил тому съехать из села, как тот подхватился и, наскоро покидав свои вещички в дорожный баул, поспешил уехать в Брюханово вместе с уже хорошо подгулявшим возницей Пахомом Бутаковым. Последний только хитро ухмылялся в седые усы и негромко приговаривал: одного мужа привез

бабе, а другого увожу... Ну и дела!.. Про своего отпрыска трусливый писарь даже не вспомнил...

За главным столом полукругом сидели Яшка, Гордей, Иван Кочергин, Тимофей Скопцов и Богдан Лукашевич, человек не их круга, но также пострадавший на японской войне, и потому фронтовики пригласили его в свою компанию. Совсем недавно оставил он свои костыли и теперь поскрипывал новым деревянным протезом, выточенным плотником Потаповым из простой липовой чурки. Урские бабы и мужики хорошо помнили, как уходили на войну двенадцать мужиков, и только половина из них вернулись домой живыми. Сегодня чествовали четверых, потому как двоих недостающих за этим столом никто и помянуть добрым словом не хотел...

Гвоздев, отправив писаря, подошел сзади к Гордею и на ухо сообщил, что обидчик Якова, Петр Качура, уже съехал из села. После этого он хотел подсесть к ним за стол, но все фронтовики вдруг упрямо закачали головами, и пришлось старосте сесть за соседний столик, где сидели Михаил Кузнецов, Андрей Павлов, Иван Федосеев и дед Прошка. Обиженный на то, что его не посадили за стол с героем дня, первое время Гвоздев пил молча, но после третьего стакана водки обида его немного отступила, и тогда он велел своему сыну-подростку Илье принести гармошку и стал наигрывать любимые песни. Поскольку они все больше были грустные или матерщинные, то хромка вскоре переключалась к Тимофею, а Яшка вскочил из-за стола и запел:

*Цветут розы на березе,
На дубу созрел каштан.
Мы домой к себе приплыли
Через Тихий океан.*

Он перевел дыхание и снова заголосил:

*Плохо, братцы, без жены –
Горе бьется о штаны.
Утром встанешь, клонит в сон –
Горе лезет из кальсон.*

*У меня жена с подвохом,
Ядовита, как змея.
От нее клопы все сдохли,
Скоро очередь моя.*

– Ай, да Яшка, и бабе своей уже отвесил оплеуху! Так ей, непутевой! – кричал дед Прошка. – Такого героя не дождался!..

*До ста лет одна старуха
Все невинность берегла.
Утонул в ней Прошка-дед,
Не задел и берега!*

— Так ему, Яша, чтобы не лез куды не надо! — кричали женщины со стороны, защищая Валентину.

*Про любовь не понимает
Моя дроля, вам скажу.
По стене клопов гоняет,
Когда я на ней лежу!..*

— Ха-ха! Ох, дает, Яков! Молодец, Яшка-Чуваши!..

— Какой Чуваши? Топерь он Японец!..

— Ладно, Яша, передохни, выпей чутка — заработал, а у нас Тимоха пусть поет!.. — Ермоха Лукин схватил кружку с водкой и подал Яшке, и тут же сам поднял свой стакан. — За нашего Яшку пьем!..

Минуту-две было тихо, и в сумерках раздавалось только бульканье водки да звон вилок и ложек о железные чашки. Перекусив наскоро, Тимоха запел свои частушки:

*Не ходите, девки, в лес,
Там живет лохматый бес.
Этот бес — прелюбодей,
Нарождает чертей!*

*Просит плотника хозяйка,
Чтоб покрыл ей тесом стайку.
Плотник слазил на хозяйку,
А потом полез на стайку.*

— Вот здорово! Про нашего Потапова! А ну, где он, выходи?! Кому последний раз стайку покрывал?

Потапова вытолкнули на середину, и он растерянно поглядывал по сторонам.

— Дак Катковым наведни крышу крыл!

— Вот-вот, пока Сазон железами стучит на кузне, наш Потап лазит то на стайку, то на хозяйку!.. Ха-ха! Хи-хи!..

— Эй, полегше там! — заворчал пьяненький Сазон. — А то уши надеру!..

— Ай, была не была! — И теперь уже Потапов заголосил:

*Петухом поет душа:
Ах, подруга Клава,
До чего же хороша
Милая отрава.*

*Целовала меня Глашка,
Прикрывалась рубашкой.
Как зажала между ног,
Год опомниться не мог.*

*Бабка деда ублажала,
Отдавалась со всех ног.
От усердия навоняла,
Как в курятнике хорек...*

— Ай, да гроботес! Ай, да Потапов! — несло со всех сторон. — А что дед Прошка молчит, как будто хрен проглотил?

Пьяненький Прошка, мелко семена ногами, обутыми в валенки с галошами, вышел на круг и чуть потеснил в сторону Потапова:

— Ты свое прокукарекал, топерь дай мне...

*Старику сто первый год,
А старухе двести...
Старик лестницу несет
На старуху лезти.*

*Как у наших у ворот
Девки водят хоровод.
Я козлом вокруг скачу,
Всех попробовать хочу.*

*Закрывайте, девки, двери,
Торопитесь свет гасить —
Не будите во мне зверя,
Я могу и укусить.*

...Распелись, разгулялись мужички на потеху бабам и ребятишкам, кто-то уже плясать наладился. Улучив момент, Яшка что-то шепнул на ухо Кочергину, а тот поманил к себе пальцем Спиридона. Вскоре из купеческих покоев принесли граммофон, который установили на отдельном столе, а Яков, как фокусник в цирке, ловким жестом извлек из своего сундука, что стоял тут же, на полу, и служил сиденьем для Спирьки, черный блестящий диск.

— Дамы и господа, я хочу представить вам музыку, — Яшка вел себя очень раскованно, чем немало удивил своих земляков. В слове «музыка» он сделал ударение на втором слове, отчего оно приобрело особый колорит. — Эту музыку слушают и даже танцуют под нее... Вальс! «На сопках Маньчжурии»!..

Покрутив до отказа ручку граммофона, он опустил иглу на пластинку. После выпитого руки его дрожали, и потому иголка сначала обиженно взвизгнула, но уже в следующее мгновение

вечерние сумерки Урского наполнились робкой и грустной мелодией, что полилась из большого, цвета всех цветов радуги рупора харламовского граммофона. Должно быть, так плывет над еще дремлющей маньчжурской степью утренний туман, обнимая и лаская ее своими легкими прикосновениями, заполняя собою все ее морщины и неровности. И потому музыка здесь звучит ровно, спокойно и нежно. Еще мгновение, и будто что-то надломилось в ней, изменилось, словно потянуло над землей свежим ветерком, и вслед за ним ожил и поплыл между сопот сизый туман, завихрился, ударяясь и отталкиваясь от их каменных боков, в поисках дороги к равнинному покою. А вслед за ним рванула вверх мелодия оркестра, громче зазвучали трубы, нервно отозвались армейские фанфары, и музыка продолжалась...

Бабы, божихи, дети – все заворуженно слушали эти божественные звуки, многие из них первый раз в жизни. И скромная площадка купеческого бистро, освещенная несколькими керосиновыми лампами, перестала в эти летние сумерки казаться своего рода балаганом, что во время народных гуляний и ярмарок веселил жителей Брюханова и окрестных деревень. Яшка, уже совсем по-хозяйски стоя на помосте, внимательно всматривался в лица женщин, стоявших за перилами бистро, словно выбирая себе жертву, но его взгляд остановился только на Евдокии Соловьевой, единственной из женщин, что сидела за крайним столиком. Всего мгновение он смотрел на нее, но успел вспомнить те далекие минуты блаженства, которые он, наряду со многими другими мужиками села, испытывал в ее объятиях, и потому он торопливо подбежал к граммофону, поставил пластинку заново, после чего раскланялся перед Соловьевой, приглашая на танец.

– А ты у мужа моего спросил разрешения? – со смехом крикнула она ему в самое ухо.

– Какого мужа? – удивился Яков.

Евдокия, продолжая улыбаться, показала взглядом на Ивана. Выпучив глаза и состроив смешную гримасу, Яшка посмотрел на товарища, давая понять, что хочет пригласить ее на танец, на что Иван согласно кивнул. Подхватив Евдокию под руку, Яков вывел ее на круг, и они закружились в едином порыве. Как зачарованные смотрели крестьяне, как их, плоть от плоти, деревенские жители, с трудом освоившие грамоту, впервые за всю историю села, как самые на-

стоящие баре, кружились под звуки вальса. Они были прекрасны в этот миг, и казалось, что все, кто стал свидетелем такого чудного мгновения, навсегда забыли свои прежние обиды и огорчения, а сами танцоры отныне стали кумирами всего села...

...Далеко за полночь расходились старики, женщины и дети по домам, оставляя мужчин в бистро на всю ночь. И вслед уходящим, словно итожа этот радостный для села день, а может быть, подводя итог всей давно прошедшей войны, не один раз звучала в ночи песня «Прощание с «Варягом»...

*...Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.*

*Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...*

...А на другом конце села, в небогатом домике, уложив детей спать, у чадающего каганца сидела простая русская женщина и горько плакала. Она не воевала, это дело мужчин, но почему-то именно в ее судьбе война оставила такой неизгладимый глубокий след. Сначала она забрала у нее любимого человека, мужа и отца ее ребенка, потом заставила поверить в его смерть, а когда на его место пришел другой и еще одно маленькое живое существо увидело белый свет, она так же неожиданно вернула ей мужа, оставляя на ее совести невольный грех за порушенную семью и незаконно прижитое дитя. Она плакала, и в душе надеялась, что глубинная общечеловеческая справедливость и Божье милосердие помогут ей вернуть в дом мир, тепло и уют...

Как ни горьки были слезы Валентины Яковлевой, как ни искренне было ее раскаяние, а все же прощение у мужа-фронтовика за свой грех и прижитого от чужого человека ребенка она получила далеко не сразу. Лишь на третьи сутки Яков появился дома после буйного загула по случаю своего возвращения на родину. Еще два дня после застолья в харламовском бистро он, переходя из одного дома в другой, отмечал радость встречи с земляками, пока наконец на его пути не встал родной дом...

Будучи относительно трезвым и в присутствии посторонних Яков Матвеевич поначалу был сдержан в своих чувствах и к жене обращался только по имени-отчеству и на «вы», что

ее и пугало более всего. Угостив провожавших его до дому Гордея Кузнецова и Тимофея Скопцова, Яков простился с ними, прилег на оскверненную неверной женой супружескую постель и даже всхрапнул при этом, но вдруг вскинулся тревожно и, шало вращая своими крупными, чуть нависшими глазами, прилепившимися у основания его носа-пугови, заорал:

— Где тот сукин сын, что сделал тебе ребеночка и опозорил меня, изувеченного и измученного японцами фронтовика?!

Жалобно, совсем по-щенячьему запричитала измученная событиями последних дней Валентина, успокаивая обиженного мужа и одновременно вымаливая себе прощенье. Тупо посмотрел на нее Яков, лихо опрокинул в рот стакан самогона, а затем, словно прозревший, снова заголосил:

— Сбежал, сукин сын, но шлюха его здесь... Убью!..

Взвизгнула тонко Валентина, видя, как наливаются кровью глаза мужа, и как есть, в одной юбке и рубашке, без кофты, выскочила из избы, оглашая всю округу нечеловеческим воплем, бросилась к мосту, где всегда кто-то был из селян. Следом за ней, в исподнем, но с самурайским мечом, мчался Яшка. Ярость обуяла его, да слишком много сил он отдал на дальнюю дорогу домой и тем трем дням, что беспробудно бражничал с земляками, и потому теперь он не мог унять себя на перепуганной насмерть женой. В какой-то момент споткнулся на едва заметной дорожной кочке, свалился, мертвецки пьяный, под завалившийся лукинский плетень и захрапел, пугая гуляющих на улочке кур и играющих ребятишек. Сама же Валентина нашла приют в харламовском подворье, куда ее милостиво пустил Иван Кочергин, в отсутствие хозяина, Федьки Окаянного, остававшийся здесь главным распорядителем, а малых детей Яковлевых на время забрали к себе Тимофей и Зинаида Скопцовы.

Зашумели деревенские бабы, перепуганные буянством бывшего японского пленника, и тревожной стайкой направились к деревенской власти, Афоне Гвоздеву, с требованием дать укорот басурману. Вместе с бабами увязался и дед Прошка, также нечаянно оказавшийся на пути пьяного Яшки, и теперь его возмущенный говорок перекрывал голоса женщин:

— Это ить чего получается, Афонька? Намеднишь этот Яшка-Японец, так его в ухо, меня припугнул в магазине харламовском своим левор-

вертом, опосля чего я свои, можно сказать, новые порты испоганил! И трех ден не прошло после той беды, а он опять напугал меня, да только теперь вместо леворверта у него была сабля японская в сто пудов. Я, Афонька, человек старый и нервный, а потому со мной может запросто приключиться медвежья болезнь, а уж тут никаких штанов не напасешься. Ты уж, Афоня, приструни его, а ты, Филя, — обращаясь к писарю Петухову, — подмогни старосте, потому как вы топеря и есть главная власть на селе. При Калистрате-то Зотеевиче такие разбойники разве бегали по селу? То-то же...

Старика горячо поддержали бабы:

— Да что дед Прошка, подумаешь, в штаны навалил с перепугу, а нам-то каково? Нам-то как уберечься от этого супостата?..

— А на улке дети малые играют одне?..

— А у меня пес так перепугался, что второй час бегаёт с будкой на цепи по огороду, а как словить его — не знаю...

На шум к мосту стали подтягиваться мужики.

— Тихо, бабы! — пытался успокоить их Гвоздев. — Факт сей фулюганский и даже бандитский со стороны Яшки-Япон... Яковлева, и потому мы должны нонче же отправить гонца в Брюханово к уряднику, а уж он прочистит ему мозги в холодной! Сейчас, мужики, надо его связать, пока он спит, саблю ея забрать да отнести этого бандюка в сараюшку к Харламову, пока стражники придут...

— Ага, так я вам и позволю из магазина тюрьму сделать, — откликнулся Иван Кочергин, который уже давно стоял на крыльце харламовского магазина и слушал эти горячие разговоры. — У меня тут матерьялов разных на тыщи рублей, а вы такого озорника хотите к ним подпустить!.. Нет, Афанасий, запирай Яшку в свою баню и жди стражников. Ты — власть, тебе все всласть!

— Точно так! — поддержали Кочергина Гордей Кузнецов, Ермолай Лукин и Богдан Лукашевич. Гордей сразу понял хитрость Кочергина: никогда Гвоздев не приведет к себе в дом чужого человека, а раз в купеческий дом не примут, то пусть лежит Яшка под лукинским плетнем, пока сам не проспит. Глядишь, пока гонец обернется из Брюханова, Яшки и след простынет, а связанному ему прямая дорога в холодную.

— Иван Иванович, — обратился Гвоздев к Федосееву, завидев его в толпе, — может, у тебя его запрем, куда суд да дело, а? У тебя места много, ты ведь цельный конный двор держишь.

— Ага, — возразил Федосеев, — чтобы он мне всех лошадей перепугал? Заизволь, Афанасий Иванович, но я на это не согласный. А вот конька для гонца в Брюханово могу дать, но свой дом в острог превращать не желаю!

— Правильно, батя, — подхватил сынок Левка, накануне приехавший из Томска, — как-никак, а мы с Яшкой воевали вместе...

— Тоже мне, фронтовик нашелся!.. — раздался из толпы насмешливые голоса женщин, а дед Прошка тут же поддержал их:

— Горе-вояка ты, Левка! Пока ты в тылу жмуриков возил на паровозе, Яшка дрался с самураями и героически попал к ним в плен на цельные пять лет...

— Ты что, дед? — удивился Федосеев-младший. — Ты же сейчас сам на него жалился, а тут в заступки идешь...

— А я, может, сочувствие поймел к Якову Матвейчу! Ведь какая ему жизнь выпала на чужбине? Самураи косоглазые хотели его съесть, да не поддался им наш Яшка, а тут только дома появился, а его опять в кутузку?! Нельзя этого допустить!..

Старший Федосеев недовольно глянул на сына, и тот поспешно скрылся за высоким забором отцовского дома.

— Не надо, Афанасий Иванович, никуда гонцов посылать, потому как это дело, почитай, семейное, и решать его мы должны своим сходом и безо всяких там урядников и каталажек, — Гордей говорил негромко, словно раздумывая, и от того слова его легко доходили до каждого. — Ведь всего несколько дней назад мы все пили да радовались возвращению Якова домой, а сейчас, стало быть, готовы его в тюрьму упрятать. Сдается мне, мужики, это не дело!..

— Правильно говорит Гордей!.. — поддержали мужики.

— Пожалеть его надо, болезного, столько он натерпелся за годы плена-то... — вторили им бабы.

— Давайте сюда подводу, и мы отвезем Яшку домой да доктора Иванова позовем, он его из запоя выведет, голову прояснит. Ведь наш же Яшка, урской, плоть от плоти, и потому нельзя его в каталажку!

Толпа одобрительным гулом встретила слова Гордея Кузнецова.

...Почти двое суток возился с Яшкой доктор Иванов, приводя его в чувство, пока наконец его

взор не прояснился, и он позвал к себе жену. Ни злости в голосе, ни молний в глазах. Теперь это был прежний Яшка-Чуваш, а с некоторых времен — Яшка-Японец. Он приобнял жену, расцеловал дочку, а затем недоуменно глянул в сторону трехлетнего карапуза, держащегося за юбку Валентины и испуганно рассматривавшего незнакомого дядьку, обросшего и оборванного.

— То сыночек твоей Валентины, — осторожно пояснил Яшке Гордей Кузнецов. Он только появился в избе Яковлевых вместе с Тимохой Скопцовым и теперь боялся, что хозяин вновь расстроится и начнет буянить. — А ежели ты сожаленье поимеешь к Валентине, то и твоим сыночком будет... Его ведь тоже Яшкой называли, как бы в твою честь...

Яшка внимательно посмотрел на остроносого мальчугана и спросил сурово:

— Ты знаешь, кто я?

Все замерли в немотном ожидании, а мальчонка вдрогнул от испуга, затем обернулся на мать и сказал неуверенно:

— Тятя...

— Ай да молодец! — обрадовался Яшка. — Ладно, Бог милостив, да и я не злодей: коль он меня тятей назвал, то и я его сынком своим признаю... Пуцай бегаёт, места всем хватит, а я еще Вальке одного пацаненка сделаю — дайте только срок...

Все, кто слышал эти слова, облегченно вздохнули, а Валентина залилась слезами: похоже, под крышу их дома вернулся долгожданный мир и покой...

ГЛАВА 3

Вслед за Валентиной едва не прослезился и Гордей Кузнецов: ведь и сам он еще не так давно пережил подобные чувства, да только не открылась для земляков тайна отцовства Никиты, и честь рода кузнецовского не пострадала от досужих сплетен. Четвертый год уже шел Никитке, и если Маша и Федька были смуглые с лица, черноволосые, как и мать с отцом, то Никита с измалетства пошел в рыжину, в Федора. Именно тогда, спасая честь сына и невестки и упреждая всякие ненужные разговоры, Михаил Кузнецов похвалился перед мужиками, что младший внучок пошел весь в него, рыжего деда. Мол, я таким же рыжиком выглядел в младенчестве. А опровергнуть его слова в Урском никто не мог, не осталось тому живых свидетелей, а потому эти слова надо было брать на веру...

...И сколько же лет прошло с тех пор, когда он, Мишка Кузнецов, а по уличному – Кузя, бегал с соседскими пацанами в Гурьевске вокруг покосившегося деревянного заводского забора, норовя увидеть, что же это за зверь там такой страшный сопит, гремит и пускает в небо разноцветные дымы? И действительно, был он этаким рыжиком, отчего, видно, его приятели и добавляли к фамильному прозвищу существенную добавку – Рыжий Кузя. Сильно обижался он тогда на пацанов за это прозвище, жаловался родителям, плакал, но получил от отца суровую отповедь: «Сам виноват! Дразнят – значит, ты их боишься, а они тебя – нет. Будь по-другому, разве кто посмел бы тебя обзывать? А потому не жалуйся!»... И уже тогда, когда ему исполнилось лет пять-шесть, понял Мишка мальчишеским умом, как отстоять свою честь. Одного поколотил, второго... Третий сам ему хорошо надавал, но когда снова назвал его «рыжим», Мишка Кузнецов опять бросился на него с кулаками, хотя знал, что и в этот раз ему попадет... Так и случилось. Потом сталкивались еще пару раз, пока этот дылда, старший его на три года, не понял, что не хочет маленький, но гордый Кузя быть рыжим, и отступился от него. С тех пор никто его больше не дразнил рыжим, а вскоре и сам повод для дразнилок исчез, поскольку годам к десяти его волосы потемнели и лишь отдаленно напоминали о его рыжем прошлом.

Невольно взгрустнул Михаил Андреевич, вспомнив свое детство. Сколько же прошло с тех пор – шестьдесят лет – страшно подумать! Считай, вся жизнь позади, и теперь ему только вспоминать свое детство и юность, глядя на внуков...

...А годы берут свое, это Гордей понял, когда вернулся с войны: он поразился, как изменились его родители. Куда девалась былая прыть отца? Теперь он ходил не торопко, опираясь на суковатый березовый батожок, часто останавливался, справляясь с одышкой и держась за грудь. Что тому виной? То ли потери, что преследовали его в последние годы: смерть друга, болезнь дочери и ее уход из мирской жизни, ложное известие о гибели сына, а может, спустя много лет после Русско-турецкой войны раненое легкое догнало его на старости лет астмой. Как мог Кирилл Иванович поддерживать друга советами да лекарствами, хотя, не пускаясь в заумные рассуждения, каждый про себя понимал, что старость еще никому не удалось обмануть, и потому были го-

товы достойно принять любой приговор судьбы...

Известие о гибели Гордея сильно подкосило не только его, но и Матрену Кузнецову. Энергичная, никогда не унывающая женщина, она как-то сразу сникла и словно застыла в своем горе. Любившая поговорить, чем не раз донимала своего мужа, она вдруг стала молчаливой, и даже на вопросы, обращенные к ней, зачастую не откликалась, будто и не слышала их. И без того худенькая, она еще больше похудела, словно усохла в короткий срок, и тоже часто держалась за грудь. Вся домашняя работа теперь лежала на Алене. О том, чтобы ехать на покос или даже дойти до магазина, не могло быть и речи. Зато стала чаще молиться. Утром, до рассвета, когда все домашние еще спали, она уже клала поклоны Николаю Угоднику, бесшумно шевеля бесцветными губами, и вечером, когда все домочадцы отходили ко сну, она молилась, стоя на коленях перед образами. «За упокой души нашего Гордея молится старая...», – думал Михаил, с горечью наблюдая за женой, но как же он изумился, когда нечаянно услышал сорвавшиеся с ее иссохших губ полные отчаяния слова: «...Спаси и сохрани его, Господи, и укажи ему обратную дорогу в отчий дом...» Испуганный не на шутку, что его Матрена умом тронулась, Михаил провел с ней серьезную беседу и даже доктора Иванова привлек к этому делу. Угрюмо молчала старая женщина, слушая увещания мужчин, но и после молитвы меньше не стала, только теперь ни слова не срывалось с ее губ. «Крепись, Михал Андреевич, – пытался поддержать своего друга Иванов, – она за жизнь Гордея молится, а свою отдает... Так ее надолго не хватит, и спасти ее может теперь только чудо...»

И такое чудо свершилось – Гордей вернулся! И ожила старая Матрена, вновь зазвучал ее быстрый говорок в стенах родного дома, а в глазах нет-нет да появлялись веселые искорки. Ее жизнь обрела новый смысл...

...А жизнь между тем шла, как иноходец: сбьется с шага на встретившемся ухабе, на миг приостановит свой бег, но затем встрепенется и дальше ровно держит свой путь. Казалось, незаметно, а выросли дети у Гордея и Алены. Маша совсем заневестилась, а статью и лицом больше на бабушку, Стефанию Бориславну, стала похожа. Только седого локона не хватало. «Еще успеется, – с грустью думала Алена, глядя на дочь, –

у бабушки да у меня этот локон появился от горьких дум и переживаний... А может, даст Бог, и минует тебя сия горькая чаша, и все будет в твоей жизни светло да ладно?» И потом она долго молилась молча перед образами.

Не забыла свои слова Аграфена Ивановна Иванова, пообещавшая когда-то обучить Машу Кузнецову грамоте и светским манерам. Засомневался было Гордей, надо ли крестьянской девице эти науки, но жена и Аграфена Иванова быстро убедили его в обратном, а тут еще Кирилл Иванович поддержал женщин:

— Новый век наступил, Гордей Михайлович, много чего несет он с собой, и может так статься, что мало будет того, чтобы женщина только умела щи варить да корову доить. Грамота — она всегда в жизни пригодится...

Уж так повелось, что несколько раз в году Кирилл Иванович выезжал на два-три дня в Томск. По делам ли медицинским или просто окупиться в разноликую жизнь губернского города да навестить старых товарищей- социалистов, как знать, но всегда возвращался оживленный, переполненный какой-то энергией, и всегда с кучей новых газет и журналов. Иногда в поездку он брал с собой супругу, и они ходили в театр и цирк, а в Урском щедро делились впечатлениями с земляками, и прежде всего с Кузнецовыми. После одной из таких поездок Кирилл Иванович привез в село небольшой, но довольно тяжелый футляр, где находилась печатная машинка с чужим для русского уха названием «Ундервудъ». Прознав о диковинном приобретении Иванова, Афоня Гвоздев не преминул проинформировать о странной покупке волостного урядника Ивана Кобозева, на что последний немедленно откликнулся своим визитом. Внимательно ознакомившись с машинкой, убедившись, что Аграфена Ивановна уже хорошо освоила ее и даже показала образец своих трудов, напечатав на чистом белом листе гимн Российской империи «Боже, царя храни...», недовольно хмыкнув, урядник сказал с плохо скрытой угрозой в голосе:

— Но ведь точно так же на этой, с вашего соизволения сказать, машинке можно печатать и прокламации, не так ли, Кирилл Иванович?

— Ну что вы, ваше благородие, — поспешил разуверить полицейского доктор, — годы у меня не те, да и для кого их печатать, коли в селе почти все мужики да бабы неграмотные и даже расписаться за себя не могут. Примите мои уверения, что ничего противозаконного из этого

аппарата не выйдет! Задумал я тут записки свои писать, как Вересаев, читали, небось? А также рецепты народной медицины, описание курьезных случаев из врачебной практики, да вот и Аграфена Ивановна хочет попробовать себя на литературной ниве. Любковые истории, женские советы... Чем бы женщина не тешилась... Чем-то надо занимать себя, как говорится, «вдали от шума городского...»

Надолго задумался Кобозев, не спуская с доктора серых неулыбчивых глаз, словно бы проверяя правдивость его слов, но потом спросил:

— Вересаев-то не из социалистов ли будет?

— Да что вы, ваше благородие, — принялся успокаивать полицейского Иванов, — доктор он, а потом в писательство пошел, так вот и я, глядя на него, решил попробовать... Ничего предосудительного, смею заверить...

— Ну, будь по-вашему, Кирилл Иванович, и порукой тому ваше честное слово, а что касаясь вас, Аграфена Ивановна, то я с нетерпением буду ждать ваших сочинений, и даже не столько я, сколько моя супруга... Она, видите ли, в прошлом институтка и тоже тяготеет к сочинительству... Будьте здоровы!

И только много позднее Иванов признался Михаилу Кузнецову во время одного из застолий, что сия машинка ему досталась после смерти его товарища, в прошлом народника. И уже на ухо ему сообщил, что в 1905 году в Томске революционеры на этой машинке действительно печатали листовки и расклеивали на улицах города, пока им не удалось достать типографское оборудование.

...Много женских секретов приоткрыла Аграфена Иванова юной и непосредственной Маше Кузнецовой. Как быть красивой, как накрывать стол, когда ждешь важных гостей, как вести светскую беседу. Тут пошли в дело и факты из ее личной жизни, такой озорной и не всегда праведной; и советы, что она черпала из газет и модных журналов; и сентенции, найденные ею в любовных романах, коими Кирилл Иванович исправно снабжал свою супругу, раз за разом привозя из Томска едва увидевшие свет новые книги. Но самым интересным занятием для Маши Кузнецовой в доме Ивановых стало обучение работе на печатной машинке, и уже через месяц-другой она легко управлялась с ее перламутровыми черными кнопками, приводя в изумление свою учительницу и ее мужа. Внес свою лепту в вос-

питание девушки и Кирилл Иванович, рассказывая о своих юношеских увлечениях идеями народников, о минувшей войне и революции, о том, как человек из предка, общего с обезьяной, превратился в человека. Последнее, надо сказать, повергло в ужас боголюбивую девушку, и потому Аграфена Ивановна запретила мужу говорить о теории Дарвина. Вопросы веры в российской глубинке XX века еще долго оставались незыблемыми.

...Федька, старший сын Кузнецовых, рос костистым, угловатым и мало улыбчивым парнем. Гордей хорошо помнил себя таким в его возрасте и потому твердо определил, что этот сын – его копия. До работы охоч, на коне лихо скачет без седла и узды, ухватясь за густую гриву молодого жеребца Ветерка, купленного Гордеем совсем недавно на одной из летних ярмарок в Брюханове. Освоив плуг, он стал отцу первым помощником в главном для хлебопашца деле. Не только Гордей, но дед Михаил радовался, глядя на старшего внука, а когда тому едва минуло десять лет, повел его с собой в кузницу Платона Каткова, также перенявшего у своего отца Сазона Каткова все кузнечное дело на селе. Несколько дней кряду советами да наказами приобщал дед внука к делу кузнечному, а Платон учил, как горн раздувать, как клещами из него раскаленное добела железо тягать, а главное, как работать на наковальне молотом и легким молотком. И результаты уже налицо, а все же отметил для себя дед Михаил, что нет у внука в глазах того огонька, что он замечал, когда тот возился с лошады.

– Похоже, не будет больше в кузнецовском роду настоящих ковалей, выродились! Казачья кровь дает себя знать...

– Да и рано еще, наверное, мальчонку к горну приставлять, дядя Миша, – осторожно заметил Платон, – ему сейчас озоровать больше хочется или на коне покататься...

На то, что Никита, младший внук и сын, подхватит родовое ремесло, ни дед, ни отец даже не надеялись – уж слишком не похожим он рос на своего старшего брата. Рано научившись читать с помощью своей сестры, Никитка при первой возможности вынимал из кармана небольшую замусоленную книжку, какие иногда приносила от Ивановых Маша, или обрывок уездной или губернской газеты и принимался

медленно, шевеля губами, читать далеко не всегда понятный ему текст. Когда Никите пошел десятый год, особенно ему нравилось, когда в газете речь шла об убийцах и растратчиках. «...Марта 7 дня 1915 года конторщик акционерного общества «Михеев и К°» Петуховъ В. П. был уличен в казнокрадстве. Дознавательство, проведенное полицией по иску руководства общества и ревизорской службы, доказало, что сей лихоимец промотал 1 347 рублей казенных денег. До судебного слушания казнокрад будет содержаться в городском остроге». Никита мысленно представлял себя то на месте обманутого хозяина, то на месте сурового ревизора, а то и вовсе отправлялся в острог вслед за промотавшимся жуликом. Гордей ворчал, когда заставлял Никиту с книжкой или газетой в руках:

– И что тебя тянет к этим бумажкам?..

Как бы то ни было, но за все это время Гордей никак не выказывал особого отношения к своим родным детям и никогда ни в чем не ущемлял младшего, Никиту. Также ни разу не обронил он ни одного упрека ни в адрес родителей, ни в адрес своей жены. Простив однажды, он уже никогда не возвращался к этому вопросу. Он мужчина и как мужчина умел держать свое слово. На четвертом десятке он уже четко понимал, что самым главным в жизни есть и должно оставаться чувство доверия, без которого не может строиться ни одна нормальная семья, без которого в ней не будет ни тепла, ни уюта.

Дед же Михаил совсем не удивлялся занятиям младшего внука. За те полгода, что Федор жил с Аленой в его доме, редкий вечер он не сидел с газетой поближе к лампе и не читал ее от первого до последнего листа, после чего пересказывал им содержание прочитанного. Иногда он спорил по каким-то вопросам с Кириллом Ивановичем, и когда в споре верх оставался за ним, Михаил гордился своим сыном: сам я темный, а Федору, похоже, и университетская грамота не указ!..

...Многое поменялось и в жизни Ивана Кочергина. В свои тридцать три года больной и изувеченный вернулся он с войны, не найдя ни жены своей, ни дома родительского (оставалась в Подкопленной избушка после их смерти, но пока сын с японцем воевал, спалил ее кто-то по пьяному делу), а благодетель его, Михаил Харламов, преставился, и получилось так, что некуда

ему деться. Кому нужен калека однорукий?! Ведь он и за плугом-то идти не сможет, да и на заводе от него никакого толку: везде руки нужны, сильные да умелые. Чего он только не передумал за ту неделю, что лежал в кузнецовской усадьбе после возвращения из плена. Радовался за Гордея и Тимоху Скопцова, которых дождались их родные, приняли и согрели домашним теплом и любовью. А сам уже готов был руки наложить на себя и глазами невольно искал тот надежный крюк, к которому можно бы крепить свою удавку, но тут Евдокия Соловьева пришла за ним... Услышал ее слова и заплакал навзрыд, словно ребенок малый. Долго они тогда сидели и обсуждали свое будущее житье-бытье. И хоть не говорили слов громких да красивых, потому как неведомы они были им, но те слова потаенные, что нашли тогда они друг для друга, видно, шли из самой души, и потому решили они жить вместе...

Не закончился еще медовый месяц у Ивана и Евдокии, как из Томска на имя Кочергина пришло письмо Федора Харламова, где последний пытался замирился со своим бывшим дружкой. «...Ваня, памятуя о нашей прежней дружбе и той милости, которой мой батюшка оделял тебя и твоих родителей, считаю, что нам надо решить все наши вопросы и замирился навеки вечные... Дела торговые требуют моего постоянно-го присутствия в Томске, а потому завсегда в Урском я быть не могу. Хочу просить тебя согласиться работать управляющим моего магазина... Быть ли Спиридону с женой в магазине или нет — решай сам. Все прочие вопросы обсудим при встрече. Если согласен — дай знать Афоне Гвоздеву. У меня будет к тебе только одно условие: никогда и нигде ты и твои дружки не будете поминать мне мои прошлые дела и ошибки, а также откажетесь от мести в любой форме. К сему Федор Харламов, г. Томск, июнь 14 числа 1906 года».

С 1 июля Иван Кочергин принял под свое начало магазин Федора Харламова. Спиридона с женой он оставил на прежнем месте, но строго предупредил, что воровать хозяйское добро и обижать своих земляков он не позволит. Притих Спиридон Ксенофонтыч, даже с лица сменился, похудел как-то, осунулся, а в голосе исчезли надменные нотки. Зато жена его Евфросинья все чаще покрикивала на него, словно вымещая всю свою досаду и желчь за неосуществленные мечты.

Евдокия же Соловьева ни за что не захотела идти в услужение к Харламову, заявив, что у нее на руках хозяйство, а для Харламова хватит и одного Ивана. Поразмыслив над этим, Иван согласился с Дуней, а жители Урского совсем по-новому взглянули на свою землячку. Как-то стали забываться ее прежние проказы и замужества, а за «характер и твердость» стали уважать как мужики, так и женщины. Осенью того же года Иван и Евдокия обвенчались. Но самое большое чудо случилось уже в следующем, 1907 году, когда Евдокия родила Ивану сына. Принимавший роды Иванов стал ему крестным отцом. А имя ему дали Иван. Как оказалось, так называли всех мальчиков в роду Кочергиных...

Неровно, чередуя радости и беды, складывалась послевоенная жизнь у Тимофея и Зинаиды Скопцовых. Дождалась она мужа из японского плена, а уже через положенное время родила дочку Елену. Поняв, что с внучкой дед Иван, поносил ее на руках, дождался, когда побежала она своими ножками и зазвенела голосом-колокольчиком, веселя всех домочадцев. Казалось бы, жить да радоваться счастливому деду, а тут и жизни его настал конец. Совсем иссох Иван Скопцов, согнулся весь и в последние дни совсем ничего не ел. Кирилл Иванович определил его болезнь — рак желудка.

— Доктор — не Господь Бог и смерть человеческую отменить не может, — так грустно сказал Иванов, когда хоронили Ивана Скопцова на сельском погосте. А прощаться с ним пришли всего три-четыре семьи, что жили по соседству. В новом веке и жить, и хоронить-то стали по-новому. Скупно лили слезы по усопшим, не спешили взять хоть толику горя на себя, оставляя его в полной мере близким и родственникам покойного. Даже на похоронах Михаила Харламова, уж насколько уважаем он был в Урском, а меньше половины села пришло проститься с ним.

...Росло село в основном за счет Расейского угла, а там все больше люди пришлые да приезжие из дальних краев. Ехали из старых мест семьями, всей родней, а то и всей улицей. На новом месте старались поддерживать свой прежний уклад, а с коренными урскими жителями не торопились завязывать дружбу. Да и как знать, может, на дальней стороне, в Белой и Малой Руси, не принято провожать в последний путь всем селом. Что ж, везде свои традиции, свои обычаи...

— Вот, Ваня, и ты нас оставил, — грустно проговорил Михаил Кузнецов, сидя у гроба товарища, — а ведь ты помлаже меня будешь на несколько годков... Поторопился малость, ну, да и мы скоро за тобой... Пора и меру знать. Не век же вековать да кукушкой куковать!..

А рядом с Кузнецовыми, Михаилом и Матреной, на лавке у гроба деда сидел Семка Скопцов, внук Ивана и крестник Гордея Кузнецова. Худой и длинный отрок, которому шел четырнадцатый год.

«В деда пошел, — думал Михаил Кузнецов, глядя на парня, — в деда Ивана, царствие ему небесное... Такой же длинный, широкий в кости и уже сутулится, хотя ему всего ничего...»

А Семка меж тем одним глазом глядел на лежащего в гробу деда, а другой косил в сторону Маши Кузнецовой, сидевшей рядом со своим дедом. Ровесница Семена, Маша смотрелась старше его и была суцей красавицей. Черные густые волосы, заплетенные в косу, длинные пушистые ресницы и алые, чуть припухлые губы делали ее похожей на мать, но еще больше на бабушку Стефанию. Уже давно Семка ходил за ней, как ручная собачонка, пытаясь оказывать ей знаки внимания, но неизменно вызывал у нее только раздражение и насмешку. И даже на похоронах он не спускал с нее глаз, пока она не отозвала его в сторону и не учинила ему спрос:

— Что ты, Семка, глаза на меня пялишь, будто я картинка какая? У тебя дед помер, а ты мне глазки строишь? Не оставишь в покое — просмею на все село!

— Машенька, больно глянешься ты мне, — чуть не плача лепетал паренек, — что же плохого в том?

— Тоже мне, жених нашелся! Сопли еще не высохли, а туда же! — с издевкой в голосе проговорила Маша и уже совсем строго добавила: — Перестань ходить за мной хвостиком, а не то хуже будет!..

И хотя Семке хуже уже было некуда, а все же от Маши поотстал и теперь лишь издали бросал на нее томные взгляды.

Не остались незамеченными отношения молодого поколения и для их родителей, и на одной из праздничных гулянок, которые они по обыкновению проводили вместе, шутили меж собой Гордей и Тимофей:

— А что, подрастут Семка с Маней — поже ним их?!

Смеялись родители, краснел Семен, а Маша, дернув плечиком, убежала прочь: больно надо! Жених выискался!..

Ненамного пережила своего кума, Ивана Скопцова, Матрена Кузнецова. Болезнь, однажды нашедшая дорогу к своей жертве, через несколько лет вновь вернулась, и накануне Вербного воскресенья 1911 года она тихо скончалась во сне. Вечная труженица, добрая душа, не отказавшая никому, кто бы ни обращался к ней за помощью, сама даже ни разу не пожаловалась на свои болячки, что ее донимали все последнее время. И только Кирилл Иванович, осмотрев покойную, отписал в волостное управление, что смерть наступила от разрыва сердца.

Тяжела ты, доля крестьянская, тут не только спина, руки да ноги гудят от усталости. И голова болит, и сердце ноет от дум и переживаний, коими полон каждый день сельского жителя. Отголосили по Матрене Никифоровне ее подружки-соседки, а поп, которого Гордей привез из Салаира, справил панихидную службу по всем церковным канонам, и упокоилась она на сельском погосте рядом с могилами свекра и свекрови на самом берегу Ура. Во время ее похорон шепнул Михаил на ухо своему сыну, указав на место рядом со свежей могилой: «Меня вот тут положишь, Гордей, рядом с матерью. И ей лучше, и мне покойнее...»

А по прошествии года Михаил Кузнецов задумал поставить железный крест на могиле жены и загодя стал собираться к походу в кузницу. Отыскал свою старую куртку, рукавицы и кожаный фартук, которые всегда надевал, когда помогал Сазону Каткову в весеннюю кампанию, и целый вечер сидел за столом над листком бумаги, что-то вычерчивая на ней химическим карандашом. Гордей не раз пытался отговорить отца от этой рискованной затеи: последнее время он сильно страдал от одышки, и такой поход в утлую хибарку кузнеца, насквозь провонявшую дымом и всеми ароматами ада, могла закончиться для него печально, но поняв, что отец не отступится от своего решения, отправил с ним своего старшего сына Федьку — внук за дедом досмотрит, коли что, так решил Гордей. Прознав про то, что старый Кузнецов собирается в кузницу, туда приковылял и Сазон Катков, давно передавший свое дело сыну Платону и потому теперь редко заглядывавший

сюда. Обнялись Михаил с Сазоном, потому как виделись теперь нечасто, и после этого Михаил смело взялся за молот...

— Э-э, нет, Сазон Прохорович, чтой-то горяча у тебя кузня нонче, — тяжело отдуваясь, проговорил Михаил, — всего-то махнул молотом десяток-другой раз, а уж мочи нету...

— Нет, Михал Андреевич, не кузня тут виною, а годы твои. Тебе ведь нонче уже шестьдесят с половиной будет, как ни больше?

— Больше, Сазон, больше...

— Ну, так и сиди со своим схем-планом, а мой Платоша тебе очень даже замечательный крест откует...

— Да мне-то еще вроде как рано, Сазон...

— Господи святы, прости мой язык дурной! — Сазон трижды перекрестился на дальний темный угол кузницы. — Крест-то мы твоей Матрене Никифоровне справим самый что ни на есть замечательный, а главное, ни гроша с тебя не возьмем, Миша, так и знай!..

— Ну, тогда, значит, не зря я захватил с собой свою коробицу. Тут нам и выпить, и перекусить будет что, а заодно мою Матренушку помянем...

...Лишь на третий день поставили Михаил, Гордей да Федька с Никиткой ажурный черный крест на могилу жены, матери и бабушки, да не в самые ноги покойницы, а чуть так сбоку. Сыну же Кузнецов-старший напомнил:

— Меня ты вот тут положишь, рядышком, значит, и тогда крест в аккурат будет промеж нас, один на двоих, а уж таблички наклеишь каждому свою. Что ни говори, а прожили мы с моей Матреной славно, тут Бога нечего гневить...

Урюмо молчал Гордей, слушая невеселые слова отца, словно тот уже сейчас готовился в могилу лечь, а Федька вовсе разревелся и, обняв деда за пояс, запричитал:

— Ой, дедушка, не умирай!..

Вслед за ним заплакал Никитка, и тогда Гордей пристыдил отца:

— Дитев-то зачем пугать, тятя? Тебе еще их женить надобно, а потом уж собираться туда...

— А и то верно, сынок, — повинился Михаил, — за своим горем чужое не заметил!

И он принялся успокаивать зареванных внуков, а когда они успокоились, негромко проговорил в сторону Гордея:

— Этих-то сорванцов ты женишь без меня, а вот Машеньку, даст Бог, я увижу в невестах! Сколько ей нонче будет, никак четырнадцать?

— Да уж пятнадцатый пошел, батя, она же у нас мартовская...

...А когда Маше минул восемнадцатый год, обронил как-то дед Михаил ненароком, глядя на внуку:

— Эх, такую бы красоту да в Санкт-Питербурх свезти, чтобы какой-нибудь граф али барон замуж ее взял да во дворец бы свой привел!.. А что у нас здесь, в селе, за Семку-охломона что ли выдавать, а других женихов-то нет. Федька Харламов до сих пор не женат, да и избави боже от такой родни! Федосеевы себе родню в Томске искать будут, как пить дать. Бронские, конечно, справные хозяева, да они как-то особняком живут... Что скажешь, Гордя?

— Да уж думал, батя, — откликнулся Гордей, — где там Питер, коль и в Томск-то не знаешь, какой дорогой ехать...

— Да, а девка-то как по заказу, — продолжал нахваливать внуку дед, — и красавица, и грамоте разумеет, и на этой... железяке стучит, как заяц на барабане, эх!..

— А может, нам в Кузнецк ее свозить, к родове своей дальней, а батя?

— Ага, Федька ездил когда еще — не признала нас родова купеческая, а ведь тогда только-только Антон-то помер, дядька мой, стало быть твой дед, а теперь уже двадцать лет прошло... Поди, и Сашка уже преставился, брательник мой троюродный... Он ведь совсем чуток млаже меня был... Да ведь я его и видел то всего один раз, когда моего отца и твоего деда Андрея хоронили... Какая это родня — седьмая вода на киселе!..

— А что, правда, батя, что они иудейской веры ноне держатся?

— Да кто ж их знает... Но посередь русских Соломоновы не водятся! Сдается мне, что не суть важно, кто ты: русский, татарин или иудей, у кого мощна толще, тот и родней! Федьку поставили в грузчики да вышибалы, а Манюню нашу куда? В кухарки? Нет уж, Гордя, у нас тоже гордость своя имеется!..

— А что, батя, может, на завод ее пристроить?

— Что-о?! — взревел Кузнецов-старший. — Камни перебирать или поломойкой? Да я поперец двери лягу, а не пушу нашу ягодку! Удумал чего!..

Видя, как взвился отец, Гордей поспешил объясниться:

— Зачем в поломойки?! Грамотные люди сейчас везде нужны, да еще когда это... — и он бы-

стро поиграл пальцами перед собой, словно повторяя движения дочери, когда она садилась за печатную машинку у Ивановых.

— Слышал я, что завод-то совсем прикрыли за ненужностью, али врет молва?

— Хотели, да расхотели. Кирилл Иванович сказывал, что в газете писали, да и сам я видел в Гурьевске-то... Какие-то господа из Томска и даже из самого Санкт-Петербурга наезжали туда, новую домну будто собираются ставить... И хозяин будто новый у завода, а называется он... Копикуз, так, кажется, говорил Кирилл Иванович...

— Копи... как?

— Копикуз.

— Хм, что же это, копить что ли будем богатства наши кузнецкие?..

— Да кто ж его знает... — неуверенно проговорил Гордей. — А может, тут Кольчугинские копи примешались с какого-то бока? Или Кузнецкие копи? На днях съезжу в Гурьевск да все разузнаю получше, а там и думаю думать будем...

Настороженно, даже с какой-то опаской ехал Гордей на Гурьевский завод. Помнил, как двадцать лет назад вез сюда его, еще безусого юнца, отец. Вспомнились чувства, что переполняли его тогда. Любопытство и интерес, которые всегда сопутствуют делу новому и неизведанному, как-то быстро тогда выветрились у него на ухабах Крестьянского тракта. И потому, едва завиднелись вдали грязные заводские трубы и пахло на него, привыкшего к крестьянскому раздолью, аромату полей и лугов, тяжелой гарью, как он во все упал духом. Вспомнился тот давний разговор с отцом около поселковой церквушки и, словно вторя давно ушедшему, остановил свой ходок напротив Троицкой церкви и оглянулся на дочь. Молча она сошла на землю и троекратно перекрестилась, глядя на подернутые сажей кресты, после чего вернулась на место. Гордей удовлетворенно хмыкнул, оглядел двух старушек, неустанно клавших поклоны храму, после чего снял картуз и тоже перекрестился. Можно было ехать дальше, но Гордею вдруг показалось, что неправильно, если он сейчас, как когда-то ему отец, не скажет какого-то напутственного слова своей дочери. Как-никак, а Маняшка входит во взрослую жизнь, а тут, как нигде, нужно родительское слово, напутствие, благословение. Неторопливо он принялся кру-

тить сигарку, одновременно поглядывая по сторонам.

— Ты смотри! А ведь до сих пор стоит!..

— Кто стоит, тятя? — удивленно спросила дочь.

— Да вон, видишь, дом, черепицей покрытый, а рядом сосна сухая?

— Вижу...

— А то, что на этом месте раньше дом стоял, где твой прадед жил, Андрей Кузнецов, да дед Михаил... Вот когда отец меня отвозил на завод двадцать лет назад, вот так же в аккурат здесь остановился и рассказал, где они жили, как работали на заводе... Раньше-то тяжело приходилось: все вручную, да и сами-то, почитай, кандалники. Это уж потом им разрешили уехать с завода... А дом-от раньше был под тесом, а нынче, смотри, черепицей покрыли. А сосна так и стоит!..

Дочь слушала его молча и казалась удрученной грядущими переменами в своей жизни.

— Вот, значит, доча, большенькая ты теперь... невеста совсем... Небось, страшно будет без мамки да тятки, а?

— Да нет... — как-то неуверенно пожала плечами Мария. — Здесь тоже люди живут и Богу молятся...

— Так-то оно так, а все же...

— Тятя, ведь ты говорил, что ежели не будет чистой работы, то я вернусь домой?

— Да, да, а как же!.. — Ни на мгновение он даже представить не мог, чтобы его Машенька работала на переборке руды и угля или полойкой в цехах. Из своей юности в памяти он вынес согбенные фигурки женщин, сидевших наряду с подростками и стариками под дырявым навесом и выбиравших из породы куски руды и каменного угля. Зимой сквозь щелястые стенки сарая к ним задувал холодный ветер, а залетевший снег долго не таял. Летом же духота и зной нередко доводили переборщиков руды до обмороков. Нет, никогда он не оставит свою красавицу на растерзание этому грязному чуду-заводу!..

— Не волнуйся, доча, я тебя здесь не оставлю на произвол... Кирилла Иванович, светлая голова, прочитал в газетках, что завод поднимается, железо льют как прежде, грамотных людей скликают в Гурьевск, из Томска и из Питера важные господа приехали, так что спытать надо судьбу-то... Может, учиться куда пойдешь... Счетоводом, например, разве плохо? Сейчас везде нужны грамотные люди, чтобы писать да считать

умели... А комнатку мы тебе уже сыскали, хозяйка — бабушка добрая, аккуратная...

...Всего несколько минут понадобилось Гордею и Маше, чтобы добраться до заводской конторы. Много лет не бывавший здесь Гордей поначалу и не узнал ту площадку, что предваряла знакомство с заводом. Сама площадь была расширена и выложена камнем, но по краям ее так же стояли столбы коновязи. О бывшем базарчике теперь ничего не напоминало: ни покосившихся скамеек и столов, ни ветхих старушек. На его месте теперь возвышался красивый двухэтажный особняк из красного кирпича с ажурной кладкой, крытый листовым железом. Над центральным входом его висела вывеска, удостоверявшая всякого прохожего и проезжего, что сие здание принадлежит купцу Ермолаеву и К°. От его крыльца к новому деревянному мостику и до самого входа в заводскую контору ровным строем расположились газовые фонари, какие Гордею ранее приходилось видеть только в Томске да Красноярске.

— Ну, слава тебе, Господи, и до нас, до сирых, дошли городские лампочки! Смотри, Маня, таких фонарей раньше тут не было...

Девушка молча кивнула и без всякого интереса продолжала осматривать заводские строения. Гордей между тем энергично оглядывался по сторонам, словно кого-то отыскивал.

— Ты что, тятя, потерял кого?

— Да вроде того... Смешной мужичонка нас тогда встретил с твоим дедом на этом месте. Дворник, а больше — пьяница, и все деньги требовал со всех, кто останавливался тут... Нету, помер, наверное, уже... Пил больно много...

Уже много позднее Гордей узнал от всеведущих гурьевских возниц, что беспросветный пьяница и метельщик Кузьма Бочкин вскоре после начала строительства купцом Ермолаевым своего особняка на площадке перед заводом потерял свою нехитрую работу, запил с горя и замерз в одну из суровых зимних ночей под забором неподалеку от кабака, где они когда-то с Федором вели трудный разговор об Алене...

— А вот на месте этого купеческого дома Федька Окаянный хотел себе дом построить, да, видно, прохлопал ушами! Оно и понятно, ведь все больше в Томске теперь ошивается... Нет, Михал Ефимыч своего бы не упустил!.. Тут ведь раньше столб даже стоял Федькин — «Продано». Так ему и надо, живоглоту проклятому!..

— Что ты, тятенька, ругаешься, и так на душе холодно...

Значительные изменения нашел Гордей и во внутреннем помещении заводской конторы. Коридоры ее были чисто убраны, под потолком горели электрические лампочки, о каких в их селе еще и слухом не слыхивали. В комнате, где раньше сидели писчики, теперь за столами находились две молодые женщины в строгих темных юбках и белых кофточках; на окнах висели неброские светлые занавески, а на столе, что притулился в самом углу комнаты, среди груды бумаг, стояла печатная машинка, напоминавшая ту, что у доктора Иванова. Маша долго и со вниманием разглядывала ее, и одна из женщин заметила этот интерес, а когда Гордей попросил провести их к начальнику паспортного стола, она зашла вместе с ними.

Начальник стола, мужчина средних лет с редкой шевелюрой и густыми пушистыми серыми бакенбардами, равнодушно выслушал сбивчивый рассказ Гордея Кузнецова и, не задав ни единого вопроса, сообщил, что женщине он может предложить работу только на переборке руды и угля или место уборщицы в одном из цехов механической фабрики.

— ...А может, это... счетоводом возьмете? — неуверенно спросил Гордей. — Подучили бы ее малость, и с Богом!..

— Увы, папаша, — бесцветным голосом ответил столоначальник, — иных вакансий для женщин не имеется...

— Кого не имеется? — переспросил Гордей.

— Свободных мест...

— А-а... — и Гордей потянулся за корзиной, что оставил на полу у входа в кабинет. Он помнил рассказ отца о том, каким сговорчивым стал толстый и лысый столоначальник, когда тот ему предложил скромные крестьянские дары. Стараясь не смотреть на пыхнувшую от стыда дочь, он неуверенно подошел к чиновнику и протянул корзину:

— Вот... значит... гостинец наш деревенский... уж не откажите, любезный...

— Что вы, что вы! — мужчина энергично замахал руками и даже вышел из-за стола навстречу посетителям. — Да как же вам не стыдно-то, папаша?!

— А что? — с досадой в голосе проговорил Гордей. Его огорчил не столько сам отказ чиновника принять подношение, а то, что он, его ро-

весник, назвал при дочери «папашей». — Я это не украл... это все свое, домашнее...

— Да я не о том... вы извините меня... — теперь уже невозмутимый чиновник покраснел и чувствовал себя неудобно. — Только вот не надо этого!..

В это время женщина, приведшая Гордея и Машу в кабинет начальника, подошла вплотную к тому и что-то зашептала на ухо. Мужчина с интересом взглянул на Машу и, справившись со своим смущением, спросил:

— Простите, сударыня, а насколько вы грамоте обучены?

— Пишу, читаю, считаю... — смущенно произнесла Маша. Краска, залившая ее лицо, сделала его еще более привлекательным, и теперь начальник стола смотрел на нее с плохо скрываемым восторгом.

— А еще?

— Шью, вяжу...

— Спасибо, но это здесь не пригодится... А вы видели в том кабинете железную машинку на столе? Знаете, что это такое?

— Точно так, знаю...

— И что?.. Умеете на ней работать?

— Точно так, умею.

— А как же вас зовут?

— Маша, — свое имя она назвала совсем неслышно.

— Как, как?

— Мария Гордеевна, — быстро исправилась девушка.

— Очень хорошо, Мария Гордеевна... А давайте пройдем к аппарату и попробуем... Лиза... Лизавета Петровна, дайте Марии Гордеевне несколько листов бумаги и надиктуйте какой-нибудь текст...

Через несколько минут в кабинете раздался веселый и уверенный треск печатной машинки.

— Прекрасно, сударыня, прекрасно!.. — начальник радостно кинулся к девушке и, взяв ее руку, бережно погладил. — Вы приняты, Мария Гордеевна! Нам нужна такая работница!.. Сейчас так много разных бумаг в конторе... Из Санкт-Петербурга, Томска, да и своих хватает... Где вы устроились? — он оглянулся на Гордея и с улыбкой, на редкость приятной, сказал: — А гостинцы свои оставьте для дочери-красавицы, ей они нужнее будут...

Гордей облегченно вздохнул: четвертое поколение Кузнецовых связало свою судьбу с Гурьевским заводом...

ГЛАВА 4

...Слухи о возрождении Гурьевского завода, о чем говорил Михаил Кузнецов, были не так далеки от истины. Транссибирская магистраль, по которой урские новобранцы уходили на войну, имела не только военно-стратегическое значение для государства российского, но и экономическое. К началу XX века железная дорога из центральной части России через Новониколаевск дотянулась до Топок, Тайги и Кольчугина, а смелые головы в правительстве уже готовили проекты прокладки магистрали на юг Томской губернии, в Кузнецкий уезд, где, по расчетам столичных ученых и сибирских рудознатцев, находились огромные залежи угля, железной руды и марганцевых руд. И такое соседство минералов открывало широкие горизонты для развития как угольной, так и металлургической промышленности. За право аренды кабинетских земель и разработки месторождений включились в борьбу как иностранные капиталисты, так и русские промышленники. Они были уверены, что Сибирь таит еще много богатств, и потому строили планы по расширению поиска залежей угля и руд, строительству новых копей и приисков. Это-то и оправдывало строительство железной дороги до Бачатских копей и Гурьевского завода, который, по задумкам предприимчивых промышленников, должен стать отправной точкой и своего рода трамплином для строительства сталелитейного завода, а также реанимации механической фабрики на Гурьевском заводе, которая могла бы в полном объеме удовлетворить потребности в машинах все сибирские золотые прииски, а также запросы крестьян. В 1912 году несколько французских и русских банков организовали Алтайско-Сибирский консорциум, дальнейшей целью которого стало создание акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей, навсегда оставшегося в истории как Копикуз. Именно Копикуз в 1913 году стал владельцем умирающего завода. Как ни сложно было его возрождать, начиная все работы с нуля, но завод ожил. Запустили новую доменную печь, продолжали давать продукцию две вагранки, механическая фабрика, котельная и кузнечная мастерская. Именно отсюда на Щегловский и Кольчугинский прииски стали поступать котлы, паровые машины, лебедки, вагонетки, рельсы, здесь ремонтировалось шахтовое оборудование.

А Копикуз между тем активизировал подготовку к строительству крупного металлургического завода на самом юге Кузнецкого уезда и руководить всеми работами по его проектированию и строительству пригласил самого именитого металлурга России Курако Михаила Константиновича.

Даже здесь, в маленьком сибирском поселке, упрятанном в сибирских дебрях и прокопченном заводскими дымами, знали имя этого металлурга. Знали, что многие российские и иностранные заводчики буквально охотятся за ним, желая видеть его в штатах своих предприятий, и что некоторые заводы, как-то: Брянский из Екатеринославля, Гданцевский из Кривого Рога, Мариупольский и некоторые другие, уже познали благотворное влияние таланта Великого Мастера.

Сведения же, которыми обладало руководство Копикуза о Курако, более полные... Черно-рабочий-каталь, горновой, мастер, начальник доменного цеха – и за всем этим стоял человек, не получивший высшего образования, но, благодаря своему таланту и самоотверженному труду, постигший вершины в металлургии. Именно он, работая на Мариупольском заводе, снискал славу лучшего доменщика. Причиной стало то обстоятельство, что он, вопреки ожиданиям руководства завода и американских специалистов, составлявших тогда большинство среди техперсонала предприятия, в течение трех суток сумел расплавить «козла» в горне доменной печи завода «Русский провиданс». За это он удостоился самых лестных отзывов от хозяев завода и был назначен на должность начальника доменного цеха одним из первых русских специалистов на заводах юга России, наводненного иностранцами. Тогда же он становится конструктором доменных печей, после чего на всех заводах стали появляться «куракинские» фурмы, желоба, холодильники и иные изобретения. Это время его триумфа...

Однако хозяевам Копикуза были также известны прореволюционные настроения и резкие высказывания Мастера против самодержавия, его участие в 1905 году в Совете и боевой дружине Краматорского завода. Наконец, не тайна и то обстоятельство, что он продал имение своего деда-генерала, а вырученные деньги передал на дело революции, за что и провёл несколько лет в вологодской ссылке. Но даже эти обстоятельства не изменили отношения руководства Копикуза как к самой идее строительства горно-

металлургического комплекса на юге Западной Сибири, так и к перспективе сотрудничества со знаменитым металлургом Курако.

Редкие войны обходили стороной Россию. Еще не велик был тот бугор, за которым осталась Русско-японская война, только-только отревели вдовы по своим убиенным сыновьям и мужьям и справили тризну отцы да братья, а в воздухе снова запахло войной. На сей раз беда пришла с Запада: Германия и Австро-Венгрия давно бросали недобрые взгляды на Россию, а в августе 1914 года и вовсе объявили ей войну...

Как ни далеко расположено Урское от Балкан и проблем, связанных с ними, однако и сюда докатилось эхо новой войны. И вновь, как десять лет назад, заголосили бабы, провожая своих мужей и сыновей на смертельно опасную забаву, придуманную политиками. И если на прошлую войну они шли, почти не зная, кто их враги и чем японские самураи не угодили русскому царю-батюшке, то в этот раз всяк в России, от мала до велика, знал, кто нагло идет на русскую землю и кому надобно дать укорот. Во многом патриотическому настрою новобранцев, отправлявшихся на войну, способствовали те проповеди, что провозглашались священниками повсеместно в православных храмах, те публикации, что занимали основные полосы во всех газетах и журналах, наконец, та разъяснительная работа, которая проводилась военными командирами на разных уровнях, и потому новобранцы, даже еще не добравшись до фронта, уже знали, какой будет цена их победы или поражения в этой войне.

...То, что революция явилась следствием неудач царского правительства в ходе войны 1914–1917 годов, никогда и никем не оспаривалось. Но не война стала причиной тех противоречий, которыми полнилась Россия начала XX века. Война лишь обнажила их и ускорила падение царского трона, служившего на протяжении почти трехсот лет символом мощи государства российского.

...Проигранные войны разрушают устои государства...

Весть о февральской революции и отречении Николая II от престола с быстротою молнии раз-

летелась по городам и весям империи, кого-то ввергая в ужас, а кому-то давая глоток свежего воздуха и надежды на светлое будущее. Брожение в умах и революционные настроения рабочих и солдат на протяжении относительно спокойного десятилетия после первой русской революции к началу 1917 года достигли своей критической массы. Недовольство экономической политикой царского правительства, затянувшаяся и явно проигранная война с Германией и Австро-Венгрией делали людское сознание благодатной почвой для революционной агитации партий всех мастей, будь то социал-демократы, кадеты, эсеры или анархисты. Даже крестьяне, к 1917 году составлявшие до 80 процентов от всего населения России, всегда считавшие своим главным заступником российского самодержца, и те, угрюмо молясь перед иконой, в душе проклинали царских министров и генералов, а то и самого царя, и все меньше надеялись хоть на какие-то на перемены к лучшему.

В Гурьевске о Февральской революции узнали неделю спустя после ее начала. Удосужился какой-то почтовый чиновник из Кольчугина сообщить эту страшную весть по телефону управляющему Гурьевским заводом, а дальше она сама себе торила дорогу, множась и пугая своей непредсказуемостью. Иная реакция была у заводских рабочих в Гурьевске. На площади перед центральной проходной завода состоялся многолюдный митинг рабочих завода, солдат местного гарнизона, а также крестьян из близлежащих сел. Красные знамена, революционные песни, зажигательные речи ораторов и какое-то неумное, безоглядное ликование митингующих, сопровождавшееся низвержением портретов государя-императора, говорило за то, что все творившееся на площади не есть случайный всплеск эмоций, а закономерный исход давно бурлившей глубинной протестной энергии, которая, получив наконец желанную свободу, грозила принести с собой тотальные разрушения. Без малого десять лет дремавшая мощь народных масс в мартовские дни 1917 года вспыхнула с новой, доселе невиданной силой, и никто: ни управляющий заводом с его административным штатом, ни местная полиция с солдатской командой — уже не смогли воспрепятствовать этому митингу и всем последующим событиям.

Рабочая дружина завода с помощью солдат местного гарнизона, по большей части перешед-

ших на сторону восставших, разоружила полицию и стражников арестантского дома, освободила всех заключенных. Созданный на заводе Совет старост под угрозой забастовки понудил управляющего заводом Топорнина считаться со своими решениями, а месяцем позже преобразованный в Совет рабочих депутатов добился отставки управляющего. Сменивший его на этой должности бывший царский полковник Короткевский также не устраивал рабочих завода, и тогда Совет при содействии вновь созданной профсоюзной организации практически отстранил бывшего полковника от управления заводом, передав бразды правления его помощнику, инженеру Григорию Казарновскому.

Возглавил революционное движение в Гурьевске большевик Болеслав Шатило, в 1905 году принимавший самое активное участие в революционных событиях в Санкт-Петербурге. Именно в эти напряженные дни центр управления властью из Брюханова перемещается в Гурьевск, где отныне принимаются все самые важные решения волости.

На первом съезде горнорабочих Западной Сибири, который состоялся в июле 1917 года, гурьевских металлургов и рабочих салаирского рудника представляли большевики Болеслав Шатило и Михаил Караваев. Из Томска Совет рабочих и солдатских депутатов направил в Гурьевск необходимые инструкции по созданию новых, революционных органов власти, а также крупную партию оружия. Летом 1917 года на заводе был создан отряд Красной гвардии.

С негодованием встретили сибиряки известие о расстреле Временным правительством июльской мирной демонстрации в Петрограде и направили телеграмму в адрес Правительства с выражением ему недоверия и требованием передачи политической власти в руки Советов.

Новым мощным импульсом в расширении революционной борьбы в Кузнецком уезде стало известие о свержении и аресте Временного правительства в Петрограде. Большая группа добровольцев влилась в отряд Красной гвардии Гурьевска, только теперь среди них наряду с рабочими завода и крестьянами окрестных сел были возвратившиеся с фронта солдаты, а штаб Красной гвардии расположился в бывшем особняке купца Ермолаева. Именно здесь в конце 1917 — начале 1918 года концентрировалась политическая жизнь Гурьевска и окрестных деревень. По настроениям, которые, казалось бы,

витами здесь в воздухе, новая война все более становилась реальностью. Похоже, расчет большевиков на превращение русско-германской войны в войну гражданскую достиг своей цели. Одни русские готовили оружие, чтобы им убивать других русских. И что может быть страшнее таких войн в истории любой страны?!

ГЛАВА 5

...В начале лета 1915 года вернулся с фронта домой Тимофей Скопцов. Живой, но изможденный, задыхающийся и харкающий кровью. Служил он отдельно от своих земляков, призванных вместе с ним осенью четырнадцатого. По причине своего возраста попал сначала в хозяйственную роту 55-й пехотной дивизии и отправлен в Польшу, где в мае 1915 года под Варшавой и накрыли немцы эту дивизию хлором, после чего каждый десятый русский солдат навсегда остался на польской земле. Видно, Тимофей оказался одиннадцатым в страшном строю и потому вернулся в родное село. Радовалась Зинаида на людях, что живой вернулся муж с войны, а сама в стороне от чужих глаз ревела, видя, как слаб ее Тимоша – даже по дому не всякое дело могла ему доверить. Благо, что Семен подрос и теперь брался за любую мужскую работу – хоть в этом радость.

Не успела нарадоваться Зинаида на своего сына, как осенью 1916 года вновь наехала из Кузнецка мобилизационная команда из десяти солдат с винтовками во главе с подпоручиком, который, собрав на площадке перед усадьбой Харламова всех жителей Урского, объявил, кому надлежит готовиться к отправке на фронт. Теперь в их число попали молодые парни, кому только перевалило за девятнадцать, и среди них Семен Скопцов. Но как же взорвались в праведном гневе урские крестьяне, когда узнали, что Илья Гвоздев, погодок Семена, не попал в этот список новобранцев. Гордей Кузнецов, Тимофей Скопцов, Иван Кочергин, Ермолай Лукин да с десятком баб обступили Афоню Гвоздева и молоденького подпоручика, что должен был везти эту команду в Тайгу, доказывали и требовали оставить Семку Скопцова дома, поскольку его отец уже пострадал на этой войне – «отравленным инвалидом» вернулся в село, а вместо него в команду включить сына старосты. Такой шум подняли селяне, что струхнул Афоня, а растерявшийся подпоручик приказал Илье Гвоздеву с вещами сесть на телегу и ехать с командой до

Тайги, где должна была решиться его судьба старшими военными чинами, ведающими мобилизацией. Так и уехал Гвоздев-младший под причитания матери, провожаемый потухшим взглядом вмиг размякшего отца.

Около полугода не было вестей от этих рекрутов. Кто-то уже свечки готовился ставить в церкви за упокой их душ, а они возьми да появиться в родном селе в мае 1917 года, живые и здоровые. До фронта так и не доехали: февральская революция, смена правительства в Петрограде, брожение в армии и массовое дезертирство. Эшелон с несостоявшимися вояками отправили в Петроград как будущий резерв для охраны Временного правительства и разместили в казармах для отозванных с фронта частей. Вчерашние фронтовики, еще на фронте «разагитированные» большевиками и эсерами, в считанные дни научили вчерашних крестьянских парней смотреть на мир глазами социалистов. И вскоре те ходили по Питеру с красными бантами на груди и распевали революционные песни, а потому этих горе-защитников Временного правительства в срочном порядке отправили из Петрограда по домам, от греха подальше. Но семена уже упали в благодатную почву, и урожая ждать пришлось недолго...

77

...Вовремя они вернулись домой, в аккурат к посевной. Погуляли демобилизованные, как положено, с неделю да взялись за работу. Удивлялись земляки, что вчерашние солдаты так мало и путано рассказывают о своей службе, и совсем странно, что не нашлось места в их рассказах главным нашим врагам – немцам. Будто и не было их, этих «германцев». Ну откуда было знать урским хлебопашцам, что их доблестным землякам всего-то и удалось пару раз пострелять из винтовок на учебном полигоне, а фронтовые окопы да вражьи солдаты им и вовсе не довелось увидеть. Договорились на обратном пути: Илья Гвоздев, Семка Скопцов да невестка откуда прибывший к ним Серафим Колесов, высокий скуластый мужик лет тридцати родом с Урала, не говорить землякам, что до фронта их не довезли, – засмеют! Так и порешили, как посоветовал Серафим: все разговоры о войне им запретили вести, поскольку это есть «дело государственной важности», и они выполняли «самое секретное дело на этой войне». Выполняли справно, и потому их отправили домой до срока. Бабы да детишки поверили таким словам, а мужики постарше, Гордей Кузнецов, Иван Кочергин

да Тимофей Скопцов, лишь хмыкнули на пьяные рассказы демобилизованных. Только дед Прошка, который, несмотря на донимавшую его хворь, притащился в харламовское бистро, где по традиции гулеванили урские, встречая своих героев, и бурно выразил свое неверие вчерашним солдатам.

— За угощение, Семка и Илюшка, конечно же, спасибочки, да только я, ранетый и покореженный на войне солдат, прямо скажу вам: не верю, что вы, два сопляка, могли какое-то геройство совершить! Сопли у вас еще не высохли, вон висят под носом!..

И, может, никто из селян не поверил бы пьяному трепу старика, да только после таких его слов оба вчерашних солдата, как по команде, мазнули рукавами под своими носами, словно подтверждая слова Прохора Китова — не высохли еще сопли-то... Вот смеху-то было! Обидчивый Илья Гвоздев вообще хотел деда прогнать с гулянки, да вступились за деревенского шутника старые мужики, и пришлось отступить Илье Гвоздеву.

Когда отвели посевную, свободного времени у крестьян стало больше, и если семейные мужики находили себе дело в своем хозяйстве, то Семен, Илья и Серафим, неожиданно прибывший к семейству Гвоздевых не то приживалом, не то батраком, не утруждали себя работой и все чаще скучали, с трудом отыскивая для себя развлечения. То загорали с утра до вечера в Девичьем куту, распугивая девок, пришедших покупать, своими проделками и насмешками. В Брюханове на субботней ярмарке ради шутки приценивались то к лошади, то к корове, пока прасол со своими работниками не прогнал их прочь.

— Погодите, кровопийцы, скоро мы до вас доберемся! — куражился во хмелю Симка Колесов. — Скоро всех буржуев к ногтю прижмем!..

Один из работников купца Аксенова, здоровенный детина с гривой нечесаных волос и густой черной бородой, не стерпел таких угроз и хорошо отметил говорливого посетителя торговых рядов. На Семку Скопцова и Илью Гвоздева, также находившихся под хмельком и насмелившихся было помочь своему другу, мужик только мимолетом кинул суровый взгляд, но они вмиг остыли и встали как вкопанные, продолжая молча наблюдать за избиением приятеля. Закончив свое дело, детина за шиворот отволол из-

битого Колесова к покосившемуся заборчику, что окружал базарную площадь, а через минуту вернулся с ведром воды и окатил ею наказанного хулигана, бросив на прощанье:

— Отлежись да чеши отсюда и никогда не забивай торгового человека! Понял ли? — и он грозно наклонился над Серафимом, а тот молча кивнул, отирая разбитые губы и нос.

— Эх, вы, изменщики! — с досадой выговаривал своим напарникам Серафим, когда они возвращались домой на попутной подводе. — Бросили друга в беде! Нет, с такими, как вы, революцию не сделаешь!

Взять извозчика они не могли, поскольку у них не было денег. Ту малость, что дал на дорогу Афоня Гвоздев, они сразу пропили в кабаке, потому и пришлось надеяться на милость мужиков, что ехали мимо Урского.

Хитромудрый Афоня, чутко державший нос по ветру, приютил у себя дома шумливого и нахрапистого мужичка Колесова, словно чувствуя заранее получить от него определенную выгоду. Пробовал приобщить новоявленного друга сына к работе как батрака, но заметил, что Серафим не охоч до крестьянского труда, да и сын стал ворчать: друга обижает такими предложениями. Ведь есть же батраки. И то верно: вместо батраков в хозяйстве Гвоздевых уже не первый год работали за пропитание и одежду сыновья его старшего болезненного брата Герасима, жившего в Салаире. И потому оставил Афанасий в покое сына с дружкой, про себя кумекая: времена тревожные грядут, и лишнего здорового мужика не грех под крышей иметь. Кормил, поил, но деньгами не баловал. А когда всю его самогонку выпили, направил он их к Тимохе Скопцову. Вскоре и там запасы истощились. Приходил пару раз за штофом к крестному Семен — не отказал Гордей, а в третий раз пристыдил крестника и отправил ни с чем. Полчаса не прошло, явился Тимоха. Кашляет, отхаркивает мучившую его слизь и говорит виноватым голосом, пряча глаза от друга:

— Гордей, выручи бутылочкой анисовки... Своей нету уж... По осени из жита нагоню — рассчитаюсь, ей Богу! — И он как-то неубедительно перекрестился.

— Эх ты, Тимоха-дуреха! Чего ты этих оборотов кормишь да поишь? Иль закрома трещат от товаров? Иль работы на дворе нету?

— Да как-никак фронтовики... вроде бы уважить надоть...

— Этим горе-фронтовичкам дай волю — все село по ветру пустят!..

Тяжело вздохнул Тимофей: он-то понимал своего друга, но не находил в себе силы воли пресечь разгулявшихся великовозрастных балбесов.

— Ладно, Тимох, тебе дам полуштоф, но больше ни сам не ходи, ни их не присылай!.. Забулдыг и питухов я на дух не примаю!..

Он скрылся на мгновение в кладовке и вынес оттуда четырехгранную бутылку с коротким горлышком.

— Держи, добрый папа! Смотри, он еще твоему Семке мозга набекрень завернет — наплачешься!..

Не переставая благодарить хозяина, Тимофей Скопцов пошел со двора, неуверенно опираясь на посошок. Щемящая боль сдавила сердце Гордея, когда он глядел вслед уходящему другу. Сороковой год идет им обоим, всего сорок будет через полгода. И если он, Гордей, — здоровый и сильный мужик, готовый выполнить любую мужскую работу, если, конечно, не помешает изувеченная на войне рука, то Тимофей выглядел стариком, которому перевалило уже за шестьдесят.

«...Глядишь, лет через пять будет совсем, как дед Прощка!.. — с горечью подумал Гордей. — Тот-то век уже доживает, а Тимоха?!.. Эх, жизнь-житуха! Неужто все лучшее уже позади? Казалось бы, вчера еще парнями бегали на вечорки, а сейчас?..»

Тоскливо стало на душе Гордея, и он, мрачный, пошел чистить хлев: когда он был зол или чем-то расстроен, ему хотелось что-то делать...

Рассудив, что Брюханово, наводненное купцами и иными торговцами, им не подходит, друзья решили съездить в Гурьевск.

— Там бурлит революционная жизнь! — убеждал своих товарищей Серафим Колесов. — Там мы нужны!..

...Вся площадь перед центральной заводской проходной была заполнена народом. Людской муравейник глухо роптал, кумачовые знамена с черными лентами на доме из красного кирпича, находившегося напротив проходной, приспущены. Изредка до ушей урских мужиков долетали гневные слова выступающих:

— ...Царские сатрапы никогда не щадили жизни рабочих и крестьян, безжалостно гнали их на убой — то на японские штыки, то под германские пули... Но сейчас царизм перешел все границы

дозволенного: мирную демонстрацию питерских рабочих и революционных солдат расстреляли из пулеметов!.. Кровью залиты улицы столицы!.. Такое нельзя прощать! Убийцы должны быть наказаны!..

Не зная, по какому поводу проводится митинг, Семен, Серафим и Илья усиленно вертели головами, ловя отдельные фразы, что долетали до них с временного деревянного моста. До конца не поняв происходящего действия, они принялись расспрашивать рядом стоящих людей:

— Что случилось, мужики? Какие пулеметы? Какая кровь?..

Пожилой рабочий с седыми редкими усами и темной, словно задубевшей от солнца кожей недовольно оглянулся на молодых мужиков:

— Вы что, из деревни что ли?

— Ага... — растерянно проговорил Илья Гвоздев, — из Урского...

— А-а, темные люди, — с легкой насмешкой проговорил рабочий, зажимавший под мышкой толстые холщовые рукавицы, — им только курщупать, а что в столице творится — наплевать!..

— ...Требуем наказать виновных в расстреле мирных демонстрантов!.. — неслось с трибуны. — Требуем отставки царского правительства!.. Требуем...

— Ладно зубы-то скалить, объясните лучше им... — смягчился усатый и кивнул мужику с рукавицами. Тот, вытерев пот со лба, неторопливо принялся рассказывать друзьям о том, что случилось в далеком Питере...

— Вот гады! — ругнулся Колесов. — Ведь мы только месяц назад из Петрограда вернулись, фронтовики мы... Домой нас отправили... Тогда ведь Советы верх держали, а тут смотри, как получилось!..

— ...Долой царских прихвостней! Вся власть Советам! — летело с трибуны, и одобрительный гул послужил ответом на этот призыв.

— И что же теперь делать, братцы? — Колесов оглядел мужиков, окруживших их. — Того и гляди, нас тут тоже постреляют!

— Наш Совет тут решил, что надо власть на местах брать в свои руки. Хватит разных буржуев кормить да в рот им заглядывать!.. — мужик с седыми усами говорил негромко, но убежденно. — Сейчас вот петицию в столицу отправим, а на месте надо браться за оружие! В нас стреляют, и мы должны стрелять!..

Семен Скопцов рассеянно выслушал последние слова и, шепнув что-то Илье, стал вы-

бираться из толпы. В Гурьевск он ехал с тайной надеждой увидеть здесь Машу Кузнецову. Прознал от матери, что отец отвез ее на завод да и оставил там работать. Больше года он не видел ее. Первая влюбленность так и не оставила его в покое. Даже в армии он не переставал думать о ней. Хотел письмо написать, да в последний момент остановился, едва представив, как будет читать его Маша со своими подружками и смеяться над ним. Нет, решил он тогда для себя, надо все решать с глаза на глаз... За то время, что они не виделись, Семен подрос, возмужал, над верхней губой проросли русые усы, которые делали его более взрослым и мужественным. Может быть, такого Семена Маша не осмеет и не отвергнет?!

С трудом пробираясь сквозь толпу митингующих, он одолел переходной мостик и оказался на первом этаже заводоуправления. Где-то здесь должна работать его зазноба Маша Кузнецова. В коридоре было сумрачно и прохладно, из-за двери, покрытой серой краской, несясь веселый стрекот неведомой ему машинки.

«Пулемет прямо-ка», — подумал Семка, вспомнив, как на полигоне под Петроградом старший унтер-офицер демонстрировал новобранцам стрельбу из пулемета «Максим». Оглядевшись по сторонам, он звонко стукнул казанными пальцами в дверь, приоткрыл ее:

— Можно?

У окна за столом, чуть слева от входной двери, за черным железным аппаратом сидела красивая девушка. Ее густые черные волосы были забраны в тугий узел, белая кофточка элегантно обтягивала точеный стан, а из-под стола на Семена выглядывали остроносые черные туфельки.

— Вам чего?.. Семка?!

Девушка, оставив свое занятие, вскочила со стула и пошла навстречу парню.

— Семен? Ты как здесь?

— Маша? — Семен так и застыл с раскрытым ртом в дверях. Он явно не ожидал в этой красивой стройной женщине узнать свою возлюбленную.

— Семен... Ты как здесь? Да проходи, садись, — и она подвинула ему легкий стул со спинкой в виде сетки. — Чаю хочешь?

— М-м, н-не хочу... — растерянно ответил Скопцов и присел на краешек стула. — Мы тут с парнями на митинг приехали... Я ведь с фронта вернулся, Маша...

— Ой, как здорово! И как там немцы? Вы их побили или они вас?..

— А-а... — и Семен растерянно замолчал. Самое время сейчас рассказать бы что-то героическое про себя, про своих товарищей, но у него духу не хватило нагло врать той, которую он трепетно любил уже много лет, а рассказать правду не позволяла его, Сенькина, гордость.

— ...А почему ты дома редко бываешь? — едва нашелся он с вопросом. — Деда Миша ваш часто болеть стал. Мама моя раз за разом говорит: «Как бы чего не случилось!..» и все время молится за его здоровье...

— Старый уже дедушка... Молись — не молись, а смерть придет — и Бог не поможет!

— Вон ты как говоришь! — удивился Семен. — Ты что же, Маша, может, и в Бога не веришь?

— Ну, почему же... в церковь хожу... иногда...

— А пошто так?

— Да работы много!.. — ей явно не нравился этот разговор, и она перевела его на другую тему: «Пошто!» Эх ты, Семка деревенский, кто же так говорит сейчас? Только дед Прошка, если он жив еще.

— Живой дед Прошка, что ему доспелется. Он так и говорит: родился, когда солдаты бунтовали, и помирать, видно, придется, когда они опять смуту затеяли...

— Веселый дед Прошка... А ты не женился еще?

От такого вопроса Семен весь вскинулся и хотел было выпалить ей в глаза о своей неумейной любви, о готовности хоть сейчас сыграть свадьбу, но в это время в кабинет вбежала девушка в такой же белой кофточке и строгой черной юбке «тюльпан» и с порога затараторила:

— Машенька, митинг кончается... Сейчас комитетчики придут, а у тебя проект решения не готов...

— Да готов, Нина, готов, две строчки осталось допечатать...

— Ну, давай, живчиком заканчивай...

Похоже, только сейчас она увидела сидевшего Семена.

— Здравствуй, молодой человек! — затем бросила на Машу испытывающий взгляд: — У вас никак жених в гостях, а-а?

— Ну что ты!.. — вспыхнула Маша, и это «ну что ты», а в особенности тон, каким оно было сказано, больно ударило Семена по самолюбию. Ему уже ни в чем не хотелось ей признаваться. Напротив, он желал как можно быстрее уйти отсюда.

Он встал и попятился к двери.

— Простите, коли что не так... До свиданьяца...

— Прощай, Сема! Жениться будешь — на свадьбу позови!..

Последние слова Маши вконец убили все его чувства к ней...

Смутные времена настали в российской глубинке. Если в обеих столицах политические страсти кипели, достигая своего критического накала, гремели выстрелы, лилась кровь, а власть, словно ветреная девка, переходила из одних рук в другие, то окраины лишь напряженно вслушивались в невнятные, а иногда просто противоречивые вести «из центра» и только тяжело вздыхали: что же будет? чего ждать?..

Наслушавшись горячих речей на заводском митинге, Скопцов, Колесов и Гвоздев решили прижать богатеев и взять власть в Урском в свои руки. Начать решили с самого богатого на сегодняшний день в селе хозяина — Ивана Федосеева. Все детали «экспроприации» они обговорили загодя, но никого больше в свои дела не посвящали, решив, что с одним-то буржуем они и так справятся. А уж потом, когда народ поймет их силу, то сам начнет проситься в их отряд, а с ним-то они отберут все богатство у Харламова, Бронских и других богатеев. Однажды августовским утром, выпив по стакану мутной гвоздевской самогонки, друзья стали сосредоточенно собираться, негромко переговариваясь.

— Ты почему ленточку не приколот?.. Чтоб видели, что власть пришла!..

— Сима, Сима, а картуз надевать?..

— ...Сапоги-то, сапоги почисти!.. Ну, хоть тряпкой тираны, а то навоз насох на пятках!..

Афоня, зашедший на веранду, удивился их сборам и не удержался от вопроса:

— Робяты, а куда это вы изладились? Мать блины печет, я огурчиков малосольных достал из подпола...

— Некогда, дядь Афонь, на важное дело идем... Не до разговоров нам нонче, — сумрачно откликнулся Колесов. — Вот сделаем дело — и огурчики сгодятся!

— Во! Сима, а может, ружье с собой возьмем? — неуверенно проговорил Илья.

— Како тако ружье? — не понял отец. — Вы что, на охоту собрались? Так кто же посереде лета охотится, чудаки?

— Нет, оружие нам не нужно, мы их словом должны обезоружить и уничтожить!.. Так — нет, Семка?

Худой и нескладный Семен Скопцов уважительно глянул на высокого, под два метра Колесова и нерешительно пожал плечами.

— Э-э, друзья, вы что удумали? — Афанасий Гвоздев уже с подозрением посмотрел на пьяненьких дружков своего сына. — Куда вы так прихорашиваетесь и зачем вам ружье?

— Дядь Афанасий, — суровым голосом произнес Серафим Колесов, — мы давеча в Гурьевске были, на заводе, говорили с разными революционерами, и те сказали, что надо брать власть в свои руки... И в Петрограде большевики тоже говорили!..

— Ага, говорили! Умники! А как их там, в Питере, всех постреляли?! Хотите, чтобы и вас поубивали? Не пущу Илью никуда!

— Папаня, я уже большой! Я с фронту пришел, и ты не можешь так со мной говорить!.. — попробовал урезонить отца Илья, но тот все больше распалялся.

— Большой, говоришь, а сам у отца на шее сидишь да еще дружков своих навел! Лучше бы шли работать, а то ишь куда собрались: уважаемых людей грабить!..

Семен и Илья заметно трухнули под напором старого Афони, но Колесов внезапно тоже заговорил на высоких тонах:

— Товарищ Гвоздев... старший, я имею в виду... В стране идет революция! Скоро к власти придут социалисты, и всех буржуев будем сажать в тюрьму, а то и... больше...

— Больше — это как? — испуганно воззрился на него Афоня Гвоздев. — Убивать что ли?..

— ...Ну... может быть, кого-то придется и прихлопнуть... Ведь они по нашему брату из пулеметов в Питере-то? А мы что, рыжие что ли?!

— На смертоубийство зовешь? Без году неделю в селе, а уже за топор берешься?

— Дядь Афоня, вот если революция победит в мировом масштабе, ну... или хотя бы у нас в уезде, то большевики и другие наши товарищи придут и к тебе, потому как ты есть царский слуга — сельский староста! Угнетатель всех бедных и... этих... голодных, вот! А чтобы, значит, к тебе они не пришли и тебя в тюрьму не посадили, ты, значит, сейчас должен отпустить Илью с нами как сознательного борца за революцию, вот! Ты сознательный борец, Илья, за эту... за революцию, ну?

— А то?! Я даже очень сознательный... Тятя, отпусти меня с ними, а?..

Афанасий уже со страхом смотрел на побледневшего от гнева Колесова, на то, как его густые усы гневно топорщились под шишковатым носом, а глаза метали молнии.

— ...И вот когда мировая революция придет в ваше сраное село, то тебе, дядь Афоня, зачтется, что твой сын пробивал здесь дорогу мировой революции, вот!

— Это вот, значить, как, — растерянно произнес Гвоздев-старший. — Тогда я это... я заболел и ничего не видел и не знаю... А только ты, Илья, поперед батьки... то есть поперед Серафима не лезь! Молод еще! А ты, Серафим Иванович, пригляди за мальцом, не дай греху совершиться...

— Да, не зрелые вы еще совсем! Не с кем тут делать революцию!.. Ай, давай еще по стакану самогонки, и пошли, мужики! Раздавим буржуа в его логове!..

До «логова буржуа» было рукой подать — именно там жил бывший конезаводчик и нынешний держатель дюжины почтовых повозок Иван Иванович Федосеев. Старый хозяин в последнее время все больше лежал: распухшие в суставах ноги плохо подчинялись. Курс лечения, что прописал самому богатому на селе хозяину доктор Иванов, не давал нужного эффекта, как и многочисленные мази и настои. И потому хозяйством все больше приходилось заниматься его сыну, Льву Ивановичу Федосееву. Вот и сейчас, издали завидев приближающуюся к их особняку троицу с красными бантами на груди, он немало заволновался. Но на просторном конном дворе у них находилось около десятка возниц. Одни вернулись из поездки, передавали лошадей на руки конюхам и готовились отчитаться за заработанную выручку. Другие, напротив, только собирались в дорогу и потому особо внимательно следили, чтобы конюхи аккуратно управлялись с упряжью. На стук в дубовые ворота откликнулся сам Левка. Открыв дверцу, он с усмешкой глянул на незваных гостей:

— Что скажете, господа? Или вы теперь товарищи, коль эти бантики надели? Ну, Илюха, что молчишь?

— Да вот... — Гвоздев стушевался от прямого вопроса сорокалетнего, рано располневшего Льва Федосеева. — Говори, Серафим...

— И скажу! — он набрал побольше воздуха и выпалил, глядя прямо в глаза молодому хозяи-

ну: — Именем революции мы требуем сдать все излишки своих богатств бедным крестьянам-хлебопашцам!.. Не отдадите сами — заберем силой! Вот!

— Да отдать-то можно, для своих земляков не жалко, вот только как вы все это унесете? Ведь мой отец, а также дед, много нажили на этом свете, и вам троим это не унести никак... Может, передумаете с реквизицией-то, или уже пора?

— Пора, Лев Иванович... — робко проговорил Семен Скопцов, слегка покачиваясь и с трудом отрывая соловьиные глаза.

— Так, значит, грабить пришли от имени революции, так что ли? — Федосеев-младший явно издевался над революционерами-самозванцами. — А вы, голожопики, слышали, что было в Петрограде, когда такая же вот голытьба протянула свои загибающиеся руки к богатству законных владельцев?

— А что было? — Семка вопросительно посмотрел на Илью Гвоздева, потом на Колесова. — Сима, что было в Петрограде, а?

— Вы что, не видите, что этот гад издевается над нами, над революцией издевается?! Да я этого толстяка сейчас задушу собственными руками!..

Колесов грозно двинулся на все еще улыбающегося ехидной улыбкой врага, на ходу засучивая рукава своей серой холщовой рубахи.

— Бог ты мой! Как страшно-то! Ведь и вправду задушит?..

Левка отступил на шаг вглубь двора, а огромные дубовые ворота между тем бесшумно распахнулись, явив непрошеным гостям до десятка здоровенных мужиков — возниц, конюхов и прочих работников федосеевской усадьбы. Прямо напротив длинного Колесова стоял могучий сорокопятилетний извозчик из Ур-Бедарей Никита Лапин.

— Это вот эти, что ли, революционеры, Лев Иванович? — насмешливо спросил он, полуобернувшись к молодому хозяину.

— Да, мужики, они самые... — с деланной робостью проговорил тот. — А вот этот дылда хотел меня задушить... И ведь задушит, варнак этакий! Я от страха в штаны наложил, а вы, братцы, еще нет? — И он смешливым взглядом обвел свое воинство.

Мужики громко и весело захохотали, в то время как новоявленные революционеры обескураженно молчали.

— О-о, да этих орлов я уже видал надясь, — из толпы мужиков вышел пожилой возчик Пахом Бутаков. — Их в Брюханове Федот Сидоров поколотил за то, что похабство устроили в торговых рядах. Работник купца Аксенова, верно, знаете такого, мужики?

— Как не знать... — откликнулись остальные. — Он ведь вдвое здоровше нашего Никиты будет...

— Так он один и отметелил всех троих... вон, синяки да царапины еще не зажили, а снова на грех просятся... А не поучить ли нам этих голожопиков, чтобы знали, как справных хозяев обижать, а, мужики?

В ответ раздалась одобрительные возгласы, и уже через мгновение всех троих подхватили под руки, сильно наклонили к земле, а затем каждому надавали пинков. Непризнанные революционеры стоически перенесли это унижительное наказание и молча удалились восвояси.

— Левушка, что там за шум? — спросил сына старший Федосеев.

— Да ничего особенного, тятя: надавали поджопников Семке Скопцову, Илюхе Гвоздеву да еще какому-то обормоту... Пришли пьяные и давай требовать отдать все богатство беднякам — ошалели совсем!..

— Ой, сынок, эти-то, может быть, ошалели, да с ними-то и побаловаться можно, а вот если то, что в Петрограде творится, разойдется по всей Руси-матушке — лихо будет! Всем лихо будет... — И он тяжело откинулся на подушку.

Понурые вернулись революционеры-неудачники и на дотошные вопросы Афанасия Гвоздева только морщились и молчали. Не получив ответа, Афоня все же мысленно перекрестился: хоть живы вернулись, а то ведь сейчас время такое, что и убить могли бы...

На следующий день, также поутру, вооружившись берданкой, троица снова направилась для выполнения своей миссии, только теперь их путь лежал на улицу, что тянулась в низовье Ура и где жили справные хозяева — Бронские, Горкуновы, Катковы. На их требование впустить в дом в ответ послышался лишь свирепый лай собак Бронских.

— Ах, так! — взвился Колесов и, забрав у Ильи берданку, сердито закричал: — Не откроете — перестреляю всех собак!..

Из-за глухого забора человеческих голосов слышно не было, но на угрозы раздалась три раскатистых выстрела. И снова бывшим солдатам пришлось отступить...

Два дня беспробудно пьянствовали друзья-неудачники, причем Семен даже ночевать домой не пошел. Несколько раз обращался к ним с уговорами старый Афоня, призывая «отложить свою революцию до лучших времен», но вконец отупевшие от самогона друзья, когда зелье закончилось, отправились в харламовский магазин за водкой. И так немало потратившийся в последнее время на угощение «революционэров», Афоня не дал им деньги на водку.

— Ни хрена, мужики, именем революции реквизируем у харламовского холопа Ваньки Кочергина всю водку! Не все им жировать! Надо набираться революционного опыта...

Спиридон, завидев, что в магазин вошли трое пьяных мужиков с ружьем в руках, метнулся за Кочергиным, а испуганные бабы, оказавшиеся на тот момент в магазине, сбились в дальнем углу, не смея пройти мимо рассерженных мужиков к выходу.

— Что такое, братцы? Почему с ружьем пришли в магазин? Давно в холодной не ночевали? — громко и строго проговорил Иван, входя в зал.

Он смело вышел навстречу разгневанной троице и своей единственной рукой отвел в сторону ружье:

— Братцы, да что же вы...

Закончить фразу он не успел, поскольку Колесов резко ударил его прикладом в грудь и повалил на пол.

— А ну, сучий потрох, давай сюда десять бутылок «Смирновской»! Не все тебе богачей поить, надо и революционеров уважить...

— Вы что, братцы?.. — Кочергин сидел на полу и, морщась, потирал рукой ушибленную грудь. — Да разве ж можно так-то? Неплюди вы или бандиты с большой дороги? Семка, Илья, вы-то наши, деревенские!..

— Замолчь, вражина! — Колесов замахнулся ружьем на сидящего Ивана. — Прикажи своему лакею нести водку и копченого мяса — мы гулять будем!

— Ой, что деется, бабы! — тихо запричитали в углу женщины, и тогда Колесов грозно глянул в их сторону и приказал выметаться из магазина.

— Вас еще, дур старых, тут не хватало!..

Торопко перебирая ногами, бабы кинулись к выходу, но в дверях случилась заминка: именно в этот момент в магазин вошел пожилой сутулый мужчина с длинной русой бородой и такими же усами. На голове у него был летний картуз под цвет его бороды. Хоть выглядел он старым, но

голос его, звонкий и сильный, выдавал в нем крепкого человека.

— Что ж вы, бабоньки, так сыпанули, словно кто вас напугал тут?..

— Ой, милочек, — взывала жена Ермохи Лукина, — замордуют нас тут всех сейчас, спаси Господи!..

Мужчина освободил дверной проем для испуганных женщин и подошел к мужикам, обступившим все еще сидящего на полу Кочергина.

— Это что же за соловей-разбойник тут объявился, что хозяина бьет да баб пугает?

— А ты, старик, ежели встанешь у нас на революционном пути, то мы тебя и напугаем, и поколотим!.. Видишь, экспо... нет, эспропирация идет, и ты нам не мешай, а то я и тебе сейчас!..

Колесов замахнулся ружьем на невесту откуда появившегося старика с давно не стриженной головой. Тот легко увернулся от удара Серафима, Семена Скопцова он рывком опрокинул на спину, а растерявшегося Гвоздева толкнул ногой в живот. Удар был так силен, что Илья, запнувшись за сидевшего на полу Кочергина, перелетел через него, сильно ударился головой о прилавок и затих на полу. Колесов замахнулся было еще раз, но в это время в зале прогремел выстрел, а уже в следующее мгновение в самый нос новоявленного деревенского революционера уперлось дуло нагана.

— Бросай оружие!

Ружье с грохотом упало на пол, и в то же время прозвучал самопроизвольный выстрел. Только чудом от пули не пострадал Кочергин.

— А ну, на колени, сволочь! — незнакомец приставил наган ко лбу ошалевшего от страха Колесова и с усилием стал клонить его к полу. Наконец колени пьяного социалиста глухо стукнули об пол. Но и этого незнакомцу показалось мало: опустив руку с наганом, к самому лицу перепуганного мужика, он выстрелил еще раз. Сима резко вскинулся, и уже в следующее мгновение вокруг него образовалась огромная лужа. Чертыхаясь, Кочергин отодвинулся в сторону и потом с помощью незнакомца поднялся на ноги.

— Спасибо, мил человек, а то этот душегубец поубивал бы нас всех тут...

Пинками незнакомец поднял с пола налетчиков и, подталкивая в спину наганом, выпроводил их за дверь, грозно крикнув вслед:

— Ружье я у вас реквизирую, а если кого-нибудь еще обидите — застрелю!..

Потом он повернулся ко все еще морщившемуся от боли Кочергину и сказал громко:

— Ну, здравствуй, Ваня!..

— Однако не признал я тебя, мил человек, кто же ты есть таков?

— Эх, Ваня-Ваня, а ведь ты меня когда-то звал Кузей...

Первым желанием Кочергина было обнять своего спасителя, уже изрядно подзабытого в родном селе. Но Федор Кузнецов слегка придержал Ивана со словами: «Не торопись, Ваня, я все поясню позже, а сейчас здравствуй!» — и протянул ему правую руку. В ответ управляющий магазином, смущаясь, протянул левую здоровую руку.

— Ах ты, черт! Извиняй, Ваня, забыл я про твою беду!.. Конечно, здравствуй! — теперь он уже здоровался левой рукой.

Присели на лавку, Иван достал папироску, прикурил и предложил Федору, но тот только отмахнулся:

— Так и не научился, Ваня, сосать эту гадость!.. А вот кваску бы или чего покрепче — с удовольствием...

— Спирька! — Иван крутнул головой в сторону двери, что вела в лабаз. — А ну-ка собери в моей комнатухе на стол! Видишь, человек с дороги проголодался... Сейчас, Федор Михайлович, я тебя накормлю, напою... А ежели хочешь, то и спать уложу. Черт Окаянный-то все больше в Томске живет — все комнаты наверху свободны!.. А может, баньку истопить, а, Федя?

— Ты знаешь, Ваня, и от баньки не откажусь, и от крова... Третий месяц с Зерентуйской каторги собираюсь. Ослаб, завшивел, а главное, чухотка у меня, и потому обниматься со мной негоже... Оттого и к своим не тороплюсь...

Но не только по этой причине не спешил Федор в отчий дом. Знал он, что в этот вечерний час все домочадцы сейчас вместе, у стола: отец, брат, матушка, Алenuшка — любовь его нечаянная, и сын его, Никита... Одно только письмо и получил Федор от родных за все десять с лишним лет, что он не был дома. Случилось это через год после его скоропалительного отъезда из Урского. Отписал ему отец в Красноярск, где он тогда жил на полулегальном положении, что по указке Афони Гвоздева заявили к ним жандармы. «...И быть бы беде, да, видно, Бог уберет тебя, Федя...». А в конце того письма была приписка о том, что родила Алена в святочную неделю 1907 года сына, которого называли Никит-

кой... Ни словом не обмолвился старый Кузнецов, кто его отец, да только позже Федор сам без труда высчитал в одну из душных ночей в тюремном бараке, что это его сын. Сын!.. А Гордей? Неужто до сих пор он пребывает в неведении по поводу отцовства Никиты? А если знает, то как отнесется к его появлению в доме? Захочет ли признать его братом?.. А как Алена поведет себя, оказавшись лицом к лицу с ним? Ох, не простые вопросы мучили Федора, и потому он медлил с появлением в отцовском доме, что хотел больше узнать у Ивана о жизни семьи Кузнецовых, и вообще о жизни в селе...

А кроме того, не хотел предстать перед любимой, все еще любимой женщиной грязным, убогим, завшивленным. Опять же чахотка... Впрочем, один доктор, что повстречался ему на длинном пути домой, осмотрев его, успокоил: болезнь у тебя в самом зачатке... Хорошее питание, покой — выздоровеешь! Мужик ты еще не старый, но хорошему врачу все же покажись!..

— Вона какие у тебя дела?! — удрученно покачал головой Иван и строго глянул на Спиридо-на. — Слышал?

— А как же... — но тут же оборвал себя. — Ничего не слышал! Молчу, Иван Иванович!..

— То-то же... Пошли коляску за дохтуром да покличь-ка Филиппа. Его баба нынче белье стирала в бане... Может, не выстудилась еще, да и вода горячая, наверное, осталась...

— Тёпло там, Иван Иваныч, и воды полно! Даже попариться можно, ежели плескаться на каменку...

— Спасибо, ребята! Конечно, сегодня — в баню, а завтра — домой...

...У ворот своего родного дома Федор Кузнецов появился к обеду следующего дня. Хотел проводить его Иван Кочергин, заметив слабость товарища, но тот поблагодарил и твердо отказался: боялся он встречи с родными, не знал, как примут, а потому не хотел, чтобы в эту ответственную минуту рядом был кто-то чужой...

Как и ожидал Федор, встреча с родными оказалась напряженной и невеселой. Сам вид его обескуражил всю родню: лысый, сильно похудевший, с лицом, покрытым сеткой мелких морщин, Федор выглядел заметно постаревшим. Кроме того, он сутулился и потому казался ниже ростом. Словно чужой человек вошел в дом Кузнецовых. И еще одно обстоятельство удивило домашних:

раз за разом Федор подкашливал себе в кулак, словно горло простудил или чрезмерно накурился крепкого табака, от которого горло дерет. А ведь не курил Федор Михайлович, никогда не курил... И лишь его глаза, острые, пытливые, по-прежнему выдавали нрав своего хозяина.

— ...Отошшал ты, Федя, отошшал!.. — скрипуче отозвался с постели, на которой раньше спал Федор, отец. Под головой у него были уложены две большие подушки, отчего казалось, что он не лежит, а восседает и придирчивым взглядом рассматривает вновь объявившегося в родном доме старшего сына. — И постарел... Вон шея-то будто пожеванная... Что так?

— Часто доставалось ей, потому и «пожеванная»... — горько усмехнулся Федор. Пожал руку брату и склонил голову в приветствии перед Аленой. Ни слез тебе, ни радостных вздохов. Словно вчера расстались... Уже позже для себя понял Федор: матери не было. Не было ее радостных слез, приглушенных причитаний и осторожных, ласковых объятий, какими она всегда встречала его каждый раз после возвращения домой из тюрьмы ли, с фронта ли. Именно материнские слезы и ее задушевные слова делали те встречи до боли щемящими. Именно они чаще всего вспоминались ему холодными зимними ночами в тюремном бараке... Не было мамы, умерла мама...

— Ну, иди, Федьша, обнимемся... — Михаил попытался сесть на кровати, беспомощно протягивая руку к сыну. Федор подошел к кровати, подал отцу руку, но обниматься не стал:

— Тятя, чахотка у меня...

Внезапная тишина повисла в доме, и лишний раз Федор понял, как обременительно для родных его появление.

— Прости меня, батя... простите, Гордей, Алена... Но мне просто некуда идти...

— Ты что такое говоришь?! Ты куда пришел?! — голос Кузнецова-старшего дрожал от негодования. Одной рукой он держался за грудь, а другая неистово колотила подушку. — Ты в отчий дом пришел!.. Ты сын мне... ты... — задыхаясь, он откинулся на подушки, а Алена бросилась к нему с кружкой, наполненной каким-то целебным отваром.

— Эх, ты, Федя!.. — угрюмо бросил брату Гордей, подсаживаясь на постель к отцу. — Батя, папа... не волнуйся... все будет хорошо...

Федор молча сидел у стола и ждал развязки тяжелой встречи с родными. Наконец отец успо-

коился, отстранил от себя Алену и, глядя на Федора, сказал твердым голосом:

— Поживешь покуда в летней кухне... Дети здесь... Кириллу Иваныча позовем — он тебя вылечит! Побрит, помыт... видно, у Кочергина ночевал?

— У него...

— Ну, ладно, время к обеду... Алена, накрывай стол...

...Осенью 1917 года стали возвращаться домой из армии другие урские мужики. В их числе были братья Бронские, Петро Печоркин и Платон Катков. Старший из братьев Бронских, Василий, нес раненую руку на перевязи, пощадили пули и немецкие штыки Степана Бронского и Печоркина, а Платон при разговоре с земляками как-то странно выпучивал глаза и время от времени дергал головой. Последствия тяжелой контузии — так определили военные врачи, отправляя солдата домой. Со временем восстановится...

И уж этих-то солдат встречали совсем по-иному, нежели «секретных фронтовиков» Гвоздева, Скопцова и Колесова. Тут и раны налицо, и держались они посolidнее. Одно единило этих солдат: в голос они хаяли царя и его министров, вели смелые разговоры о стачках и бунтах, что охватили всю европейскую часть России, и досадовали на долготерпение сибирских крестьян. Накануне Нового года докатилась до Сибири весть о свержении в Петрограде Временного правительства, о захвате власти большевиками с каким-то Лениным во главе, и затянувшаяся германская война начала свой плавный бег в войну гражданскую...

ГЛАВА 6

Год 1917-й покинул землю Кузнецкую в урочный час, отметившись обильными снегопадами и заунывным завыванием метелей по ночам. После Рождества погода чуть успокоилась, но мороз день ото дня крепчал, чтобы на Крещение Господне достичь пика своей лютости. В одну из святочных ночей года 1918-го к усадьбе Харламовых почти неслышно подкатил пароконный крытый возок, из которого вышли двое мужчин. Один — высокий, статный, в военной шинели и черной каракулевой папахе, другой — штатский, пониже ростом, в медвежьей шубе и рыжей лисьей шапке. Он-то и стукнул в било висящим на цепи молотком коротко, требовательно, и уже через минуту двери бесшумно отворились, пропуская гостей, а затем со скрипом разверзлись

огромные ворота, впуская покрытую густым куржаком повозку.

— Филипп, кто в доме? — спросил мужчина в штатском, едва они вошли во двор.

Дворник, стряхивая остатки раннего сна, заметно вытянулся и доложил почти по-военному:

— Отец родной, Федор Михалыч, мы с женкой да внушек гостит у меня... Спиридон с жонкой, Фроськой, значит, тяжелая она, Федор Михалыч, вот-вот родит, Лушка-горничная да еще бабка Манефа помирать собралась...

— Как это?

— Да уж неделю не пьет, не ест, а только молитвы шепчет про себя да батюшку вашего поминает...

— Ладно, ее не трожь, Спирьку — ко мне, возницу и лошадей накормить, а Лушке вели накрыть стол в кабинете отца... моем кабинете — с дороги проголодались!

— Может, баньку, хозяин?

— Какое там!.. Да, еще, Филипп, запрягай любую лошадь в сани, собирай свои вещички и готовься в дорогу...

— В каку такую дорогу, Федор Михалыч? Ночь на дворе!..

— На дворе революция, на дворе война!.. У тебя где-то брат живет недалеко?

— Точно так, в Салаире...

— Вот у него и поживешь... Ступай!

Озадаченный услышанным, пятидесятилетний мужик как-то весь сник разом и стал похож на глубокого старика с седой редкой бороденкой и такими же усами. Он остановился в дверях и через силу выдавил:

— Федор Мих...халыч, тутока еще Иван Кочергин у себя в каморке за счетами сидит... Все считает, считает, считает... Ай, да черт с ним! — И, едва сдерживая рыдания, Филипп неровной походкой вышел в коридор.

— Ваньку тоже ко мне позови! — уже вслед крикнул Харламов. И, повернувшись к своему товарищу, добавил озабоченно: — Что деется, Шура! И самодержавие, и мужики наши обветшали! Потому и революции одна за другой валят... Эх, Россия!..

— Перекусим сначала, а уж потом пофилософствуем... — подал голос хозяйский гость и старинный его друг поручик Мешков.

— Пока он все приготовит, мы, Шура, успеем лапоть откопать, а уж потом за стол...

...Через четверть часа, перемазанные в пыли и глине, Мешков и Харламов вошли в каби-

нет, где их ждал накрытый стол и зареванная девушка, недавно принятая в горничные. Во всем ее наряде были видны следы спешки и какой-то растерянности: платье помято, передник и вовсе отсутствовал, а серые длинные волосы наскоро перехвачены в тугой узел.

— Как жизнь, Луша, что такая невеселая? — нарочито бодрым голосом спросил Федор. Ларец он поставил в угол комнаты и прикрыл его полотенцем, висевшим на спинке стула. — Ты никак плачешь? А кто же тебя обидел, сознавайся?

— Н-никто... Только Фрося и тетя Зоя сказывали, что ехать куда-то надо... — и она в голос разревелась.

— Ага, так они тоже там ревут? Ну, что ж, Луша, прошли хорошие мирные времена, когда вы были сыты и одеты, обуты и обогреты, новая власть идет, а что она даст: поживем — увидим.

— А на что нам собираться? Неужто вы нас оставите?

— Оставляю, Лукерья, оставляю, и тебе велю уходить нынче же! У тебя где родители живут?

— В Подкопной...

— Вот и хорошо... Иди и собирай вещи, что из посуды глянется — бери. До утра доберешься до них... А мы тут с Александром Семеновичем пока перекусим... Не хочешь с нами коньячку попробовать да повеселиться на прощанье, а? Видишь, какие женихи перед тобой!

— Какое веселье, Федор Михалыч, когда страсти такие идут...

— Да какие там страсти! — криво усмехнулся Федор и схватил девушку за руку. — Вот мы сейчас выпьем, и у нас будет с тобой настоящая страсть! Я ведь так и не добрался до тебя, так — нет, солнышко?

— Вы как... вы что, Федор Михалыч, побойтесь Бога-то!..

— Э-э, милочка, Бог мне давно во всем помогает, иначе бы этот ларец уже давно тю-тю!.. Ну, а ты должна отслужить хозяину последнюю ночную службу...

Девушка испуганно попятилась к выходу, но Федор успел схватить ее за руку и потащил к широкому дивану, что занимал почти половину отцовского кабинета, не обращая внимания на ее слезы и крики.

— Да ты что, Федор! — вскричал Мешков. — У нас два-три часа осталось, а ты?..

— А мне и получаса хватит! Разливай коньяк пока...

По лестнице, ведущей наверх, послышались тяжелые мужские шаги, и только это остановило Харламова. В дверном проеме показались Спиридон и Иван Кочергин.

— Здравствуй, Федор Михайлович, — хмурясь, проговорил Иван. — Только на порог — и сразу девок обижать? Нехорошо это...

— Ладно, праведник, пошутил я... Что там на-торговал за последние дни?

— Так недели не прошло, Федор Михалыч, как весь барыш на ваш счет в банке перечислили, а то, что положили вы своим работникам — им отдано. А в январе-то выручка всего ничего...

Оставленная в покое Лушка шмыгнула в дверь, и ее туфельки скороговоркой застучали на лестнице. Проводив девушку похотливым взглядом, Федор пригласил всех за стол и сам разлил коньяк по хрустальным рюмкам.

— Выпьем, господа мужики, много лет мы жили бок о бок, дружили, ругались, но все это в прошлом. Вот за это и предлагаю выпить!

Эти слова Федор сказал стоя. Вслед за ним поднялись остальные и молча выпили. Крякнув, Харламов с маху хватил рюмкой об пол, орошая комнату сотней хрустальных искр. Его собутыльники от неожиданности вздрогнули.

— Мелкая посуда, из нее только девкам вино пить! Неси, Спирия, большие хрустальные бокалы, что тятя из Питера привез! И коньяк тащи самый хороший, шустовский! Я угощаю!

— Надо ли, Федор Михалыч, ваш батюшка лишь по великим праздникам их пользовал — как бы не разбить?..

— Дур-рак ты, Спирия! Какие праздники? Не будет теперь у России праздников! Не понадобится нам ни эти, ни другие бокалы!

Едва на столе появились бокалы, куда входило до полуштофа вина, как выпивка продолжилась. Коньяк Харламов пил лихо, по-гусарски, порой забывая закусывать, отчего все знавшие его были немало удивлены. Даже приняв хозяйство после смерти отца, Федор всегда оставался сдержанным и несмелым как в словах, так и в поступках.

Спиридон пил жадно, большими глотками, словно намереваясь то, что не успел сделать ранее. За долгие годы работы в харламовском магазине ему удалось перепробовать все те избранные вина и продукты, что подавались на хозяйский стол, и только любимый хозяином шустовский коньяк оставался ему недоступным. Поначалу не мог пить его из страха перед Харла-

мовым-старшим, Михаилом Ефимычем, а позднее, когда уже новый хозяин, Федор Михайлович, уезжал в Томск, то свой любимый коньяк закрывал в железный шкаф под охрану мудреного замка.

Александр Мешков уже давно снял свой мундир и в белой батистовой рубашке в этой компании выглядел слишком нарядным. Коньяк он пил охотно, но без лишней страсти, и было понятно, что данный напиток для него не открытие. Он выпил уже немало, но взгляд его по-прежнему оставался трезвым и неулыбчивым. Изредка он останавливал его на лице коренастого бородача Ивана, ловко управлявшегося одной рукой и с бокалом, и со всеми закусками.

Иван Кочергин не отставал от своих случайных сотрапезников в части питья, но с каждым выпитым бокалом его взгляд из-под лохматых бровей становился все более настороженным и колючим. Он сразу понял, что эта гулянка есть не что иное, как поминки по прошлой жизни, а любые поминки никогда не вызывают хорошего настроения. И еще одно обстоятельство тревожило его не на шутку: зная характер Федора Харламова и наблюдая за тем, как тот наливается коньяком, ждал от него самой подлой каверзы. Вовремя они появились со Спирькой, а не то снасилничал бы он над Лушкой. За время пребывания Федора в Томске среди харламовских работников, а потом и в селе плодились слухи о том, что Федька Окаянный зверски изнасиловал свою мачеху, отчего та лишилась рассудка, а заодно и отца отправил на тот свет. Спирька ли породил эти слухи, или кто другой, но так или иначе, вполголоса, исподтишка, а разговоры шли давно. Другому бы каторга светила впереди, а Окаянный и тут вышел сухим из воды: батюшка помер, мачеха рассудок потеряла и ее словам теперь никакой веры нет, а все слуги, бывшие в ту страшную ночь в доме, словно в рот воды набрали, и прежде всего сам Спиридон. Страх никогда не сделает из человека героя, но за плечами едва ли не каждого подлеца он стоит незримо...

Между тем Харламов пьянел и вел себя более развязано. Оглядев своих собутыльников, он стукнул кулаком по столу так, что на пол полетели вилки и ложки, опрокинулись бокалы с коньяком.

— Ах ты, Боже мой! — вскрикнул Спиридон, но Федор со смехом оборвал его:

— Что, холопья душа, за хозяйское добро радеешь? Не тобой куплено, не тебе о нем слезы

лить, понял?! — свирепо сверкая глазами, он посмотрел на каждого, кто сидел за столом, словно бы проверяя свою силу и власть над ними. Спиридон, наткнувшись на этот взгляд, даже вздрогнул и поспешно отвел глаза в сторону. Кочергин сидел набычившись, опустив глаза в свой бокал, и лишь ходившие буграми под густой бородой желваки выдавали его состояние. Мешков же с усмешкой наблюдал за своим товарищем и, накрыв его руку своей, полусшепотом пытался урезонить того:

— Федя, не заводись, нам нужно уехать отсюда без шума, незаметно...

— Что? Незаметно? Вот уж нет! Я уйду отсюда, но тот, кто останется здесь, навсегда запомнит меня и кровью будет харкать!.. Спиря, почему здесь нет баб, ну?!

— К-каких баб, Федор Михайлович? — испуганно вскочил из-за стола Спиридон. — Зойка с Филиппом куда-то собираются на ночь глядя... Моя Ефросинья на сносях, того и гляди родит, ей не до посиделок. Лушку вы, Федор Михайлович, сами упустили... А кто еще остается? Бабка Манефа, так она уже одним глазом в вечность смотрит, да и стара она уже для забав-то... Да и батюшка ваш ее уже вдоволь попользовал...

— Цыц, скотина! Моего отца мазать будешь своим поганым языком?! Убью гада!..

— Эй, купчонок! А ну, заткни свою пасть! А ты, Спирька, перестань перед ним угодничать! Ты же видишь, как он куражится, их степенство! Отец твой был во стократ богаче тебя, и на селе его уважали, но никогда он человека не гнобил, будь он самый захудалый хозяин, а ты что из себя корчишь? Испугался, что власть ваша кончается, впрок хочешь душу отвести? Не дадим! Чужой ты для села — и уезжай отсюда навсегда, и ни одной слезинки вслед тебе никто не прольет, и добрым словом никто не помянет!..

Последние слова Иван говорил уже стоя, готовый к любой выходке Харламова.

— Вань, а ты что такой смелый стал, а? Ты же всю свою жизнь как дворовый пес около отца да около меня отирался, служил, с руки питался, а сейчас рот на меня разеваешь?! Я тебя, сучонка, тогда, под Горскиным колом отходил за то, что ты Кузю мне не дал добить. И ведь не сдох ты тогда! Живуч, как все собаки! Тебе ведь и ручонку японец отхватил, потому как я не захотел, чтобы ты полез за мной на стену! Веребочку-то я нарочно бросил вниз, ага! Съел? Думал, все вы там сдохнете, в японском плену, некому будет

насмехаться надо мной, а там, глядишь, и Алена за меня пошла бы... Но нет, выжили, приползли домой, суки, израненные, полудохлые, но приползли! Вот и купил я тебя на этот магазин, и ты, такой гордый и сильный, опять к ноге харламовской прибился и верой-правдой служил столько лет. Холуем ты был, холуем ты и сдохнешь! И власть идет ваша, холуйская!..

Последние слова Иван слушал с белым от негодования лицом, а обрубок его руки судорожно дергался на протяжении всей тирады Харламова.

— Я убью тебя, гад! И этого вашблагородь! Уже не Мешков ли это, Федор Михайлович?

— Он самый, Ваня, он самый, и пока ты с японцами воевал, он твою жену здесь мял как хотел... Шарман!

— Федор, прекрати! — раздался окрик Мешкова.

— ...А потом та дура поехала за ним в Томск — замуж ей захотелось, видите ли, за офицера, но попала в публичный дом и...

— А! Сволочи! Суки! Убью! — Иван тронулся было с места, но Федор живо вскочил на ноги и выхватил из-за пояса револьвер.

— Попробуй, Ваня! Да только не успеешь — опять ты проиграл! А ну, к стене!

Голос Харламова звучал твердо, и уже ничто не выдавало в нем того пьяного человека, что совсем недавно сидел за этим столом.

— Шура, а где же твой револьвер, или ты жалеешь этих скотов?

— Нет, но... — офицер был явно смущен таким оборотом дела, но он встал из-за стола, неторопливо вынул свой наган из кобуры и направил на сидящего Спиридона, отчего последний медленно сполз под стол. Играя желваками в бессильной злобе, Кочергин отошел к стене и бросил сквозь зубы:

— Стреляй, сука! — и отвел взгляд в сторону керосиновой лампы, стоявшей на комод, тепло которой согревало его здоровую руку.

— Эй, Спира, где ты там? — Харламов пригнулся, заглядывая под стол, но затем прикрикнул на Мешкова:

— Шура, достань-ка этого засранца из-под стола, он нам сейчас понадобится...

Мешков, вложив наган в кобуру, наклонился за обалдевшим от страха приказчиком, но тот никак не хотел покидать свое убежище. Офицер рывком поднял его на ноги, но Спира ухватился за скатерть и потянул ее на себя. Вся посуда и керосиновая лампа, стоявшая на краю стола,

упала на пол и погасла. В кабинете резко пахло керосином.

— Да что ты с ним валандаешься! — заорал Харламов и бросился на помощь товарищу, но в это время Иван швырнул в купца вторую лампу, что стояла на комод. Снова раздался звон разбитого стекла, и новая волна запаха керосина заполнила погрузившийся во тьму кабинет. Харламов выпустил всю обойму туда, где мгновением раньше стоял Кочергин, но громкий топот на лестнице, ведущей вниз, говорил за то, что управляющий магазином живым и невредимым покинул место схватки. Между тем керосин, пролившийся из лампы, вспыхнул, и потому, вместо того чтобы преследовать беглеца, Федор и офицер принялись тушить зачинавшийся пожар. Вскоре к ним подключился Спиридон. Справившись с огнем, они зажгли одну лампу и, несмотря на то, что пламя ее, незащищенное стеклянным абажуром, было робким и неярким, подвели итог происшедшим событиям.

— Этот подлец Кочергин сейчас поднимет все село... Нам надо срочно уезжать, — возбужденным голосом говорил Мешков, торопливо натягивая китель. Глядя на него, Харламов зашелся в каком-то безумном смехе и упал на стул:

— Идиоты! Пожар затушили, когда все равно спалим!.. Ну, да ладно, Спиридон сейчас должен выполнить мое последнее приказание... Выполнишь, Спира? — Харламов направил на него ствол нагана.

— Точно так, Фед-дор Мих-х...

— Бери спички, а лучше лампу на кухне и беги на склад, где хранится керосин... Подожжешь его, а потом бери любую лошадь, свою брюхатую жену и чеши отсюда на все четыре стороны, понял?

— Н-нет... А как же мы? Ведь там уйма керосина — рванет так, что никто не успеет убежать! Сгорим все: и люди, и скотина и... и...

— Не хочешь — значит, я тебя пристрелю сейчас, а склад зажгу сам, потому как просто так я из этого гадкого села не уеду! Я ничего не оставлю этим скотам, ни-че-го!

— Федя, я тебя понял, — голос Мешкова звучал ровно, хотя в нем и чувствовалось неимоверное напряжение. — Я провожу этого Спиридона на склад и прослежу, чтобы он его поджег, а ты забирай свой ларец, что-то из продуктов — дорога-то дальняя, и жди меня в возке...

— Вот теперь я слышу голос офицера! Спасибо, Шура!

* * *

...Сено, заполнявшее сеновал под самую крышу, вспыхнуло сразу, едва лампа, брошенная дрожащей рукой Спиридона, опрокинулась.

— А теперь беги запрягать лошадь и уводи всех живых со двора, — поручик для верности ткнул в спину наганом парализованного страхом приказчика.

— Ваше благородь, а ведь они сказали, что склад...

— Тогда и я, дружок, вместе с тобой сгорел бы на месте! А мне не резон помирать из-за ваших дрязг. А пока он поймет, что горит, вы уже разбежитесь... На складе-то замок висит иль как?

— Висит, вашблагородь...

— Ну, то-то же. А ну, бегом — марш!

Проводив глазами убегающего Спиридона, Мешков бросился к воротам, где его должен был ждать Харламов. Уже боковым зрением он видел, как из разных углов усадьбы к месту пожара спешили люди с ведрами и лопатами. «Небось, успеют затушить», — отложилось у него в мозгу.

Когда Мешков пытался забраться в возок, Федор удивленно протянул:

— Ты-ы?

— А ты думал, что я взлечу на воздух вместе со складом? Хорош ты, Федя!

— Но ты же обещал поджечь.

— Я и поджег... точнее, это твой Спирька поджег. Видишь, как занимается огонь?

Федор осторожно выглянул из возка, этого хватило, чтобы офицер рывком выкинул его наружу, на мгновение придавил к земле и обезоружил, вытащив из кармана револьвер.

— Так-то оно лучше, а то стрелять ты не умеешь, еще мне шкуру попортишь! Эй, где ты, Иван? — крикнул он возницу.

— Тут я, — откликнулся мужик, распахивая заиндевшие на морозе ворота, — слуг нетути, самому приходится... Ой, ваше благородие, все село переполошили своей стрельбой, вон сколько их бежит со всех сторон! Как пить дать перекроют дорогу и порешат нас тут!..

— Ничего, отстреляемся, Иван! Главное, не бояться...

— Шура, в селе около десятка бывших солдат, все социалисты, приехали из Москвы и Питера... у них оружие... — Харламов стоял рядом с возком и словно заклинал своего бывшего друга.

И действительно, с разных концов села, с Заурской стороны, с Расейского угла, в морозной

тьме, словно перемигиваясь между собой, спешили к купеческому дому тусклые огоньки фонарей и дрожащих на ветру факелов, и, перекрывая лай растревоженных собак, в ночи гремели ружейные выстрелы. На морозе они звучали особенно громко и раскатисто. Разбуженное село встрепенулось, скинуло с себя сонную дрему, поднялось на свою защиту. Бегущие приближались стремительно, и уже через несколько минут они могли достичь харламовского подворья, где запывавший сеновал служил им хорошим маяком.

— А ну, Иван, погоняй, пока дорога свободна! — скомандовал Мешков.

— Шура, а я? — раздался из темноты жалобный голос Харламова. — Шура, ведь мы друзья с тобой, Шура!..

— То-то ты меня отправил за смертынькой. Нет уж, лучше сам сдохни!.. Трогай, Иван!

— Стоять! — раздался из темноты злой окрик, и вслед прогремел выстрел. Похоже, и последний отход к дороге был перекрыт.

— Кто там? — вскинул наган в темноту Мешков, но оттуда раздался грозный окрик невидимки:

— Не балуй, барин, а то пристрелю!

Последнее предупреждение убедило офицера отказаться от стрельбы: он не видел врага, а стрельба во тьму на голос не давала шансов на успех. Теперь он сидел с поникшей головой, приговаривая про себя: «Какая глупость была с самого начала! И черт меня дернул ехать сюда! Идиот я, а не ваше благородие!..»

Все ближе и ближе огоньки, казалось, все деревенские собаки вслед за людьми бросились в погоню за чужаками. Рассвет, грозный и суровый, пришел в село до свету, и это было знаком нового времени, тревожного и жестокого...

— Афоня! Афанасий, ты где? — Федор Харламов, обходя стоявший в раскрытых воротах его усадьбы возок, пошел в темноту, откуда раздавался голос.

— Кто это? Федор Михалыч, ты что ли?

— Я, Афанасий, я самый, неужто не узнал? Помоги мне, у меня голова разбита...

— Да кто ж вас так-то? — из темноты на свет луны выдвинулась фигура человека с ружьем в руках.

— Да вот забрались какие-то лихие люди, избили, сарай подожгли, да сейчас уж им не уйти, мужики подмогнут, вон их сколько бежит...

— Да, Федя, поможем... Ты иди сюда, подале от ворот-то, а то, не дай бог, тебе еще прилетит...

Харламов осторожно подошел к говорящему, подал ему руку для приветствия, а левой рукой наотмашь ударил его по лицу. Охнув, Афанасий Гвоздев, а это был именно он, повалился на снег, а Федор, подхватив его ружье, кинулся к возку. Мешков, молча наблюдавший за всем происходящим, посторонился, пропуская товарища в возок, а затем крикнул вознице:

— Гони, Иван! Если проскочим — в Томске в лучшем ресторане напою до зеленых соплей!..

— Только не забудьте, ваше благородие! А ну, залетные, пошли!

На морозе громко щелкнул бич, и пара отдохнувших лошадей с места взяла в карьер.

— Стой! Стой, Федька, подлец, верни ружье!.. — Гвоздев поднялся на ноги и еще долго бежал вслед стремительно уносившемуся в ночь возку с протянутой рукой. Со стороны движущихся огоньков вслед растворившейся в зимней мгле повозке звучали выстрелы, но они уже не могли причинить ей вреда. Перед тем как скрыться ей за поворотом, в сторону бегущих мужиков из повозки также прогремело несколько выстрелов. Новое время пришло в село, и приход его отметился этой ночной перестрелкой. Только теперь урские крестьяне стреляли не в зверей, не в бандитов и чужаков, пришедших со стороны. Сосед стрелял в соседа. Не за горами было то время, когда сын пойдет на отца, брат — на брата, а над всей Россией на долгие годы повиснет кровавая мгла гражданской войны...

ГЛАВА 7

...В теплый апрельский вечер 1918 года со стороны Брюханова к заводскому поселку Гурьевский завод приближалась колонна конных повозок, на которых расположились несколько мужчин разного возраста, но единственное, что их делало похожими друг на друга, — черные вицмундиры с большими медными пуговицами, кои в ту пору были обязательным атрибутом одежды инженеров и техников, будь они от лесного ведомства, горного, металлургии или железной дороги. В первой коляске с опущенным верхом ехали четверо мужчин. Старшему на вид чуть за сорок. Худощавый, жилистый, красивый, лицо покрыто сетью мелких морщинок, отчего при улыбке оно становилось бесконечно добрым и притягательным. Рыжеватые усы и небольшая

бородка довершали портрет типичного русского интеллигента конца XIX — начала XX века. Высокий лоб и острые, пронизывающие глаза свидетельствовали о незаурядном уме их владельца, но когда он начинал улыбаться или смеяться, они становились удивительно теплыми и человечными. Все мужчины обращались к нему с должным почтением и только по имени отчеству: Михаил Константинович. Это и был знаменитый русский металлург Курако. Вместе с ним в коляске ехали его коллеги, инженеры-металлурги Казарновский, Мезенцев и Джумук, которых он пригласил с собой в Сибирь для разработки проекта и строительства нового металлургического комплекса. На двух повозках, следующих за коляской, также находились инженеры, ученые и техники из его команды, всего двенадцать человек. По призыву своего учителя они оставили благополучные южные заводы ради маленького сибирского заводика, совсем недавно отметившего свой столетний юбилей...

...Гурьевский завод находился в котловине между двух отрогов Салаирского кряжа, и потому любой транспорт, устремлявшийся к нему, свернув с тракта, принужден был спускаться под гору по извилистым и неказистым улочкам заводского поселка. Как ни медленно двигалась эта процессия, но полуденный покой Гурьевска нарушила. Собаки, нашедшие себе приют в каждом дворе возле небольших и потемневших от времени деревянных изб, исходили истошным лаем, а куры, доселе мирно разгуливавшие по улице и что-то выклевывавшие в молодой, едва увидевшей свет траве, что росла вдоль покосившихся плетней, испуганно бежали в разные стороны. Вторя им, с тревожным кряканьем уводила свой выводок рыжеватая утка, а коза с обломанным рогом, привязанная веревкой к ограде, вдруг встrepенулась, глядя на усталых и запыленных лошадей, приподнялась на задние ноги, а затем бросилась вглубь переулка, легко освобождаясь от пут.

— Деревенская идиллия, — кивнув в сторону разгоравшихся уличных страстей, негромко проговорил Александр Джумук. — Полверсты до завода, если напрямую, а тут тебе — и куры, и утки, и даже коза... На Юзовке или в Мариуполе такого, наверное, нет, а, Михаил Константинович?

— И там все это есть, Саша, только поближе к окраинам, — усталым голосом отозвался Курако, — там все же города, а тут поселочек... Даже для Сибири он совсем невелик.

— А вот и ошибаешься, Александр Евгеньевич, — вступил в разговор доселе молчавший Казарновский, высокий статный мужчина лет сорока. — Не деревенская идиллия, а сельская... Вон слева от дороги церквушка горюнится, видишь? Маленькая, вся прокопченная сажей и пылью, а статус все же дает — се-ло!

— Правда ваша, Григорий Ефимович, — лениво согласился мужчина, — а все же нарушили мы покой аборигенов своим визитом...

— Ага, а вот и сам абориген... — подхватил его слова бухгалтер Мезенцев, и на его полном румянном лице играла загадочная улыбка. Из ограды дома, от которого убежала коза, на улицу вышел огромного роста мужик с густой черной шевелюрой. Он был пьян, бос и одет в серую суконную рубашу, выпущенную поверх таких же штанов. В руках — метла. Сурово глянул на проезжавшую мимо повозку, словно обвиняя в бегстве его козы невесть откуда наехавших гостей, энергично почесал шею под бородой-лопатой, сплюнул себе под ноги и, подняв метлу вверх, зычно крикнул вслед убегающему животному:

— Убью, сволота!.. — после чего, неуверенно перебирая огромными ножищами, бросился за козой.

— Вот вам и первое знакомство с сибирским мужичком! Каково, господа? — Курако говорил с легкой усмешкой в голосе. — Не расхотелось работать здесь?

— Да-с, колоритная фигура, — отозвался Казарновский. — Такой не только козу, но и быка кулаком с ног свалит! Здоров!.. А как зыркнул на нас, да и плевков-то, видно, нам предназначался, да передумал в последний момент...

— Нет, если этот захотел бы плюнуть в нашу сторону — плюнул бы, всенепременнейше плюнул бы, господа, уж поверьте... — продолжал знаменитый металлург. — А взгляд какой, обратили внимание? Где-нибудь на Рязанщине или Орловщине мужик при такой встрече шапку бы заломал да кланяться начал... Полвека крепь отменили, а все живет еще в людях какой-то страх перед барином... А у этого молнии в глазах блещут, а почему?

— Почему?.. Почему? — все трое мужчин со вниманием воззрились на говорящего.

— Да потому что в Сибири никогда не было крепостного права, и потому мужик здесь прямее держится — сибирская порода! Запоминайте, господа...

На шарабане, что шел вслед за коляской, шестеро мужчин что-то тоже горячо обсуждали, глядя вслед удаляющемуся мужику. Их кучер, не желая, чтобы пыль от передней повозки доносила его пассажиров, держался чуть поодаль от нее, отчего мужчины, находившиеся в коляске и шарабане, не могли слышать друг друга и переговариваться. На третьей же повозке, замыкавшей эту колонну, ехали двое молодых людей, а все остальное пространство пролетки занимали чемоданы, баулы и сумки пассажиров первых двух повозок. Возница пролетки, пятидесятилетний мужик с густой и сивой бородой, в сером армяке и таком же сером картузе с мягким козырьком, оказался менее щепетилен, нежели его товарищ по извозу, что правил шарабаном, и потому всю дорогу от Тайги он буквально лепился к впереди идущему транспорту, изредка поддевая его кучера шутками. Молодым людям докучала эта дорожная неурядица, и они не раз просили своего возницу чуть поотстать, чтобы не ехать в шлейфе пыли. Тот откликнулся на их просьбу, но уже через три-четыре версты опять забывался, и пытка дорожной пылью начиналась сызнова. Молодой человек в круглых очках с металлической оправой, в очередной раз протерев несвежим носовым платком покрытые пылью стекла, хотел было снова что-то сказать кучеру, но его товарищ остановил:

— Не надо, Андрей! Ты же видишь, что хозяин этого скакуна не внемлет нашим просьбам... — говорящий выглядел моложе всех из инженерной компании и единственный не имел ни усов, ни бороды. Лицо не лишено приятности, но курносый нос смешно морщился, когда его хозяин улыбался или принимался хохотать. — В поселке пыли меньше — потерпим уж во благо нового дела...

— Но как же...

— Да-да, по милости этого кентавра мы с тобой насквозь пропитались дорожной пылью, но я обещаю тебе баню, по крайней мере — заводскую мойку. Ты же знаешь, что бытовыми вопросами нашей группы занимался я.

— Спасибо, Сережа, немного утешил... А как ты его назвал... кентавром? Остроумно!

— За время пути в моем воображении наш возница настолько слился со своей лошадью, что я их совсем не разделяю. Так возник образ кентавра, — и молодые люди громко рассмеялись.

— Ась? — кучер, заслышав за своей спиной разговор, а затем и громкий смех, повернул голову вбок и обратился к своим пассажирам: — Чего изволите, барин?

— Чего мы изволили — вы не позволили, а те-перича у нас все ладно и хорошо, — едва сдерживая смех, сказал безусый.

— Ага. И то слава Богу! — откликнулся кучер, так и не расслышав половины слов смешливого инженера.

— Вот видишь, Андрей, в столице царя свергают, советы организуют, за новую жизнь бьются, а местным мужикам мы с тобой все равно बारे.

И, словно желая еще раз проверить правоту своих слов, обратился к вознице:

— А что, уважаемый, слыхал ли ты, что царь наш вседержитель от трона отрекся?

— А то как же... — неопределенно отозвался тот.

— И что скажешь на это?

— А что сказать-то, когда все сказано без нас...

— И как же ты думаешь, во благо это или во зло?

— Поживем — увидим, барин...

— М-да, а не прост ты, дядя! С какого бока его не возьми, а он все от ответа прямого уходит. Дипломат какой-то, а не кучер... Хитер, бестия, — и безусый засмеялся, увлекая за собой товарища.

Какое-то время мужик ехал молча, а когда пассажиры просмеялись, спросил осторожно:

— Может, чтой-то не так, барин, так скажите, я всегда повинюсь, коли неправ...

— Да во всем ты прав, дядя, да только в России-то сейчас чаще говорят «товарищ», «гражданин», а ты все «барин» да «барин». Что же так?

— А тут жизнь такая, что в товарищах у нас тут только волк серый, да и тот в лесу прячется! — ответил мужик и коротко хохотнул.

Теперь пришла пора молодым людям недовольно переглянуться и поддержать его смех. Пассажиры с передней повозки, заинтригованные громким смехом, закричали:

— Чему смеетесь, господа? Поделитесь с нами!..

— Да мы тут с нашим возницей о политике рассуждаем, — отозвался Сергей Барбашов, — мнения разные, но оба верные...

— А ведь так не бывает!..

— Бывает, господа, потом вы убедитесь в этом...

Мужик, поняв, что речь идет о нем, опасливо втянул голову в плечи и какое-то время ехал молча, но потом, похоже, не вытерпел и снова обратился к своим пассажирам:

— А ведь не все у вас там стали гражданами, — он сделал ударение на второй букве «а», — да товарищами, коли промеж себя до сей поры господами кличите. Аль не так?

Андрей Езерский и Сергей Барбашов снова удивленно переглянулись и засмеялись: каков дядя! Со своей мужицкой логикой!.. К этому времени их повозка уже стояла перед мостиком, который вел на территорию завода.

...А за всей этой процессией из огорода, что был напротив дома, откуда убежала коза, наблюдали старик и старуха. Они занимались какими-то посадками на своем крохотном огороде, но, завидев новых людей, на время оставили свое занятие. Худенькая старушка со сморщенным лицом и потрескавшимися губами уперлась подбородком в черенок лопаты и недовольным голосом сказала старику:

— Вона господа едут. Однако опять на завод...

— А куды ж еще больше, — отозвался тот. — Вишь, все в черных мундирах да при медных пуговицах, только не господа оне, а эти... — он задумался на мгновение, отыскивая в памяти нужное слово, — ынжынэры, вот кто они!

— Можя, и ынжынэры, да только все равно господа, — твердо заключила старуха. — Вишь, какие они чистенькие да ладненькие! Я тебя, Петро, таким-то только на свадьбе помню да на Пасху иногда...

— Ага, — недовольно прогудел старик, — у гор-на покрутишься от зари до зари — вмиг весь лоск спадет и шура в одночасье задубеет!..

— Ладно, Петя, жили как могли, не хуже других... Грязненького-то можно отмыть — на человека походить будет, а злодея-то ни мылом, ни песком не отмоешь — таким и сдохнет!

— Ты о чем, старая?

— Да все про то ж: как мы без царя-батюшки жить-то дальше будем? Вот оно где горе наше!.. — и она неистово перекрестилась, глядя вслед убегающим под гору повозкам с «ынжынэрами».

Едва первая повозка со столичными гостями выехала на заводскую площадь, как Филька Чупин, четырнадцатилетний паренек, работавший курьером при заводууправлении, кинулся в ка-

бинет начальника личного стола с криком: «Ермолай Петрович! Едут! Едут!». Козин Ермолай Петрович, сорокалетний холостяк, в ожидании высоких гостей пребывал в крайне нервном напряжении и, чтобы как-то отвлечься от тревожных мыслей, допивал третью чашку чая, настоящего на травяном сборе, приготовленном его матушкой. Впрочем, вряд ли он чувствовал его вкус, поскольку мысленно постоянно возвращался к тому совещанию, когда управляющий заводом Садов объявил всем служащим заводоуправления, что приезжает представительная делегация во главе со знаменитым металлургом Курако. Имя, знакомое всем управленцам, и поэтому в кабинете надолго повисла тревожная тишина. Каждый из них понимал, что это не простая проверка завода новыми хозяевами из Копикуза и что главный металлург России вряд ли оставил бы крупный Юзовский завод на теплой Украине, чтобы довольствоваться второй ролью на маленьком заводе в суровой Сибири. Наверняка ему обещано место управляющего, а значит, нынешний, Садов, уйдет в отставку, и за ним должны последовать все остальные заводские чиновники, ведь недаром с прославленным доменщиком едет целая команда. И потому на лицах каждого участника совещания лежала озабоченность. Не мог скрыть своих тревог и управляющий заводом Садов, высокий мужчина средних лет с повадками лорда и по-гусарски закрученными усами. Но авторитет главного доменщика России так велик, что никто не позволил себе даже усомниться в правильности и необходимости появления его на заводе и в том, какие возможные изменения их всех ожидают. Ровным, отчасти даже бесстрастным голосом Садов вкратце довел до своих служащих задачи, которые руководство Копикуза намерено решать в ближайшее время в Кузнецком округе, а свое выступление закончил так:

— Данный визит, господа, нам надлежит воспринимать как первый шаг в решении намеченных руководством нашей компании мер, а потому прошу всех отнестись к нему с полной мерой ответственности. Нам нужно встретить гостей, расквартировать, показать наш завод в лучшем свете... Встречать у входа делегацию будете вы, Ермолай Петрович, — управляющий наклонил вперед лобастую голову и взглянул на главного кадровика через стекла пенсне. — Впрочем, не у входа, а даже перед мостом, а мы будем их ждать здесь, в моем кабинете...

— Иван Христофорович, — осторожно подал голос главный инженер завода Комаров. — А может, вам лично встретить наших гостей на входе?... Начальство все же...

Управляющий какое-то мгновение помолчал, что-то обдумывая, но потом сказал уже тверже:

— Нет-с, господа, план встречи менять не будем. Будь это Осип Васильевич Федорович, тогда другое дело, тогда можно было поступиться... Спору нет — великий доменщик Михаил Константинович, но ведь не директор он все-таки, а только представитель акционерного общества... Не будем излишне усердствовать... Margarita ante porcess! Даст Бог, все останется по-старому...

— И все же, Иван Христофорович... — продолжал настаивать Комаров.

— Полноте, Василий Степанович, мы с Курако в одном чине, так зачем шапку ломать?! — голос управляющего стал жестче. — Надобно и свою честь поиметь! — и после секундной паузы добавил с грустью в голосе: — По наши головы он едет, как пить дать, так что же нам их гнуть-то? Тут даже если в Брюханово поедешь встречать, и то не поможет...

...Два дня прошло после того совещания. Ермолай Козин, которому поручили встречать важную делегацию из самого Копикуза, успел успокоиться и приучить себя к мысли, что сам Курако и вся его свита — такие же люди, как и он сам, потому не надо особо волноваться. Надо быть спокойным, вежливым и...

...Ах, паршивец этот Филька! Своим заполошным криком нарушил то равновесие и спокойствие, которого он, Ермолай Петрович Козин, с таким трудом пытался достичь, сидя в своем кабинете за чашкой чая.

— Пшел вон! — крикнул он пареньку, а сам подскочил к открытому окну, но, вместо того чтобы выплеснуть остатки чая, выбросил самую чашку. — А-а, черт!..

Он вбежал в смежную комнату, где сидели две молодые женщины, работницы личного стола, Катя Буравина и Маша Кузнецова. При появлении начальника они живо вскочили со своих мест и воззрились на него. Через мгновение его волнение передалось и им, но если Мария при этом вспыхнула ярким румянцем, то Катерина сильно побледнела и стала жадно хватать воздух ртом. Совсем не обращая на нее внимания, Козин нагнулся к Маше и, едва справляясь со

своим нервным напряжением, прошептал с чувством:

— Ох, Машенька, тебя даже испуг делает краше!.. Ой, доберусь я до тебя, дай только время...

— О чем вы, Ермолай Петрович? — отпрянула девушка.

— Ой, да потом, все потом... — И он метнулся на выход вслед за курьером.

— Везет тебе, Машка, — с нескрываемой завистью проговорила пышнотелая Катерина, постепенно приходя в себя. — Он ухаживает за тобой, а ты еще нос воротишь! Смотри, Машка, Ермолай Петрович видный мужчина, при должности...

— Не глянется он мне, Катя...

— Потом бы поглянулся! Зато жила бы в отдельной комнате, и муж инженер!..

— Да какой он инженер?! Он и в цеха-то ходит раз в году, так — чиновник!..

Между тем Козин уже выпорхнул на крыльцо заводоуправления и устремился навстречу приезжим. К тому времени все повозки уже выстроились перед мостом через Бачат, мужчины разминались после длительной дороги, успевая при этом любоваться красивым зданием из красного кирпича, расположившимся прямо напротив проходной завода. В следующее мгновение их внимание переключилось на шатена средних лет, спешащего к ним через мост. Длинные полы черного сюртука развевались на ходу, мешая его движению, но он, похоже, не замечал этого, а глаза его растерянно перебегали с одного мужчины на другого, определяя, кто же из приезжих и есть тот знаменитый Курако. Так и не определившись, он застыл в нерешительности перед пассажирами первой повозки. Последние, поняв затруднительное положение мужчины, не торопились прийти ему на помощь и следили за ним, едва скрывая улыбки.

— Здравствуйте, господа! Позвольте представиться — начальник личного стола Гурьевского завода Козин Ермолай Петрович. По поручению их высокоблагородия Садова уполномочен вас встретить и проводить... — тут он неожиданно замаялся.

— Проводить? Куда? — спросил мужчина с рыжеватой бородой и усами.

— Так... к себе...

— Что ж, ведите к себе, коли в этом есть нужда... Кстати, меня зовут Курако Михаил Константинович, — и он протянул руку заводскому столоначальнику. В следующее мгновение колонна

мужчин в черных вицмундирах направилась через мост в здание заводоуправления. В коридоре первого этажа Курако бросил взгляд на лестницу, ведущую наверх, но, увидев справа от двери табличку «Личный стол», решительно направился туда.

— Михаил Константинович, нам наверх... — растерянно пробормотал Козин.

— Но ведь вы сами хотели проводить нас к себе — так ведите!

— А-а...

— Смелее, Ермолай Петрович, смелее...

Мужчины из свиты знаменитого металлурга поняли, что их руководитель уже начал знакомиться со своим будущим заводом, и потому дружно пошли вслед за ним в кабинет. В первой комнате их встретили две девушки, но Курако, не останавливаясь, сразу прошел в кабинет столоначальника, за ним следовали Казарновский, Мезенцев и другие, и лишь Сергей Барбашов задержался в первом кабинете. Увидел черноволосую и черноглазую красавицу, и словно столбняк его хватил. Дух захватило от такой красоты. А его шеф между тем осмотрелся в кабинете Козина, полистал папки с документами, что ровными рядами лежали на столе и подоконнике, затем повернулся к хозяину:

— Как я понял, это и есть ваше рабочее место, Ермолай Петрович?

— Так точно, ваше высоко...

— Ну, что же вы так официально? Зовите меня по имени-отчеству...

Видя, как Курако цепким взглядом осматривал его кабинет, Козин порадовался тому, что свою кружку с чаем он по оплошности выкинул за окно: она бы сейчас явно нарушала благопристойный и рабочий вид его кабинета.

— М-да, а где же вы храните дела?

— А вот, — и Козин немного суетливо стал открывать дверцы шкафов, за которыми ровными рядами стояли папки с делами.

— И сколько у вас работников на заводе?

— Шестьсот восемьдесят два человека...

— А как обстоят дела с травматизмом? — поинтересовался высокий статный мужчина.

— Это Казарновский Григорий Ефимович, мой заместитель, — представил его Курако. — А данный вопрос вас не затруднит?

— Никак нет... С начала года шесть легких увечий и один смертельный случай... Старый рабочий умер от разрыва сердца... Семье оказана помощь... похороны за счет завода...

— Что ж, неплохо, Ермолай Петрович, но не будем о грустном сегодня, ведите к управляющему, там никак нас уже заждались... — и он так же стремительно направился к выходу, но в соседней комнате наткнулся на все еще стоявшего в столбняке Барбашова. — Сергей Иванович, ты что стоишь здесь как соляной столб, какой ужас тебя превратил в него, не Содом ли с Гоморрой?

— Михаил Константинович, — чуть не шепотом проговорил молодой человек, — ведь это фея!..

Курако скользнул взглядом на предмет обожания своего инженера и не удержался от возгласа восхищения:

— Боже, и это здесь, в такой глуши, а? — Курако обернулся к Козину.

— Наши работники, — поспешно проговорил тот, — Екатерина Буравина и... Маша Кузнецова... писчицы... прекрасные работники...

— Да нет, Козин, это не работники, а ангелы во плоти, — проговорил Курако, не сводя глаз с Маши Кузнецовой.

— Так точно, ваше высокоблагородие!..

— Экий вы служака, Ермолай Петрович, — со смехом сказал знаменитый металлург, тем самым разряжая обстановку, и следом засмеялась вся его свита.

— Маша, а как же вас по батюшке?..

— Гордеевна я... Мария Гордеевна...

— Отец-то, наверное, из заводских, из кузнецов?

— Отчего вы так думаете?

— Да потому что фамилии на Руси почти всегда давались так: кузнец — Кузнецов, плотник — Плотников...

— Правда ваша... и отец мой, и дед, и прадед — кузнецы, да только сейчас мой батюшка в селе живет, землепашец он...

— Но все они работали на нашем заводе, Михаил Константинович, — не без гордости заявил столоначальник.

— Прекрасно, прекрасно... А кто это так весело стучал на машинке, да так, что на мосту слышно было?

— Это она-с, Михаил Константинович, Мария Гордеевна...

А Маша только взгляд потупила и еще больше залилась краской.

— И грамоте разумеет?

— Так точно-с!

— Прекрасно, прекрасно... Ну-с, Машенька, желаю вам всех жизненных благ и прежнего радения на благо родного завода...

Гости дружно покинули служебное помещение, и последним — Сергей Барбашов. Именно к нему обратился взгляд Маши Кузнецовой, и такой, о каком ее начальник мог только мечтать...

...Наверху, в кабинете управляющего, Курако продолжил знакомство с работниками завода, который ему надлежало возглавить в ближайшее время. Управляющий заводом Садов познакомил представителей Копикуза со своими заместителями, главным инженером завода, заведующим механической фабрикой, старшим бухгалтером и сразу предложил с дороги отдохнуть, поужинать, оставив на завтра все производственные вопросы, но, похоже, у знаменитого металлурга были другие планы. Уже в ходе ознакомительной беседы он задал несколько вопросов о заводских делах и, неудовлетворенный ответами управляющего, предложил немедленно осмотреть завод, чем в немалой степени озадачил как работников завода, так и своих спутников, которые изрядно устали после долгой и утомительной дороги. Но никто из присутствующих вслух не выказал своего несогласия, и вскоре многочисленная делегация неспешно обследовала заводские цеха, заглядывая во все углы и закоулки предприятия. Лицо Мастера при этом становилось все более хмурым, не улыбчивым, теперь он уже не пытался шутить. Наибольший интерес у него вызвала домна. Он тщательно осмотрел ее со всех сторон, о чем-то долго говорил с горновым, после чего сразу направился в кабинет управляющего. За ним, предвкушая тягостный разговор, потянулись управленцы завода и люди в вицмундирах.

— Надеюсь, господа, вы посвящены в то, какие цели и задачи поставлены перед нашей комиссией? — сухим и жестким голосом начал Курако.

— Так точно, — отозвался Садов. — Из Томска приходила телеграмма, что вы будете с инспекторской проверкой, и потому мы...

— Извините, Иван Христофорович, ваша телеграмма уже устарела... Читайте вслух, — и он протянул Садову письмо директора-распорядителя акционерного общества кузнецких каменноугольных копей О. Федоровича:

— «Милостивый государь Михаил Константинович!..» Простите, но удобно ли, Михаил Константинович?

— Удобно, удобно, читайте!

— «...Милостивый госу... Предлагаю Вам взять на себя руководство всеми подготовительными работами и заготовкой материалов на месте постройки завода... В Вашем распоряжении будет находиться имеющийся уже на площадке штат служащих с Н. В. Садовым во главе, а также следующие лица Вашего цеха из бюро управления: С. С. Короткевский, А. А. Хабаров, П. В. Кравченко В. Я. Панфилов А. Г. Жиров... До окончания доменной печи, пуска ее в ход и постройки мартеновской печи на Гурьевский завод командироваться... Г. Е. Казарновский, Р. В. Лизунов, В. В. Лизунов, А. Е. Джумук, М. Ф. Жестовский, А. Л. Варшавский, А. Г. Демишев. 14 марта 1918 года».

Выдержав небольшую паузу после прочтения письма управляющим завода, Курако заговорил снова:

— Многие из тех, о ком идет речь в письме, находятся в этом кабинете, и я вам уже представлял их, Иван Христофорович... Сегодня уже поздно и потому наш главный разговор мы перенесем на завтра, как говорится, «de nocte consilium»... утро вечера мудренее... Не скрою, не все из того, что мы увидели у вас на заводе, нам понравилось, возможно, придется принимать серьезные кадровые решения, а посему праздничный стол отменяется... Я и мои друзья не хотим выглядеть некорректно в ваших глазах. Вполне достаточно будет того, что вы покормите нас с дороги тем, чем сами столуетесь, да позволите смыть с себя пыль... Сергей Иванович, — обратился он к Барбашову, — вопросы с квартированием вы разрешили?

— Так точно, Михаил Константинович, проверил лично...

— Что ж, поблагодарим наших хозяев и простимся до завтра...

...Уже ближе к полуночи, когда все члены делегации после бани и короткого ужина разошлись по комнатам, специально освобожденным для гостей в старом корпусе заводоуправления, в комнату к Курако постучался Казарновский. Он хорошо знал своего Учителя, знал, что после такого насыщенного событиями дня тот не прекратит много думать, решать какие-то вопросы, и надеялся быть ему полезным. Увидев его, Михаил Константинович обрадовался:

— Заходи, Гриша, заходи...

Уже в самом начале разговора они поняли, что их мнение о состоянии дел на заводе совпа-

дает, и потому дальнейший разговор получился открытым.

— ...Плохи дела, Гриша, а мне думалось, что здесь мы найдем порядок... Не нашли! Знать, не прошли даром годы простоя, а потому и работы у нас будет здесь гораздо больше, чем мы предполагали... Завтра придется снимать всю верхушку завода — управляющего, главного техника, снабженца, старшего бухгалтера...

— А кого же поставим? Мы же еще планировали ехать в Кузнецк...

— ...И поедем... только не все. Оставим здесь Мезенцева, Джумука, Барбашова... Пусть проводят инвентаризацию, подбирают надежных людей на местах, от каталя и кузнеца до начальников цехов... В каждом цехе, в каждом отделе проводите собрания, объясняйте те задачи, что нам придется решать в самое ближайшее время...

— А как же без управляющего?.. Кого оставим за него?

— Тебя, Гриша, тебя, кого же еще! А я с остальными поеду на юг... Не скрою, когда ехал сюда, в душе еще надеялся, что обойдемся Гурьевским заводом, укрепим, модернизируем... Теперь вижу — не обойдемся! Маловат заводик, хорош, но мал. Где нам здесь развернуть нашу механизацию? Где поставить мартен, новую домну? Нужен большой завод, новый, и мы его построим!..

— А зачем тогда нам оставаться здесь, если...

— Григорий Ефимович, заводик-то этот нам еще ох как пригодится! Ты что же думаешь, что металл на будущую стройку на Тельбессе мы будем с Урала везти, в эту-то даль? Нет, дорогой мой, отсюда повезем! Здесь будем его плавить, катать, собирать...

— Михаил Константинович, — хитро улыбаясь, сказал Казарновский, — а я почему-то уверен был, что именно такое решение вы и примете...

— Прекрасно! Это говорит за то, что мы друг друга достаточно хорошо понимаем, а раз так, нам будет легко работать!

— Михаил Константинович, ваши слова звучат как готовый тост...

— Ты это о чем? Ну-ка, ну-ка, выкладывай, с чем пришел?

— Так с чем... вот, бутылочку коньячка захватил с собой да яблоко... Коньяк-то шустовский!

— Откуда? — от удивления Курако даже присвистнул.

— Барбашов разжился где-то... Говорит, из Томска привез...

— Предусмотрительный человек! И хватка есть у него, и энергия — с такими вот ребятами и надо дело делать... Ну, что стоишь? Вон стакан, а вот кружка...

Уже чокнувшись, Курако задержал стакан у рта и сказал с сожалением:

— Как-то неудобно получается: мы тут гуляем, а наши товарищи...

— Михаил Константинович, они тоже гуляют... у Мезенцева и Джумука... У Барбашова ведь не одна бутылка была...

Они громко засмеялись и выпили.

— Ну, черти! — с улыбкой произнес Мастер, закусывая яблоком. — Все рассчитали!..

— Да не черти мы, а ангелы в человеческом обличье...

— Э-э, нет, Гриша, здесь, на заводе, я встретил только одного ангела — помнишь ту девушку Машу из личного стола? И хороша, и скромна, и грамоте разумеет...

— Я-то ее заметил, Михаил Константинович. Писарем у управляющего сидит какая-то старушка, пишет официальные бумаги чуть ли не гусиным пером, а такая машинистка пропадает в личном столе. Странно... Похоже, Ермолай Петрович виды на нее какие-то имеет и потому не хочет отпускать от себя. Но я ее все равно переведу к себе в приемную...

— Переводи, Гриша, имеешь право, но будь осторожнее!

— ?!

— Ты видел, как на нее Сережа Барбашов смотрел? То-то же...

— Михаил Константинович, еще чуть-чуть, за успех нашего дела!..

— За успех!..

На Руси всегда считалось незазорным отметить рюмкой доброго вина и начало пути, и его успешное завершение. Таковы вековые традиции, а хорошие традиции негоже менять...

Конец второй книги

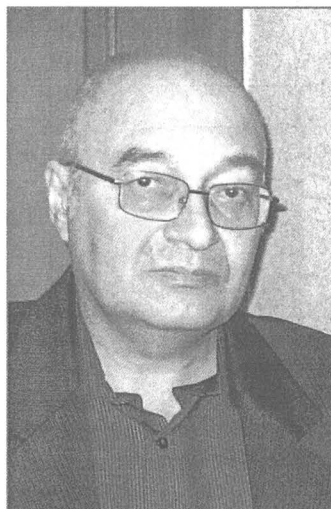
Литературная жизнь

Новокузнецанин Эдуард Гольцман стал лауреатом первого Всероссийского конкурса детских мобильных книг

Сергей
ПОДГОРНОВ

НАД ТЕРРИКОНОМ,
ПАРКОМ, ЛУГОМ...

И снова май горячий, пряткий.
Черемуха в который раз
в двух метрах – сразу за калиткой –
кипеньем белым режет глаз.
Над терриконом, парком, лугом,
над городком с людьми его
гоняют годы друг за другом,
не изменяя ни-че-го –
ну хоть бы штрих иль мелочь даже!
И только лишь кадровики
работникам клепают стажу
одним движением руки.
...А в небе приметить можно
того размытые черты,
кто время с дырочками ложкой
помешивает с высоты
не повелительно, не властно,
не медленно, впадая в сон,
не отстраненно-безучастно,
а так – мешает, вот и всё.
Век промелькнет, а этот, с ложкой,
не разберется в простоте:
внизу там эти – кто, возможно...
Или все те же – те, те, те?

63

ЗАКЛИНАНИЕ

Когда я стану старый дед,
и тренькнет гаснущая лира:
мол, ты из прелестей кумира
не сотвори себе сует –
я только криво усмехнусь:
какой кумир? И слышать странно,
здесь валидолы по карманам...
Боюсь я старости?
Боюсь!
Года сужают перспективу
движений, мыслей, чувств. Хотя
старик нередко, что дитя,
конфету внука ловит живо.
Я в область бабочек и снов
о милом детстве с кашей манной
вселюсь, как недруг. Из ослов
последним буду.
И с дивана
в ту комнатку, мой бастион,
сбегу, оборонюсь от жути:
там только книги и компьютер,
а старость – вон. А старость – вон!

ПОДГОРНОВ Сергей Елизарович родился в 1956 году в Анжеро-Судженске. Окончил Дальневосточный государственный университет. Работал в конструкторском бюро Владивостока. В 1987 году вернулся в Анжеро-Судженск, работал в городской газете, на стекольном заводе, сейчас – в городском водоканале начальником штаба ГО и ЧС. Автор двух книг стихов. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь». Член Союза писателей России. Живет в Анжеро-Судженске.

КАРАСЬ

Отыщем тебя мы, отыщем,
я знаю — ты там, в омутке.
Не зря я стою с удилищем
в окаменевшей руке.
Ну, долго мне ждать еще?
Живо
давай, не упрямясь, вылазь!..
Я ж тоже клюю на наживу
и съеден бываю не раз.
А здесь я, укрывшись в тумане
и с сумкою через плечо,
уверен: меня не достанет
ничей хитроумный крючок.
Но лишь замашу плавниками,
из зарослей выплыву я —
зацепистыми крючками
дорога встречает моя.
Будь ты хоть неистов, хоть кроток —
поймаешься наверняка;
от пышущих сковородок
болят нестерпимо бока...
Пожалуй, сиди себе в тине.
А я погляжу на часы
и вечером в магазине
на ужин куплю колбасы.

С РАБОТЫ

Вдоль колеи, по самому по краю,
меж грязью и травой, по ободку
с работы возвращаюсь и взираю,
как спорит с Таней у калитки Рая.

Над ними, на березовом суку,
сидит ворона и глядит брезгливо

на грязь, на листья желтые в грязи
и на большую старую крапиву,
что никнет у забора сиротливо,
потом с крапивы (только с чем в связи?) —
на спорящих азартно Раю с Таней,
затем на крыш покатые бока
и дальше — на знакомое заранее:
на горизонт, чуть видимый в тумане,
на низкие густые облака,
на мир, что, как всегда, однообразен —
на улицы, березы и дома,
на человечка, меж травой и грязью
спешащего, как будто бы в экстазе...

И видом недовольная всяма,
ворона полетела стороною,
взрыв и валясь на левое крыло...
И это все — обычное, смешное,
подмеченное по дороге мною.

Теперь поставить месяц и число:
1 октября 2009 г.

О СЛОВАХ

«Холмам Грузии» уютно у Пушкина,
«городу Уфалею» — у Рыжего,
«щепоти» —
у Плюшкина-Вьюшкина-Завитушкина
(или как бишь его?).

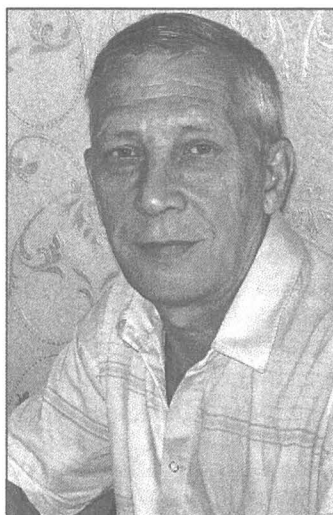
Здесь ничего не меняется с годами,
разве — отдельные случаи;
слова бродят по разговорам, в стихи
забредают
и остаются там, где им лучше.

**Виктор
КОНЯЕВ**

РОБКА, ДИМЫЧ И ПЕЧАЛЬ

Рассказ

– Здравсьте, Дима Васильич.
– Здравсьте – это те, а мы-то эти.
– Ну здравсьте те и эти.
– Здорово, Робка, я удивился, увидев, што это ты звонишь спозаранку. Пошто не спится, тем более ты в отпуске?

– А я в Гурьевск еду.

– Не понял.

– Помните, я говорил, что по Интернету познакомился с девушкой из Гурьевска.

– Што-то вспоминаю.

– Учительница она, у ней ещё дочка.

– Так какая это девушка, Роб? В русском языке девушка – это незамужняя юная девственная особь женского полу, понял?

– Да какая разница.

– Э-э, не скажи, разница громадная. Или ты собрался жениться на девице, не дарившей себя направо-налево, а преподносящей тебе одному и первому свою нравственную и физическую невинность, или на женщине, познавшей многое и уже с ребёнком, тебе разве не всё равно?

– Мне даже лучше с ребёнком.

– Но девушка чтоб была?

– Дима Васильич, вы опять поворачиваете на свою литературную тему.

– Робка, это не литература, это жизнь. А в жизни идёт профанация и замурзывание смыслов. У нас сейчас всех девушками обзывают,

словно стегают по щекам комплиментами. Бабка согбенная тащится на погост местечко приглядеть, а ей: «Девушка, вы куда так поспешаете?»

Ладно, я действительно отвлёкся, все деньки на мобиле у тебя проболтаем. Чево хотел-то?

– Посоветоваться надо. У нас с ней разговор по телефону был, што я у ней ночую. И вот как мне быть?

65 – То есть ты хочешь спросить, как тебе естественно и элегантно очутиться в её постели и в её объятиях?

Мобильник Дмитрия – и тот запрыгал у уха от Робкиного жеребьячьего ржання, пришлось от уха отдалить. Проржался.

– Вы сказанёте, но в общем этого я и хочу.

– Так надо было перед поездкой приехать ко мне, я бы тебя проинструктировал наиподробнее, памятку бы тебе написал, што, как и в какой последовательности делать и говорить, тогда бы она сама трепетно сграбастала бы тебя лилейными ручками и с несдерживаемой страстью прошептала басом: «Робонька, я хочу тебя, всего без остаточку, а ну прыгай в постель, мучитель».

– Дима Васильич...

– Да шучу, шучу. Тут тебе никто не советчик. Поступай по обстоятельствам и будь самим собой, не пыжься быть лучше, это сразу заметно, а главное, будь мужиком настоящим, поступай по совести и по добру, это женщин покоряет. Усёк?

– Да, спасибо, Дима Васильич.

КОНЯЕВ Виктор Федорович родился 18 февраля 1952 года в Новокузнецке. Учился в Томском университете. Работает на ЗСМК сварщиком. Автор двух книг прозы. Живёт в Новокузнецке.

— Удачи в делах любовных.

— До свиданья.

«Ох, Робка, бедный Робка, опять ему женихальный зуд покоя не даёт. Уж нашёл бы, что-ли, какую-нибудь бабёнку, чтоб ей он по душе пришёлся, может, сжились бы, свыклись. Но молодухи сейчас все расфуфыки, всем богатого, молодого и доброго подавай. Сама, может, чувырла чувырлой, с довеском к тому ж, а претензии на отпрыска принца Уэльского, не меньше. Посмотрим — может, нынче повезёт».

Робка позвонил вечером, Василийч читал при раскрытом окне и закатном светиле.

— Рассказывай, как встретили-приветили.

— Встретили хорошо, дом недалеко от автовокзала, городишко всего из нескольких улиц состоит. Я ей мобильник подарил, её дочери пятилетней — куклу большую. Всё было хорошо, накормила меня, потом гуляли втроём, погода хорошая. И вдруг ближе к вечеру ей кто-то позвонил, она вышла во вторую комнату, у ней «двушка» в семейной общаге, долго разговаривала. Потом выходит и говорит, что у ней в Белове какой-то родственник помер, завтра ехать на похороны.

— Она тебе сказала уматывать домой?

— Не сегодня, а завтра утром.

— Ты почему говоришь тихо, подслушивает? 66

— Нет, я вышел на улицу покурить и вам звоню, народ ходит, неудобно.

— Какие-то непонятки. А ты не думаешь, што этот звонок о смерти подстроен?

— Вполне возможно, по ней не видать никакого расстройства.

— Значит, не понравился ты ей, а чтобы ночью не приставал, придумала траурный повод, нельзя же блудить, когда родня мрёт, как в эпидемию холеры. А на кой ляд ты сразу мобильник даришь, не видя, не зная человека? Балбесина ты, Робка.

— Да не жалко, я хотел по-хорошему. Вы же сами сказали поступать по доброте.

— Но не по той, что сродни простоте и хуже воровства.

— Чего?

— Ладно, всё нормально.

— Чего мне делать-то?

— Как чего? Переночевать и по холодочку до дому отправляться. Попробуй, конечно, ночью тихонько подкрасться, да не, ты не сможешь, тут опыт нужен. Жаль, смотался, считай, впустую, ещё и мобилок отвалил ни за што. Ладно, Роб,

приедешь, остальное расскажешь. Счастливо ночевать.

— Да, да, счастливо, отдельно от желанной де... женщины, женщины.

— Ну, надежда не умирает никогда, так что попыточку сделай, только без грубости, нежненько. Нет, не сможешь, слабоват ты. Короче, закругляемся, иди, пытайся, может, она понты колотит, тебя испытывает, а сама ждёт твоего натиска. Всё, чао-какао.

Дмитрий тоже в отпуске, но нынешний отдых от трудов хлебодобычных проводит дома безвыездно по причине самой прозаической — отсутствия денег на перемещение далее пределов города.

В начале второй половины своего века Дмитрий Вентов лишь малюсенько умедлил темп жизненного движения, который можно охарактеризовать одним словом — вскачь.

Русая чуприна облагородилась белыми нитями, зато усы накрыл иней седины насплошь, при больших серо-зелёных глазах и глубоко пропаханных складках щёк создался весьма выразительный облик.

Привычка вставать рано не мельче морщин в лицо въелась в мозг, оттого он летним утром в девятом часу уже не спал, читал книгу, когда мобильник загукал, заелозил по столу, потом начал вкять звонком.

— Ну, Робка, неугомонный, чево опять спозаран трезвонишь?

— Еду домой, Дима Василийч.

— Давай так: если тебе дома нечего делать, то сразу ко мне направляйся, лады? Тут всё и расскажешь.

— Хорошо, лады, то есть скоро буду.

Самый конец июня, лето на погожие деньки скуповато, но сегодня с утра небушко чисто-чисто синё, ни намёка на облака, а тем паче тучи.

Василич дома в одиночестве: день будний, супружница потопала трудиться, дочка сессию осилила, обретается в гостях у родни.

Роберт быстро приехал, часа полтора прошло после звонка. Очень невысокий, в короткорукавной рубашке, надуту выпяченной на животе, с лысеющей макушкой и хомячьими щеками.

— Здравсте ещё раз.

— Здрав, проходи, только вот этими шарами не снеси косяки, — Дмитрий пальцем указал на бесскладочно натянутую кожу щёк.

— Да не, аккуратно войду.
— Слушай, Роб, тебе 27 лет всего, а тебя уже прёт вширь неумеренно, што из тебя получится к моим годам?

— А чёрт его знает, что получится, то и будет.
— Ты не оправдываешь свою фамилию Желвакин. У тебя желваки заросли жиром. Я поражаюсь, две недели всего в отпуске и так тебя раздуло. Чем тебя мать кормит?

— Пельменями. Она мне варит 60 штук, пока я их ем, она варит ещё 60, итого 120 штук уминаю, хорошо.

— А больше съел бы?
— Съел..
— Знавал я обжор, но ты один из самых выдающихся, уникам, гордись.

— Горжусь.
— Да ты проходи, чего стоишь в дверях. Кстати, есть будешь?
— А как же.

На кухне двухкомнатной квартирki Дмитрий достал из холодильника кастрюлю с борщом, полнѐхонько наполнил большую эмалированную чашку, поставил на электропечь разогреваться.

— Ну, рассказывай, как съездил.
— Как, как, я вам по телефону почти всё рассказал. Не понравился я ей, а звонок точно был подстроен.

— Может, ты себя повёл как-то не так?
— Не знаю, сначала всё вроде бы нормально. Она меня встретила, с дочкой была, хорошая девочка, я ей сразу куклу подарил. Пришли домой, то-сѐ, я ей телефон преподнёс, она меня в щѐку поцеловала. Ну, думаю, всё должно быть прекрасно. Потом обедали, пошли гулять.

— Стоп. Ты за столом не увлѐкся жратвой? Пока ложкой метал в рот пищу, не забыл обо всѐм на свете?

— Да вроде нет. Как вы учили, ел аккуратно. Васильич поставил на стол горячий борщ, достал сметану, нарезал хлеб.

— Ешь.
Неправду говорил Робка: когда он закидывал в желудочную прорву что-либо съедобное, он напрочь выключался из окружающего мира, для него тогда существовал только объект пожирания. Откус хлеба, ложка в борщ, ложка в рот, чавк, темп убыстряется, взгляд координирует движения.

— Робка, очнись. Ты точно там, в Гурьевске, жрал так же. Всѐ, этим ты её напрочь оттолкнул. Так только свиньи жрут.

— Ну, увлѐкся маленько.
— Ни хрена себе маленько. Ты весь превращаешься в жующий рот, кстати, вытри его, по периметру крошки нависли. У тебя же был в жизни урок. Помнишь, прошлой зимой ты подженился в Садопарке? Там тебе тѐща как сказала: «На, поешь последний раз супу — и чтоб духу твоего здесь не было».

— Это тѐща сказала, а Анютка и её отец так не говорили.

— Но думали. Ох, Робка, пока ты пузо своё не ужмѐшь до разумных пределов, не будет у тебя счастья в жизни. В стране кризис, а ты меры в еде не знаешь.

— Дима Васильич, вы всё вводите в литературу или политику.

— И философию. Возможно, но я пытаюсь зрить в корешок. А ты там, случаем, не обмолвился, что был на учёте в дурдоме?

— Чѐ, я дурак, что ли? И потом, я сейчас не на учёте благодаря вашей характеристике. И без пенсии тоже.

— Опять эту бодягу заводишь? Был бы с пенсией, но без работы, сократили бы тебя. Поехали-ка на речку, развеемся.

— Не-а, я плавать не умею.

67 — Да, от тебя ни львиного рыку, ни бычьего мыку, ни украсть, ни покараулить, даже плавать не научился, только жрать хорошо умеешь. Вспомнил, ты в отпуск-то ушѐл по подлому.

— Почему это?

— Торты не взял за отпуск, так что выйдешь на работу — и будь любезен, проставься.

— У меня денег не будет.

— А мы подождѐм, когда заработаешь и получишь.

— А вы почему никуда не поехали?

— Денежков у меня тоже нема, я в банк отдал все отпускные и получку, у меня финансов — только до Томи съездить на автобусе. Наше правительство весь народ, как мух на липучку, заманило сладкими потребительскими кредитами, а потом катком кризиса вдавило в кабалу к банкирам. Я тоже хапнул ссуду, сейчас сижую, курю. Может, поедешь всё же со мной, скучно одному.

— Нет, домой поеду.

Время за полдень скатилось, Роберт отбыл восвояси, Дмитрий поехал на реку.

Холодновата водичка, но тем приятнее остужала распаренную автобусной духотой кожу,

стоило только перетерпеть озноб быстрого погружения и рвануться из нырка в рассекание рябоватой от ветерочка водной поверхности. Сплавал почти до середины, возвращался неторопоко, наслаждаясь и солнцем, и водой, и своим ещё ловким, послушным телом.

На берегу лёг на расстеленное покрывальце, закурил, смотрел вдаль на реку вверх по течению.

Народу у реки – всего-то пятёрка мальчишек поодаль, у бетонной плиты, и парочка из дебелой молодухи и сухотелого парня в семейных трусах.

Далеко-далеко берега растворялись в городской дымке, река уже виделась предсонным глазам неохватно разлившейся вширь, и у самого горизонта небо вдруг потекло в реку, а река понесла в своих водах к Оби и потом к океану сокрытые облака, и звёзды, и Луну. Вот сейчас плеснёт волна, поднимет его и тоже понесёт в океан. Волна плеснула, потом пала темнота, он покойно лежит на тепло светящемся блюде луны, светлячки звёзд играют вокруг, подмаргивая и помигивая.

– Муштина, сигареткой не угостите ли бедную девушку?

Поколыхивающаяся белыми разводами по красному завеса, заполненная просочившимся солнцем, рядом стройные женские ножки в шлёпанцах, выше они соединяются в синие трусики.

Правая рука самостоятельно поднялась и потянулась к сопряжению ножек, завеса внезапно скомкалась бело-красной мешаниной, с громким хлопком прижалась к ножкам, отшибая тянущуюся нескромную руку, ливануло в сонные глаза солнце.

– Ишь ты какой муштинка шустрый! Так дашь сигарету-то?

Дмитрий туго соображал спросонья. «Поди ж ты, заснул, выходит».

– Чего? Сигарету? А-а, сейчас, красавица.

Над ним стояла, прижимая рукой подстрекаемый ветром к неповиновению подол длинной юбки, высокая девушка в чёрной безрукавной майке, за её плечом ещё одна, пониже и поплнее, тоже в длиннополой юбке.

Дмитрий повернулся на левый бок, нашарил в сумке сигареты, достал. Сонность быстро улетучивается, когда рядом такие симпапульки, и

вот он уже вскочил, подал пачку «Бонда» и зажигалку.

– Вообще-то я не даю женщинам сигарет, дабы не способствовать их добровольному отравлению, но ввиду исключительности данного момента удовлетворю твою просьбу.

Обладательница парашютной юбки прикуривала из шалашика его ладоней, ловила кончиком сигареты уклоняющееся пламя, длинными затяжками раскурила, выпустила длинную нить дыма, наполняющиеся смехом глаза посмотрели с интересом и оценкой на Дмитрия.

– Да-а? А в чём же исключительность данного момента?

– Видишь ли, я после трудов тяжких вырвался на природу, ну и погрузился в грёзы. В этих грёзах мы с тобой плыли ночью по Томи на луне, темно, тепло, вокруг нас плавали звёздочки, мигали нам разноцветно, а мы сидели на жёлтой шероховатой луне, болтали в водичке ногами и смеялись. У тебя глаза тоже мерцали разноцветно, а волосы были распущены, они тонко светились и щекотали мне щеку.

– Мы с тобой? Ты – поэт. И в этом исключительность момента?

– Нет, в другом. В грёзах ты не курила, от тебя пахло не табаком, а дурман-травой. И мы как раз собирались поцеловаться.

– Интересно.

– Очень. Мы, значит, губы встречно стали приближать, и, как всегда, на самом интересном месте меня будят. И будит твой голос. Што я вижу? Стоишь ты, только уже наяву, и просишь закурить. Я, конечно, в шоке и подаю тебе сигарету.

– Я её благосклонно принимаю и говорю тебе: «Милый...» – и притормозила в ожидании.

– Дмитрий.

– Милый Дмитрий...

– А не пошёл бы ты...

Короткий смешок сиганул с приоткрытых губ, в ветерке потерялся.

– Ну, зачем так грубо? Я говорю: «Милый Дмитрий, принимай нас в свои соседи, с тобой интересно. Меня зовут Люда, её Света.

Горбатого, говорят, могила исправит. Ловеласа, поди, и ей неподсильно переделать.

Девушки подхохатывали одобрительно, когда Дмитрий, вздрюченный открывающейся перспективой небесплодно приударить, мёл гальку берега воображаемой шляпой, с поклоном и приговором «С нашим превеликим удовольствием, милейшие барышни».

И вот уже большому цветастому покрывалу девушек не зазорно расстелиться рядом с его стареньким, выцветшим. Люда скинула маечку, затем вышагнула из опавшего мятежного двуцветья юбки, вышагнула царственно, будто приглашая полюбоваться на то, что недавно отбивалось от подгляда. Достойна любования вообразулька, стройна и гибка фигурой, знает, осознаёт красоту свою, а вдобавок дразняще-демонстрирующе подняла руку, вытащила за колку, и полились по плечам и ниже рыжеватые струи волос.

Света тоже не замухрышка, но рядом с подругой смотрится арбузной корочкой супротив свиного хрящика, хотя на вкус и цвет, как говорится, указу нет, по словам Дмитрия, и сравнения девиц с корочками и хрящиками пусть останутся на его совести и эстетическом воспитании.

Девахи учатся в Сибирском индустриальном госунивере, отряхнули прах летней сессии за второй курс, а посему достали пятилитровый пузанчик пива из сумки.

Дима Васильич давно с алкоголем в контрах, но за компанию пригублял, дабы не обижать угощающих студентов.

Лёгкий алкоголь так же легко приближает и сближает. При первом заходе в воду Дмитрий на просьбу Людмилы обучить плавать смело взял её на руки, держал хаотично бултыхающую всеми конечностями и вроде невзначай раздвигал руки в разные стороны от живота. Даже попыток возмущения не последовало.

Лёгкое охмеление подталкивало к активным действиям, а опыт ставил заслон поспешности, могущей загубить финал всех стараний. Очаровать-то он девчат очаровал, рдеющие щёчки и поощряющие глазки явно свидетельствовали о том, когда он произносил красноречивые комплименты на древних языках, но поспешать всё же надо неспешно.

Пузанчик ополовинили, и потребовалось девчатам покинуть Дмитрия по естественной необходимости. Он потянулся к пачке сигарет и даже вздрогнул, так резко и грубо мужичьим голосом зареготал у одной из них мобильник в сумке. Несколько раз реготанье повторялось, мучило уши, поселяло неприятное предчувствие.

Не сказал девушкам о звонках, думал, авось больше не побеспокоит их приятную компанию тревожащий сигнал. Свету они никак не могли уговорить охладиться, пошли опять вдвоём. Снова он держал на руках прелестное тело, в

этот раз сразу не за живот, а много шире разведя руки, под грудь и бёдра. Люда вздымала облака брызг и смеха. Незаметно они продвинулись глубже в реку, и когда Люда захотела встать, то дна ногами она не достала.

— Ой, Дима, здесь глубоко, — её руки в панике обняли плечи Дмитрия и вся она прижалась к нему, вдавив в грудную клетку сомлевшего от восторга мужика свои холодные твёрдости. Тут теряться нельзя, непозволительно, а он и не таков. Руки Дмитрия сжали талию девушки, подерживая её чуть-чуть на весу, а губы нашли губы и присосались плотно к ним. Бухало сердце мужика, солнце жарило рыжеватую женскую макушку и седую с русостью мужскую.

Не разлеплялись продолжительно, пока Люда не застучала ладошками ему по плечам.

— Дорвался, готов губы высосать до дёсен!

— А тебе не понравилось?

— Нет, хорошо, только усы колются.

— Да ты встань на дно, не бойся, смотри, мне до ключиц, тебе, значит, будет до подбородка.

— Боюсь, а ты меня здесь не оставишь одну?

— Ну, если целовались, тогда не оставляю.

— А если бы не целовались?

— Тогда бы оставил, а может, и утопил бы.

У Людмилы ниточка мокро слипшихся волос наискось перекрывала глаз, ресницы цеплялись за неё, мешали моргать, но она не отняла руку с плеча, не убрала мешающую прядку, закрыла глаз.

— Люда, я хочу ещё раз объять твои сладкие чермные губы своими.

— Какие-какие губы? Чёрные?

— Чермные, то есть тёмно-красные, они от воды потемнели, из ярко-красных стали темно-красными, чермными. Это на старорусском. Просту забывается слово, а оно хорошее, ёмкое.

— Я так и не пойму, Дима, кто ты. Сварщик, поэт или какой-нибудь академик филологии?

— Всё вместе, Люда, и всё врозь. Я просто очень неравнодушный человек. Мне хочется знать всё в этом мире. Давай лучше повторим...

Её губы ещё улыбались, а его уже захватывали, ловили. И не загораживаемый прядью глаз завесился веком. Страстнее, дольше, с сопутствующими движениями мужской руки в притаённые места. Он сам оторвался, поцелуй перерастал в пытку для мужского организма.

— Люд, поехали ко мне в гараж, он у меня не далеко, пара остановок.

— Прямо сейчас?

- Ну да.
- А Светку куда?
- Пусть домой едет.
- Ну, поехали.

Малость замёрзли, для сугрева Дмитрий нёс Люду на руках до самого берега, терпеливо кри-
ваясь от укусов изнеженных обувью ног острыми
камешками.

Не располагает собой человек, отнюдь не
располагает, даже если страстно желает.

Судьба — владычица случайностей, верши-
тельница жизней. А Светка, выходит, её безжа-
лостная вестница, с сигаретой и ехидцей во всё
ямочкощёкое лицо.

— Вы там что, сосались? Звонил Федька,
злой, он раньше ещё звонил, оказывается, а ты
не ответила. Они уже едут, скоро будут, с ним То-
лик и Егор. Давай шмотки отодвинем, а то он
скандал закатит.

Не часто Дмитрию доводилось наблюдать
такие разительные перемены во всём облике че-
ловека. Вынули затычку из круглого шарика — и
сдулся он в тряпочку, вот так и Люда сдулась от
новости. Ссудулилась, лицо отяжелилось камне-
подобно, и пали руки вниз безвольно. Света со-
бирала вещи, а Люда всё стояла, и Дмитрий не
решался к ней подойти. Потом Люда, видно, при-
няв решение, прошла к сумке, достала прикры-
тую от солнца ёмкость с пивом, запрокинутое
горло пропускало пиво с отрывистыми бульками.

Света тянула за два угла в сторону своё по-
крывало. Дмитрий присел на корточки, закурил,
мозг ошарашен перекувырком всех намерений.
У подошедшей Людмилы не радость на лице, го-
лос тихо глух.

— Дим, прости. Потом всё объясню. Запомни
мой номер телефона, — продиктовала дважды.

— Завтра позвони, если захочешь.

Солнце стало тусклым, небо стало блёклым.
Надо бы собирать манатки и уходить, как ветром
гонимому, однако какой-то болезненный интерес
к сопернику, неведомому Федьке, и желание по-
нять, почему сникла прежде весёлая Люда, при-
жали к покрывалу.

Троица парней не долго томила ожидающих.
Самых ещё не видно за кустом, но слышно уже
хорошо, смех и маты летели впереди, достигли
слушающих, дальше разостлались над водой и
осерчавшим ветерком размётывались в атмос-
фере.

Все худосочные, бледно-дряблотелые, в
длинных шортах, с сумками. Самый низкорос-

лый, ниже Люды, и оказался Федькой. У него во-
круг зачатка бицепса правой руки круговая тату-
ировка, не лагерная, настоящая, а современная,
рисованная или наклеенная имитация. Курил,
хмурел, зубами поскрипывал Дмитрий, наблю-
дая за поведением наглых хлопцев.

Водку пить начали сразу, настойчиво угова-
ривали девушек. Света первой выпила, Люда от-
некивалась, даже вылила водку из пластмассо-
вого стаканчика, Федя что-то ей внушал на ушко,
с жестикующей, и замахнула Людочка, видимо,
немалую дозу враз.

Не стоило Дмитрию дальше смотреть на
затлевавшую оргию, никак не стоило, тем бо-
лее что парни нет-нет да скашивали глаза на
близкого одинокого мужика, а он уже примери-
вался, как приклонит троих «шибздиков» сопат-
ками к береговой гальке, потому что в высокой
степени ярости был безрассуден до отключе-
ния страха смерти. Ярость искривляла зрение,
как в бракованном зеркале Дмитрий видел за-
дранные ноги Людмилы, отбрыкивающейся от
поливающего её водой из бутылки друга «сер-
дешного» Федьки.

«Всё, собираюсь и ухожу, иначе я тут такого
накуролесю!»

Пальцы прыгали на пуговицах рубашки. По-
рывчик ветра взмёл и потащил к кустам бумажки,
окурки и прочие мелкие следы пребывания от-
дыхающих. А изнанка ветра пахла пылью, пахла
мусором.

«А чего же я хотел? У неё свои, давно сло-
жившиеся отношения с этим Федей. Но она явно
была недовольна сообщением о его скором по-
явлении. И что? Может, поругались. Да нет, из
неё сразу как будто душу вынули, когда Светка
сказала, что он едет. Её их отношения тяготят, но
порвать не может, вот и хлопбыстнула водяры,
чтобы соответствовать уровню компаньонов.
Вот так молодые современные девки плывут по
воле волн, спиваются, становятся шлюхами и
наркоманками. А я сам-то что от неё хотел? Раз-
ве не случайной близости? Да, но спаивать и
прочее я никогда не буду. Перестань,мысле-
блуд. Я такой же похотник плоти, как и эта моло-
дёжь, даже хуже в силу своей начитанности и
опыта жизни. Нет, я не совсем справедлив к
себе. В каждой женщине я поперёд всего вижу
человека, стараюсь понять её внутренний мир,
стараюсь соучаствовать в её жизни. Я и себя от-
даю каждой женщине всего целиком. Лукавлю,
просто обидно, что сорвалось приятное меро-

приятие. А она сейчас, поди, забалдела капитально и никакими высокодуховными речами её не пронять. Лишили молодёжь настоящих ориентиров в жизни, вот она и катится в скотство удовольствий, я по мере сил содействую. Что-то у меня мысли пляшут вразнобой.

Да, Робке трудно найти среди таких девок себе спутницу жизни. Он, конечно, тоже только потребитель. Но он работает, и у него есть нормальная цель в жизни – жениться, желательно на бабёнке с ребёнком, своих заводить со справкой из «палаты № 6» ему не надо. Цель-то хорошая – жить спокойной семейной жизнью. Может, всё же повезёт».

Подошедший автобус скрипел тормозами.

До выхода Дмитрия на работу с Робкой больше не встречались, нечасто перезванивались.

Вершина лета, как любая вершина, долго достигаема, но быстро преходяща, и вот уже плодоносный август подоспел. Дима Васильич в отпуске многожды посещал своё местечко на реке, купался, загорал и... ждал. От себя даже таясь, но ждал встречи с Людочкой.

Странное с ним происходило, не замечаемое ранее. Вспоминал поцелуи в воде – хватался за телефон звонить, буквально следом накатывала картинка, где Люда дрыгает ногами, – отступался.

В ранешние времена, помоложе то есть когда был, созвонился бы буквально на другой день и добился бы обещанного. Не то теперь, и вряд ли в старости дело. А номерок в голове не забывался, циферками поманивал.

А тут и время настало на работу выходить, в пыль и духоту заводского цеха. Роберт вышел раньше, пару недель трудится в поте лица, уже подсдулся тугой накат пуза и щёки опали. Но бодр неугомонный женолюбец и, как всегда, в поиске сопостельницы при удаче, сожительницы при большой удаче, а уж если счастье привалит, то законной жены.

Дмитрий на первую смену вышел во всём стираном и чиненом, даже издыренная сварочными искрами тельняшка заштопана женой до божеского вида. Вот только закон подлости он не учёл, а надо было, возможно, не пришлось бы в первый день окунаться в грязнущее меси-во масла и солидола под большим станком. Не учёл, окунулся, работали до полдесятого, до начала пятнадцатиминутного перерыва. Трудовой распорядок надо блюсти, святое дело, по-

топали работяги в слесарку чайку попить, зубы поскалить, что есть лучший способ краткого отдыха.

Обстановка слесарки сугубо функциональная, излишеством смотрится длинный, во весь подоконник, деревянный ящик с вьющейся зеленью. Скидывали грязные куртки, мыли руки, ставили электрический чайник.

Бригадир Евгений, прехитрющий мужик чуть постарше среднего возраста, привычно подкусывал, подначивал Роберта, а тот вяло огрызался. Только что запарилась в стеклянной банке заварка из смеси чая с таёжными травами, а гость уже на пороге, поточнее – симпатичная гостя, Марина.

– Здравсте всем. У-у, какие вы извозёканные, где это вас угораздило?

Мужики взбодрились моментально, Робка особо, он вскочил с лавки, спеша обходил стол, лицо меняло выражение усталости на благодущие.

– Здравствуй, Марина. Где ж ещё, под третьим станком. Проходи, сейчас я тебя кофейком угощу с конфетами.

Руки у парня пританцовывали изрядно, не мог с лёту попасть ключом в отверстие замка.

Справился-таки, из ящика извлеклись пакетики с кофе и немалая коробка конфет.

– Вот, Мариночка, угощайся.

– Нет, Димыч, ты глянь, какая подлюка он всё же, а? Нам, значит, ни конфеточки, всё затырено, всё спрятано, а как Маринка на порог – ей сразу всё.

– Но у него же к ней любовь, правда, безответная.

Марина прошла, села на стул у торца стола, улыбалась в меру жеманно и столь же иронично.

Робка вернулся на своё место за столом, под подоконник, бригадир сидел с другого торца стола, сварщик Дмитрий – Димыч – на стуле напротив Робки.

Димыч продолжал:

– Да ведь, Марин, безответная?

– Ну почему ж, может, будет и ответная.

Настоящее имя гостыи Манефа, но ей так не нравится. Разведённая смазливая татарочка, вихлобёдрая бабёнка тоже в активном искании постоянного любовника, но ей нужен не абы какой, а меценатствующий с соответствующим её запросам кошельком, оттого все поползновения Робки занять вакансию заранее обречены на неуспех, об этом все знают, один соискатель в счастливом неведении.

– Вот как купит мне норковую шубу тыщ за полста, так сразу и пойду за него.

Пили, бригадир со сварным – чай на травах, Робка и Марина – кофе с конфетами.

– Робка, ты готов на такую жертву?

Дмитрию тоже нравилось поплясать на Робкиных любовных страданиях.

– Вы же знаете, что у меня нет таких денег.

– Ну-у-у, Роб, ради любви можно найти деньги, взять ссуду, например.

– Да он жадюга, за полтинник удавится.

Бригадир легонько поворачивался туда-сюда на вертящемся стуле, улыбка-язва рождалась на длинном впалощёком лице. Марина смаковала конфету, кофе и разговор.

А Робка начинал яриться, не чуя подначки.

– Вам-то откуда знать, Евгений Александрович, жадный я или нет? Вы бы лучше за собой...

Внезапно и бездвижно язык лёг меж губ в немоте восхищения. Что же столь резко заставило Роберта онемело застыть?

Коварная крановщица надумала возвратить разговор в нужное ей направление и предприняла для этого нестандартное действие. Она потянулась к пепельнице положить пакетик из-под кофе. Тянулась, к столу клонилась, распахивая глазам готовые выпрыгнуть из куртки на стол смуглые молочные железы.

Взгляды чувствовала, не спеша свернула пакетик, возвращала себя к стулу ещё неспешнее.

Дмитрий первым порвал затянувшуюся немую паузу.

– Робка, шары держи пальцами, упадут а то на стол и растекутся.

У парнишонки стеснение рделостью щёк, суетой уличённых глаз и бестолковой беготнёй пальцев по столешнице. И совсем уж по-детски у него вдруг на ноздре вырос пузырь, Робка потянулся рукой убрать, не успел, пузырь лопнул и сопелька потекла к губе, усугубляя конфуз.

Опыт зрелости безжалостен к неумелой молодости.

– Марин, ты б хоть как-нибудь наедине показала парню свои прелюбы в полном объёме, видишь, он частично увидел их и чуть без глаз не остался.

– Какие проблемы? Пусть с большой шоколадкой приходит ко мне на кран, я ему всё покажу.

Такой откровенный цинизм вверх обожателя в страдательную протрацию. Дмитрий начинал жалеть о сказанном, так поник, пожух Робка.

Шутка перерождалась в пытку. Совсем кстати вошёл начальник смены.

– Маринка, вот ты где, давай бегом на двадцатый кран.

В рабочей одежде и обстановке она ухитрялась покачивать крутоизгибными бёдрами дразняще.

Дмитрию необходимо было хоть отчасти сгладить ощущаемую им вину перед парнем.

– Роб, ты не воспринимай всё так обострённо, она тебе абсолютно не пара.

Багрец щёк бледнел, но зырк ещё исподлобья.

– Это почему?

– Объясняю. Она баба красивая, давно в разводе, старше тебя, успех у мужиков огромный, это всё её развратило. Ей уже не нужен серьёзный семейный союз, ей нужны денежные хахали. А ты – беспорточник и скромник, потому тебе будет полный облом.

– А что такое беспорточник?

– Раньше штаны называли портками, а бедных, значит, бесштанниками, беспорточниками.

– А всё же я не думаю, что мне будет облом. Она ко мне очень хорошо относится, и я надеюсь...

72

– Зря, зря. Я тебе более полно объясню. У нас сейчас в стране культ денег, культ наживы, культ потребления.

– Ну, завёл свою бодягу, пошли лучше работать, – бригадир потерял интерес к беседе, встал, пошёл на выход.

– Иди, сейчас подойдём. Так вот. Эти культы освобождают в человеке всё самое низкое и подлое, освобождают и поощряют. И, что очень важно, оправдывают в собственных глазах и в глазах общества. Мозг человека начинает изощряться в поисках денег, вещей и удовольствий. Изощряться, значит, ещё глубже развращаться. Кто поддался этим культам, тот конченный человек, его можно вырвать из-под их влияния только силой, только принуждением. А силы в обществе уже нету, иссякла, и само общество иссякает. Морали нет, нравственных норм нет, по телевизору развлечения, кровуха и порнуха.

– А при чём тут Марина?

– Ты вспомни, что я тебе сказал до этого, сказал о её успехе у мужиков, сопоставь со сказанным сейчас и сделай выводы. Не навязывайся ей, даже если она согласится с тобой жить, она будет постоянно шпынять тебя, будет помыкать

тобою, и ты сам сбежишь, если не захочешь стать подкаблучником.

— Дима Васильич, вот вы такой правильный, а как же чужие женщины в вашей жизни?

— Робка, не наступай на больное. Я грешен тоже, особо по женской части. Но, в отличие от многих, я честно это признаю и пытаюсь бороться с собой.

— Да, не очень это у вас получается.

— В другом во всём неплохо, а тут неважно. Даже, может, грех мой становится больше оттого, что я его ясно осознаю. Ладно, пошли пахать, иначе бугор весь на желчь изойдёт, надо зарабатывать на забугорную жизнь нашим хозяевам-стервятникам.

Жара на закате лета, отвычка от работы — уморённый ехал домой Дмитрий Вентов. В заводском «Икарусе» толкотня многолюдства, от духоты спасает прохладный ветерок, через открытые окна вторгающийся в людское скопище, он сдувает испарения разогретых тел, приятно холодит потную голову и грудь.

Скорее бы зайти в квартиру, раздеться до трусов, распахнуть настежь все окна и печь. Автобус въехал на мост, Дмитрий привычно глянул на своё местечко, колокол громкого боя кровавыми волнами истошно забил в мозг: «Она, она, она».

Знакомое покрывало, и синий купальник лежащей девушки, и фигура. Люда, точно она. Вдаль Дмитрий видит хорошо, для близкого разгляда очки вздевает, а на далёкое глаза ещё остры. Как он шутит, может разглядеть лицо пассажира в иллюминаторе летящего в поднебесье малюсенького самолётика.

Какой отдых, надо мчаться туда, на реку, она ведь его ждёт на пустынном пляжике.

Размашистой рысью припустил от остановки, жена ещё не пришла, горячечно-быстро собирал покрывало, искал и надевал плавки. Ужинать некогда, в остановочном киоске купил бутылку минералки и пачку печенья. Зло рычали тормозящие авто, злее их матерились водители, а он бежал через дорогу, минуя их сознанием.

Вниз по крупному щебню дороги, шлагбаумом натянутая поперёк неё проволока с тряпочками, преграждающая въезд в лодочный кооператив, тропинка изгибистая влево по кустарнику, песок у берега заливы, лохматый куст, быстрее его обогнуть. Она! Девушка лежит на жи-

воте, голова вбок от него на ладонях рук. Запылся.

Люда.

Его голос взметнул лежащую, подкинул пружиной, подлетела, обняла, обвила, глаза цвета любящей мольбы.

— Дима, наконец-то, Дима, я дождалась тебя!

Глаза упали ему на грудь, слова направлялись прямо в сердце.

— Ты нехороший, ты обманщик! Ты же обещал поплыть со мной на луне, и чтобы звёздочки вокруг игрались, и чтобы было темно и тепло. А сам обманул, пропал, исчез.

Слова мокры, рубашка замокрела.

— Людочка, милая, успокойся, я не пропал, я целый месяц приходил сюда, искал тебя.

В поднятом лице два плескучих влагой озёрца.

— А почему не позвонил?

Глаза опять опрокинулись на мокрую ткань.

В непонятное ввергнут Дмитрий, в необъяснимое.

«Я виделся с ней один раз, всего один раз. Маленько лобзались, маленько обжимались, я думал, она уж забыла меня, а тут вдруг такое! Влюбилась? С первого взгляда? Не игра ли?»

Нет, такое не сыграешь.

Помалу успокоил её, разделся, сели, закурили. Место, где они сидели, — не пляж, ничем не оборудовано, песка почти нет, камни и обломки бетонных плит, народу здесь и в купальный сезон маловато, а теперь, после Ильина дня, они совсем одни на всю обозримость во все стороны.

Подсохли глазки девичьи, только слипшиеся реснички напоминают о былых слезах, без краски они доверчивы и уже улыбчивы.

— Дим, я вижу, ты удивлён, я тебе потом всё объясню. Пойдём, как тогда, поплаваем.

Он так же держал её в воде на руках, однако без вольностей, опять они зашли-заплыли поглубже. Она стояла на цыпочках, лицо её ровень с его, близкое и серьёзное.

— Ты сегодня сдержан, а зря. Меня целовать не хочешь?

— Хочу, но какая-то преграда стоит между нами.

— С моей стороны нету никакой преграды. Я тебе честно говорю: я хочу тебя. Ты же звал меня в гараж, так поехали. Или расхотел?

— Нет, я очень тебя хочу, но мне многое непонятно, а это сдерживает.

— Что непонятно? Что незнакомая почти девушка вешается на шею немолодому мужчине?

— Да, нечто подобное.

— И ты ищешь здесь подвох?

— Не подвох, но что-то такое.

— Какие вы, мужики, иногда бываете глупые, — рассмеялась внезапно звонкими переливами. — Я только сейчас увидела у тебя пятнышко грязи в усах, смешное такое, тёмное под русой сединой. На работе испачкался?

— Да, я сегодня первую смену вышел после отпуска и сразу загнали в мазут.

— Бедненький, дай я тебе вытру его.

Люда большим пальцем тёрла жёсткость усов, а лицо её всё ближе и губки всё больше приоткрытые.

Пала преграда. Она стонуще оторвала губы.

— Неси меня на берег.

В гараж не поехали, их принял в свою непролазную, буйную глубину прибрежный кустарник, утаил от завидующих людских взоров....

...Нескоро вернулись к брошенным покрывалам, их озорной ветришка позаворачивал углами на маленький трёхветочный кустик, настырно тянувшийся к солнышку из громоздья обкатанной гальки.

Предвечернее солнце не жаряще ластилось к загорелому телу мужчины, пунцовило на повернутой к нему девичьей голове изящное ушко, он лежал, она сидела над ним.

— Дим, тебе хорошо было со мной?

— Бесподобно, неповторимо.

— Сейчас уже не ждёшь подвоха?

— Нет, но ты знаешь, я староват уже и отвык от того, что могу возжечь страсть у юной особы, да так скоропостижно. И второе — твой Федя. Он, видимо, близкий тебе человек, и он ревнивец. Я, получается, отнимаю тебя у него, обладаю его женщиной, для моей совести это сильный удар. Мне по годам грехи уже надо замаливать, а я их всё совершаю, всё коплю.

Скверные метаморфозы происходили с лицом Людмилы, пока он говорил, а губы только что не завернулись узлом, так их корёжило и изворачивало.

Слова сухи и злы, глаза злы и сухи.

— Зачем, ну зачем ты вспомнил этого козла? Хорошо, для ясности я тебе кое-что расскажу. Я ему не принадлежу, он мне не муж и даже не любовник, понимаешь?

— Не совсем.

— Да голубой он, они все трое, что были тогда на берегу, все голубизна поганая, бабы им не нужны.

— Вообще не вникаю.

— Долго всё рассказывать. Короче, Федька с отцом какой-то бизнес крутят, богатенькие. Мы с Федькой вместе в школе учились, вместе поступили в универ, он платит за мою учёбу. Ой, как мне стыдно рассказывать, легче голой выйти на улицу, но буду, буду, хочу, чтоб ты понял кое-что.

Представь сцену. Голая девушка танцует эротический танец в комнате, а трое уродов... Ну, понимаешь?... Я им нужна как возбуждающий фон и всё.

Я тоже мерзавка, потому что участвую в этом дьявольском спектакле. Первый раз меня подпоили, уболтали, мне после так гадко было, я себя ненавидела. И каждый раз после такой оргии я готова убить их всех и себя тоже.

Вдруг встреча с тобой. Когда ты заговорил про луну, про поцелуи в воде, мне стало так хорошо, так сладко на душе, как не было уже давно-давно. Димочка, ты меня, наверное, будешь презирать после всего услышанного, а, Дим?

У Дмитрия будто сквозняком продуло голову — бессмысленно, пусто.

— Да, вот это пироги так пироги... Молодые парни! Нет, Люда, презирать я тебя не буду, ты жертва. Но где они-то могли к содомскому греху пристраститься в их годы?

77

— Вроде у Егора дядька отбывал срок, там научили, он Егора приучил, а тот друзей, они ещё в школе этим баловались. Да хватит о них, мразях, давай о нас лучше поговорим.

— Давай о нас.

— Если ты не против, я предлагаю встречаться, и не редко, — серьёзность темы не дала улыбке сладострастия раздаться широко.

— Я — за, всеми своими конечностями, — улыбка всё же расширилась, он намеренно подчеркнул: — всеми, всеми, — но предыдущая тема отступать не желала: — Ну, а как ты дальше-то будешь жить? Если тебе это противно, надо как-то уходить, прекращать.

— Тут всё сложно. У меня родители пьющие, Федька их подпаивает, да и мне учиться надо.

— Чем я могу тебе помочь? Малы мои возможности: я небогат, немолод и женат вдобавок, но чем-то я всё же должен тебе помочь.

— Ой, Дим, не озабочивайся, мне теперь легче будет, потому что ты у меня есть и будешь. Ты же будешь?

Своеобразная у нее улыбка. Сначала губы раскрываются серединками, являя крупные зубы, два передних верхних слегка искривлены

и нахлеснуты друг на дружку, и только потом раздвигаются углы.

— Однозначно. Буду.

У него мысль вспышкой.

— Слушай, а что если тебя замуж отдать?

— Замуж? За кого это?

— Есть у меня человек один. Хотя нет, не поймёт, он тоже ревнивец.

— Не надо мне ревнивца, один уже есть. А что это за человек? Товарищ твой, он молодой?

— Да нет, это не пойдёт. Я просто подумал, что если ты выйдешь замуж и уедешь в другой район, Федька отстанет от тебя. Но тогда встречаться нам будет затруднительно, да и спать с женой товарища я не смогу. Всё, замяли эту тему. Будем думать, давай-ка собираться, поздно уже.

Доехали, Дмитрий проводил немножко Люду, до дому она не позволила, боясь возможной встречи с Фёдором.

Домой шёл пешком, вроде вечернего моциона, а больше для обдумывания непростой ситуации, в которой оказался.

«Это что же за строй мы состряпали, что за общество сформировалось, если молодые пареньки не в зоне, где баб нет, а на свободе, где за несколько сотен можно снять молодую девушку, становятся гомосеками?»

Римская империя времён заката, тогда тоже процветали извращения. Один в один — поздний Рим. И неизбежная гибель великой цивилизации.

Чума пришла в Россию, чума, а у нас пир в разгаре!

И я на том пиру ухватываю свой сладкий кусок. От безысходности она кинулась ко мне в объятия, от неё, проклятой.

Горче мне вдвойне от того, что я ясно вижу гибельность пути, на который сволокли народ наш, втройне горче от осознанного грехопадения, от потворства и участия в блуде. В чумном пиру я добровольно пью свой кубок.

...Высоконько меня в мыслях занесло, брякнущ — кости далеко раскидает.

Может, всё же познакомить её с Робкой? Сладится если у них, я иду в сторону. Вот в это сам не верю. Такая дивчина, как говорится, «мила, пригожа, в постель мне гожа», да ни в жизнь я от неё не откажусь добровольно.

А она как посмотрит на него жрущего, так меня же и укорит за женишка. Ладно, жизнь покажет».

Время шло и шло, для августа оно прошло, осень вступала в права владения.

На работе у Дмитрия и Робки всё нормально, как и должно быть на огромном металлургическом комбинате при втрое-четверо оптимизированной численности персонала под мудрым управлением уважаемых хозяев — некомпетентных прохиндеев из закордонного рая.

Робка рысачит по реальным и виртуальным пространствам, ища дам и девиц, ища и находя, знакомясь и расставаясь, влюбляясь и разочаровываясь, полня этой суетой свою скудную на события жизнь.

Димыч много удачливее своего молодого товарища. Они с Людой регулярно — раз, а то и два в неделю — встречаются в однокомнатной пустующей квартирке её родственницы.

Однако встречи, для обоих тревожно-радостные, первооснову, ещё и углубляющуюся, имели разную.

Людочка страстностью, юным неистовством одерживала победу естества природы над безумными вывертами человеческой психики, для неё акт физической близости возводился в жизнеутверждающий принцип.

Очень уж хорошие условия сложились прямо с первой встречи, не могло тут обойтись без любви, она родилась, девическая любовь, и рванула в рост. Но любовь эта нетребовательная, она при расставании заволакивала нежной кропотью серых глаз лицо любимого, и тёмный иней печали припорошивал будто бодрые слова «До следующей встречи, Дима, я буду очень ждать её».

Откуда же иней, печали?

Стар он, старый, не до любовью уж. Ему пятьдесят три, ей двадцать три, полчеловеческой жизни, пропастина неодолеваемая. Попользоваться — это пожалуйста, он с ней по привычке затеял игру, а вон что уродилось. Они даже созваниваются редко, перед самой встречей обычно, в свои дела она его не пускает, разговоры про Федьку пресекает в зачатке. Но зато, зато!

Нежность — ярчайшая грань любви.

Нежность — сладчайшая симфония высших сфер!

И за что только ему такой подарок, ведь не заслужил, не сможет ответить взаимно высоко, порастратился, поистерпался. Вот то и саднит

сердце, понимание собственного душевного опустошения. Но даже и это не вся полнота истины, полную он сам себе не желает раскрывать. А ежели бы вдруг раскрыл честно, то стыдоба начала бы сживать со свету. За то, что не хочет, боится надсаживать сердце головокружительной высотой чувства, ему куда как легче принимать любовь без обязательств, без щедрой растраты своих душевных сил.

Нет, он, конечно, жалел Люду, и как женщина она ему очень и очень даже, но и только, по большому счёту, Дмитрия вполне устраивало настоящее положение.

Получку за август получили, так говорили по привычке. На самом деле её снимают со счёта, а торты Робка не принёс.

Пришёл, стервец, на работу с пакетом, по «худощавому» виду которого не предполагалось наличия в нём даже одного, самого задрипанного тортика. Дмитрий, ранее всех являющийся, сидел на лавочке у слесарки, курил вприхлёб с кофе.

— Робка, а где обещанные торты?

— А нету ни денег, ни тортов. Я получку снял ещё в пятницу, за выходные потратил всё.

— Но ты же обещал клятвенно.

— Мало ли кто что обещал, у нас и другие обещают, а не несут.

— Ты на других не кивай, отвечай за себя.

— Дима Васильич, я лично Вам обещал, Вам я возьму с аванса, а сейчас пусто в кошельке, матери на питание отдал и на девушку потратил.

— Роб, ты знаешь, я не сильно падок на халыву, и не ради обжорства торты приносят, просто некрасиво получается. Ладно, живи уродом.

— А вот оскорблять меня не надо.

— Это не оскорбление, поговорка такая. Что у тебя опять за пассия появилась?

— По вашему понятию, она не девушка, а женщина. Была замужем, мужа посадили надолго, она развелась с ним, детей нет.

— И ты сразу потратил на неё получку, при первой встрече?

— Не всю, конечно, но как-то так получилось. Она в остановочном киоске работает около моего дома. В субботу я пришёл к ней, она рыдает, говорит, что хозяйка повесила на неё недостачу в 5 тысяч, ну я и дал ей.

— Всякое дарение — благо, и всяк дар совершен свыше есть.

— Чё-то не просекаю толком.

— Говорю, прекрасный поступок, а дальше?

— Вчера встречались с ней, гуляли.

— До чего догулялись?

— Дима Васильич, вы как следователь.

— Не видел ты, Робка, следователей и не говори про них. Просто я переживаю за тебя, потому и интересуюсь. Перспектива обозначилась ли?

— Не знаю, повстречаемся, приглядимся, вроде нравлюсь ей.

— Ну-ну, может, пойдёт полоса — полезут волоса...

— Вечно Вы с какими-то непонятными выражениями.

— Пойдём на раскомандировку, непонятливый вьюнош.

В конце той же смены рассорились вдрызг старый и малый.

В обед Робка приходил в другой корпус, там Дмитрий Васильич постоянно обретался, там у него ящик с личными вещами, там же он со слесарями обедал, сухомятно, отличительно от мужиков, распаривающих себе на обед лапшу из пакетов.

Робка предварительно тоже накидал в пузо размокшее тесто из большой чашки и должен быть сытнёхонек. Как бы не так! Никому ничего не должен Роберт Желвакин, это ему должна немилосердная природа, лишившая его чувства сытости.

Приходил и садился скромнейше в стороночке, вроде и не видя, как едят мужики оголодавшие. Это только вроде, жратву его взгляд уцепит всегда и потащит к себе, а губы, зубы и язык, то есть весь жевательный комплекс, тут же приходят в непроизвольное движение, мня, тря и чмокая.

Так происходит ежеобеденно. Робка знает, что Дима Васильич не любит есть одиноко и обязательно уделит ему что-нибудь из своего обеда.

Так и нынче. Дмитрий подал Робке помидорину с кулачище.

«Спасибо», — плод поболее Робкиного ротового разъёма, однако въехал туда без запинки, после двух-трёх движений комплекса дёрнулся кадык — и размолатая овощина ушла в цех переваривания.

Следом, тоже со «спасибо», последовали кусок сыра, кругляшок колбасы, пара печенюшек и конфета. Сцена привычная, многократно повторённая, все заняты пищепоглощением, один Сашу-

ля Молотков не мог равнодушно смотреть на разгул чревоугодия.

— Робка, тебе бы бетоном залить полжелудка, чтоб в него такая махина жрачки не влазила.

Роберт уже пьет чай, ссылая в стакан крошки со рта.

— А я и его переварю.

Поели, почавничали, курили, отдыхали.

Вторую половину смены Дмитрий работал в станочном корпусе. Близ конца смены, по порядку, — последний перерыв. Уставший Дмитрий Васильич зашёл в слесарку. Робка один, за столом у окна, на столе стакан с кофе, один пустой пакетик и два нераспечатанных, горюшка шоколадных конфет и раскиданы смятые фантики, сигарета дымится прямо на краю стола.

— Ты прямо как в ресторации, а бугор придёт, за курение по ушам нахлопает.

— Не-е, он до конца смены уже не придёт.

Васильич снял верхонки, брезентовую куртку, маску, шапочку, расслабленно сел на стул.

— Ну, угощай кофеем и конфетой.

— Дима Васильич, не буду я вас угощать кофем и конфетами, мне самому мало. Почему это я должен кого-то угощать, когда мне не хватает?

Усталость, поспешая, скатилась к ботинкам, ушла в бетонный пол, вкатилась обида в сердце. Дмитрий втоптал только что закуренную сигарету в жестяную крышку, пресёк попытки огня расползтись по крошкам табака, резко встал. Шапочку на седину, брезент на плечи, остальное в руки.

— Спасибо на добром слове. Больше ко мне не приходи ни с какими просьбами, законное дитя подлого века.

Вслед, в закрываемую дверь:

— Ну и ладно, обойдусь.

Выходной. Квартирка-приют.

Самозабвенная женская любовь, жертвенная, отдающая всё, до последней клеточки, «лишь бы ты был на белом свете».

Иней печали «До следующей встречи, Дима, я буду очень ждать её».

Сентябрь упирался, не желая уступать место холодно-дождливому октябрю, на исходе своём заливал землю жаркими потоками света. Дмитрий не закончил ещё купальный сезон, скорее даже, это уже не купание было, а обряд водопо-

гружения, процесс общения с водой. Осенняя, она по-первости ожигала до сбива дыхания, строго ерошила свою синюю, в сиреневый отлив, текучую поверхность, затем одаривала доверившееся, попривыкшее тело блаженством, напиткивало мощнейшим зарядом энергии жизни.

Но один-одинёшенек на берегу Дмитрий Васильевич, а ведь сегодня суббота, но молчит телефон Людмилы, нет ответа. Беспокойство, смутность душевная. На работе шибко некогда задумываться, дома тоже суета повседневная глушит, ещё семь дней перемогся в неведении.

Опять суббота и тишина в ответ. Беспокойства — глыба! и прозрение: теряемого ценность кратно возрастает, стремится к бесценности.

Дзи-и-нь-нь, дзи-и-и-нь-нь. В ушах? В сердце? Не определяемо.

Хоть бы жена в комнату не вошла. Ёжущая неуют.

Рука бессознательно скомкала газету, прямо в том месте, где её лицо. Голова склонёна, помотал ею по-лошадиному.

«Встряхнись. Ну, давай, приди в себя. Уж ничего не изменить».

Поднял голову, разгладил ладонью медленно и бережно комканное место. Глаза снова прочитывали, ощупывая каждое слово: «Родные и близкие скорбят о трагической кончине...».

Две фотографии: она и Федя.

— «Газета двухнедельной давности, она уже давно мертва, а я ей звоню, живой».

Как это случилось?

Людочка ты моя незабвенная. Я даже фамилию твою не знал до гибели, я тебя совсем-совсем не узнал, не успел. Ты дарила мне любовь безоглядно, безотдачно, я брал и транжирил. Я боялся ответить взаимностью, а она жила только любовью.

Господи! Покарай меня.

Да, сеющий плоть пожнёт гниение, да! Так я сеющий, не она, только я. Господи!

Только на мне грех, мне одном, помилуй душу её.

Хоть бы сердце лопнуло, что ли, и сдох бы. Нельзя так думать, тоже грех. Кругом грех, он плодится и множится от жизни несправедливой. Во грехе зачатие и во грехе во гроб сход. Но жить надо, а как? С таким грузом?

Ах, Люда, Люда. Смерть твоя располосовала моё старое сердце в лохмотья. Может, срстет-

ся, но с рубцами болючими жить мне остачек жизни».

Бесцветная капелка неслышимо легла на газету, отемнила несколько букв некролога.

«Слеза. Старую. На глаза слаб стал».

Будто после сильнейшей контузии возвращался к нормальной жизни Дмитрий Васильевич, душевное потрясение отпускало медленно, с рецидивами апатии и равнодушия. Вот вроде взвеселел, ожил, стал общителен, но внезапно, как от зябкости, передёргивал плечами, свешивал голову и сидел подолгу недвижно. Возвращалось такое душевное состояние, при котором презрение к себе и всему человечеству становилось довлеющим чувством, состояние опасное, чреватое бедами, ежели не подавить его, не переломить. Крепок оказался Димыч, смог выкарабкаться, не запил даже. К облегчению жены и дочери, а то они впали в беспокойство о психическом здоровье своего мужа и отца.

Оглянулся вокруг посветлевшими глазами, а октябрь уже снежком землю припорошивает, к зиме готовит.

Пока тужил-печалился, работа делалась по привычке и опыту, автоматически: пришёл, выполнил задание, ушёл.

Очередная получка подошла.

Так же сидел утром Димыч на лавочке с сигаретой и кофе, Робка подошёл с пакетом, да не с худощавым, а беременным, еле тащит в руке, перекошен чутком от тяжести, но не тягости, вышагивает гордо.

— Здравствуйте, Дмитрий Васильевич.

— Здоров будь и ты, Робка.

— Вот, принёс два торта, банку кофе, чай и газировку. Один торт персонально вам.

— Ну зачем же персонально, на общий стол всё.

Роберт водрузил пакетище на соседнюю, стоящую перпендикулярно лавку, сел рядышком, достал свои сигареты, задымил.

— Дима Васильевич, вот вы обиделись на меня, три недели не разговаривали со мной, а я переживал.

— Роба, я не из-за обиды молчал, другая причина была.

— Всё равно, я много думал, доехало до меня, что не надо жадничать с товарищами, я теперь всегда буду делиться с вами.

— Спасибо, Роб, но вообще-то делиться надо со всяким нуждающимся, когда приучишь себя делиться и обходиться малым, жить станет светлее.

— Это как — светлее?

— Сам поймёшь потом.

— А что с вами случилось такое, что вы ходили как тяжело больной?

— Человек погиб один трагически. Бывают смерти разящие, её смерть такая для меня вышла.

— Её? Это девушка?

— Молодая женщина.

— А она кто вам была, любовница?

— Не будем об этом. Просто человек должен отвечать за чувства, собою внушаемые. Иногда хочешь наживулить, а получается, что крепко пришёл. И рвётся потом по живому, с кровью.

— Ну, ладно. Я вот с вами посоветоваться хочу.

— Давай, советуйся.

— Я познакомился с двумя девушками. Они подружки прямо неразлейные, я не могу их друг от друга отлепить, побыть с какой-нибудь наедине, а нравятся они мне обе. Что делать, они даже гуляют под ручку меж собой.

Робка весь повернулся на лавке к Дмитрию, вопрос для него жизненно трепещущий.

Вот когда окончательно рассосалась съезжающая сердце в болезненный комочек, затаившаяся, но доселе живая неуют, исчезла насовсем.

Радость жизни нахлынула, Дмитрий широко улыбнулся.

— Ну, молодец, Робка, ну, неугомонный. Правильно, нельзя сдаваться, кто бьётся, тот и добьётся. Сделай так. Зайди сзади, потом вклинься посередке и скажи: «Позвольте меж вас втиснуться и к одной из вас притиснуться».

Одна, скорее всего, взбрыкнет, а другая воспримет благосклонно. Вот эту и отделий быстро, пока не очухалась, отделий и от подружки удаляй. Дальше всё зависит только от тебя.

— Так просто?

— Самое лучшее решение всегда и самое простое.

— А вы так делали?

— Конечно, Робка, делал, я ещё и не то делал.

— А что ещё, расскажите.

— Нет, Роба, сам, на своём опыте учись, а жизнь подскажет, она — самый мудрый учитель.

Лана
ШАНГИНА

ОШАЛЕВШИЙ
ОТ МЕТЕЛИ МАЙ

* * *

Где бабье лето переходит в осень,
Стирая, будто ластиком, границу,
Приятно замереть под старой вишней
С корзинкою шпинельно-красных ягод,
И в умиротворённо-тихом полдне
Плыть, будто рыбка
в тёплой светлой речке.
Забыть о времени,
потом внезапно вспомнить.
И каждый год так будет продолжаться...

Найду себя задумчивой старушкой,
Теряющей то книгу, то очки.
И вот, любуясь ясноглазой внучкой,
Я вспомню детство, в бабушкиной ласке
Купавшееся, будто солнце в синем
Просторном и таком привычном небе –
Опять себя почувствую ребёнком,
И бабушкой, и даже – бабьим летом,
Где лето плавно переходит в осень,
Где хорошо и детям, и старушкам.

* * *

Полынь и донник. Горький мёд
Здесь собирают пчёлы.
И солнце яростно печёт
Песчаный берег голый.

79

Полынь и донник. Аромат –
Не выдумать сравненья.
О чём кузнечики звенят
В травы переплетье?
И жаворонок так звенит
В заоблачных высотах,
Взлетевший в птичий свой зенит –
О птичьих ли заботах?..
О чём жужжит липовый жук?
О чём молчат стрекозы,
Где омута прохладный круг
До дна никем не познан?
А все – до вечера с утра –
Про это, лишь про это:
Полынь и донник. И жара.
И лето. Просто лето.

* * *

Хлесткий холодный осенний дождь...
Ой, на веревках белье...
Милый, как ты меня назовешь,
И будет имя мое.
Кто разграничит правду и ложь?
Видимо, точно не я.
Милый, знай: все, что ты мне солжешь,
И будет правда моя.
Радость льет светом из-под ресниц –
Летом или зимой –
В круговороте имен и лиц
Ты для меня – лишь мой.

ШАНГИНА Лана (Светлана Владимировна) родилась в 1969 году, по профессии полиграфист, директор издательства «АсПУр» (Ассоциации писателей Урала), переводчик с итальянского языка. Ее стихи публиковались в журналах «Урал», «Уральский следопыт». Она автор двух отдельных сборников стихов. Живет в городе Реж Свердловской области.

* * *

Жизнь кончилась, а я живу,
Почти не замедляя бега.
А листья падают в траву,
И снова ждет природа снега...
А я уж и любви не жду,
В копилку разочарований –
Копейкой – новую беду,
Источник глупых упований...
Но перья чищу поутру,
Как птица, что привыкла к клетке.
Я не живу и не умру –
Забытым яблоком на ветке.

* * *

Это просто снег, и он растает.
Все вернется на свои места.
Эта мысль – до глупости простая.
Может быть, не зря она проста?..
В небо, будто в зеркало, глядится
Ошалевший от метели май.
И сидят нахохленные птицы,
И бежит заснеженный трамвай...
Эти истеричные метели
Повторяются из года в год.
Не сказать, чтоб очень надоели –
Это просто жизнь, она пройдет.

* * *

Бабочки раскрыта книга
На столешнице цветка.
Радует продленьем мига
Вспять потёкшая река.
Крыльев пёстрые страницы
Так притягивают взгляд,
Солнце светит на ресницы...
Будто много лет назад,
Бабушка варенье варит,
Пенки в блюдечко кладёт,
Солнце мне лопатки жарит,
Дедушка с реки идет...
Будто в детство окунулась,
Замечтавшись на лугу,
В тёплой речке окупнулась
И теперь назад бегу...

* * *

Какая всё-таки огромная земля!
Наверно, и поменьше быть могла бы.
И самолёты, между звёзд пыля,
Стремятся всё же сократить масштабы...
Ночь опустилась, города тихи,
И вертится в инерциях планета.
Летят почтовым голубем стихи,
Подхваченные ветром Интернета –
Мне даже не понять, в какой дали...
А впрочем, что там местопребыванье!
От сердца к сердцу строчки пролегли –
И в них такое близкое дыханье!..

* * *

Звонящие стройные сосны
И неба зовущая синь...
Проходят они, наши вёсны.
Минута минует, аминь...
Ты будешь протягивать руки
В немую январскую стынью.
Как вынести эти разлуки?
Минута минует, аминь...
Пройдёт эта мёртвая стужа,
И в мае настанет теплынь.
А может, никто и не нужен?
Минута минует, аминь...

* * *

Топчет малыш-идиот
Им же построенный замок.
В нём разрушенья азарт –
Радостна власть над песком.
Вот растоптал – и ревёт:
Скучно и нечем заняться.
Будет от скуки расти,
Станет большим мужиком.
Топчет мужик-идиот
Чувства бывшего остатки
В женской усталой душе –
Радостно душу топтать.
Вот растоптал – и стоит.
Ну, ты доволен? Ты сильный!
Стой, как в пустыне, теперь.
Не на чем власть проявить.

Михаил
КРИВОШЕИН

ТЕПЛЫЙ ЦВЕТ ХОЛОДНОГО АПЕЛЬСИНА

Повесть

Завтра выпускной, завтра решающий день его жизни. Но Димка имел в виду не аттестат. У него на первом, на заглавном месте было то, чего он сам боялся, что ввергало его в грёзы и бессилие, лишало сна и покоя. Это – девушка Оля. Девочка с косичками с первого по десятый класс и девушка – красивая и уверенная, остроумная и весёлая, нежная и трогательная. Он не замечал в ней ни одной отрицательной черты, ни одного изъяна. Любил её всю, с головы до пят. Однажды она обронила носовой платок, он поднял его и мгновенно положил себе в карман, а когда шёл домой, то нюхал его. Ему даже не пришлось в голову, что она вытирала этим платком нос, он только ощущал аромат её духов и молодого тела.

Началось это в День Святого Валентина. Они устроили вечер. Играли в фанты. Она вытянула бумажку, в которой указывалось поцеловать человека напротив, а напротив – он. Поцелуй получился в щёку, но от этого прикосновения ему обожгло душу. Что-то сработало внутри и всё. Она не покидала его мыслей ни днем, ни ночью. Он делал ей всякие знаки внимания, и она вдруг задерживала на нём взгляд дольше обычного. Понятно, что она догадывалась, но ответных действий пока никаких не было.

Весна будоражила молодую кровь. По улицам устремлялись ручейки, слизывая накопив-

шуюся за зиму грязь. Остальное доделывали дворники.

Веснушками расцветали ребячьи носы. На окраинах города уже слышался галдеж прилетевших птиц. Город стал значительно чище, потому что за время революционных перемен почти все производства остановились. Десятки труб торчали памятниками былой советской мощи, не изрыгая угар и сажу. Город стал, будто спальный район. Утром воздух был по-деревенски чист, только за день накапливались выхлопные газы от вездесущих машин, которых становилось всё больше и больше.

Выпускники готовились к экзаменам. Начались консультации. Класс поделили пополам. Димка попросился в одну группу с Ольгой, чтобы чаще видеть её и самому попадаться ей на глаза. Она по-прежнему вела себя ровно по отношению к нему. Он решил сменить тактику – относиться к ней холодновато, а «ход конем» оставить до выпускного вечера. Но вдруг стал замечать, что она заигрывает с Женькой. Женька парень неплохой, много уделяет внимания спорту, но учится слабовато. Институт ему, конечно, не светит, но парень с характером и наверняка найдёт свое место в жизни. Нет, они ещё не дружили, но чувствовалось, что если он сделает к ней шаг, то она не оттолкнёт, и тогда всё, Димка останется за бортом. Мысль эта, как

КРИВОШЕИН Михаил Александрович родился 12 ноября 1951 года в селе Кривошеине Томской области. Окончил Барнаульский индустриально-педагогический техникум. В течение 23 лет работал на стройках Кемеровской области.

Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Автор двух книг: «Стихи, рассказы», «Не топчите цветы ногами». Живёт в Мысках.

инородное тело, вошла в мозг и свербила, мешая всему: предстоящим экзаменам, отношениям с друзьями и дома, будто у него склеились и не перелистывались страницы жизни. Он делал всё как-то неосознанно. Много валялся на кровати и глядел в потолок. Иногда принимал решение, что пойдёт и поговорит с Женькой, но тянул. Тянул и клял себя за трусость последними словами. Может быть, из-за слабости характера не совершал глупых поступков, которые нередко совершают влюблённые. Никто не замечал его душевных мук. «Может быть, это и к лучшему», — думал он.

Экзамены сдал легко. Помог запас знаний, полученных в серых школьных буднях. И вот он, выпускной вечер, уже на носу. Завтра. А сегодня с утра Димка начал готовиться: гладить, чистить, а потом бесцельно шляться из комнаты в комнату, то вдруг упрётся в телевизор, а смысла того, что там происходит, не понимает, то долго стоит у окна, стараясь разглядеть лица прохожих. Он подгонял время и с волнением проживал часы ожидания. День наконец-то закончился, а ночь успокоения не принесла. Снились какие-то кошмары. Он просыпался, лежал с закрытыми глазами и снова засыпал. Под утро уснул крепким сном. Проснулся от звонка телефона, полежал в ожидании, что кто-то возьмёт трубку, но не дождался. Пришлось вставать, потому что дома, кроме него, никого не было. Звонила мать, используя телефон как будильник. Она сказала: «Пора вставать. Завтрак в холодильнике. Оденешься и зайдёшь ко мне». Работала его мама в салоне красоты, дамским мастером. Димку никому не доверяла, подстригала всегда сама. Вот и сейчас велела зайти, чтобы причесать как следует.

Димка почувствовал какое-то душевное облегчение, настроение улучшилось, и всё встало на свои места. На улице солнечно, здоровье хорошее, впереди целая жизнь, а сегодня праздник. Врубил музыкальный центр. В стену сразу же застучали. Видимо, сосед пришёл с ночи, ему надо отдыхать. Димка убавил звук. Позавтракал и позвонил другу Игорю. Игорь спросил: «Может, твоя мать и меня причешет?» Договорились созвониться и выйти одновременно. Одевался долго и тщательно. Подозрительно смотрел на себя в зеркало, но в конце концов решил, что будет выглядеть не хуже других. С другом встретились у крыльца салона и весело вошли в бывшую парикмахерскую. Но

здесь от того, что было, не осталось и следа. Салон блестел современной отделкой. Димкина мать соответствовала интерьеру. Видимо, от счастья. Боже мой! Сколько бессонных ночей, сколько слёз и тревог! И вот, кажется, всё позади. Сын — выпускник. Но это только кажется. Главное ещё впереди. Период взросления самый сложный и чувственный, самый тонкий и хрупкий. Вокруг раздевают, убивают. Наркоманы омолодили кладбища. Надо пройти этот путь как по струне и не упасть, не исчезнуть в это страшное время. Сына не запрёшь под замок. Ему самому придётся закрепляться в обществе. Это как у птиц: чтобы пойти на дальний перелёт, нужно дать птенцам облетаться, и не важно, сколько раз они упадут. Жизнь — штука непростая.

Из салона Димка с другом вышли как начищенные медные пятаки. Прохожие смотрели на них с удовольствием, и многие даже оглядывались. Молодость и красота притягивают взгляды и заставляют людей постарше приободриться, а пожилых уводят в воспоминания.

Выпускной в их школе проходил, как и везде, слишком заорганизованно. Много лестных слов и подарков получили учителя. Больше всего лести было адресовано руководству школы и каким-то начальникам, которые выходили и говорили что-то неинтересное. Всех уже утомили эти речи, но наступило время — и начали вручать аттестаты. Димка ждал, когда выйдёт Ольга, когда очень резко выкрикнули «Недорезова», ему показалось, что кого-то дорезали и в размышлениях он упустил её шествие.

Когда начались танцы, он понял, кого дорезали — это его. Ольга с Женькой не отходили друг от друга, когда-то успели, сделали тот шаг? Димке стало горько до слёз. Ноги у него ослабели, горло душили спазмы. Он решил уйти с вечера и направился к выходу. Но ему наперерез шла Лена. Она с улыбкой перегородила дорогу и заговорила. Ленка неплохая девчонка, и фигурка гитарная, но не в его вкусе. Она заговорила с ним ласково, как лиса Алиса:

— Куда это наш Димочка собрался? Наверное, Димочка придёт домой, пососёт титьку у мамочки, наденет памперс и баиньки.

Димка присмотрелся к однокласснице, и ему показалось, что она выпивши. Он начал ей подыгрывать:

— Я не надеваю на ночь памперсы, у меня горшок под койкой.

Лена расхохоталась и, протянув парню руку, предложила потанцевать. Танцевали они, касаясь друг друга. Это волновало воображение Димки, и он прижал её к себе, а той, видимо, того и надо было. Заиграла быстрая музыка, Лена потянула партнёра из зала. Он шёл послушно. Поднявшись на второй этаж, они вошли в свой класс. У Лены за шторкой на подоконнике оказалась спрятана бутылка наливки и два апельсина. Бутылка была начата, а на горлышко надета стопка. Лена взялась наливать, а ему предложила очистить апельсин. Он сделал это с успехом, так как это был его любимый фрукт. Они выпили и начали кормить друг друга дольками апельсина, а Лена вдруг обняла его и стала страстно целовать. У Димки закружилась голова – то ли от выпитого, то ли от поцелуев. Хмель и интимная обстановка возбуждали в парне страсть. Своими действиями он начал требовать от девушки близости, но она вдруг резко отодвинула его от себя и, взяв за руку, потащила на танцы.

Было уже за полночь, когда они решили сбежать с вечера. Всё равно многие уже начали уставать и потихоньку разбредаться. Кто-то гулял по улице, за кем-то пришла машина. В этом разброде незаметно, кто, с кем и куда удалились. Дима с Леной пошли по улице обнявшись и зашли в сквер. Здесь их ждала скамейка, и Димка готов был прямо немедленно исполнить роль Адама. Но Лена сопротивлялась и шептала: «Не здесь, не здесь». Потом вдруг решительно взяла его под руку и сказала: «У меня с собой ключ от тёткиной квартиры, я кормлю кошку и поливаю цветы, пойдем туда». Они шли быстро, чуть ли не бегом. Сердца их бешено стучали, и других звуков, казалось, не существовало.

Замок открылся быстро, и они очутились внутри хорошо обставленной квартиры. В спальне стояла огромная кровать. Лена сняла покрывало, отвернула угол одеяла, достала из тумбы две подушки и бросила их на свои места. Делала это как-то деловито, по-хозяйски, а Димка стоял с другой стороны кровати, опустив руки. Он не мог говорить, потому что его потряхивало от нервного озноба. Лена скомандовала: «Что стоишь? Раздевайся и ложись, но сначала расстегни мне платье». Парень обошёл кровать и трясущимися руками расстегнул крючки на платье, потом начал раздеваться. В майке, трусах и носках полез под одеяло. Лена сняла платье и ушла в ванную. Немного погудев кранами, пришла совершенно голая. У Дим-

кихватило дух, а она ловко нырнула под одеяло и прижалась к нему.

От того, что происходило дальше, Димке показалось, что он побывал на небесах, а после появилось чувство брезгливости, и ему хотелось немедленно сбежать от подружки, а она продолжала его целовать и ласкать. Её быстрые руки побывали везде, а он не мог отделаться от чувства омерзения. То, что она оказалась не девочкой, давало ему право её презирать.

Вскоре он уснул, а проснувшись, быстро встал и начал одеваться. На душе было гадко, в теле уже не было того озноба, а появилось ощущение, что из него выпили половину крови. Ему хотелось скорее скрыться в своей комнате на родной мягкой постели, и чтобы его никто не трогал.

На улице прохладно. Он поднял воротник пиджака и заспешил домой. Дома встретила мать, она сегодня не сомкнула глаз. И, естественно, спросила:

– Ты где был?

Димка замахал руками, чтобы его не трогали, и сказал:

– Мам, у меня все хорошо, я пошёл спать.

На другой день он не выходил из дома. Слушал длинные гудки припадочного телефона и не хотел никого видеть и слышать. Только на следующий день он выбрался из дома, и то только за хлебом. Позвонил другу Игорю. Тот настойчиво требовал от Димки, чтобы он рассказал, что у них было с Ленкой. Но Димка каким-то предчувствием доходил до того, что такие вещи не стоит выносить на суд, это тайна двух сердец, и где она зародилась, там должна и умереть или храниться на потаённой полке памяти.

С Леной встретились в школе. Пришли брать характеристики для поступления в вуз. Она болтала без умолку, и ему в первый раз пришла мысль, что она глупая, какая-то поверхностная и пустая. Если ему продолжить с ней отношения, его скоро начнет в ней всё раздражать. Это означало, что он её не любил. Она снова приглашала его на свидание в тёткину квартиру. Димка поглядел ей в глаза и сказал:

– Ты извини, Лена, я не приду, – повернулся и быстро ушёл.

Лена ещё долго досаждала ему: писала записки, звонила, подсылала подружек, но Димка искушению не поддавался.

Димка поступил в технический вуз. Лето проработал на строительстве обогатительной фаб-

рики. Зарплату задерживали, но его как студента всякими правдами и неправдами рассчитали. Он неплохо приоделся и поехал в соседний город на первые занятия. Началась его студенческая жизнь. В эту жизнь окунулся, как говорят, с головой. Ему это нравилось. Стали поговаривать, что скоро институт закроют. И закрыли. Какому-то чиновнику не нравилось, как ведёт себя руководство вуза, не выдали лицензию – и всё. Их не интересовало, скольким молодым людям они сломают жизнь.

Как и многие, Димка пытался перевестись в другой институт, но бюджетные места были везде заняты, а учиться на коммерческой основе не хватало средств. Он переживал, мать плакала, но слезами горю не поможешь. Окончив полтора курса, Димка вернулся домой недоучкой. Летом можно снова попытаться поступить на второй курс какого-нибудь института. Дома собрали совещание. Приехал дядя Витя, мамин брат, и решили, что время терять нельзя – надо идти работать. Когда-то в городе было пять шахт, но в ходе перемен три закрыли. На одной из двух оставшихся и работал дядя Витя. Он был мастером, имел знак «Шахтёрская слава», так что его авторитета хватало, чтобы племянника взяли хотя бы рабочим ГРП, потом курсы и т. д. Через несколько дней Димка уже работал. Работа ему не нравилась. Мало, что на поверхности, так ещё и куда пошлют, т. е. на подхвате. Мать вечером внушала: «Не оговаривайся ни с кем, а в работе старайся». И он старался. Через месяц его направили на курсы в учебный комбинат. Курсы окончил успешно и получил свидетельство, что он теперь полноценный шахтёр. На другой день пошёл в отдел кадров за назначением, там ему дали три дня отгулов.

В один из выходных дней он прогуливался по центру и увидел Олю, она шла ему навстречу, и когда их взгляды пересеклись – улыбнулась. Димка остановился. Она задала ему вопрос: «Как жизнь?» Он вкратце поведал ей о своих похождениях за эти два года и задал ей тот же вопрос, хотя кое-что знал. Знал, что она вышла замуж за Женьку и что у них есть ребёнок. Знал, что мужа забрали в армию. Теперь она ходила в военкомат, и в связи с тем, что у них ребёнок, его должны демобилизовать. В общем, у неё всё хорошо. Димка приглядывался к ней. Внешне она не изменилась, только стала гораздо серьёзнее. Они попрощались, и каждый пошёл своей дорогой, но Ольга опять не выходила у него из головы. На

него нахлынула вторая волна тех чувств, и никуда от них не денешься. Эти милые черты приняты сердцем навсегда, и человеку не дано понять, как это происходит. Ясно одно: это любовь.

На работе всё устроилось. С помощью дядьки его зачислили в хорошую бригаду. Он начал работать под землёй. Каждый день одна и та же схема. Утром забутовку в сумку и на остановку. На вахтовке до шахты. В шахту спускались по наклонному штреку на монорельсе, а там – работа. Работа тяжёлая и грязная, опасная, не позволяющая расслабляться – работа, для человека неестественная. Человек ведь не крот, это же существо наземное. Но разум поднял его в воздух, опустил под землю и на дно морское. Одни всё придумывают, другие берут всё в свою власть, а третьи исполняют их волю только ради того, чтобы остаться человеком, зарабатывать и чувствовать свою причастность к прогрессу. Раз ничего невозможно остановить, значит, нужно помогать двигать общество вперёд. Димка понимал, что он очень маленький винтик в этом механизме. Он спускался в шахту, чувствовал вздохи земли, но надеялся, что с ним ничего не случится, и постоянно думал, скорее, мечтал, что станет более крупной деталью, чем винтик, но надо учиться.

87

Несмотря на трудности в стране, зарплату у них давали вовремя. Димка, хорошо одетый и приятно пахнущий, нравился девушкам. За короткое время он поменял троих. Девушки красивые, но ни одна не вызвала тех чувств, какие были у него к Ольге. Одна оказалась глупой, другая – алчной, а третья – помешанной на марше Мендельсона. Значит, и цена им была такова. Он решил пока воздержаться от новых знакомств. Жил не ожиданиями, а просто по инерции. Бывает такое, что живёшь себе и живёшь, не думаешь о потерянном времени, о вечном. Зато позже, когда начинаешь размышлять, оказывается, что этот период жизни был самым счастливым. Вот и Димка проживал самый счастливый период своей жизни, потому что он не был обременён никакими серьёзными заботами. И ему это нравилось. Но вдруг в душу закралась тревога.

Как-то весенним утром он стоял на остановке, где его подбирала вахтовка, подошёл какой-то парень. Димка не обратил на него внимания, но тот приблизился и протянул ему руку. Димка вскинул глаза и узнал своего однокашника Женю. Пришлось подать руку и спросить, откуда он и куда. Выяснилось, что они теперь будут

вместе работать. Вот это его и встревожило. Он понимал, что это ему будет мешать, но насколько, он ещё не представлял. Все сюжеты развиваются по какому-то жизненному сценарию, а пишут их обстоятельства, о которых ты и не предполагаешь.

Первые дни работы с новым членом бригады Димка был в напряжении. Женьки сторонился, а тот дома, разговаривая с женой, необдуманно пошутил:

— Ольга, мне кажется, он тебя всё ещё любит. Останемся в забое вдвоём, он отоварит меня кувалдочкой по затылку и скажет: «Обрушение породы».

Он пошутил и забыл, а Ольга не на шутку перепугалась. Время-то не дай Боже! Каждую смену она была в тревоге. Тем более что часто то там, то тут взрывались шахты.

В выходной день Димка отправился на рынок за картошкой. Мать прочитала ему лекцию, как выбирать разные овощи, и сын, сунув в карман пакет, прогулочным шагом брёл по тротуару. Вдруг кто-то взял его под руку. Он повернул голову... «О Боже! Это Ольга!» Она взглянула на него и быстро заговорила:

— Как жизнь, Дима? Как работа?

Димка пожал плечами и ответил:

— Да нормально.

Вдруг Ольга повернула его к себе и как-то угрожающе спросила:

— А ты ничего плохого не задумал?

Он в свою очередь спросил:

— Что ты имеешь в виду?

Она продолжала:

— У тебя с Женей натянутые отношения. А вдруг авария или ещё что — ты ему не поможешь, а наоборот, бросишь. Он ведь тебе ничего плохого не сделал. Я выбрала его, я и виновата перед тобой.

Димка вытаращил на неё глаза и резко ответил:

— Ты что ерунду городишь! У меня к нему нет претензий! Что, я должен его обнимать, или что ты хочешь?! Я думал, ты нормальная, а у тебя «гуси»!

Он отдернул свою руку, покрутил пальцем у виска и быстро зашагал прочь. Его раздрало негодование: «Все бабы дуры! Придумала же! На хрена он мне нужен! Завтра я ему скажу, какой он дурак!»

До базара дошёл по инерции, купил поеденной червями картошки, про морковь и свеклу со-

всем забыл и зашагал обратно, а сам всё мысленно спорил с Ольгой и Женькой. Он не замечал, что разговаривает сам с собой уже вслух. Прохожие поглядывали на него с сочувствием. Дома машинально отдал пакет матери и, закрывшись в своей комнате, продолжал этот спор. Это походило на бой с тенью, как у боксёров. Из этого состояния его вывела мама:

— Ты какого чёрта купил?! Я тебе говорила, бери чистую картошку, а ты притащил мусор!

Димка пошёл на кухню, взял в руку картофелину, покрутил и понял, что это Ольга ввела его в такое состояние. Он пробормотал:

— Извини, мам, там другой не было.

На другой день они встретились с Женькой, тот открыто улыбнулся, пожал ему руку и заговорил о работе. Димка молча наблюдал за ним и сделал вывод, что это Ольга сама что-то напридумывала, и как-то ему стало от этого легче. Он поддержал разговор, посмеялся и забыл этот нелепый инцидент. Жизнь продолжалась.

Беда стряслась, когда её не ждали. Утро было пасмурное, злое. На работу ехали молча. В гардеробе Женька вдруг окликнул Димку и, сказав «держи», кинул апельсин. Димка, ловко поймав, подержал его в руке. Апельсин был крупный, с чистой шкуркой, его, видимо, утром достали из холодильника, потому что он был холодный. Димка подумал: «За обедом съем», — и положил его в забутровку. Когда спустились в забой, бригадир распорядился четверых оставить в одном месте, а остальные двинулись дальше. В первое звено попали они, Димка с Женькой. Им надо было подкрепить одно сомнительное место. Подвезли гидростойки, анкеры и решётки, и только начали устанавливать гидростойки, как вдруг услышали хлопок, и всё погрузилось во мрак. Димка только успел упасть на землю, как пришла волна и расшвыряла всех по забою. Его слегка ударило о стену, и он лежал невредимым. Забой заполнился гарью и угольной пылью. Дышать было нечем. В голове мелькнула мысль, что может произойти взрыв угольной пыли, и тогда конец. Но не лежать же здесь, можно задохнуться. Димка встал на колени, включил фонарь и, быстро открыв самоспасатель, взял в рот загубник. Впереди раздался стон. Свет фонаря не пробивал завесу пыли, и ему пришлось на ощупь искать того, кто стонал. Его как будто ударило током. Все слова и даже взгляд Ольги проступили сквозь плотную завесу пыли и гари. Она, прищурившись, говорила: «А

ты сможешь Женьке, не бросишь его в беде?» Димка взял в руку загубник и громко позвал: «Есть кто живой?» Ему никто не ответил, только опять послышался стон. Димка встал на ноги и двинулся вперёд. Сделав несколько шагов почти на ощупь, он снова позвал, и стон послышался где-то под ногами. Он пригнулся и стал ощупывать руками. Нащупал ноги человека, а дальше поперёк на нём лежала гидростойка. Он поднял и отшвырнул её, присел на корточки и стал разворачивать раненого. Им оказался Женька. Димка ощупал его, но не обнаружил самоспасателя. Он подумал: «Читают, читают им инструктаж, чтобы не снимали самоспастели, всё равно бесполезно. Снимут, бросят к стенке и работают, чтобы не мешал». Раздумывать было некогда, раненый мог просто задохнуться. Стал шарить вокруг и, ничего не найдя, занялся раненым. Дал ему свой загубник, тот стал дышать, застонал. Димка закрывал лицо полкой пиджака, дышал через неё, но это был не воздух, а адская смесь. В горле першило, кружилась голова. Мысли лихорадочно пролетали в его голове. Он думал: если выйти самому и отправить спасателей, Женька может не дожидаться помощи. Принял решение: «Понесу сам!» Быстро снял с себя рабочий пиджак, рубашку и майку. Из майки сделал повязку на лицо. Помочился на неё и завязал рот и нос. Запах был неприятный, зато не так першило в горле. Об этом спасительном фильтре он вычитал в одной из книжек: во время войны немцы применяли душегубки для уничтожения военнопленных, а один пленный так спасся. Димка закрепил на раненом свой самоспасатель, взвалил его на себя и понёс. Ему надо было пройти немного, свернуть влево и идти по параллельному вентиляционному штреку. Только бы не пройти свороток.

Шёл вверх по уклону. Сначала у него звенело в ушах, затем стало ухать сердце. С каждым шагом всё сильнее и сильнее. «Вот и свороток», — определил он по провалу. Остановился, привалил раненого к стене и понял, что слабеет. Ноги стали как ватные. «Нет, надо идти, а то упаду и всё, пропадём здесь оба», — взвалил Женьку на себя. Тот застонал, значит, живой. Двинулись дальше. Казалось, он шёл целую вечность. В вентиляционном штреке пыль была не такой плотной, луч фонаря высвечивал всё, что под ногами, а дальше ничего не видать. Вентиляция не работала. Всё обесточено. Димка шёл и думал: сколько же ему идти? От недостатка кислорода сердце

выскакивало из груди, в глазах появились оранжевые круги, а он всё шёл и шёл. Он вдруг понял, что сейчас важно, если их найдут обоих мёртвыми, поймут, что он не пользовался самоспасателем, т. е. не предал, и Ольга это оценит. Да! У них ребёнок, и лучше, если Женька будет живой. Но вдруг всплыл образ мамы. «Как же она останется одна и как велико будет её горе!» Глаза его наполнились слезами. Он ничего не видел, только вдруг громко крикнул: «Врёшь, не возьмёшь!» Это придало ему немного сил, но отравление делало своё дело. У него совсем ослабли ноги, ломило всё тело. Груз становился непосильным. Он чувствовал, что вот-вот рухнет. Вдруг посредине оранжевых кругов появились светлячки. Это — фонари спасателей.

Их быстро подняли на поверхность и на реанимобилях доставили в больницу. Димку в реанимацию, а Женьку в травматологию. На чёрном лице Димки пробежали две светлые дорожки от слёз. Медсестры, которые оттирали его, говорили между собой: «Видишь, какой парень, наверное, тяжело ему было до слёз. Нет, ему, наверное, жалко было маму, он у неё один».

Он очнулся на другой день. Первое, что спросил, жив ли его товарищ. Медсестра пожалала плечами и вышла. В коридоре, ни на минутку не присев, ходила его мать. Медсестра обрадовала её тем, что он очнулся, и сказала:

— Он хочет знать, жив ли его товарищ.

Мать закивала и заплакала:

— Живой, живой, передайте ему!

Медсестра посоветовала:

— Вы бы шли домой, выспались, а завтра приходите, мы вас к нему пустим. Идите, идите.

Мама пошла домой с огромным облегчением на душе, но почувствовала: тело её настолько устало, что она готова упасть прямо на дороге. До дома дошла по инерции и легла на диван, не раздеваясь. Проснулась от того, что хотелось есть. Поела, что нашла в холодильнике, и опять легла спать. Теперь уже разделась, как положено.

Утром она проснулась ни свет, ни заря и начала собираться в больницу. Сварила яиц, сосисок, приготовила салат, всё уложила в сумку. Время ещё мало, в больницу не пустят, и она решила принять душ, но забыла, что нет горячей воды. Покрутив краны, вышла из ванной, достала альбом и начала листать. Димкиных фотографий было больше всех — с возраста, как он начал сидеть. Она смотрела, перелисты-

вала, потом возвращалась опять, всматривалась. Боже мой! Сколько бессонных ночей, сколько всяких тревог пережито... Муж уехал по контракту ловить дальневосточную сельдь и потерялся — пропал без вести в Охотском море. Вроде как выпал за борт. Димка вырос без отца и без пенсии.

Встретился один хороший человек. Жена у него запилась. Воспитывал один двух дочек. Работал на железной дороге сварщиком. Ремонтировал вагоны. Однажды поставили ему лесенку ненадёжно, он полез борт заваривать, лесенка скользнула по днищу, и он свалился внутрь. Ударился головой и стал инвалидом. Детей забрали его родители, а он сам начал пить. Ненадолго его хватило — умер от инсульта.

В начале девяностых познакомилась с одним шофёром. Помогал: из деревни привезёт овощей, добудет муки, сахару, масла. Год подружили, хотели уж было сойтись, и Димка был не против, любил кататься с ним на машине, называл его дядя Володя. Но дядя Володя ночью сбил человека и уехал. Нашли и дали пять лет. Освободился он через три года, но больной туберкулёзом. К ней приходил один раз, посидел, поговорил, сказал, что поедет к сестре отдохнуть и подлечиться. Уехал и как в воду канул.

Больше она знакомств не заводила. Димка ⁸⁷ подрастал, стыдно было, хотя ещё набивались женихи, но она уже научилась жить самостоятельно, и её единственной и главной заботой стал сын. Когда он есть — и сегодня, и завтра, и кажется, так будет всегда — чувства притупляются. Жизнь идёт и идёт. А вот случилось несчастье, и она ощутила каждой клеткой, как ей важно, что она несёт в этой жизни и как это шатко. Как этот мир ненадёжен. И кроме неё нет защиты. Она ощутила себя матерью-волчицей в волчьем мире. Обострились все инстинкты, оголились все нервы.

Она сидела, смотрела фотографии, а на них капали слёзы — материнские слёзы, они большего накала. Посидела, поплакала и пошла в больницу. В реанимации была суэта. Ночью произошла авария: четверо молодых людей на легковой попали под грузовик. Глядя на рыдающих родителей, она тоже не смогла сдержаться. Увидела вчерашнюю медсестру и получила радостную весть: её Димку перевели в отделение, можно его навестить.

В палате он лежал один. Лежал и смотрел на дверь, видимо, ждал её. Она зашла и не сдержалась,

затряслась вся от рыдания. Сын успокаивал, как мог:

— Мать, ты чего? Я — вот он, жив и здоров! Ты лучше Расскажи, как там Женька?

Она подавила в себе эмоции, вытерла слёзы и рассказала, что Женьке сделали две операции:

— Он в сознании, но тяжёлый, возле него постоянно сидит Ольга. Должен поправиться. Она мне звонила и просила передать тебе привет и огромную благодарность. Да, ещё сказала, что делает тебе большой подарок.

— Какой подарок? — спросил Димка.

— Не знаю, — пожала плечами мать. — Наверное, поцелует, — добавила она, улыбаясь.

Сын обратил внимание: у мамы глаза ясные-ясные, это, видимо, после слёз. Он взял её за руку:

— Сядь, мам, не суетись, а подарков мне не надо, живой он — вот мне и подарок. Если бы ты знала, как я его таскал! А что с Горшковым и Васей Белым?

— О-о-о! Это целая история. Я точно не знаю, но главное, что все живы. Придёт кто-нибудь с шахты, расскажет.

Немного погодя маму попросили удалиться: начинались лечебные процедуры, и в это время явились представители шахты. Натаскали фруктов и сладостей. Димку называли «героем» и обещали наградить. Недолгим было свидание. Всех попросили на выход. Больному надо болеть.

Димка быстро шёл на поправку. Ушибы и ссадины поджили. Из лёгких всё откашливалась чернота. Он уже ходил по коридору и шутил с молодыми сестричками. Один раз приходила Ольга, принесла букет цветов, поцеловала в обе щёки, передала привет от Женьки. Собралась уходить и сказала:

— Кажется, я знаю, какой тебе нужен подарок.

Через две недели Димку выписали. Пошёл на шахту. Там дали путёвку в профилакторий на три недели. Выдали всю задолженность по зарплате. Они с мамой решили купить новый холодильник. Купили, привезли, установили и всё любовались им.

В профилактории Димке не понравилось. Народ всё больше взрослый, ему и пообщаться не с кем. Ходил в бассейн, играл в теннис да спал. Поправился аж на три кило. Когда вернулся домой, мама рассказала много новостей, в общем, обо всём и под конец сказала:

— Тебе Ольга звонила и велела, как только приедешь, чтобы позвонил. Телефон я записала там, на корочке справочника.

Димка разгорелся любопытством, но виду не подал. Поел спокойно, потом взялся за телефон. На звонок никто не ответил. Через некоторое время ещё раз набрал номер, но там никто не снимал трубку, видимо, дома никого не было. Позвонил вечером. Наконец-то телефон ответил мягким женским голосом. Димка заговорил:

— Оля, ты просила позвонить.

Ему ответили, что это не Оля, и позвали Олю. Ольга заговорила быстро и уверенно. Она обрадованно поприветствовала Диму и спросила:

— Ты можешь завтра прийти к нам в обед, к двум часам?

Димка поинтересовался:

— Зачем?

Она ответила:

— У меня для тебя сюрприз, приходи обязательно. Тебе привет от Жени, вон он лежит на диване, улыбается. Что делает? Играет с сыном. Ну, приходи, — и трубка щёлкнула.

До обеда следующего дня Димка жил ожиданием, просто не знал, куда себя деть. Наконец-то подошло время. Был летний субботний день. Димка шёл по тротуару. Здоровый, красивый, нарядный, в тёмных очках, он казался таким суперменом, но это был простой русский парень в ладах с законом и совестью. Подошёл к дому, в который пригласили. Молодые жили на втором этаже. Димка у них никогда не был. Звонок встревожил жильцов, там слышна была суэта, потом щёлкнул замок. Его встретила Ольга в переднике. Улыбаясь, открыла дверь пошире и отступила внутрь. Димка шагнул в квартиру, дверь захлопнулась, как будто отделила одно время от другого. Димка разулся и прошёл в комнату. На диване полулёжа сидел Женька с гипсом на плече. На виске розовый шрам со строчкой швов. Худоват, но весел. Поздоровались тепло за руку. Стол посередине, на столе почти всё для праздника, кроме горячего. Женька здоровой рукой махнул в сторону стола:

— Вот побрататься надо, хотя нас шахта уже побратала. Ну, закрепим это за столом, так сказать, обмоем этот факт.

В кухне слышалась возня и разговор, значит, кто-то был ещё. И вот две красивые, розовые от печи дамы шли друг за другом со стряпнёй. Впереди Ольга, а за ней девушка с косой до пояса.

Ростом чуть пониже Ольги, но лицом похожа. Она поздоровалась как-то робко. Они поставили ношу на стол и ушли прихорашиваться в спальню. Женька поднялся, пригласил друга за стол. Сели, стали ждать дам. Хозяин предложил Димке открыть бутылки. Димка распечатал водку и бутылку вина, и тут явились обе. Ольга начала разговор:

— Вот, Дима, познакомься, это моя двоюродная сестра Ирина. Она приехала из деревни, будет учиться на парикмахера. Она только окончила школу, но невеста готовая.

Димка встал и протянул руку. «Невеста» вся покраснела и подала только пальчики. Димка взял их — и его будто прожгло.

Они расселись по местам, наполнили рюмки. Женька сказал:

— У тебя нет брата и у меня нет, давай, брат, выпьем. Я тебе обязан жизнью и этого никогда не забуду.

Димке было неудобно, и он сказал:

— Я думаю, что если нас поменять местами, ты бы поступил так же, — и, подав Женьке руку, назвал его братом. Димка сидел счастливый и украдкой поглядывал на Ирину, а она всё опускала глаза.

Они с Ольгой чем-то походили друг на друга, хотя и были разные. Димка не знал, как себя вести. Где-нибудь в большой компании пригласил бы её на танец, а тут сидишь, как голый на площади. Но не зря говорят, что у женщин интуиция более развита, чем у мужчин. Ольга встала, поставила музыку и сказала:

— Дим, иди-ка, потанцуйем.

Они танцевали, и Ольга давала ему наставления, чтобы был посмелее и на другой танец пригласил Ирину. Димка только кивал и молчал. Ольга прервала танец, пошла в спальню посмотреть на спящего сына, чтобы не упал с кровати, а то он уже шустрый. Только что начал ходить, за ним глаз да глаз. Димка сел, разговаривал с Женькой, а сам дожидался, когда зазвучит другая песня. Только поменялась музыка, он встал и повернулся к Ирине, подал ей руку, приглашая на танец. Начали танцевать. Димка аж весь вспотел от волнения и теперь молил, чтобы скорее кончилась эта песня. Женька наблюдал за ними, ему это доставляло удовольствие.

Пришла Ольга с сыном на руках:

— Познакомьтесь, это наш сынок Владик.

Владик спросонья оглядывал всех окружающих и задержался на незнакомом человеке. Гля-

дел-глядел и заревел. Все его успокаивали, но ничего сделать не смогли. Тогда Ольга предложила:

— Дим, вы идите с Ириной погуляйте.

Это получилось так, как будто было задумано, а ребёнок нехотя им подыграл. Молодёжь быстро собралась и ушла. Ребёнок тут же успокоился. Ольга спросила мужа:

— Ну, как тебе пара?

Женька улыбнулся и сказал:

— По-моему, она ему понравилась. Он так потел.

Дима с Ирой ходили, гуляли, разговаривали. Ирина, хоть и была скромной девушкой, но оказалась весьма находчивой. Димке она не просто нравилась. Расставаясь, они договорились встретиться завтра. Дома он рассказывал маме, как их познакомили, а она вдруг заплакала. Плакала она от смешанных чувств. Она радовалась за сына: что он остался жив, совершив, по меркам людей, подвиг, что он, может быть, скоро женится; и ещё ей стало чуть-чуть жаль себя, что, может, скоро станет бабушкой, а женского счастья она сполна так и не получила.

После выходного Димка вышел на работу. Бригада его встретила так, будто он вернулся из космоса. Начались рабочие будни. Через несколько дней его вызвали в шахтком и сказали, что на следующей неделе он поедет на губернаторский приём в честь Дня шахтёра. Дни эти пролетели мгновенно, потому что он был влюблён, а

любовь действует на время и расстояние особым образом.

В областной центр передовики производства со всех предприятий угольной промышленности города выезжали организованно. Туда же съехались люди со всей области. Торжественное награждение. Когда вызвали Димку, он был весь как на иголках и шёл между рядов, будто под прицелом. На сцене губернатор потешно потрепал его по плечу, повернул к зрителям и сказал:

— Вот чем отличается наш российский парень от какого-нибудь американца? А тем, что сам погибай, а товарища выручай. Отдал самоспасатель раненому товарищу и тащил его, пока не вышел на группу спасателей. Героический у нас народ.

Димку наградили медалью «За веру и добро», дали конверт с деньгами. Он был счастлив. Приехали домой поздно вечером, а на площади перед шахтоуправлением его ждали мама и Ирина. Мама обняла его, поцеловала и сказала:

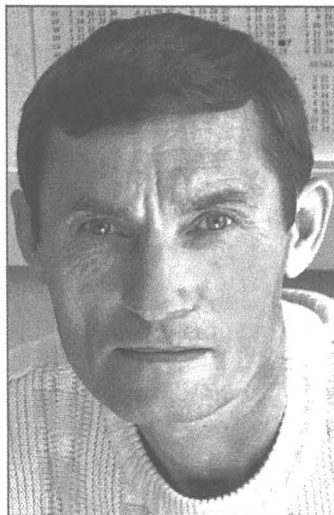
— Погуляете — приходите домой.

Он подошёл к Ирине, подал ей руку, и она положила в неё свою. Они прошли немного, и Ира остановила его, открыла сумочку и достала два больших апельсина, себе и Димке. Они шли самые счастливые на земле. У каждого в руке было по маленькому оранжевому солнышку, которые освещали их жизненный путь дальше.

**Владимир
ШУМИЛОВ**

**Я ЖИВУ
В ДЕРЕВЕНСКОЙ ТИШИ**

Снова летняя ночь,
Запах зреющих трав.
Пес грызет свою кость,
От безделья устал.
Что бедняге ему –
На цепи битый день.
А будить тишину –
Несподручно и лень.

Две звезды над селом,
Ветер полем гуляет.
В рукопашном со сном
Тишина пребывает.
Чет и Нечет – вдвоем,
По дороге бредут.
Две звезды над селом
Их покой берегут.

А. А.

На погосте в пояс травы,
Слышен посвист певчих птиц.
Здесь на берег левый с правым
Делит время нашу жизнь.

30

Простыней укрыта белой,
Где у ног лежат цветы,
На погосте тихим телом
Замерла навеки ты.

Суетливости не внемля,
Покидаешь милый край.
Опускают тело в землю,
Отпускают душу в рай.

На погосте в пояс травы,
Летний день уходит прочь.
Жизнь на берег левый с правым
Делит смолинская ночь.

Нахлобучив шапку с кроля,
Куртку к телу приласкав,
Выхожу за кромку поля,
След зайчишки отыскав.

Змейкой в чаще он петляет,
Возвращается на круг.
Все сильней мороз крепчает,
Перехватывает дух.

ШУМИЛОВ Владимир Александрович родился 7 июня 1954 года в с. Фроловка Партизанского района Приморского края. С 1955 года проживал в с. Борисове Крапивинского района Кемеровской области, где и сформировался как личность. Окончил Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С. О. Макарова во Владивостоке. Военный инженер радиосвязи. Проходил службу на Тихоокеанском флоте на офицерских должностях. Капитан-лейтенант запаса. Автор поэтических книг «Паруса моей жизни», «Подранок», «Стреколёт», «Я задолжал за прожитые годы», «Лебединая стая лет», прозы «Превыше мелочных забот», «Были и легенды села Борисова».

Член Союза писателей России. Член правления Союза писателей Кузбасса. Живёт в с. Смолине Кемеровского района.

Кажется, еще немного –
Быть зайчишке под стволом.
След петлю даёт у стога,
Рядом-рядышком с селом.

Ближе, ближе двор знакомый,
Вот она, тропинка в дом.
У крыльца вдруг пес встречается,
Крутит радостно хвостом.

Пригляделся: след знакомый,
И сознанием проник:
Пес, инстинктами ведомый,
Наследил здесь, озорник...

Вечереет, спать охота.
Утки сели на болото.
Прямо в лапы смерти жуткой
На болото пали утки.

Начался сезон охоты.
Шалаши, палатки, гроты
Заняли досужие
Пацаны с оружием.

Дым с рассвета – синь и чуток.
Лай собак встревожил уток.
Вытащил смертельные
Дула огнестрельные...

Не увидит друг подругу.
Утки падают по кругу.
Смерти в лапы падают,
Облаками плавают.

Там, где ружья говорят, –
Рядом жизнь и смерть стоят!

ТРОПИНКА К ДОМУ

Родился заново с утра,
Когда еще роса блестела.
И молоко ты из ведра
Сливала в баночку умело.

Мгновенья те наверняка
И ощутимы, и знакомы.
То травы в пояс, то снега,
То солнце, то раскаты грома...

Без вязи деревенских снов
Не быть родительскому крову.
Ведёт из глубины веков
Тропинка к мамину дому.

Жене Татьяне

Припорошило тропку ко двору.
И я скажу, поверь мне, не предвзято:
Нет женщины милей тебя в миру –
И за семьей успеешь, и за хатой.

Я, волк просторов и морских глубин,
Ещё лежу под теплым одеялом.
А наша печь давно пускает дым,
Вскипевший чайник шумно дышит паром.

Воскресный день, и вновь в деревне я!
Вода на кухне фыркает из крана.
Заглядывает в оконки заря.
И ты у печки, будто в детстве мама...

Я ЖИВУ В ДЕРЕВЕНСКОЙ ТИШИ

Я живу в деревенской тиши,
Где ее охраняют собаки.
Как бальзам, звездный мир для души.
Слух ласкают притомские птицы.

Где такое еще отыскать,
Чтоб душа разнотравьем звенела?
Здесь, в деревне, как помнится, мать
Колыбельные песни мне пела.

Я живу в деревенской тиши
С перезвоном железа и меди,
Где бери карандаш и пиши,
Где родными мне стали соседи.

Где такое еще отыскать,
Чтобы сердцу все было в уладу?
Что еще вам, друзья, написать?
Мне деревня по жизни в награду.

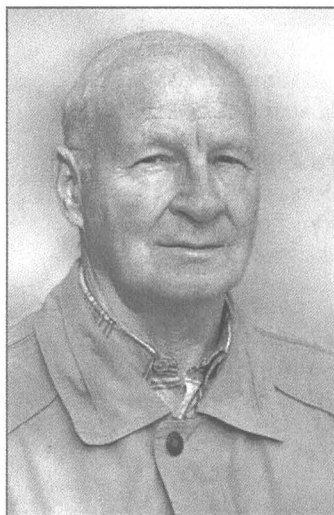
Приглашаю, друзья, вас на круг,
Приезжайте, всем хватит здесь места.
Все сильнее в груди сердца стук,
Все вкусней запах кислого теста...

Владислав РОВИЦКИЙ

АЛЁША

Кемеровский миф

НЕЗНАКОМЫЙ ДРУГ!

Стыдно, конечно, но живём мы не в то время. Куда ни помотришь, вон они – и каждый выше тебя на голову, а то и на две. Даже девушки.

Я понимаю: акселерация.

Но я не понимаю, что это такое.

Прямой долг ученых объяснить бы народу все честно и до точки. Но они ведь сами, если раскавычить скобки, знают о ней не больше, чем я с этим Захаровым.

Может, поэтому и разыгрывается воображение. И тогда воображаешь чёрт-те чего, лишь бы самого себя успокоить. Хотя знаю со школы, что люди во всем, тем более в чужом сочинении, видят лишь то, что надеются увидеть, а когда этого не видят, намеренно громко сожалеют об увиденном. И всё равно сочиняю и сочиняю.

А что делать? Когда молчит наука, музы стервенеют от трудолюбия.

В. РОВИЦКИЙ,
не космонавт, не депутат, не главарь ООО,
а просто пишу

СЛУХИ

В автобусе ехали, и об Алёше разговор зашёл.

Сначала о том, что в задней кассе все билеты кончились, а уж потом, хоть все уже высказались, и об Алёше.

Смирнов говорит:

– Акселерат-то теперь тоже на автобусе ездит. Только на двух.

Тогда бабушка Куваво от уха капроновый платок оттянула и спросила:

– Как-эт на двух? С пересадкой, что ли?

Смирнов усмехнулся и громко объяснил, что-бы в обоих концах послушали:

– При чём, мамаша, пересадка? Сверху крышку свинчивают, он одной ногой в правый автобус становится, другой – в левый и – вперед, к коммунизму.

Захаров, аппаратчик с «Азота», начал спорить:

– А сиденья – куда? Он же их подавит или грязью так тебе заделает...

– И сиденья свинчивают, – не стал уступать Смирнов.

– А колеса не свинчивают? – повернулся к нему небритый с переднего места и так хорошо из бороды засмеялся, что по всему автобусу вчерашним запахло.

Тут те разом повеселели, кроме бабушки Куваво, а Смирнов от обиды огорчился и в сердцах сошел, не доехав.

Захаров за ним выскочил:

– погоди! Это как же он – в самом деле на двух ездит?

– А катись ты, понял! – огрызнулся Смирнов. И, не отвечая, пошел за автобусом на свою остановку.

«Чёрт! — в отчаянии подумал Захаров. — Ведь если не врёт, то что ж это такое? Неужели же не совестно? Ведь не тайга здесь, не цирк! А если и я, как король, на двух автобусах поеду? А то и на трёх? Ведь дети ж на улице, они же всё, мерзавцы, видят!»

ПЛОЩАДЬ ПУШКИНА

Киселёв немного поглядел, как по белой реке елозят синие и жёлтые лыжники, потом вдруг засомневался в своем дублёном тулупчике, воротник поднял, на премиальные часы привычно покосился, свернул с набережной и как раз на площадь Пушкина вышел.

А там Алёша, понятно, на этой натрушенной соломе лежит, ручки под голову, и в небо дышит: на морозе оно точно как ещё один «Коксохим» дымит, план гонит.

— Не мёрзнешь? — интересуется Киселёв.

— А чо у Пушкина не спрашивашь? — отвечает Алёша.

— Пушкин чугунный, а ты вроде живой, — отвечает Киселёв.

— Скучно мне с тобой, Киселёв, — отвечает Алёша. — Опять пришёл нудеть, почему я нигде не работаю?

— Так ты и в самом деле мужик-то здоровый, — осторожно отвечает Киселёв.

— Говорю же, что нету по мне работы, — отвечает Алёша, переворачивается на правый бок и солому сзади под себя подгребаёт. — Эти-то конструкторы-инструкторы, считай, два года чердаки ломают: что бы такое из меня придумать. Сколь раз шпагатом обмеряли, таскались тут с лесенками, а всё в проекте то шагающий кран выходит, то лебедка А-1, то толкач маневровый специализированный. Так я не кран, усекаешь?

— А вот у нас в СМУ не хватает одного бульдозера-автопогрузчика, — задумчиво отвечает Киселёв. — Может, пойдёшь?

— Не-а! — отвечает Алёша, руку на крышу тянет, снег в кулак берёт и слизывает. — Не моя работа. Да ты не вздыхай, пришлют тебе во втором квартале автопогрузчик.

— Я не потому вздыхаю, — говорит Киселёв.

Смотрит он на Алёшу, а чего там смотреть: голова, как трансформаторная будка, и носик уточкой. В животе фабрика-кухня булькает, не меньше. В одном кулаке — тонна. А может, десять. Чего ему? В кино не ходит. Телевизор не смотрит. Часов у него тоже нету — некуда опаздывать. Волосы пилой стрижёт. Башмаки ему из

бетона отлили, чтобы подольше не сносились. Зубоскалит, что не в том веке родился, — и ни тебе машину водить, ни камни дробить, ни кнопки включать, ни шлёпать печать. А ведь силы сколько! Может поднять целиком террикон. Или город повалить. Может год не есть. Может неделю лопать без перерыва. Мало разве? А он, вместо дела захочет — песни мурлычет, облака с неба сдувает. Хочет — с детсадником балуется, они тут по вечерам колготятся вокруг него, как возле ёлки. А надоест — поперёк проспекта встанет и движение запрудит. Ноги расставит — бегут машины. Сдвинет — стоят.

— Нет, Лёша, я совсем не потому вздыхаю, — вздыхает Киселёв.

ПОВЕСТКА ДНЯ

Такие кинокадры зазря пропадают!

Эти-то армейские кухни с борщом и гречкой Алёша на первое в обед припечатал, четыре грузовичка хлеба уговорил, цистерной кваса запил, на второе пельменей с маслом полторы тонны принял, после трех бочек компота оба пульмана астраханских арбузов расщелкал, зеленые корки аккуратно на транспорт сплюнул — и те их сразу увезли в откормсовхоз, чтобы не пропадало.

Пока трудился, под ногами собрание открылось, смотрят и слушают. Как кто женщина или диетик, отворачиваются. Наиболее активные тоже везде есть, спрашивают с удовольствием:

— Скажи, Лёша, а если бы в Томь живой кит заплыл, смог бы ты его за раз обработать?

— Не, живого не стал бы, — отвечает Алёша рассеянно, потому что привык. К тому же за спиной белый элеватор, не надо его с фундамента смахивать, а под коленками поезда, как ниточки, тянутся и тоже вскрикивают.

— А если бы, — мечтают вслух, — да под малосольные огурчики, да перед тем принять, как положено, а?

— Не пью я, — неожиданно говорит Алёша и сам себя стесняется. — Меня от нее полощет. И соображаю хуже. Как все равно в тумане.

— Это с непривычки, — объясняют сведущие люди.

ЕНТОВО

Профессор Бажуков из Москвы ночью, как демон, прилетел, такси не схватил, сел к частнику, у гостиницы вышел, газированным воздухом дыхнул — не поверил, еще раз дыхнул — поморщился, забронированный номер занял, поспал

до десяти, встал, душ принял, воды из крана попил, опять поморщился, очки надел, в «Волне» позавтракал, в двенадцать представился наверху, из приемной в университет позвонил, справочку навел, в ресторане «Сибирь» пообедал под рюмашку, очки протер платочком и сразу к Алеше пошел.

А его нету.

Профессор два раза площадь по периметру обошел, на лавочке возле Пушкина посидел, с Вовкой и Лёнкой из первой школы подробно поговорил, в магазин «Мелодия» заглянул, в молодежной толпе у прилавка потёрся, вернулся назад, а того всё нету.

Потом идёт.

Профессор сразу понял, что это Алёша. Мальчишки ему так и растолковали: как увидите, что телевышка не стоит, а идёт, значит, это Алёша.

— Соломы принёс, — говорит Алёша и стогов семь валит на старое. Умял, сел и спрашивает:

— Ко мне, что ли?

Профессор тоже вежливо отвечает:

— Можно сказать и так.

— А ещё как можно? — удивляется Алёша.

— Простите, я люблю точность, — ищет контакта профессор. — И если быть предельно корректным, то я здесь не столько к вам, сколько из-за вас.

— А всё-таки ко мне или не ко мне? — интересуется Алёша.

— И к вам, и к вам, — заквакал, чтобы его успокоить, профессор. — Чем больше источников информации по сути феномена, тем скорее вырабатывается объективная методология подхода к изучению непротиворечивых в свете науки концепций динамики и механизма самого явления.

— Что верно, то верно, — соглашается Алёша. — Я вот тоже хочу говорящего кота завести. Не достанешь? Только чтобы не курил, гад.

— Не наш профиль, — с сожалением отказывается профессор. — Мы занимаемся проблемой акселерации, естественно, в совокупности всех экологических факторов. Как бы это понятнее выразиться? Ага! Нас интересует большой, даже очень большой, скажем, вашего роста человек в современном городе.

— Ежели про меня, — деликатно поправляет его Алёша, — так я самый большой человек не то что там в городе или деревне, а и вообще.

— Ну, это под каким углом на вас посмотреть, — тактично ушёл профессор. — Но по-

скольку существует сам факт, способный породить подобные взгляды, тем актуальнее необходимость выяснить условия его возникновения. Другими словами, мне очень важно узнать, дружок, откуда вы, если позволите так выразиться, пришли?

— Из-за речки, — отвечает Алёша. — Я в совхоз «Береговой» ходил, у них солома все равно сгниёт, либо они её перед посевной сожгут втихую, как пить дать.

— Я не о том, — опять уточнил профессор. — Меня интересует ваше происхождение. Поскольку всё в мире из чего-то происходит, следовательно...

— Неужели всё? — перебивает его Алёша.

— Совершенно точно, — говорит профессор.

— Выходит, и сам мир из чего-то произошёл? — рассуждает Алёша. — А из чего? Когда мира не было, чего было?

— Ыххы! — говорит профессор и вдруг начинает нервничать. — Не будем отвлекаться. Ведь вы-то, безусловно, откуда-то появились. Очень прошу: кто ваши папа и мама, где вы родились? По этому кардинальному вопросу в просмотренной мною литературе полная несогласованность. Один молодежный журнал даже, знаете, написал: а может, Алёша пришелец из космоса?

— Не, я из земли вырос, — разъясняет Алёша.

— Хе-хе, не сажали вас, не сеяли, а сами вот так вот взяли и выросли? — не верит профессор.

— Ну да, — отвечает Алёша и ложится на спину. Долго ложится, сорок две секунды, но ложится и глаза со стуком захлопывает.

— Простите, — возмущается профессор, — но по вопросу вашего происхождения я, безусловно, склонен принять совершенно иную точку зрения!

— Лады, — говорит, не открывая глаз, Алёша. — Спать где будешь?

— Как где, то есть как где? — трясётся тот. — В гостинице, там у меня номер по брони.

— В гостинице не поспишь, Наум Маркович. К тебе туда Кондюкова по блату подселили. А он бабник и пьяница. Всю ночь проколобродит.

— А! — говорит профессор и снимает очки. — А! А откуда вы знаете мое имя-отчество?

— Я всё знаю, — отвечает Алёша. И спит.

Ему снится ещё один профессор Бажуков — не Наум Маркович, а Марк Наумович.

— Не можешь ты всё знать, — говорит ему Марк Наумович, топчется в тоске на четырех лапках, а шестью свободными рыжие лианы изо-

бражает. Понятно, почему тоскует: местное солнце уж полчаса как отстрелялось, и рыбы на ночную охоту вылетели, визжат, как проклятые.

— Чего надо, всё знаю, Марк Наумович, — отвечает, ещё раз засыпая, уже в том сне, Алёша. — А чего не надо, конечно...

Здрасьте, и в новом сне опять Бажуков — теперь без имени и отчества. Но тоже хочет всё знать и не верит, что можно.

— Тады, — отвечает ему Алёша. — Кабы. Ентово. Дуй отседова, халява!

УШИ

Ещё утром пришли: щёлк-щёлк, щёлк-щёлк!

— Чего делаете? — проснулся Алёша, зевает, на зубах солнце блестит.

— Деревья ровняем, — говорят.

У него сразу сна нету.

— Да вы чо? Окосели? Они же живые.

— Ясно, живые. Проводам мешают.

— Ребята, вы это как — с перепою? Провода хоть так протяни, хоть так, а живое-то растёт на простор. Столбы ровняйте, ежели приспичило, а ветки как же так — стричь?

— Чего ты выступаешь? Сегодня родился, что ли? Есть приказ — стрижем, нет приказа — не стрижем. С начальством говори.

— Накося! — говорит Алёша. — Пусть оно со мной говорит, если хочет. У меня все дни приемные. А вы чешите отсюда! А то — помочь?

Приходит Антонов, вкрадчивый, дружелюбный.

— Нелогично рассуждаешь, Алёша. Ведь это же для людей. Ведь ветки могут провода порвать, могут короткое замыкание сделать, пожар, то да се. Жертвы! А наращивать специально столбы, как ты предлагаешь, — дорого. На те деньги лучше новую территорию озеленить или их для других нужд выделить. Жалко деревья, что говорить, мне самому жалко, но раз надо, значит, надо.

— У тебя, Антонов, уши не по твоей голове, — щурится Алёша. — Великоваты. Хочешь, я тебе сейчас аккуратненько лишнее-то отщипну?..

ТЕЛЕГРАММА

Семенов с французом из космоса ископаемые фотографировал, смотрит, возле Кемерова такая горка, где мы в лесу отдыхаем, а сбоку, но повыше ее, Алёшка — голову задрал, глядит на небо.

Семенов сразу на землю звонит.

— Алёша-то вон как вырос, я его простым глазом в бинокляр вижу.

Там спрашивают:

— Какой Алёша? У вас хорошее самочувствие? Пульс еще есть?

— Да ихний же Алёша! — по-русскому радуется француз. — Он нам теперь ориентиром на Сибирь будет.

— Ага. Раз ихний, тогда понятно. Фотографируйте повкруг него. Может, что интересное рассыпано.

— Точно, — отвечает француз, — угля море с гаком. Я хочу шахтерам послать привет-телеграмму с корабля, что таких богатырей роятся.

И послал.

— На фи́га попу гормоны? — удивился Алёша.

Михайлов, ну тот, стукач с ОСВОДа, на всякий случай записал.

СУЕТА СУЕТ

Деревня всем процентом в город перекатилась, кроме самых нужных стране, ну и как свадьба, они под гармошку пляшут на улице.

На площадь Пушкина тоже пришли в субботу с баяном, предлагают:

— Танцуй, акселерат!

— Ну молотки! — говорит. — Это можно.

Кота своего спихнул с плеча, обулся, легким перышком взмыл над свадьбой, рослый, веселый, кучерявый, хлопнул в ладошки, как дверь на сквозняке, и — нате, берите! — поехала, поплыла.

Баян его подстегивает, он и припустил.

Коленки по-над площадью мелькают, ноги будто сваи бьют, трамбуют асфальт: бу-бум, мамаша! бу-бум, папаша! пустите девочку в Сибирь!

Одна штанина зеленая, другая малиновая, заплаты вообще черные — весь старый клубный бархат на это ушел — не штаны, а ураган: берегись, с балкона сдует! Лицо книзу наклонил, чтобы пяткой в нижний этаж не влететь, а руки, руки — на вертолетной высоте вьются, волосатые фигуры пилотажа выдраконируют, да еще и пальчиками по крыше — дrrррыть! дrrррыть!

А-ах, сердце ток, сердце ток, сердце громко токает, мой миленок на разрезе шофером работает!

Кругами, кругами, шире, шире — площадь перед ним растягивается, что резиновая, гудит, орет, дома вокруг тоже прыгают и приседают, как солдаты на физзарядке, небо вздулось, вот-вот

лопнет от простора и воздуха, — ну и все старухи из окошек повысовывались. Из каждого окна старуха, а то и две, даже непонятно, где они раньше прятались. Тоже недавно деревенские, а требуют иначе. Которая нахалистей, Марковна, открыто возражает:

— Затихни, балерун! К трубе-то твоей иерихонской мы, считай, попривыкли и вообще ноне слышим не так разборчиво, а вот прыгаешь больно тяжко — стены-то ремонтировать, сам знаешь, в ЖЭКе хрен допросишься. Затихни! И без балету, небось, не помрешь.

Ух, вредные старухи, малосимпатичные, свое-то давно отплясали, каркают из окон, горят старыми глазами. Не по себе от них. А все равно Алеша не сдается, только бахилы безразмерные скинул и дальше уже босиком по соломе плясал — бесшумно. Но с балкона никто не ушел, да и вечер теплый, красное солнце за азотным заводом в нежные пепельные облака садится и в Алешино лицо дует своим светом, как на сцене, и тень, конечно, растет и растет, уже за телецентром в панельных девятиэтажках мотыляется, и там тоже люди удивляются, как много на свете неожиданно приятного.

Баянист совсем скосел, заснул рядом, стало слышно, как рыбы в Томи плещутся и тепловоз дышит, уже и невеста с компанией ушли, а Алеша ну никак не устанет и пляшет, пляшет, словно больной, пока уж звезды не вывалились.

Потом сел, сказал коту через одышку:

— Ничего ты, брат, в этом не понимаешь.

ПАУТИНКА

О жизни очень хорошо поговорили.

— Прогресс кому нравится, кому нет, — говорит вслух Алеша и, не вставая, ногами в обмелевшей реке поплескал. — Я, например, на автомобиле или там на мотоцикле кататься не захочу. Опять же позавчера Колотовкин на шоссейке угробился, слышали? И реанимация не помогла. А вот Иванов Мишка шоферу с МАЗа пятерку на похмел сунул, и тот ему прямо от экскаватора за одну езду на всю зиму угля привез. Почему и говорю: кому что нравится. Но мне в жизни главное, не чего достигнем через пятьсот лет, хоть и с компьютерными ракетами, а чтобы сейчас, пока с тополя тот лист не свалился, на паутинку под ним посмотреть — вон блестит! — и чего-то в этом увидеть, пусть вот тут защежит...

— И чего там в паутине есть? — не поверил Усманов.

— То-то и оно! — сказал Алеша. — Чего-то есть. Прямо сегодня.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Товарищи потомки! По просьбе моего врача и теперь друга Семиногова Ивана Федоровича пишу свои подробные личные воспоминания об Алеше, потому что ему жить еще очень долго, а я все равно умру, хоть плачь.

Я, Мирошников А. М., родился в одна тысяча девятьсот сорок пятом году и на волне великой победы никогда не думал, что стану бухгалтером. Потом стал. Но я хочу рассказать по порядку, потому что еще раньше я болел молочницей. Не знаю, может быть, сейчас дети тоже этим болеют, но когда я слышу, как они с треском носятся на своих велосипедных моторах под окнами, я зверею без всякой жалости и не нахожу себе места.

С Алешей я до тех пор встречался крайне редко, всего один раз, к нему через этих туристов разве пробылешься, но я постоянно мечтал хоть в душе быть таким, как он, да и кто об этом не мечтает в наше научно-техническое время? И когда уже в шесть утра, после бессонной ночи, эти мотобийцы опять весело затрещали по двору, я немедленно выпрыгнул на балкон с моим верным ружьем, быстро приложился и только тут увидел перед собой чью-то крупную ладошку. Но я много чего видел на свете, одних генеральных ревизий не перечтешь, притом начальство бесконечно меняется, да еще в грудных детях на меня в кроватку кошка прыгнула, так что я сгоряча на эту ладонь даже внимания не обратил и — эх! — как сыпанул в нее с обеих стволов дуплетом.

— Это ты зря, Михалыч! — говорит он с неба, когда дым унесло, и дробь из кожи ногтем выметает. — Я вчера о тебе нечаянно подумал и вот как угадал, что ты ни за что не удержишься, пойдемь на это.

— А чего они? — кричу, а сам трясусь от неоконченных противоречий, тем более уже понимаю с облегченным вздохом, что на этот раз до суда не дойдет.

— Я те вот что, Толя, посоветую, — советует он. — Ты все-таки туда сходи, полечись. Сейчас в этом нет ничего зазорного, веришь?

Стояло прекрасное для нашего города прозрачное и неторопливое утро, но я вспомнил всё, начиная с пожилого фельдшера Барабанова, который, по бабкиным словам, мне банки на годовалую спину ставил, а она его последней

курицей благодарила, а после курицы все мои медицинские комиссии, и все импортные гриппы, и больничные бюллетени, и номерки эти по телефону, еще больше расстроился и покачал головой.

— Я бы хоть к черту теперь пошел, — говорю горько, — да ведь очередь к врачам, как при Горбачеве за водкой.

— Нет, там чем хорошо, — возражает. — Всех, кто до них дошкандыбал, они принимают даже без номерков. У них такой закон. Я с теми психиатрами сколь раз о жизни толковал — нормальные ребята, тоже малость чокнутые, не бойся.

— А как же эти мототрескуны? — говорю и опять не могу успокоиться. — Что с ними делать, Алеша?

— Чего-то на свете сделать можно, а чего-то нельзя, — честно говорит он. — Подожди, подрастут, они вырастут, может, что другое изобретут, с глушителем.

И ушагал, как в сказке.

В этом месте я хочу написать, как мама первый раз повела меня в детский садик, чего я не помню, но восстанавливаю по рассказам очевидцев.

ГОМО СИДОРОВ

Приехал Сидоров А. Г.

Туда же, но острый, как бритовка.

— Что же так, Алексей? Пора, пора... Вот есть же руководящий демократический принцип: от каждого по способностям, каждому по труду. А? И как же ты после моих слов теперь дальше жить собираешься, скажи?

— Нету у меня способностей, — жалуется Алеша.

Пальчиком погрозил.

— Демагогия. Найдем!

— Ну и найдите.

Хлопнул дверцей, уехал. Может, в самом деле ищет?

ТРИНАДЦАТЫЙ РАССКАЗ

После тех бурных слов швея Гулина расплакалась и, скомкав, спросила через платочек:

— Я бы его, дурачка, вот так ласкала, но ведь он же меня не любит, ведь не любит, нет?

— Я те чо, справочное бюро? — спрашивает Алеша.

— Но сам же он говорит: у тебя грудь белая, не хуже, чем у молодой, — вздыхает через эти слезы Гулина.

— Пятнадцать лет разницы не в твою пользу — это и на пальцах-то сосчитать рук не хватит, — успокаивает Алеша.

— Но ведь больно же как, ой, как больно! — не соглашается швея. — Может, я за всю жизнь первый раз себя женщиной поняла. Так ведь и кормлю его, и костюм чешский купила, и бутылочка всегда в доме есть — ну, чего, Витенька, тебе еще надо, скажи — достану! И за других баб на него не обижаюсь, только не уходи...

— Человека себе под пару трудно приобрести, — грустит вдвоем с ней Алеша. — Похорошему, это вообще невозможно. Мне, например, тоже пары нету.

— Всё — нету, всё — нету! — кивает Гулина. — А настоящая-то любовь ну хоть где-нибудь на земле обитает?

— Этого навалом, — веселеет Алеша. — Хвори, они активно к человеку липнут. Я бы, может, тоже полюбил, хотя, считаю, другую столь же нервную и тяжкую болезнь хрен найдешь.

Сравнил, добавил:

— А все же лучше, чем рак.

ПОДЗЕМНАЯ ТРАССА

Алеша ради укрупнения здоровья все-таки немного поработал.

Раньше-то он воду прямо из речек пил, но тут постепенно химкомбинат построили, три домны-чемпионки, две гидрошахты, сколько-то там обогащательных фабрик, еще одну ГРЭС, цинковый завод, коксовые печи, а ведь и прежнее добро, хоть с натугой, но планы перекрывает.

Панельные дома тоже быстрее травы растут, а, хочешь не хочешь, при каждой новой квартире своя уборная есть.

По хорошей погоде откуда ему прикажете пить: из пожарного крана да с хлоркой, чтобы уникальный желудок спортить?

Другое дело, если те тучи мимо идут: он их или целиком заглотит, или прямо в рот дождик организует. А вот как июльская засуха? Опять же, того хуже, наша славная зима: набьется морозный снег в горло, хрустит, ровно крахмал, а не тает. Нервничает человек и всё.

Ну и весной он со злости что-то железное себе на голову по бровь нахлобучил, с вечера нырнул, как червяк, под землю и уже только в Оби вынырнул: железо, пока полз, намертво стало, так и не узнали, чего надевал.

Поплескался он в Оби-матушке, глину смыл с курточки и штанов и домой со своим пушкин-

ским котом вернулся: привет, землячки! Бабушка Куваво в четырех подъездах подробно обсказала, как кошак ему крепко под землей подмог, когда позади орал с голодухи и мохнатым хвостом стены полировал.

Ну а дома акселерат уж где пальцем, где пяткой вокруг заводов обводные канавы процарапал и всю гадость мимо Томи прямо под землю направил. И лежит теперь он о бок с Царапаем на площади с таким видом, будто вокруг них нету другой работы, кроме как пыль с пряников сдувать или футбольные мячи причесывать.

Кто нету слов рад, что акселерат хоть раз в жизни что-то заметное сделал, а кто с первых дней сомневаться начал, надолго ли этот подземный канал в веках продержится. К тому же, вся гадость не у нас, так на Оби всплыла, рыбка гибнет.

— Я под теми толщами пластался, которые еще полторы тыщи лет терпеть будут, не рухнут, — объяснил Алеша. — А насчет обской рыбки ну чо могу сказать, когда Антонов однако четвертый раз меня в нарсуд манит за то, что вон те деревья сечь не даю.

ФУТУРОЛОГИЯ

Трепались о международной жизни, а один и спроси:

— Алеша, а о будущем ты чего-нибудь знаешь?

— До фига, если по правде.

— Ага! Ну а это... м-м.. как бы это... ну, узнать хоть приблизительно можно?

— Не бойсь, в двадцать первом веке плотно поживешь.

— И чо, все время — тут, в Сибири?

— Тут.

— А ты?

— Я-то? Я в нашем крае еще пять тысяч лет поошиваюсь. Потом уйду.

— Да ты чо! Все эти тыщи так и будешь на одном месте топтаться?

— Буду. Пока другое не начнется.

— А другое — это чо?

— Ты, Боря, все равно не поймешь.

— Ну, ясно.

АЛЖИРСКАЯ ФИГА

Ни с того ни с сего Любка разговорила, Фадеева. Жутко расстроенная, хоть и посмеивается.

— Тошно мне, Алешенька, — кокетничает. — Муж у меня Вовик — золото. Крановщик, а со

смены придет, сам сготовит, квартиру уберет, без меня рюмки в рот не кинет. А ведь симпатяга, ты знаешь. И хахали, когда надо, при мне, да. И комнаты я мебелью завалила. И детей нету. Книжки читаю. Выпить всегда есть. Иномарка японская лунного цвета. Вот так. Все у меня налицо, Алеша.

— Ты, Люба, шибко-то не бойся, — утешает он, — войны пока что у нас в Сибири не будет.

У ней ротик нараспашку, и золотишко сверк, сверк.

— Ты это точно знаешь?

— Я кому врал когда?

Заплакала. Сморкается и сморкается.

— А теперь чо? — тарашится на нее.

— Ну почему, — рыдает, — почему я раньше к тебе не пришла, Алеша? Ведь не жизнь у меня, не жизнь, а фига алжирская.

ДИСПУТ

Бригаду Шмакова в забое завалило — жуткое дело.

Малость и сами виноваты.

День повышенной добычи был, ночная смена, то да сё, ну и не поостереглись. А у них на Желтых Горках всего жди.

Вот и дождались.

Да не в одном чтобы месте, а по всей выработке пошло сыпать. Димка Варенцов, пим дутый, даже голову не успел отдернуть — всмятку! А остальных по рассечкам намертво закупо-рило.

Кранты, мужики.

Ни влево, ни вправо.

Давно по бассейну такой трагедии не слышали.

Ну и акселерат спросонок-то как чесанул туда, ажно воздух вокруг спекся. Кто видел, как он эти двести километров бежал в темноте да по тому снегу, они говорят, что где там ураган «Флора», а то и реактивный самолет! Один Алеша и может у нас так бегать.

Прибег, еще только телефоны названивали, технику ту второпях включали и выключали, а спасатели инструмент разбирали, чтобы повкось к шмаковским доломиться. Вообще-то ребята на ходу подметку срежут, но козе ясно, что надежды нету.

Ну он тогда чо? Сперва ладошками поддел те домики, что поверху как раз над ихним забоем стоят, и со спящими на пустырь переставил. Нежно переставил, только одна шибко чуткая

бабка и проснулась, пока нёс, да и то, как потом узнали, ее клоп допек. Тут он бахилами в огоро- ды надежненько уперся и давай из-под себя пла- сты выколупывать да за Лысый бугор кидать. Там теперь на два террикона породы будет, не меньше. С непривычки-то к настоящей работе взмок он весь, точно конь, но шустро, стервец, до них доколупался, вылушил всех по одному, раздал санитарам, тут уже утро, морозец под со- рок, начальство съехалось и на него ласково смотрит, как на передовика битвы, а он сидит возле ямки и сопли по скулам размазывает:

— Митьку мне, мужики, жалко. Из-за меня по- гиб. Ведь скребло же, скребло у меня чего-то внутри, а не проснулся я вовремя. Только когда он на последний раз вякнул, тогда только я рас- слышал.

— Не расстраивайся ты так, — говорит Пили- пенко. — С меня тоже теперь голову снимать бу- дут, но я же не кисну, держусь. Лучше давай пе- ребирайся к нам, я тебя оформлю горноспасате- лем. А что, это, брат, мысль!

Ну, Алеша под плохое настроение ему и вы- дал.

Нет, материться он никогда не матерится, но зашипел так, что на пятом переезде разобрали.

— Ты што жа, — шипит, — рассчитывашь, што я за тебя твое дело сполнять буду, так?

— При чем тут мое? — защитился Пилипен- ко. — Людей спасать — это всеобщее и благород- ное дело. Главное-то — человеческая жизнь.

— У тебя на шахте, — рубит Алеша, — три тыщи народу, а спасателей сколь? Двадцать. А почему не наоборот, если главное?

— Шахте план надо давать.

— Ладно, шахте, — говорит Алеша. — Но раз такое благородное дело, чего сам в горноспаса- тели не идешь?

— Я же начальник шахты, — объясняет Пили- пенко.

— А я Алеша, — разозлился Алеша. — Может, слышал?

ТАЙНЫЙ БОГ

Студенты приходили, занозы.

— Алеша, это правда, что и поболее тебя кто- то есть?

— Правда, парни, — кивает Алеша.

— Интересно, а кто же это? Бог?

— Ага.

— А где же он скрывается? На небе?

И глазки прячут.

— Тута! — говорит.

И замолчал.

Лег, спинкой по соломе поелозил, ката на брюхо, кемель на нос и чихать на все хотел.

Они, понятно, приставали, но это пустяки.

Так и ушли, не разгадав.

А Конюхов из Госбанка, который там на ска- мейке сидел, потом сказал:

— Я понимаю тебя, Алеша. Ох, до чего ж я тебя понимаю! Уж я-то — кто? А ведь тоже всегда так получается, что сам себя меньше.

— То-то и оно, — вздохнул Алеша.

ВОСЬМОЕ МАРТА

Морозы после Хрущева уже не те.

Воробьи чирик, чирик.

А этот залил шары. Пала, кричит, птичек жа- лют, собак жалют! Бармалеи, меня от этих стишков про природу выворачиват!

— Перебрал, Вахонин? — интересуется Але- ша.

— А ты-то чо выступаешь? Тоже — природа- мать? Чирикаешь тут возле Пушкина, обжига- ешься пельменями за мой счет, да? А я, пала, Бармалей ты, между делом, тоже не паровоз, это ты понять можешь?

— Повторяешься, Вахонин! — строжится Але- ша. — Завязывать тебе пора. Манька еще с пол- года потерпит, потом уйдет. Колька ваш, считай, вырос, каждый раз тебе циферблат чистить бу- дет, если не бросишь.

— Не могу, Лёха! Не могу. Алкоголик я, ве- ришь? Распадаюсь, как личность... а эти про птичек стишки пишу, а?

— Эх, Вахонин, эх ты, Вахонин! Ладно, в со- ломе место есть, ложись, не замерзнешь... Не то, гляди, в вырезвитель загребут.

НЛО

Те-то, салатные, ну, поросшие шерсткой, на площадь Пушкина под вечер сели, а выходить стесняются, спрашивают в мегафон:

— Лёша, а, Лёша, выйти можно?

— Ежели только по маленькому, — мысленно отвечает им Алеша. — А так, парни, не надо, рано еще.

— Почему? — удивляются про себя.

— Говорю, рано. Не надо.

А те-то, которые сначала обалдели, ну, зри- тели, кричат ему и руками показывают:

— Лёха, ты ее хватай, тарелочку, за ножки и якорец, не давай смуться. А мы за участковым живо смотаемся. Он этих мистиков суток на пят- надцать, как пить дать, пристроит.

— Слыхали? — спрашивает Алеша.

— Слыхали, — вздыхают салатные.

— И ведь что характерно, — продолжает абсолютно беззвучно Алеша, — народ-то гостеприимный. Но — растерялись. От растерянности и за участковым побежали. Да что уж там о вас говорить, я вот ведь свой же в доску, а меня Антонов чуть что — на ковер тащит.

— Но мы же с материалистических позиций, — оправдываются шерстяные, — это же легко доказать...

— А материализм в доказательствах не нуждается, — говорит Алеша. — Его и так видно. Вот кабы вы турпоход на тот свет организовали с обратным билетом, тогда другое дело.

— Этого мы не умеем, — лопочут.

— Я и говорю: рано, — отвечает Алеша. — Только чужое самолюбие мучить...

— Но ведь грустно же нам без братьев по разуму, тоскливо. Иной раз так хочется с человечеством обняться, хоть волком вой.

— В это верю, — соглашается Алеша. — Только я нижеследующий пример приведу. Вон Вовка Киржеманов, как от него баба к матери уйдет, тоже тоскует, переживает, письма ей шлет, а воротится к нему — на другой уже день хлесь-хлесь по морде. Нет, парни, тоска естеству нужна, она свое дело исподволь делает.

— Ну почему так, Алекс, почему так? — стонут инопланетяне.

— Инерция, — объясняет Алеша. — Слыхали?

— Ха, да у нас ее давным-давно...

— А у нас нет, — отвечает он.

— Мы вам другой путь укажем, короче и красивше, — предлагают.

— Не надо, — отказывается Алеша. — Когда на паровозе едешь, не фига на шоссе сворачивать. Авария может произойти.

— Реакционер ты! — лупят в сердцах. — В лучшем случае ксенофоб.

— Сами по Би-би-си выступали, — отплеивается он. — Какого хрена туда-то совались?

— По незнанию, — оправдываются.

— То-то и оно, — грустит он. — Рано и вам, рано и нам. Всякому овощу свое время.

— А будет ли оно, время то?

— Будет, — утешил.

— Но когда?

Он им и сказал.

Они прикинули и вроде как дух перевели, даже обрадовались.

— Ну, — щебечут, — до тех-то пор потерпим.

— Терпите, ребята, — говорит он им. — Не все сразу. А сейчас шуруйте отсюда. Вон уже участковый Максимов прискакал, за кобурку хватается. Пистолета у него там, ясное дело, нету, но матершинник, предупреждаю, жуткий. Просто ас рекуперации.

Они и улетели.

Максимов зевнуть не успел, а их уж и нету. Будто и не было никогда. Только солидолу немного на асфальте оставили.

Ну, чтобы не пропадать задаром выдоху, он и понес тех, кто за ним прибегал. А когда Федоров обиделся, он его на прием за руку взял и увел, как мальчика.

А Генка Седых, фотограф, который на площади возле Алеши кормится, спросил:

— Я тут полпленики на них извел. Как думаешь, я за нее что-нибудь получу?

— По шее! — ответил Алеша. — За псевдонаучную подделку. И еще спасибо скажешь, что тебе творчество без лицензии не пришьют.

ЛЮЛИ МОИ, ЛЮЛИ

Первомай, все смеются, Алеша тоже. Снег почти совсем стоял.

Кто подкосели, пристают:

— Запой, Алеша!

— Вы чо, от репродукторов еще не поглочли?

— Нет, ты запой, не ломайся.

— Нельзя, парни. Ежели в голос — самолеты попадают.

— А ты шепотом.

Запел.

Во поле береза стояла.

Во поле кудрява стояла.

Люли, люли, стояла.

Люли, люли, стояла.

Тут, понимаешь, на них солнце сыпется, всё там брызгается и сверкает, а у него лицо сморщилось, как скала на реке, и те шахтерюги во-круг, что еще посмеяться хотели, здоровые дураки, а тоже по одному, по одному — потихоньку все заплакали. И грустно им, и сердце будто горячим сиропом обливается. Стоят и сами уже через эти слезы ему подпевают — тоже шепотом, чтобы не спортить.

Люли, люли, стояла.

Люли, люли, стояла.

Господи, как вспомню, опять плакать охота.

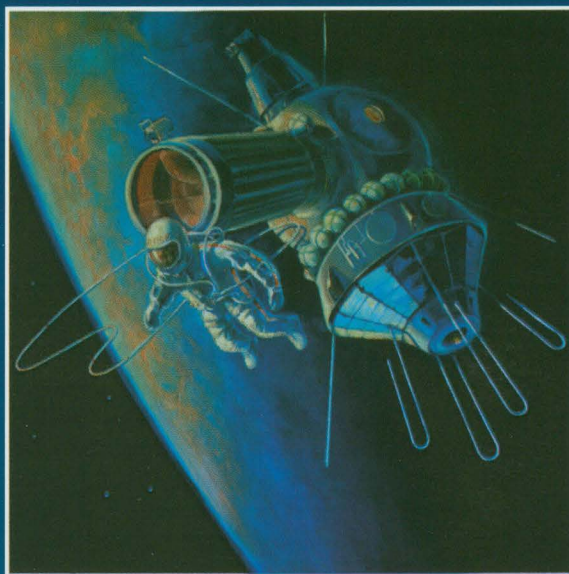

ХУДОЖНИК АЛЕКСЕЙ ЛЕОНОВ

В октябре в Кемеровском областном музее изобразительных искусств впервые прошла выставка «Космическая и земная живопись Алексея Леонова». Автор произведений – наш земляк, лётчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Алексей Архипович Леонов. В истории освоения космического пространства имя Алексея Леонова навсегда останется в числе лидеров. Но легендой для всего человечества он стал, первым выйдя в открытый Космос.

Выбирая жизненный путь в юности, Алексей Леонов поступил в Рижскую Академию художеств. Но судьба распорядилась иначе, и сегодня весь мир знает имя Алексея Леонова как первого человека, покорившего открытый космос. Не реализованный в молодости талант раскрылся под воздействием новых невероятных впечатлений от космических пейзажей, нарушающих рубежи реальности.

Несмотря на ностальгические воспоминания о былых полётах и событиях, художник чаще берётся за кисть, очарованный многообразием земных пейзажей. Для А. Леонова нет на планете незнакомых мест не только потому, что он бывал практически везде, но и потому, что он один из немногих, кто видел Землю так, будто держал её в руках.

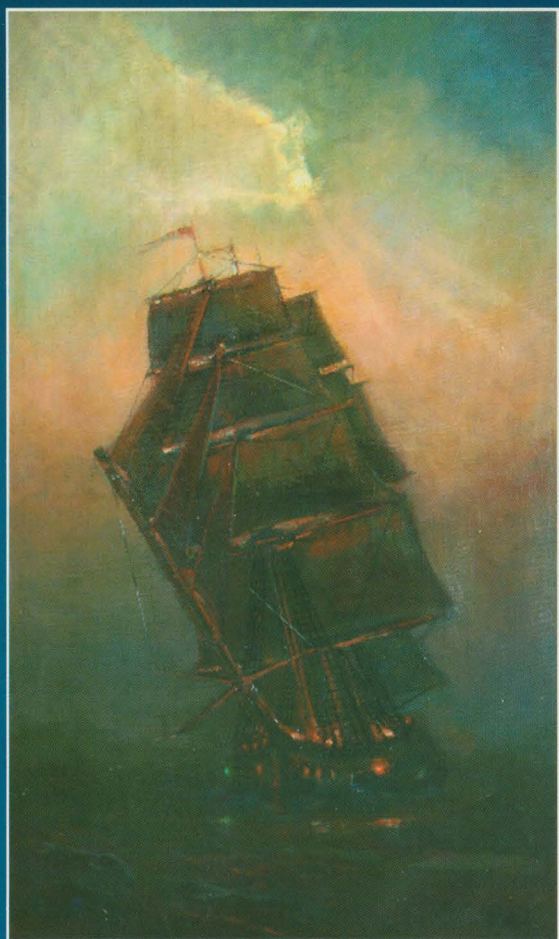

Выход

*Работы А. Леонова см.
на четырех страницах вклейки*

Где-то здесь возникло человечество

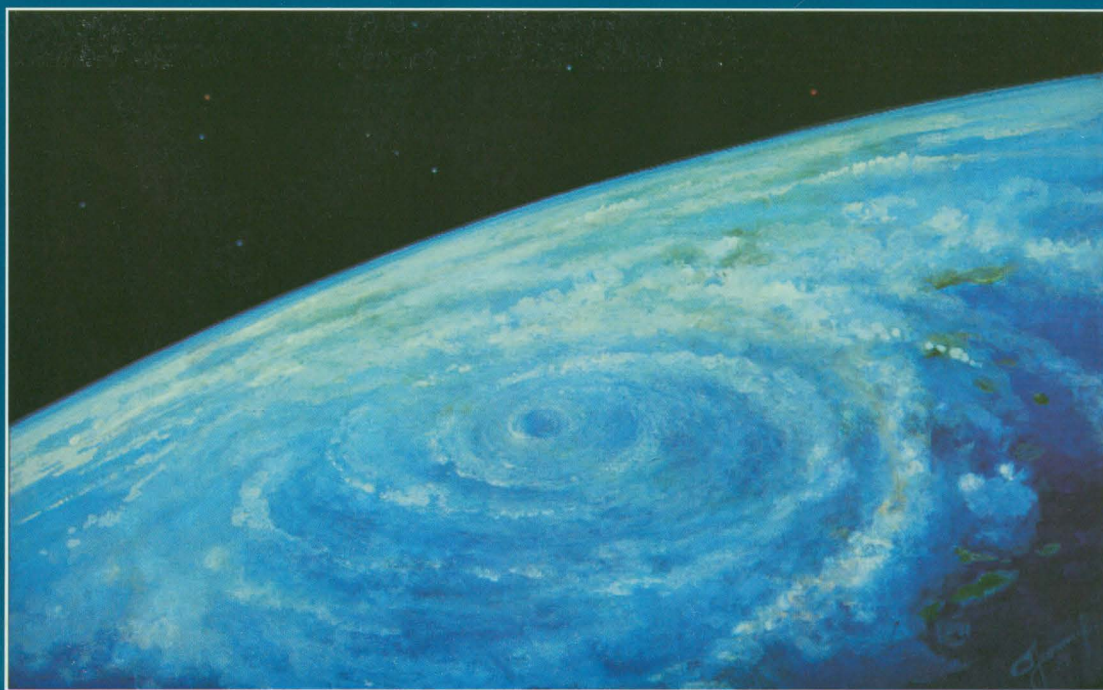
Фрегат «Диана» в Северном море

Фрегат «Диана»

Гибель «Дианы»

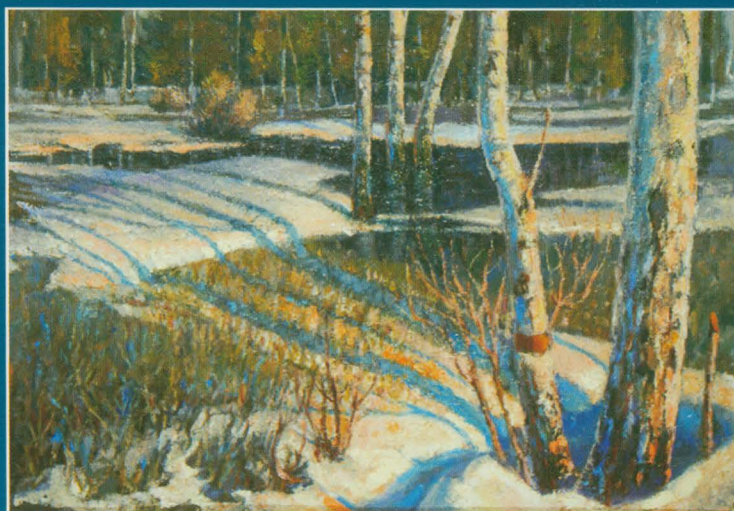
Циклон над Индонезией

Золотая осень

Саудовская Аравия

Березки Звездного городка

Мельница под Минском

Последняя охота с Гагариным

Балтийское море

Тихий Тихий океан

Пароход «Юрий Гагарин»

**Лидия
МУЗЫКА**

**НИЧТОЖНОСТЬ
И ПРИЧАСТНОСТЬ**

Я восхищаюсь красотой гор,
Их мощью величавой, строгой, властной.
Себя среди их каменных опор
Я чувствую ничтожной и причастной.
Я восхищаюсь красотой вод,
Волнением простора, бездн и красок.
Себя, когда срывает горизонт,
Я чувствую ничтожной и причастной.
Я восхищаюсь красотой толпы,
Лиц добрых, озорных или несчастных.
Себя среди локтей и суеты
Я чувствую ничтожной и причастной.

МЫ И ВРЕМЯ

Нас всё меньше и меньше,
Мы всё старше и старше,
Мы всё реже и реже
Говорим о блестящем:
Там о звёздах, о песнях,
О мечтах и о солнце –
В мир шагреновой кожей
Уменьшаться оконцу.

И всё чаще о ценах,
О погоде, о внуках,
О давлении, венах
И о псевдонауках.

Коль о звёздах – ворчливо,
О мечтах – так с сарказмом,
Солнце – просто горнило,
Песни – просто зараза.

А мне нравится время
Перемалывать в ступе,
Чтобы ногу – так в стремя,
Чтоб журавль – так в руки.

ГОРЕ НА ГОРЕ

Мне десять лет. Качусь с горы.
Захватывает дух.
И лучше этой нет поры,
И ближе нет подруг.

Мне двадцать пять. И с горки той
Уж с сыном я качусь.
Но где восторг далёкий мой?
И что я не смеюсь?

Мне пятьдесят. И я с трудом
За внучкой примостясь,
Съезжаю вниз. Нет, лучше дом
И сотовая связь.

Мы тихо движемся домой.
Мне грустно оттого,
Что не найду ответ простой:
Визжала-то чего?

XX ВЕК. РОССИЯ

Начало века. Лавки. Тюрьмы.
Дома казённые.
К идеям Канта, Маркса, Юма
Мы – приобщённые.

Средина века. Стройки. Песни.
И заключённые.
Колхоз. Барак. И всюду тесно.
Мы – обобщённые.

Конец двадцатого. Путчисты.
Вторники чёрные.
Многopартийность. Все речисты.
Мы – разобщённые.

АНАМНЕЗ

Если прежде – сбилась с ритма кровь,
Сердце то рванётся, то застынет,
Говорили, что пришла любовь,
Говорят сейчас – гипертония.

В юности до третьих петухов
Не спалось, без сна встречали солнце,
Называли сверстники – любовь,
В старости бессонницей зовётся.

Забывалось содержание снов,
Путь назад, наказания и угрозы,
Ставили диагноз: здесь любовь,
Нынче этот факт зовут склерозом.

НЕТ УЖ!

Не подвяжу я синенький передник,
Платок старушечий на лоб не натяну,
Ни юбку серую в цветочек мелко-средний,
Ни тапок в лето, ни галош в весну!

Ни трёпа у подъезда на скамейке,
Ни разговоров типа: «раньше – да»,
Ни скрежета зубного вслед соседке,
Ни возмущенья: «Как, уже среда?»

Не перестану жизни удивляться,
Стараться всех поднять и подпереть.
Чтоб старости угрюмой не поддаться,
Придётся молодой мне умереть.

ДЕТСТВО

У памяти детской особые звуки,
Особые краски у воспоминаний,
Где ближе к глазам и коленки, и руки,
Где тёплая грязь под босыми ногами.
Звезда подмигнёт тебе с неба ночного,
Ручей прожурчит своё звонкое
«здравствуй»,

И будет манить, заговорщица словно,
Та лужа блестящей, сверкающей властью.
Дерева – большие,

старик – кому тридцать,
И время ползёт тихоходной улиткой,
Счастливое завтра в окошко стучится,
Впорхнёт оно, только откроешь калитку.
И мелкие, детские, скажем, проблемы,
Что мяч потерялся, отпал нос у куклы,
Что за косу дёрнул большой мальчик Гена,
И кличку ли дали, не приняли в круг ли.
Теперь бы мне, Боже мой, эти проблемы!
И светлый наив восприятия мира!
С детьми говорю – становлюсь на колени,
Чтоб дальше проблемы и больше квартира.
Чтоб быть с говорящим

примерно на равных,
Глаза чтоб в глаза,
а не властно, не сверху.
А может, прощенья прошу у них, правых,
За прошлый наш век у грядущего века.

Ирина
ТЮНИНА

«МОЙ» ОЖИДАЕТ

Рассказ

Дождь барабанит по крыше. Серость такая, и, кажется, тучи стекают прямо к тебе в душу. Бр-рр! В окно таращиться — скучно! Телевизор — и того тошней! Может, позвонить кому?

Мобильник — игрушка, порой полезная, а иногда по привычке носишь его камнем за пазухой. Не глядя, нажимаю кнопки. «Контакты». Альберт. Кто такой? — Не помню. Значит, и мобильнику пора забыть! Борис? — Уже и лицо из памяти стерлось, а когда-то ходили в обнимку. Вера? — Занята, наверное. Чего беспокоить?! Маша? — Если дома все нормально, то же самое! Потом поговорим. Оба-на! «Мой». Храню под этой надписью свой цифровой код. Вдруг ненароком сама себя позабуду, а тут мой номер, значит, я есть.

Чего только не сделаешь от скуки? Вот возьми и позвони! Чешу в затылке. Фигня какая-нибудь будет пищать «занято». Понятное дело: я же сама и звоню! Набирать свой номер — все равно, что прорываться в туалет, где кто-то засел с большими проблемами. Стучишь, а тебе надрывным голосом, как из погреба, рявкают: «Занято!» Все хорошие места давно заняты. Может и еще хуже выйти: заблокирует сим-карту, и привет! Ну, и ладно! Этот номер давно пора менять. Так просто спрятаться от назойливых собеседников: вытащил малюсенький кусочек пластика, и никто тебя не найдет.

Серия длинных гудков. На дисплее: «Мой ожидает». Так я и думала! Уже собиралась нажать кнопку «Сброс», как вдруг телефон довольно заурчал. Кто-то взял трубку. Куда это я попала?

— Алло? — женский голос показался странно знакомым.

— Здравствуйте! — брякнула я, не зная, с чего начать. — Меня зовут Аня.

— Очень приятно, — усмехнулась женщина. —

103 Чем могу помочь?

— Представляете, позвонила на свой номер со своего телефона и попала к вам!

— Занятный случай! — задумалась женщина. — Я думала, телефон взбесился. Смотрю, а там на экране: «Мой звонит».

— Вы тоже свой номер в книжке так называли?

— Ну, да! Вдруг забуду!

— А как вас зовут?

— Будете смеяться, но так же, как вас! — я словно почувствовала ее улыбку.

— Аня, у вас действительно такой же номер? — я перечислила цифры.

Она ответила утвердительно не менее удивленным голосом.

— У вас мой номер, мое имя, — продолжала она. — Может, и адрес такой же? Индустриальная, 25?

— Не может быть, — перебила я. — А квартира номер 20?

ТЮНИНА Ирина Михайловна родилась в Кемерове. Окончила Кемеровский государственный университет, факультет романо-германской филологии. Публиковалась в журналах «День и ночь», «После 12», коллективном сборнике «Поэты университета». Выпустила книгу стихов. Живёт в Кемерове.

— Не бывает таких совпадений! — возмутилась она. — Вы решили надо мной подшутить?

— В том-то и дело, что я сама озадачена! Значит, зовут нас одинаково, — стала я загибать пальцы. — Живем в одной квартире, — я почесала в затылке. — А лет вам сколько?

— Тридцать пять, — неуверенно ответила она.

— Совпадает! — подытожила я. — И день рождения 5 мая, — почти убежденно закончила я свое исследование.

— Да-а... — ошеломленно протянула она. — 19... года.

— А отчество Андреевна? — добивала ее я.

— Откуда вы все знаете? — взмолилась она. — Вы что, из ФСБ?

— Ну, здравствуй, сестренка! — поразмыслив, сказала я.

— Родители никогда не говорили, что у меня есть сестра-близнец, — пораженно прошептала она.

— Дело в том, что связь между нами, кажется, гораздо крепче, — задумалась я. — Если, конечно, не ошибаюсь.

— То есть? — не поняла она.

— Как бы невероятно это ни звучало, но думаю, я — это ты, а ты — это я.

— Гонишь! — сорвалось у нее.

— Спроси то, что знаешь только ты и самые близкие люди.

— Ну, хорошо! Как меня называли родители еще до школы, в детском саду? — в трубке свербило напряженное ожидание.

— Анюха, — спокойно ответила я.

Требовательные гудки. На мобильнике кончились деньги.

Вот так угораздило! Говорить по телефону с собой. Бывает, конечно, у людей раздвоение личности. Идет по улице такой «счастливый»: в одну сторону голову повернет, скажет что-то, улыбнется; в другую — нахмурится, почешет в затылке, потом кивнет утвердительно. Это, что называется, «два в одном флаконе». Такими чудиками психиатры занимаются; а если не буйные, то на фиг они кому нужны! Но чтоб это случилось со мной?! «Я» с одной стороны трубки говорит с «я» с другой — есть, от чего свихнуться! Может, это мне приснилось?

Одно странно: она спросила, как ее звали до школы родители. Родители! А у меня только

мама. Что-то тут не так! Попробую узнать, заодно и выясню: я гоню или меня по жизни гонит. Я загрузила очередную карточку в мобильник. Трубку взяла сразу, будто ждали звонка.

— Аня, это ты? — раздался взволнованный голос. — А я уж подумала, что мне все померещилось!

— Похоже, что нет, — задумчиво проговорила я.

— Уже три дня пытаюсь дозвониться тебе, и никто не берет, — словно оправдывалась она.

— Денег на трубе не было, она и вырубилась.

— А-а, — протянула она. — Откуда ты знаешь мое детсадовское имя?

— Помню, — пожала плечами я. — Когда ты сказала «родители», имела в виду маму?

— Почему? — удивилась она. — И папу тоже.

— Мама что, опять вышла замуж?

— Нет! — снова удивилась Аня. — Они всегда были вместе.

— И как его зовут?

— Андрей. Разве ты не знаешь своего отчества?

— В курсе. Иногда читаю свой паспорт, — усмехнулась я. — Да, вот, одна закавыка! Родители развелись, когда мне и года не было. А после мама замуж не выходила.

— Как? — задохнулась потрясенная Аня. — Мой любимый папа бросил меня совсем маленькой?

— Это он МЕНЯ бросил!

— Значит, мы не совсем одно и то же? — кажется, с облегчением выдохнула она. — А я уж думала, что крыша поехала.

— Одно, — перебила я. — Но в разных вариантах.

— Ух, ты!

— Знаешь, что? Перезвони мне, пока деньги опять ни кончились, а то выбросит в самый неподходящий момент!

— Хорошо.

Я отключилась. Подождала минут пять. Час. Два. Тишина. Забыла, наверное?!

— Ну, и чего ты не перезвонила? — в притворном гневе начала я.

— Будешь смеяться, но не соединяет.

— Как это? У меня же все нормально!

— Не знаю. Телефон ведет себя, как и следовало ожидать: гудки, гудки — и все.

— Странно, — пожала плечами я. — Похоже, только у меня приоритет.

— Слушай! Ты сказала, мы одно, но разница все-таки есть...

— Пока только в количестве родителей в детстве, — горько усмехнулась я.

— А в школе? Что было там? Я училась в тридцать седьмой...

— Там же, — подтвердила я.

— Дружила со Светкой.

— С дetsада, — закончила за нее я. — И раздружилась...

— В седьмом, — закончила она. — Ненадежная она была подруга. Как пацанами увлеклась, башку совсем снесло. А я больше на учебу нажимала.

— Да. «Сенокос» тогда все не мог понять, как это другие девчонки замечают его, а я — нет, — подхватила я.

— К тебе он тоже клеился? — удивилась она.

— А к кому он не клеился? Вечно девок зажимет в углу, а они визжат довольные. Всех перепалап!

— Ага! А я ему под глаз подсветила, — усмехнулась она.

— Точно. Значит, школа совпадает.

— Похоже. Может, это не главное? — задумалась она. — Ведь было одно отличие, значит, может быть еще!

— Давай проверим! — согласилась я. — Какой сегодня день?

— Хм-м, — смутилась она от моего глупого вопроса. — 13 марта.

— Так. Время? — продолжала я.

— Два часа дня, — помолчав, ответила она.

— Точно. Раз у нас одна квартира, подойди к окну в маминой комнате. Что ты видишь?

Послышались легкие шаги.

— Тетка стоит рядом с первым подъездом, таращится куда-то.

— Какая тетка? — уточнила я, разглядывая соседку через окно.

— Ну, Бобрикова! Не знаешь, что ли? Такая, чуть с приветом!

— Ага, — ответила я, глядя на полоумную соседку. — И что на ней надето?

— Как всегда: невнятный ржавый плащ под стать таким же волосам, старушечьи боты и огромные очки.

— Один в один! — подтвердила я. — Значит, время и день совпадают. Ну, пока!

Я уже отключалась, когда до меня долетело: «Только мама уже год, как живет в своей квартире».

Вот те на! Кто купил маме отдельное жилье? Уж точно не я, с моими-то заработками! Как там живет Аня? Или все же я? Различия, похоже, этим не ограничиваются. Хожу из угла в угол и думаю целый день о ней. Или обо мне? Может, я схожу с ума? Ловлю себя на мысли, что Она мне становится все нужней, все необходимей и интересней. Как там живет Она в своем уютном мирке? Лучше или хуже, чем я? И почему все так по-разному?

Брожу по дому и представляю, как Она вот так же бесцельно слоняется из угла в угол. Представляю себе окружающую ее мебель. В моей квартире она совсем другая и стоит не там. Все такое непривычное и одновременно родное.

Подхожу к зеркалу и смотрю на себя. Или на Нее? Мои длинные волосы превращаются в короткую стрижку шапочкой с высоким затылком. Аня задумчиво смотрит в зеркало, поправляет осветленную прядь... Да нет! У меня волосы темные. Не люблю краски! Если долго, не моргая, смотреть в зеркало, то кажется, комната, что окружает тебя, да и сам ты, стоящий напротив, неуловимо, но совершенно меняются. И ты уже вроде не ты, а другой человек, только чем-то с тобою схожий.

— Привет, мое второе «я»!

— Привет! — обрадовалась Аня.

— Слушай! Мне иногда кажется, что я вижу тебя. Может, это полный бред, конечно? У тебя сохранилось старое зеркало на шифоньере? — вдруг спросила я. — Просто хочу проверить, может, это только игра воображения.

— Да, желтый такой шкаф, — подтвердила она. — Все думала выбросить, но будто кто не дает.

— Подойди к нему! — попросила я. — Готова?

Передо мной в зеркале появилась стройная женщина в красной маечке и короткой голубой юбке. Синие шлепанцы на босу ногу (у меня тоже такие есть). На шее золотистой змейкой поблескивает тонкая цепочка с розовой жемчужиной-капелькой, такие же сережки в ушах.

— Да, смотрю в зеркало, — подтвердила она.

— И что видишь? — глядя на нее, я нервно тербила свою мешковатую фланелевую рубашу неопределенного цвета; временами взгляд па-

дал на темно-синие шерстяные бриджи с розовой полосой «а-ля старшекласница на физ-ре»; переминалась с одной босой ноги на другую; безотчетно проводила рукой по длинным спутанным волосам. «Вот сейчас увидит меня и подумает: «Ну и чмо!»

— Глупый вопрос! — удивленно ответила она. — Себя, конечно!

— Опиши. Я вижу кого-то другого!

— Разве мы не похожи?

— Вот я и хочу проверить.

— На мне красный топ, голубая мини, — она помолчала. — Синие шлепки.

— А волосы короткие?

— Ну да! А у тебя?

— В том-то и дело, что нет. А еще на тебе кулон и сережки с розовым жемчугом.

— Откуда знаешь? — удивилась она.

— Я же говорю, что вижу тебя.

— А я, к сожалению, нет.

— Наверное, тебе это и не нужно.

— Какая ты, интересно? Такая же, как я? — она впилась глазами в зеркало так, что я невольно отпрянула.

— Что-то вроде того, — задумчиво проговорила я, разглядывая другую себя. Мне нравилась эта женщина: сильная, красивая и, наверное, счастливая. Она следила за собой, что я давно делать перестала. Значит, есть необходимость выглядеть на «все сто», а я эту необходимость давно потеряла. — Где ты училась? — сменила я тему разговора.

— В универе, в нашем городе. А ты уезжала?

— Да нет! Там же, — вздохнула я. — Ин. яз.

— Совпадает, — подтвердила она. — А потом?

Аспирантура?

— Нет. Собиралась только.

— То есть ты кандидатскую не защитила?

— Я, знаешь ли, замуж вышла и уехала, — чуть раздраженно бросила я.

— Знаю. Но потом ты же вернулась?

— Вернулась, конечно, но поздно: места заняты, никому не нужна.

— Как? — пораженно воскликнула она. — Я приехала в марте и убедила руководителя взять меня обратно. Все как-то устроилось.

— В марте? — задохнулась я. — Подожди! Я только в июле вернулась... рожать!

— Удачно?

— В общем, да, хотя тогда казалось, все кончено. Сын родился очень рано. Никто не верил, что выживет. Я думала, с ума сойду!

— Так сейчас у тебя сын? — изумилась она.

— Да, седьмой класс заканчивает.

— Ого!

— А у тебя что, нет детей?

— Есть, дочка Аленка. Ей пять всего.

— Такая маленькая? Ты замужем?

— Да, и очень люблю своего мужа!

— Везет же! А я в разводе.

— Давно?

— Да, лет восемь-девять. Я уже и забывать стала.

— Как его звали?

— Ты будто не знаешь! Алексей. Имя такое, словно клопа раздавили.

— Знаешь, это совпадает, — задумчиво проговорила она. — Моего первого мужа тоже Алексеем звали.

— Сколько вы прожили?

— Меньше года. Не подошли мы друг другу.

— А мы — семь лет, — расстроено пробормотала я. — Хотя тоже не подходили. Как говорят, семь лет удачи не видать! Как вы расстались?

— Когда поженились, мне показалось, что моя жизнь вдруг свернула с верного пути, — призналась она. — Как-то быстро все получилось! Свадьба эта скороспелая, отъезд неведомо куда, оборванные связи и перспективы, а впереди — «туманная даль».

— И ты не пошла в аспирантуру, — констатировала я. — А потом сильно пожалела. Сама себя утешала: с тобой любимый человек.

— Так-то оно так! — перебила она. — Да, как видно, этого недостаточно для счастья!

— И вы расстались мирно, без детей, — подвела я итог.

— Я не очень люблю об этом вспоминать, — вздохнула она. — Сначала все шло, наверное, как у тебя, до Нового года. Потом мы выбрались домой. Все-таки семейный праздник: друзей поведать, знакомых!..

— Да, мы тогда думали, вообще не уедем: то денег, то билетов не давали. Ты же знаешь, армию хуже, чем у нас, трудно отыскать!

— Помню! — проговорила она. — Холодно было очень! Еле успели доехать, 31-го добрались. Нас уже и не ждал никто.

— Всех потом обошли, — вспомнила я. — Ужас, как не хотелось уезжать! Ему-то что было терять? Армию? А работы до того толком и не нашел, — я вздохнула. — Когда увиделась с научным руководителем и она предложила остаться, во мне все перевернулось! Я опять задумалась,

что мне дороже: муж, который постоянно ноет, проблемы на меня свесил, а сам палец о палец не ударит, или карьера и вытекающие отсюда перспективы.

— И наконец выбрала мужа, — горько усмехнулась она.

— А ты осталась? — переспросила я.

— Нет. Поняла, что дура была, но не сразу! Приехали обратно, я и затосковала, решила ребенка завести.

— Чем еще заниматься в этом гребанном Задрючинске? — поддержала я.

— Сказано — сделано! Чуть не с первого раза...

— Я это помню, — возникла передо мной картинка давно забытого прошлого. — Почему-то врезалось в память: только в дом зашли, сумки кинули, даже раздеться не успели. Мы будто убить друг друга хотели, но вместо этого занялись любовью. Наверное, только в крайнем отчаянии людьми овладевает такая холодная механическая страсть.

— А я, странно конечно, запомнила стену! Ледяная просто! Кажется, вот-вот примерзнешь, и кожу начисто сдерет.

— Еще подумалось тогда, — подхватила я, — вдруг именно сейчас ребенок получится, каким он будет?

— Да уж, получился! Не ко времени только — с деньгами совсем плохо было! — вспомнила она. — Жрать нечего! Я вся на нервах, у меня угроза, а этот (она о муже) ничего не делает!

— Вот тогда я, наверное, на всю жизнь испугалась голода, — ощутила я мерзкое сосущее чувство где-то в верхушке желудка.

— Ругаться начали, — продолжила Аня. — Что за мужик, если жену беременную прокормить не может? Вот однажды после такой ссоры собралась я и уехала первым же поездом.

— И не побоялась? — изумилась я.

— Куда уж хуже? Бегала по ученикам, хоть врачи и запрещали. Иду, в желудке сосет, живот тянет. Того и гляди вылетит мой ребенок! Как насобирала на билет, так и уехала, — она перевела дух. — Получила деньги у всех учеников за месяц, купила лапши самой дешевой на всю дорогу. Бреду на вокзал, и обидно так, что слезы капают. Да еще живот болит, тянет, будто не пускает!

— Я помню ту ссору, — горько вздохнула я. — Тогда тоже хотелось уехать, просто мочи не было! Только подумалось: как же я с ребенком одна —

без работы, без денег? И осталась. А на те деньги продуктов в местном сельпо купила да мужа непутевого накормила. А как ты справилась?

— Плохо сначала, — загрустила она. — Ребенка-то я потеряла! Хоть до дома доехать успела! Трое с половиной суток с таким питанием, да трясет, да нервы — в общем, скинула я.

— Ужас! — судорожно сглотнула я. — Даже представить себе не могу, что у меня не было бы моего Олежки!

— Я тоже не могла... сначала. Потом вышла из больницы, пустая-пустая, и решила: или в омут головой, или новую жизнь начинать надо. А я — жизнелюб!

— И как, удалось?

— Пошла к научному, упросила взять меня в аспирантуру и с работой помочь. Стала в университете преподавать. Диссер за год написала.

— Ну, ты молодец! — восхитилась я.

— Еще через год кандидатские сдала и защитилась.

— Круто! А с мужем как?

— Да никак! Пришел он из армии, давай меня снова звать вместе жить: мол, наладится все, и дети еще будут. А я сказала, что если потеряли мы ребенка, значит, бог так решил, и не видеть нам счастья!

— Я тоже это поняла, только поздно! Поезд ушел и рельсы забрал! — вздохнула я.

— И где ты сейчас?

— В школе учителем работаю да по урокам так и бегаю.

— А ведь ты тоже могла бы! — начала она.

— Могла... — прошептала я, сглатывая ком в горле.

Телефон отозвался обиженными гудками. Снова кончились деньги.

Не решаюсь позвонить снова. День за днем смотрю в зеркало. Вижу ее проходящей мимо. Иногда она задерживается, прихорашивается. Иногда подолгу задумчиво смотрит в таинственные зеркальные глубины, словно пытается сквозь клубящуюся муть разглядеть другую жизнь под водой. А на поверхности солнечные зайчики беспечно резвятся, не подозревая, как важно то, что у них под ногами.

К сожалению, это зеркало имеет одну прозрачную сторону, как в милиции: свидетель может видеть преступника, а тот его — нет. Иногда я думаю, что уже опознала ее. Вот она, преступни-

ца, укравшая мою жизнь! И я не могу ее сдать. Она — часть меня, наверное, лучшая часть, несбыточная мечта о счастье.

И отчего бы тогда, в полустертом прошлом, не пойти в магазин за продуктами для «любимого» мужа, а, зажав последние деньги в кулаке, растирая им слезы по лицу, добрести до вокзала и навсегда перевернуть обрыдлую страницу жизни! Всего один шаг — и ты уже другой человек! Но стоит остаться, смириться, и вот ты на мощеной желтым кирпичом дороге неудачников, топнешь в свой изумрудный город! Там какой-нибудь Гудвин, или Бэдвин, обязательно поможет, или на худой конец отправит тебя куда подальше, где ты и сгинешь во славу закона подлости. Желтый кирпич кончается бурьяном у камня на распуте, а попытка всегда одна.

Я смотрю на другую себя, успешную и красивую, и она мне нравится! Я даже немного ей завидую. Редкая форма нарциссизма! Ни один «псих» лечить не возьмется. Хочу быть похожей на нее, хотя бы внешне! Я взяла фотоаппарат и щелкнула своего двойника. Бесполезное занятие снимать себя в зеркале. Изображение всегда одно и то же: руки держат молнию в зеркальной оправе. Ничего удивительного — значит, Аню вижу только я! Стрижку придется срисовать от руки, а остальное скопировать, глядя на ее отражение.

После парикмахерской и салона красоты я себя не узнала. Где та измученная женщина с загнанным взглядом, забывшая о косметике? Потом поход в ювелирный — я легко нашла сходный гарнитур с розовым жемчугом. С неделю изучала Ее гардероб, все, что удавалось подсмотреть, покупала похожее. Подтянуть фигуру за какой-то месяц помог тренажерный зал и бассейн. Теперь я могу не удивляться отражению в зеркале: там — то же, что и с этой стороны. Чувствую себя новой, готовой к счастью!

На работе стали замечать перемены, спросят иногда: «Ты что, любовника завела?» или «Влюбилась, что ли?» Нет, конечно. Просто мне ХО-РО-ШО! Только отражение в зеркале подолгу застывает на месте да печально глядит за грань.

Проснулась в воскресенье неожиданно рано, будто кто легонько потряс за плечо. Открыла глаза. Темновато еще. На красной коробочке будильника застыло «шесть часов». И совсем не спится, словно зуд какой-то, словно зовет кто. Встала. Нет, тянет... тянет к зеркалу.

Если увидишь такое, сразу возникают сомнения в собственной вменяемости. Я еще не подошла, а в сумрачном стекле уже стоит мое отражение. Она напряженно всматривается, чуть нахмутив брови, будто читать в темноте пытается. Кажется, Она меня чувствует. Я подошла. Она тут же подняла телефон и показывает на него пальцем. Да, давно я не звонила. Как там Она?

— Куда ты пропала? — с места в карьер зачастила Аня.

— Тише, не кричи! — прошептала я. — Шесть утра.

— Я и забыла, — махнула рукой Она. — Значит, мне удалось тебя позвать?

— Прямо из кровати вытащила, — зевнула я.

— Ты меня видишь?

— Ага, — снова зевнула я и протерла глаза.

— Ну-ка, что на мне надето?

— Синий короткий халатик, — помедлила я. — Что-то японское или китайское, с драконом на плече. Да, кепку эту дурацкую сними!

— Ничего себе! — восхитилась Она. — А я, к сожалению, тебя не вижу!

— Зато позвать можешь, — я уже окончательно проснулась.

— Скучаю я по тебе, понимаешь? Такой подруги у меня просто не было. Только ты можешь все понять, — она вздохнула. — Работа не клеится. Хожу по дому, как вареная, дочке и то меньше внимания уделять стала.

— Как она? — оживилась я.

— Ходит в садик, хорошеет, уже напоминает маленькую девушку, — тепло проговорила она.

— Какая она? — попыталась я представить себе. — Даже не знаю, какая моя дочь!

— Худенькая. Волосы длинные светлые, чуть-чуть выются, как у мужа. Глаза карие, как у нас с тобой.

— Мой сын совсем другой.

— Надо же! Две разные жизни, и дети тоже разные.

— Так у них и папы разные, — нашлась я. — Кстати, как его зовут?

— Макс. Я очень его люблю!

— Никогда бы не подумала, что моего мужа так звать будут! Давно вы женаты?

— Около пяти лет.

— И дочке столько же? — вспомнила я.

— Ну, да, — смутилась она. — Мы когда познакомились, так у нас все закрутилось, что совсем голову потеряли. А опомнились, уже Аленка в проекте была.

— По залету, что ли, поженились? — усмехнулась я.

— Точно, как дети, — она счастливо улыбнулась. — Даже не ожидала, что встречу такого человека. После первого мужа думала, вообще нет на свете моего мужчины. Личная жизнь не клеилась...

— Моя так давно засохла, — грустно вздохнула я. — Ушла в работу, только это счастья не приносит. Способ убить время, которое не можешь потратить на любовь.

— Я тоже так считала тогда, — поддержала она.

— А ты кем трудишься-то? — наугад спросила я.

— Переводчицей в фирме, — как само собой разумеющееся бросила Аня.

— Для меня это тоже осталось в мечтах, — снова вздохнула я. — Так как вы познакомились?

— Однажды послали меня в фирму одну компьютерную. Что-то в офис установить хотели, а секретарша заболела.

— Что за фирма? — оживилась я.

— «Комплект-сервис» на Металлургов, — бросила она. — Макс и сейчас там работает.

— И что?

— Ну, вот, пришла я, сказала, откуда, меня к нему и направили. Я, когда увидела его впервые, подумала: «Смешной какой!» Волосики 109 светлые, кучерявые, глазки голубенькие — овечка, в общем. Никогда на таких не смотрела!

— Ну, и? — зачарованно слушала я. — Как его фамилия?

— Бочкарев, — снова отмахнулась она. — Слушай дальше! Оформили мы, значит, документы. А потом он мой телефон попросил и глядит так преданно, по-собачьи. Ну, я, не будь душой, дала ему телефон офиса.

— И что, позвонил?

— Спрашиваешь! — усмехнулась она. — На следующий день секретарша наша вышла, сидит на телефоне, и вдруг — звонок. Я в своем кабинете над переводом парюсь, а Света звонит мне и спрашивает: «Анна Андреевна! Тут вам из «Комплект-сервиса» звонят. Соединить?» — «Кто?» — спрашиваю. «Бочкарев какой-то, — она просмотрела свои записи. — Максим Викторович. Говорит, срочно». — «Ладно, давай!» — отвечаю.

— Позвонил, значит, — проговорила я. — И что дальше?

— Предложил встретиться. Знаешь, как это бывает?

— Издеваешься? А потом?

— А потом пошли к нему, — ответила Аня. — Люди-то мы взрослые.

— Так ты у него сразу и осталась? — удивилась она. — И как насчет твоих моральных принципов?

— Заткнулись они как-то, — пожала плечами она. — Наверное, мы прикрываемся моральными принципами, пока не влюбимся по-настоящему. Очень удобно! Вместо того, чтобы пробормотать: «У меня нет мужика», гордо заявить: «У меня — моральные принципы!»

— Может быть, — задумалась я.

В ее комнате раздался шорох, бормотание. Потом послышался сонный детский голосок: «Мама, мама!» Шлепанье маленьких ног по полу. Аня, похоже, взяла Аленку на руки. Но я не вижу ее дочку, только слышу.

— Ладно. Ты звони! — закончила разговор она.

Иногда я слышу их голоса: Ани, ее мужа Максима. Иногда возникает звонкий голосок их дочки Аленки, ее залиvistый смех — не различаю только слов. Звуки... Другой человек убедил бы себя в том, что ничего этого нет, ведь нас с детства учили, что слышать голоса — это плохо. Но я знаю, что это дыхание чужого мира — приоткрытая дверь в мою жизнь, где все мечты сбылись.

Она — переводчик с явно хорошей зарплатой. Нет нужды каждый день смотреть в глаза десяткам людей, которые только и ждут, что прозвонит звонок, завершая их мучения. Нет нужды горбиться над бесконечными тетрадами, высматривая неприметную блестящую песчинку, как золотоискатель на давно истощенном месторождении. Не надо составлять никому не нужных планов, проклиная все на свете. Не возникает желания утром, приблизившись к зеркалу, отсалютовать: «Привет, неудачница!» И с любовью все сложилось, и с семьей. Я могу, конечно, сотню раз быть похожей на нее, но судьбу не загримируешь!

Интересно, какой он, этот Максим? По описанию — не очень-то. Никогда не любила блондинов, тем более кудрявых. И все-таки она с ним счастлива. Вот бы взглянуть! Кажется, она сказала, что он работает в компьютерной фирме где-то на Металлургов. А у меня как раз компьютер барахлит. Подходящий предлог сходить туда. Сначала просто разузнать: мол, знакомые подсказали обратиться к нему. Потом принести

саму машину, пусть посмотрит! А я на него погляжу.

Ни к одной встрече я не готовилась так тщательно. Что надеть? Красное? — слишком вызывающе, как пожарная машина на выезде. Маленькое черное? — слишком зазывно. В чем она была при первой встрече?

— Привет! — начала я. — Как дела?

— Нормально. Как у тебя? — спросила Аня.

— Привычно. Скучновато даже.

— У тебя кто-нибудь есть?

— Ты же знаешь, что нет. Я уже забыла, что значит быть с кем-то.

— Как хорошо, что у меня есть Макс! — тепло проговорила она.

— Ты помнишь вашу первую встречу?

— Конечно. Это было весной.

— Надо же! И сейчас весна. Все, наверное, влюбляются в это время. А что на тебе было надето, не помнишь?

— Как же? Я шла с работы. На мне был голубой костюм.

— Светлый или темный?

— Светлый. Вот такой, — она достала его из шкафа и показала мне. — Старенький, но никак не выброшу, жалко!

Я поискала и нашла такой же.

— А еще что, шарфик или украшения?

— Кулон-капелька, — она завела глаза под потолок. — Голубенькая.

Я откопала такой же в шкатулке, нежный, как слезинка.

— Туфли обычные, черные «лодочки», а колготки, ты знаешь, какие я ношу.

Я выбрала черную «паутинку».

— О чем вы говорили? — спросила я.

— Я назвала свою фирму, — вспоминала она. — Он спросил, как меня зовут. Я немножко удивилась, зачем ему это.

— А он?

— А он говорит: «Теперь я знаю имя самой прекрасной женщины в этом городе!». Я улыбнулась.

— А дальше? — подгоняла я.

— Отдала ему документы, и мы попрощались.

— И все? Как же вы встретились опять?

— Нет, забыла! Он попросил мой телефон, и я дала рабочий. Никогда не даю посторонним мобильный, — она перевела дух. — А дальше я тебе рассказывала.

— И куда вы пошли? — нетерпеливо продолжала я. — И что ты надела?

— Столько вопросов сразу! — усмехнулась она. — Кафе «Каштан», знаешь? А надела я красное платье на бретелях и такой же палантин, прозрачный.

— Ну, и как вы оказались у него после первого свидания?

— Ты просто, как маленькая, — усмехнулась Аня. — Он предложил тост за нас. Я улыбнулась и ответила, что никакого «мы» пока не существует.

— А он?

— Спросил, что нам мешает его создать. Я не нашлась с ответом. Тогда он предложил кофе у него дома, будто бы лучше него кофе никто не варит. У него свой секрет.

— И ты пошла? — удивилась я. — Ты же никогда с незнакомыми кофе по ночам не пьешь.

— Все меняется, — вздохнула она. — Было в нем что-то такое, и я не смогла отказать.

— И ушла ты утром, — констатировала я.

— Он никак не хотел отпускать. Потом проводил меня до работы, предложил встретиться еще. И вот мы вместе, — она мечтательно потянулась.

— Классная история, — сказала я. — Ну, бывай!

110

Ну, что, Максим Викторович? Поглядим, стоит ли вы того, что говорит о вас Аня. Я достала из шифоньера новенький светло-голубой костюм, надела. Будто с того костюма, что показывала Аня, сдернули паутину времени. Просится какая-нибудь блузка или топ, но раз она сказала «нет», значит, только это. «Да, хороша!» — оглядела я себя со всех сторон. Черные колготки-«паутинка», чтоб ноги стройней казались, и такого же цвета «лодочки». Буду казаться выше. «Такая тетка должна понравиться», — думала я, поправляя прическу. Последний штрих — кулон-капелька. На миг я задержала на нем взгляд: будто женщина плачет над своей судьбой, и одна слезинка окаменела. Я тряхнула головой, отгоняя наваждение, и надела украшение.

До Металлургов добралась быстро. На удивление, сразу подскочила маршрутка, и не тормозила, и светофоры все зеленые — в общем, легко, будто с горы катишься. Думала, не найду эту фирму, ведь никогда в этой части города не была, но словно ноги сами туда несли. Оранжевый дом с облезлой краской, большой кирпичный, и вот обшитый бежевым металло-пластиком коробкой возник «Комплект-сервис».

Унылый дядька в черной форме с надписью «Охрана» указал мне нужную дверь. Я стояла возле нее, не решаясь взяться за ручку. Вдруг нахлынуло ощущение неправильного, непоправимого поступка, словно красным полыхнули слова «Вход воспрещен». «Да что я, в самом деле? — отогнала я неприятные мысли. — Ведь только посмотреть! Будто в кино сходить на мелодраму да прикинуть на себя чужую феерическую жизнь». В ответ на мои сомнения дверь неожиданно распахнулась. На пороге стоял он.

— Максим Викторович? — ухватилась я за спасительную соломинку, хотя уже знала ответ. Макс выглядел так, как описывала его Аня. Правда, волосы острижены, кудрей не видно. Я украдкой рассматривала его: глаза светлые, точно и не разберешь, какого цвета; чуть вздернутый нос, довольно крупный рот — ничего примечательного. Я скользнула взглядом по его руке. Кольца нет. Неужели не женат? Или не носит? Аня вроде говорила, что он его не снимает. Одет аккуратно, но без особого вкуса и шика.

— Мы знакомы? — удивился он. — Я бы вас запомнил, — он откровенно рассматривал меня, как это умеют некоторые мужчины. Я покраснела и начала заранее отрепетированный монолог:

— Мне рекомендовали вас друзья. Вряд ли вы их помните. Очень хвалили вас, как прекрасного специалиста в компьютерах...

— А в чем, собственно, дело? — прервал он мою речь.

— Знаете, мой ноутбук совсем сломался. Не пойму, в чем проблема. Не могли бы вы помочь?

— Он у вас с собой? — Макс чуть прищурился, потирая переносицу.

— Нет. Я зашла узнать, возьметесь ли. Конечно, я все оплачу, — спешно добавила я.

— Ну, об этом после. Разберемся для начала, где собака порылась, — усмехнулся он. — Давайте обменяемся телефонами.

— Хорошо! — я протянула ему бумажку с номером.

— Вот теперь я могу связаться с самой красивой женщиной этого города! — заявил он. — Ладно! Звоню. Записывайте номер, — цифры высветились на моем дисплее.

Теперь у меня, можно сказать, есть связь между мирами. Я знакома с Максимом с моей стороны и при желании могу услышать того, другого человека. Какая история у «моего» Максима? Я впервые назвала его «мой». Конечно, я в это не верю! Не бывает таких повторений! У

него, наверняка, есть семья и дети, раз он такой же. А если судьба его ветвится, как у нас с Аней, то неизвестно, что он за человек.

Я решила, что звонить ему не стану и не пойду в эту фирму больше. А сам он вряд ли позвонит!

Сегодня Аленка особенно разошлась: смех, легкий топоток, падают на пол игрушки, звенит посуда. Иногда раздаются взрослые голоса, но слов не разобрать.

— Привет, — Аня быстро взяла трубку.

— Что у вас там? — спросила я. — Так шумите!

— У Аленки день рождения. Ребятишек полон дом.

— А у нас праздники обычно проходят тихо. Знаешь, все отдадут свои подарки при входе, пройдут в комнату, подождут остальных и сядут за стол. А там главное событие — появление нового блюда.

— Но ведь так скучно! — удивилась она.

— Веселее, к сожалению, не получается, — вздохнула я.

— Аленка нас веселит. Макс, как ребенок, прыгает с детишками! В общем, я счастлива!

— Поздравляю!

— Слушай, давай выпьем за здоровье моей дочери! Ты ведь здесь, у зеркала стоишь?

— Давай! — оживилась я. — Что пьем: белое, красное?

— Красное, конечно! Я белое не люблю.

— Знаю, — вторила я и пошла к бару. Ничего приличного там не было, поэтому налила дешевого «Мерло» из трехлитровой коробки. — Готова! — и мы чокнулись друг с другом сквозь зеркало. Кажется, и правда соприкоснулись два бокала.

— Ну, мама, ты даешь! — бросил, проходя мимо, сын. — Уже с зеркалом соображаешь на двоих!

Я махнула рукой.

— Мы тебе мешаем? — вдруг спросила Аня.

— Скорее не покидаете! Я все время слышу вас, — она прикоснулась к зеркалу, задержала руку. Я в ответ протянула свою, соединила наши ладони. — Чувствуешь что-нибудь?

— Тепло, — удивленно проговорила она. — Как будто чья-то рука сквозь пленку касается моей.

— А для меня это стекло холодное, — задумалась я. — Странно, я вижу твою ладонь, касаюсь ее, но не чувствую, а ты — наоборот.

— Зато теперь мы можем и так общаться, — обрадовалась Аня.

Не знаю, хорошо ли это? Мы все ближе друг другу, но по разные стороны зеркала. Что будет, когда пленка порвется? Пожмет ли рука живую теплую руку или повиснет в пустоте? Может, не стоило стараться походить на моего двойника? Зазвонил телефон, высветив на экране «Макс». Ответить или нажать «сброс»?

— Алло? — решила я.

— Здравствуйте, Аня! — послышался веселый голос. — Где вы пропали? Я все жду вас с компьютером.

— Ах, да-а... — протянула я, будто вспомнила. — Как-то закрутилась. Работа, знаете ли.

— Когда вас ждать? — без обсуждений продолжил он.

— Завтра, — словно само, вырвалось у меня.

— Ну, до встречи!

И на новую встречу иду, волнуясь. Что надеть? Чего я хочу: видеть его снова или наоборот? Все-таки это нечестно по отношению к Ане! Это ее муж! Может, здесь он тоже женат, а на меня сработал обычный охотничий инстинкт? 112 Оденусь попроще: джинсы и футболка — никаких ярких впечатлений! Оно само и затухнет, и жизнь пойдет по-прежнему, и ладно!

— Я вас уже ждался, Аня! — обрадовался Максим. Кажется, его ничуть не смутил мой затрапезный вид.

— Вот он, мой мучитель, — поставила я на стол свой многострадальный ноутбук.

— Вы мне его оставьте дня на три, а я посмотрю. А в обычной одежде, — лукаво улыбнулся он, — вы еще привлекательней! Я вижу чудесную земную женщину, а не небожительницу.

Я покраснела и ничего не ответила.

— Через три дня я вас жду. Не забудьте, встреча назначена! — строго погрозил он пальцем.

— Куда ж я от него денусь? — кивнула я на свой ноутбук.

— Вот так размечтаешься, что понравившаяся женщина к тебе пришла, а она тут же норовит о деле заговорить, — вздохнул он.

— Не расстраивайтесь, — ободряюще улыбнулась я.

Отчего мне так легко с этим человеком? Я его едва знаю, но хочется увидаться с ним еще. Однако следующий раз — последний! Заберу свой компьютер — и поминай, как звали!

Аня взяла трубку. Усталый голос словно через силу ответил мне.

— Как дела? — спросила я немного удивленно.

— Неважно себя чувствую, — вздохнула она. — Голова кружится, слабость, будто земля из-под ног уходит.

— У врача была? — забеспокоилась я.

— Нет! Взяла день за свой счет, — она провела рукой по лбу. — Отлежусь, и на работу.

— Макс знает?

— Нет. Он в командировке. Не бери в голову! — махнула рукой она. — Ничего серьезного. Как ты?

— Я, наверное, не ко времени, — засомневалась я. — Представляешь, познакомилась с одним человеком...

— Ну, наконец-то, — оживилась она. — И?

— Вот и не знаю.

— Почему?

— Понимаешь, он муж моей хорошей знакомой, — задумчиво проговорила я. — В общем, некрасиво это!

— Да не думай ты об этом! Встречайся с ним, а там — как пойдет. Не сидеть же монашкой от того, что всех хороших мужиков уже разобрали. Настало время передела собственности.

— Но от этого может пострадать человек, — настаивала я, хватаясь за спасительную соломинку самоубеждения.

— Все мы страдаем, — философски заметила она. — На то и жизнь.

— А что бы ты надела на встречу? — поинтересовалась я.

— Мужчины, как бабочки, летят на цветы поярче, — убежденно ответила она. — Ладно. Устала я что-то. Пойду, полежу. Бывай!

Она прикоснулась к зеркалу. Я по привычке тоже протянула руку навстречу.

— У тебя, кажется... — в телефоне раздались гудки. — Температура, — закончила я.

Нет, мне не показалось! Ее горячая ладонь на миг слилась с моей ладонью. Сквозь тонкую пленку я ощутила легкое биение жизни. Я испуганно отдернула руку, боясь порвать ненадежную границу между нами.

Стоило ей отключиться, мой телефон зазвонил.

— Здравствуйте, Аня! — раздался голос Макса. — Я закончил с вашей машиной. Предлагаю встретиться сегодня вечером. Вас устроит? — затараторил он.

— Да-а... — ошарашенно пробормотала я.

Господи! Что я делаю? Я не хочу все это продолжать. Может, взять и не пойти? Бог с ним, с ноутбуком! Пусть останется ему на память! Сменить номер, и он никогда меня не найдет. Но тогда и я больше не смогу связаться с Аней! Вдруг стоит мне вытащить «симку», и контакт прервется навсегда? Не знаю, что теперь делать. Будто вступила в бурную горную реку, и теперь меня тащит вперед против воли. И больше ничто от меня не зависит!

— Скажи, что лучше надеть? — обратилась я к сыну.

— А варианты? — из кухни вопросом на вопрос ответил он.

— Серое с черным поясом или красное. Думаю, красное как-то нескромно?!

— Надень серое, погляжу на тебя, — посоветовал он.

— Сейчас, — я натянула платье, поправила мягкий шелк. — И как? — вышла я из комнаты, не глядя вперед.

Из-за угла как раз выворачивал сын с чашкой молока в руке. Мы столкнулись на пороге. По телу потекло-побежало вниз молоко.

— Вопросов больше нет! Благодарю за помощь! — сказала я, беспомощно глядя на расплывающееся пятно.

Значит, красное на бретельках и газовый пантальон? Бред какой-то! Иду на свидание с виртуальным мужем. Разница только в том, что я все про него знаю, а он обо мне — нет. Может, ничего и не будет, конечно! И слава богу!

Я вошла в его кабинет ближе к концу работы в своем ослепительно красном платье, напоминающем закатный луч. Макс, казалось, потерял дар речи.

— Да-а... — вырвалось у него наконец. — Собоюственно, вот ваш любимец, — выставил он на стол мой ноутбук.

— Сколько я вам должна? — спряталась я за готовый вопрос, теребя сережку.

— А? — словно опомнился он. — Да, вот, — он написал на бумажке сумму.

— Спасибо вам! — положила я деньги на стол. — Очень выручили! — и повернулась, собираясь уходить.

— Постойте, — заторопился Макс. — А давайте отметим выздоровление вашего друга! Просто не могу вас так отпустить! — чуть смутился он.

Я уже мысленно благодарила всех, кого можно благодарить за то, что все так легко обошлось. Его фраза застала меня врасплох. Я застыла в дверях.

— И куда пойдем? — наконец нашлась я с ответом.

— У меня тут неподалеку есть любимое кафе, — загорелись у него глаза. — Только не говорите «нет»! — и умоляюще добавил: — Пожалуйста!

— Хорошо! — согласилась я после недолгих колебаний.

Через квартал перед нами возник небольшой ресторанчик с двумя колоннами в виде древесных стволов по обе стороны от входа. Над крыльцом свисали разлапистые зеленые листья. Сверху красовалась надпись «Каштан». Я замерла у входа.

— Пойдем? — спросил Макс, взяв меня под руку. Я вдохнула поглубже и сделала шаг вперед.

Стены обиты мягким зеленым сукном. Белорозовые лампы, изображающие соцветия каштана, ласкали окружающий полумрак. В глубине зала в камине восточной танцовщицей извивалась имитация живого огня. Темные деревянные столы и тяжелые кресла со спинкой — каштановым листом создавали ощущение незыблемости и покоя. Зеленые бархатные шторы скрывали несколько отдельных кабинетов для желающих побыть наедине. Я стояла, в восхищении осматривая открывшееся великолепие.

— Ну, как? — спросил Макс, уже зная ответ.

— Подходит, — ответила я заворуженно.

— Где сядем? — он внимательно посмотрел мне в глаза, осторожно коснувшись запястья.

— У камина, — выбрала я.

Официанты отодвинули нам кресла.

Красное вино искрилось в бокале. Сквозь играющие блики я следила за завораживающим танцем огня в камине.

— Вы, как жар-птица в этом сказочном лесу, — заговорил Макс, разглядывая меня.

— А? — опомнилась я.

— Давайте выпьем за нас! — предложил он.

Я вздрогнула от неожиданно возникшего ощущения «дежа вю», но, вспомнив рассказ Ани, улыбнулась.

— По-моему, никакого «мы» пока не существует, — процитировала я другую себя.

— Что нам мешает его создать? — ухмыльнулся он.

Будто струна испуганно завибрировала, зашвырнув смутно знакомую ноту. Что-то решительно менялось в моей размеренной жизни. Стрелка переключилась, и состав вставал на новые рельсы. Вот-вот он помчится, не спрашивая, хочу ли я этого. Выбор уже сделан.

— А знаете? Предлагаю кофе у меня дома. Это единственное, чего «каштановцы» делать не умеют.

— А вы умеете?! — усмехнулась я.

— Конечно. Я лучший кофе-мейкер в округе. У меня свой секрет. Пойдем? — вопросительно посмотрел он на меня.

— А как же ваши домашние? — осторожно прощупала почву я.

— Нет у меня никого.

Макс торжественно распахнул дверь.

— Добро пожаловать в мою берлогу!

Я осмотрелась: «Квартира как квартира, — мысленно пожала плечами. — Кажется, жены, и правда, никакой нет».

— Ну, пошли на кухню! — пригласил Макс. — Не очень уютно, наверно?

— Не скромничайте! — улыбнулась я.

— А давайте на «ты»! Неудобно как-то: сидим у меня на кухне и, как в банкетном зале, навеличиваем друг друга, — предложил он.

— Давай! — согласилась я. — Где же твой знаменитый кофе?

— Сейчас, — спохватился он. — Забыл совсем!

Кофе, действительно, был великолепен. Уютная кухонька, мягкий свет, приятная беседа и милый человек. Правила приличия требуют поблагодарить хозяина и распрощаться, но уходить до невозможности не хочется. Повисла неловкая пауза. Я сделала движение, собираясь встать. Макс незаметно накрыл мою руку своей и слегка пожал.

— Может, останешься?

Я напряглась. Много раз раньше я слышала эту фразу и всегда отвечала: «Нет». Дурацкое ощущение, будто тебя сняли где-то в ресторане, накормили-напоили, а теперь — отработывай! Тьфу ты! Вечно я все порчу!

Макс нежно провел пальцем по моей ладони и с надеждой заглянул в глаза. Я против воли расслабилась. «Нет! Не хочу уходить!» — заглянула я голос правил приличия.

Молчание становилось невыносимым. Макс потянулся ко мне, погладил по щеке. Рука у него сильная и в то же время мягкая, теплая. Он снова внимательно посмотрел мне в глаза, словно спрашивая разрешения, и поцеловал. Кажется, это длилось целую вечность: уже не помня, где я, а где он, мы слились воедино, растворяясь друг в друге.

— Теперь я никуда тебя не отпущу! — прошептал Макс.

Утро робкими проблесками пробралось в комнату, колыхнуло тюлевую занавеску, дохнуло прохладой. Я приоткрыла глаза. Рука Макса лежала рядом на подушке. Я мельком взглянула на часы: «Еще совсем рано!» — и прислонилась щекой к его руке.

Он мягко провел рукой по волосам, поцеловал. Не открывая глаз, я улыбнулась.

— Просыпайся, спящая красавица! Извини, не могу осыпать тебя цветами с утра пораньше! Но есть кактус, и он цветет, — Макс показал на торчащий на тумбочке зеленый ежик в мелких желтых цветочках.

— Вполне подойдет, — засмеялась я. — Только осыпать им не надо.

Мы снова пили кофе на его кухне. Мне было хорошо и уютно, словно мы так всегда и поступали по утрам.

— А на работу, действительно, пора! — вздохнула я.

— Я провожу, — вызвался Макс. — А давай еще встретимся! Дождусь тебя после работы...

— Давай! — согласилась я — Только не сегодня.

— Это вежливый отказ? — понурился он.

— Нет. Просто дома нужно появиться.

Чуть не всем в школе пришлось объяснять мой броский вид: мол, у подружки на дне рождения была, заночевала, некогда переодеться было. Дети, не отрываясь, следили за моими передвижениями по классу. Еще бы, самое яркое пятно! Коллеги, что постарше, понимающе переглядывались. Кое-кто завистливо косился: «Разодрала бы это нахальное великолепие в клочья!» А так, в общем, день прошел.

Я возвращалась домой, немного усталая и в то же время наполненная каким-то новым светом. Даже серый асфальт казался ярче, хотя все вокруг точно знают, что его оттенки варьируются от пыльного до запыленного. Пожалуй, только влюбленные уверенно ответят, что асфальт сочного жемчужного цвета.

Я переходила улицу, погруженная в свои радостно-безмятежные мысли. Что может произойти возле твоего дома? Вдруг по спине ледяными пальцами пробежала мгновенная дрожь, будто кто прошел над твоей могилой. Где-то совсем рядом завопил гудок, судорожно завизжали тормоза, изо всех сил цепляясь за дорогу. Я резко повернула голову и застыла на месте. В нескольких метрах прямо на меня неслось темно-синее авто. Бежать некуда, поздно, да и не знаешь, что взбредет в голову сумасшедшему водителю. Будто кто толкнул меня влево, я качнулась и отступила на шаг. Неизвестный водитель, тоже пытаясь уйти от столкновения, вильнул вправо и, пройдя в миллиметре от меня, врезался в светофор. Обиженный «трехцветик» наклонился посмотреть, что это было. Переднюю часть автомобиля полностью смяло, обдав отпрянувших пешеходов фонтаном стеклянных брызг. Машина еще раз взвыла и замолкла.

Через мгновение опомнились очевидцы, засуетились зеваки, кто-то стал звонить в «Скорую» и ГАИ. Я не шевелилась, ощущая только последний горячий выдох автомобиля-самоубийцы.

— Вы в порядке? — тронул меня за плечо человек в белом халате.

Я молча, не отрываясь, глядела на погнутый светофор.

— Вас не задело? — переспросил врач, всматриваясь в мои зрачки. — Шок, наверное, — пробормотал он сам себе.

Я молчала, как будто первое же сказанное слово неотвратимо впустит в мою жизнь ощущение необъяснимой горькой потери. Я смотрела на разбитую машину, не в силах оторваться.

— А водителю не повезло! — донеслись до меня слова того же врача. — Лобовое столкновение. Никаких шансов.

— Да-а... — протянул другой. — И куда летел? Свет не его был. Заснул, что ли?

— Заснула, — поправил первый. — Красивая, наверно, была баба. Да сейчас не узнаешь, — махнул он рукой.

— Одно слово, женщины! — философски добавил другой.

Меня увели с проезжей части, посадили в «Скорую», что-то вкололи и отвезли в больницу проверить, все ли в порядке. Я не сопротивлялась. Надо же! Спаслись неожиданно, когда надежды нет! Но та, другая женщина, совсем как я, заняла мое место. Даже спасибо не скажешь, некому! Так трудно носить это в себе! Поделиться бы с кем, может, легче станет. Ведь я ни в чем не виновата, а все равно тяжело!

Анин телефон долго не отвечал. Неужели что-то случилось на станции, и контакта с тем миром больше нет? Неужели мой телефон теперь — это просто мой телефон?! Наконец трубку взяли. Незнакомый, потухший до хрипоты голос ответил:

— Алло?

— Можно Аню к телефону? — спросила я.

— Нет! — отрывисто бросили там.

— Мне очень нужно! — настаивала я.

Там вздохнули и через силу выдавили из себя:

— Не звоните сюда больше! Аня погибла.

— Как? — будто громом пораженная вскрикнула я.

— Разбилась на машине. В светофор врезалась. Дуру какую-то обруливала на Индустриальной. Не звоните, — он снова справился с собой. — Больше!

Назойливые злые гудки оборвали наш разговор. Я знаю, это был Макс, тот овдовевший Макс, который утром был счастливым. А где-то там есть Аленка, ее маленькая дочка. Она могла быть моей. Сегодня вечером только я отражаюсь в холодной зеркальной глади, и ничья теплая ладонь не выгибает ее с той стороны.

Теперь мы вместе с Максом, моим, найденным и завоеванным. И все у нас хорошо, так, как и должно быть. Я по-прежнему иногда слышу Их голоса, того Макса и его дочки Аленки, но с каждым днем реже. Линии наших судеб все больше расходятся.

Но если правда, что судьба ветвится, вдруг Моя линия не самая главная? Вдруг она всего лишь счастливое отражение какой-то другой? Каждый раз, как зазвонит телефон, я с дрожью смотрю на экран. А что, если там неожиданно высветится «Мой», и в ответ на мое «алло» такой знакомый голос проговорит: «Здравствуйте! Меня зовут Аня. Вот, позвонила по своему номеру и случайно попала к вам...»

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

ЛИТЕРАТУРА КАК ПРЕДВЕСТНИЦА НАНОТЕХНОЛОГИЙ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Я не думаю, что кого-то поражу этой мыслью: совершенно очевидно, что в ближайшие годы развитие нанотехнологий способно изменить облик человечества, изменить нашу жизнь.

Дмитрий МЕДВЕДЕВ

(выступление на Втором нанофоруме,
5 октября 2009 года)

1

Как утверждают учёные, исследующие возникновение жизни на Земле, всё началось с того, что около четырёхсот миллионов лет назад в атмосфере нашей планеты появился тонкий слой озона, оказавшийся достаточно плотным для того, чтобы защитить жизнь от губительного воздействия космического излучения и дать ей возможность выйти из океана на сушу. Именно это дало начало той уникальной и, похоже, единственной во Вселенной эволюционной цепи, которая породила впоследствии громадное разнообразие живых форм, включая человека.

Озоновый слой – уникальная самосбалансирующая система. Чем больше его находится в атмосфере, тем больше ультрафиолетового излучения он поглощает, обеспечивая безопасность всему живому на Земле.

Однако этот спасительный для нас щит оказывается не так уж и прочен. Если бы весь находящийся в атмосфере озон можно было извлечь и сжать под нормальным давлением, то в результате получился бы слой, покрывающий поверхность Земли толщиной всего 3 мм, тогда как вся сжатая под нормальным давлением атмосфера составила бы слой в 8 км. Таким образом, отношение толщины озонового слоя к защищаемой им атмосфере равняется 3:8000000 и является нам, по сути, пример естественного, созданного самой природой нанослоя. И, как мы уже отмечали, именно этот тончайший слой, этот невидимый глазу газовый щит защищает Землю от смертельного воздействия солнечной радиации, образует тепловую конструкцию нижней ат-

мосферы и способствует тем самым сохранению жизни на планете.

Другой пример давным-давно существующего рядом с нами нанослоя – это покрывающий тыльную сторону зеркала тончайший слой амальгамы, которая как раз и отражает собой всю попадающую в зеркальный створ часть видимого мира.

Практически точно так же, как рассредоточенный в атмосфере Земли озоновый слой или нанесённая на тыльную поверхность зеркального стекла амальгама, в строгом соответствии с разработанными самой эволюцией принципами нанотехнологий действует и настоящая серьёзная литература – как классическая, так и современная. С одной стороны, обволакивая собой, подобно озону, духовно-нравственную атмосферу нашей цивилизации, она оберегает её от губящего всё своими пошлостью и цинизмом излучения масскульта, а с другой – позволяет, как в зеркале, увидеть в себе наш сегодняшний нравственный облик и, в случае его отклонения от идеала, внести своевременные коррективы в формирование духовного мира современника. При этом речь ни в коем случае не идёт о прямолинейном воздействии литературы на сознание читателя посредством таких литературных текстов, как, например, знаменитый монолог Павки Корчагина из романа Николая Островского «Как закалялась сталь», гласящий, что жизнь человеку даётся всего один раз, «и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», или же – как пронизанные верой в торжество социалистической революции поэмы Владимира Маяковского. Какие уж тут нанотехнологии! Тут перед нами откровенные идейно-политические агитки – пусть очень талантливые, высоконравственные, духоподъёмные, искренние, но всё же действующие в рамках стандартных идеологических технологий, изложенных ещё В. И. Лениным в его работе «Партийная агитация и партийная литература».

Нановоздействие литературы проявляет себя иначе, не напрямую. Само собой, какие-то фрагменты поэмы Николая Алексеевича Некрасова о том, кому на Руси живётся хорошо, а кому – не очень, вдохновляли совестливых граждан царской России на борьбу за освобождение крестьянства, какие-то строчки стихов Пушкина будили в читателях стремление к вольнодумству, поселяя в них сомнения в непогрешимости самодержавия, а повесть Алексея Максимовича Горького «Мать» и такие революционные песни, как «Марсельеза» и «Смело, товарищи, в ногу», могли вести пролетариат непосредственно на баррикады. Но влияние литературы на народ и историю было гораздо более тонким и значимым, и тому имелись свои причины.

Надо признать, что возможность прочитать столь сильно напугавшее Екатерину II сочинение Алексан-

дра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» имела у очень узкого круга жителей дореволюционной России, как и возможность прочесть исследование Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» — у жителей России советской. Но каким-то невероятно парадоксальным образом сила воздействия этих авторов и их творчества на российское общество была при их непечатании во много раз выше, чем после издания их книг массовыми тиражами. Тень непрочитанного народом солженицынского «Архипелага» будила и тревожила душу почти каждого, кто о нём что-нибудь слышал, однако её значение тысячекратно сдулось и скукожилось, едва только эта вещь была опубликована в журнале «Новый мир», а затем начала выходить отдельными книгами. Это вовсе не значит, что для увеличения авторитета писателей в глазах читательских масс их книги надо перестать издавать большими тиражами, но это показывает, что наряду с бытованием на книжно-журнальных страницах российской литература никогда не порывала с начатой ещё древнерусскими духовными стихами XI–XIII веков традицией устного распространения. Так исторически сложилось, что в России всегда, начиная со времён древнерусского летописания и вплоть до перестроечной поры, значимые книги были в постоянном и острейшем дефиците, что вынуждало читавших пересказывать их содержание не читавшим, говорить о них, обсуждать высказанные в них идеи, упоминать в разговорах имена их авторов и персонажей, цитировать запомнившиеся строки и фрагменты и даже переписывать их от руки. (Я ведь помню, как в 1960-е годы моя сестра Танька сидела ночами за кухонным столом, переписывая из чьей-то тетради в свой заклеенный фотографиями артистов «Песенник» стихи ещё не изданного массовыми тиражами Сергея Есенина, среди которых я однажды, взяв тайком полистать Танькин «Песенник», наткнулся на щекочущие воображение строки: «Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты, унесу я пьяную до утра в кусты...» А в конце 1970-х, увлечшись поэзией, я уже и сам переписывал в свой литературный блокнот запретный в те годы ахматовский «Реквием».) Да и допущенных цензурой к изданию книг на всех желающих тогда тоже не хватало, а может быть, в советском обществе просто никогда не хватало таких идей, какие высказывались писателями в их произведениях и разговорах, а потому опубликованные ими в книгах и альманахах строки или сказанные за кружкой пива фразы мгновенно облетали страну, тысячекратно цитировались и повторялись в частных беседах, служа высшей аргументацией в отстаивании своих идей и взглядов. Благодаря этому, в Советском Союзе едва ли не большее значение, чем сами литературные произведения, стал иметь так называемый *текущий литературный процесс*, уже одними своими непредсказуемыми рывками и поворотами говоривший о

нравственной ситуации в стране не меньше, чем содержанием создаваемых в те годы стихов, поэмы и романов.

Таким образом, литература переставала быть жанром, сконцентрированным непосредственно в одних только границах искусства, и приобретала характер тончайшего интеллектуального продукта, рассредоточенного, под стать озону, по всей духовно-нравственной атмосфере советского общества. Подобно тому, как нанотехнологии представляют собой технологии работы с веществом на уровне отдельных атомов, литература, неся в глубине своей природы генетически заложенный в неё код нано, также работает на уровне отдельных имён, слов, образов, строчек и выражений, что особенно ярко проявило себя в годы торжества соцреализма. Цитаты из произведений классиков отечественной литературы и признанных писателей-современников украшали доклады и речи политических деятелей и учёных, строчки широко известных стихотворений то и дело использовались в качестве названий журналистских статей и телевизионных передач, на писателей ссылались артисты и руководители промышленных предприятий, встречи с мастерами поэзии и прозы регулярно транслировались по радио и телевидению, исполнявшиеся тогдашними «звёздами» эстрады песни были написаны не кем попало, а исключительно профессиональными поэтами, литература и её творцы были постоянно на виду и на слуху, в стране выходило огромное количество книг на языках всех народов СССР, произведения национальных авторов переводились на русский язык, а русских писателей — на национальные языки, благодаря чему между жителями братских республик не было и намёка на то непонимание и отчуждение, какие царят в наше время, а события сродни тем, что произошли в Кондопоге и на Манежной площади, были тогда просто непредставимы. Чтение не подменяло собой реальной жизни, оно просто являло собой одну из её сторон — и эта сторона, при всей её кажущейся второстепенности по отношению к повседневной реальности (почти те же 3:8000000, что и в случае с озоном), играла в жизни общества весьма немаловажную роль. Сказать, что ты не читал «Треугольную грушу» Андрея Вознесенского, «Аз и Я» Олжаса Сулейменова или «Алмазный мой венец» Валентина Катаева было тогда всё равно, что признать, что ты никогда не меняешь носки или не чиштишь зубы. Литература была выше быта, выше моды. В определённой мере она как раз и была её законодательницей, создательницей модели поведения и мышления.

2

Ещё один пример применяемой в течение уже многих лет практики использования нанослоя — это женские помада, пудра, румяна, кремы и тени.

Имея ничтожно малое объёмное соотношение к массе покрываемого объекта, тончайший слой парфюмерии, практически ни на йоту не изменяя свойств непосредственно самого лица, резко меняет его восприятие окружающими людьми. Нанесённая на кожу женщины тончайшая наноплёнка румян или пудры вызывает у контактирующих с ней мужчин чувство симпатии и влюблённости, а иной раз и гораздо более кардинально воздействует на чью-то судьбу, подталкивая очарованного парфюмерными чарами мужчину к браку.

Примерно таким же образом воздействовала на сознание советского общества и литература эпохи соцреализма, которая в течение семи десятилетий занималась тончайшей «лакировкой действительности», изменяя с помощью создания положительных художественных образов восприятие не всегда привлекательной правды тогдашней жизни. При этом «лакировочный слой» советской литературы действовал не лобово и одномоментно, а опосредованно и постоянно. Подобно озону в атмосфере Земли, он был рассредоточен в кипении социалистического бытия в виде школьных сочинений о героях, заучиваемых (и оседающих в памяти хотя бы отдельными строчками) стихов Маяковского, Багрицкого и Светлова, показываемых по телевизору мультитов про Мальчиша-Кибальчиша, демонстрируемых в кинотеатрах художественных фильмов по произведениям советских классиков, работ скульпторов и художников на темы известных книг, спектаклей о героях революции, звучащих по радио и во время праздничных шествий революционных песен, а также в других проявлениях социалистической прозы и поэзии.

А параллельно с этим «лакировочным слоем» на коллективный разум и душу граждан СССР оказывал своё воздействие ещё и полуподпольный «нанослой» диссидентской литературы, будоражащий подсознание масс не столько, как мы говорили выше, своими запрещёнными (а потому и отсутствующими на книжных прилавках и в библиотеках Советского Союза) произведениями, сколько долетающими по «Би-Би-Си» и «Голосу Америки» фрагментами из них, ходящими о них слухами, сообщениями о высылке из страны их авторов и другими микроинформационными поводами.

Лучше всего механизм воздействия литературного «нанослоя» на текущую реальность можно проиллюстрировать на примере «принципа работы» политических анекдотов, составлявших при советской власти не менее пятидесяти процентов так называемого «городского фольклора» (вторые пятьдесят — это блатные и уличные песни, приносимые в общество освободившимися из зоны «урками», в 1960–1970-е годы весьма сильно потеснённые песнями А. Галича, В. Высоцкого, Б. Окуджавы и других бар-

дов). Пребывая в отношении к общенациональной культуре и общенациональной идеологии примерно в такой же пропорции, как озон к земной атмосфере, анекдоты тем не менее оказывали огромное корректирующее воздействие на восприятие обществом не только официальной позиции государства по тем или иным вопросам, но и почти всех сторон жизни советского народа — как личных, так и общественных. Самые высокие идеи и чистые идеалы, самые заветные мечты и сияющие цели, самые сокровенные чувства и значимые исторические свершения, самые великие победы и почитаемые народом герои, самые любимые персонажи произведений и самые великие вожди и преобразователи жизни — всё, что хотя бы одним только краешком попадало в оскаленную смехом мясорубку анекдота, перемалывалось в ней и превращалось из высокодуховного и нравственно чистого в нечто отталкивающее и вызывающее насмешку; всё, что хотя бы на мгновение залетало в «кривое зеркало» анекдота, отражаясь в его покоробленной хохотом поверхности, получало кардинальное смысловое искажение и преображалось в уродливую карикатурную картину.

Внутренние законы анекдота ещё требуют своего серьёзного изучения и анализа, но уже сегодня видно, что его природа во многом напоминает поведение содержащихся в атмосфере наночастиц, которые способны проходить через клеточные мембраны и защитные барьеры иммунной системы человека, провоцируя у него бронхиальную астму и развитие других лёгочных заболеваний. В дальнейшем наночастицы могут проникать из лёгких в кровеносное русло и свободно разноситься с током крови по всему организму, делая бесполезной его иммунную защиту и окончательно разрушая здоровье человека.

По этой же схеме ведёт себя и анекдот, который свободно проникает практически через все барьеры и цензурные запреты, разносится со слухами по самым дальним уголкам и закоулкам государства и, подтачивая его идейную статью и крепь, в конце концов, ослабляет и разваливает всю, казавшуюся такой нерушимой и могущественной политическую систему. Подобно наночастицам, которые имеют свойства отражать солнечные лучи и влиять этим на формирование климата на планете, вплоть до создания тотального обледенения, анекдоты оказались способны отражать собой сияние манящих нас из будущего слепящих вершин коммунизма, снижать сверкание ореолов наших вождей и генсеков и уменьшать тем самым энтузиазм построения светлого будущего, подрывая в его строителях веру в победу коммунистической идеи и формируя предпосылки для изменения идеологической «погоды» в стране.

Именно эти способности анекдота сделали возможным то, что этот ничтожнейший из примыкаю-

щих к литературе жанров словесного творчества сумел расшатать столь пленявшую многих идею построения государства социальной справедливости и всеобщего равенства, подточить его культуру и, по сути, подготовить почву для окончательного разрушения крупнейшей в мире сверхдержавы. И всё это благодаря принадлежности анекдота к таинственным, могущественным и ещё только начинаемым нами изучаться нанотехнологиям, постижение которых обещает впереди непредсказуемые перспективы и открытия. Уже сегодня ясно, что удивительный мир наночастиц таится не столько в чрезвычайно малых их размерах (один нанометр в 50 000 раз меньше обыкновенного человеческого волоска!), сколько в их необыкновенных, почти фантастических или сказочных свойствах – механических, физических, тепловых, оптических, электрических, химических и прочих. Мир нанотехнологий выходит далеко за рамки известных нам законов классической физики, даже таких, как широко известные законы гравитации и скорости, и все эти качества в самой полной мере проявляют себя и в литературе.

3

Если мы посмотрим на некоторые из созданных за последнее время наноразработчиками конкретных изделий и материалов, то увидим там немало не просто оригинального, но принципиально меняющего роль давно знакомых и обыденных вещей в нашей жизни. Вот, скажем, рубашки, которые в буквальном смысле «подзаряжают» своего владельца энергией во время быстрой ходьбы или бега. Источником такой «подзарядки» служат специальные энергетические микрокапсулы, внедрённые в структуру рубашечной ткани. При активном движении человека (физической работе, беге или быстрой ходьбе) температура его кожи повышается, и этого становится достаточно для того, чтобы капсулы начали испарять бодрящие ароматические вещества, прибавляющие бегуну сил.

Интересна также ткань, в одежде из которой человек навсегда будет избавлен от неприятного запаха пота, поскольку она обладает свойствами моментально выветривать влагу со своей поверхности.

Создана также специальная изолирующая ткань, нейтрализующая опасное электромагнитное излучение, исходящее от мобильных телефонов. Теперь можно спокойно и без всякой опасности облучения класть мобильники в карманы пиджаков и курток, обшитые этой защитной тканью. А для тех, кому противопоказано действие прямых солнечных лучей, разработана ткань из нановолокон, не пропускающих ультрафиолета...

Казалось бы, что ни изобретение – то новизна и открытие, революционный прорыв и подъём на новую эволюционную ступень развития и прогресса.

Однако анализ того, что сделано нашими писателями за предшествующие столетия, показывает, что на духовно-интеллектуальном уровне все эти «чудеса» давным-давно являются присущими нашей отечественной литературе, причём не только в виде воздействия на читателя тех или иных конкретных произведений, но как общее для неё свойство взаимодействия с реальностью. Русский народ всегда, на протяжении многих веков, согревал свою душу пламенной духоносной литературой, огненным словом писателей, черпая силы в произведениях наших классиков, которые он берёт как самые дорогие в доме вещи и не продавал даже в голодные и максимально трудные для себя времена. А от скольких грехов, заблуждений и соблазнов очищала его душу поэзия Пушкина, Некрасова, Блока, Есенина, Ахматовой, Рубцова, Тряпкина, Мандельштама! Как защищала от губительного облучения пошлостью и цинизмом проза Тургенева, Бунина, Шмелёва, Булгакова, Шолохова, Шукшина, Липатова... При этом далеко не всегда литература воздействовала на реальность непосредственно самими своими текстами, иной раз уже одно только имя писателя или моменты его биографии работали сильнее, чем все его сочинения. Высказывания Льва Толстого, остроты Светлова и Олеси, слухи о скандалах Есенина, мифы о телефонных звонках Сталина Булгакову и Пастернаку, пересказы эпизодов писательских посиделок в ресторане ЦДЛ, ореол пророка-изгнанника над судьбой Александра Солженицына, легенды о судимости Высоцкого, негативная реакция властей на творчество или поведение отдельных авторов, информация о гонениях и репрессиях в адрес тех или иных писателей, а также множество других «побочных» сторон текущего литературного процесса оказывали не менее активное влияние на формирование общественного сознания, чем закручиваемые писателями в их книгах метафорические сюжеты и высказываемые их персонажами идеи. Одно только имя Пушкина вот уже двести лет, подобно спасительному озоновому щиту, защищает собой нашу культуру от бомбардирующего её излучения западной масскультуры с её неприкрытыми цинизмом, пошлостью, порнографичностью, бездуховностью, отсутствием социальной значимости и всё более обзаводящимся крепком в сторону греха и сатанизма. И всему этому откровенному негативу (если не сказать – ужасу) противостоит даже не столько поэзия Пушкина, сколько веками сохраняющаяся в подсознании русского народа память о его лёгком, светлом, воздушном и радостном имени, входящем в нашу жизнь со сказкой о рыбаке и рыбке и строчками удивительных стихов про бой Руслана с вызывающей одновременно и трепет, и ужас, и сострадание Головой...

Нынешние наноразработчики только нащупывают те чудодейственные технологии, которые со времён древнерусского летописания сознательно или бессознательно, но на полную мощь использовала наша великая литература, не только совокупной идейно-содержательной массой всех саккумулированных в ней произведений, но и отдельными моментами, отзвуками и проекциями литературного процесса, точно мельчайшими наночастицами, влияющая на формирование и развитие отечественной истории. Если бы не это её влияние на нашу реальную жизнь, то всё, сказанное выше, так и осталось бы не более как любопытными и забавными наблюдениями в духе какого-нибудь занимательного науковедения или сравнительного литературоведения. Но трезвый взгляд на историю русской литературы от её появления до сегодняшней поры показывает, что слишком многое из того, что случалось в нашей стране и мире за прошедшие тысячелетия, сначала было предсказано и описано на страницах литературных произведений.

Эпиграфом к разговору о провидческой (или даже – всевидческой) функции литературы лучше всего подошли бы строчки того же А. С. Пушкина из его «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях» – те, где новая жена царя беседует с волшебным зеркалом, вопрошая его: «Свет мой, зеркальце! скажи да всю правду доложи», – и не только потому, что здесь перед нами снова всплывает такая разновидность нанослая, как покрывающая тыльную поверхность зеркального стекла амальгама, а потому, что за литературой давно уже замечено это присущее пушкинскому зеркальцу сказочное свойство – показывать то, что ещё только завтра станет нашей исторической явью. В трудах не одного поколения литературоведов уже не раз говорилось о том, что русские народные (и созданные на их основе литературные) сказки предвосхищают многие технические изобретения последующей поры, за десятилетия, а то и за столетия вперёд предсказав такие изобретения, как автомобиль (Емелина самодвижущаяся печь, сани-самокаты, шагающие избы и т. д.) и воздушный лайнер (ковёр-самолёт). К этому же ряду можно отнести и изображённое поэтом зеркальце, удивительная способность которого транслировать изображение на большие расстояния позволяет увидеть в этом образе предсказание сегодняшнего телевидения.

Есть в истории литературы и более конкретные, а потому и более впечатляющие примеры того, как творческое воображение писателей предупреждало читателей о ещё не наступивших событиях отдалённого будущего. Так, например, в 1898 году малоизвестный американский писатель Морган Робертсон написал книгу «Тщётность», в которой описывался первый рейс некоего вымышленного океанского

лайнера «Титан» водоизмещением в 75 тысяч тонн и длиной корпуса 250 метров. Двигаясь в водах Северной Атлантики с помощью трёх винтов при скорости 25 узлов, этот корабль сталкивается с айсбергом и идёт на дно, а три тысячи его пассажиров тонут из-за того, что на корабле было только 24 спасательные шлюпки и на всех пассажиров их не хватило.

А через 14 лет в своё первое плавание отправляется трёхвинтовой пассажирский лайнер «Титаник» водоизмещением в 66 тысяч тонн и длиной корпуса 260 метров. Плывя со скоростью 23 узла, он налетает на айсберг и идёт ко дну. На его борту оказывается только 22 спасательные шлюпки, поэтому большинство из 2200 пассажиров тонет. Эта трагедия произошла 14 апреля 1912 года.

По-своему пророческой можно считать и поэму Н. В. Гоголя «Мёртвые души», которая, по сути, предсказала появление той политической системы, что воцарилась у нас после 1917 года, когда живые люди с их реальными судьбами оказались почти напрочь заслонены от глаз власти некими мёртвыми канцелярскими списками; и точно так же, как Чичиков покупал и даже «переселял» в Херсонскую губернию существовавших лишь в виде фамилий на бумажных списках крепостных крестьян, так в 1920-е годы людей списками загоняли в колхозы, списками принимали в комсомол и в партию, списками представляли передовиков к правительственным наградам, премиям и почётным грамотам, и списками же расстреливали и отправляли на Колыму.

Таким же беспощадно точным прогнозом оказался и роман Ф. М. Достоевского «Бесы», в котором им была описана кровавожадная природа социалистической революции, за осуществление которой, по его прогнозам, России потребуется заплатить не менее ста миллионов жертв.

Похожие на эти весьма точные предвидения будущего можно отыскать также в произведениях и других авторов – фантастов, реалистов, поэтов и т. д., хотя все они, скорее всего, только интересные моменты их личного творчества, свидетельствующие об их индивидуальной прозорливости или некотором даре провидчества. Гораздо важнее для нас не способность отдельных авторов к угадыванию каких-то конкретных эпизодов будущего, а сам факт наличия отчётливой причинно-следственной связи между наблюдаемыми в определённый момент времени тенденциями развития литературы и проявляющими себя через несколько лет после этого в реальной жизни тенденциями общественно-экономического и политического развития государства. И, судя по некоторым признакам, литература не просто предсказывает грядущие пути развития общества, но даже формирует и предопределяет их. А значит, благодаря наблюдениям за литературным процессом можно не только знать, куда повернёт

завтрашняя история, но и самим влиять на ход её развития, уже сегодня воздействуя на развитие текущего литературного процесса.

4

Ещё В. В. Розанов озвучил мысль о том, что именно в литературе, вокруг литературы и посредством литературы готовились все исторические преобразования и перемены в России, все социальные сдвиги и перевороты, все культурные проекты, все философские, религиозные, этические, эстетические и научно-практические теории. По тому, как развивался литературный процесс, можно было судить о тенденциях развития всей русской истории, что и отслеживали в своих статьях такие литературные критики, как Добролюбов или Белинский. Поэтому их работы столь сильно политизированы и относятся не столько к разряду изящной словесности, сколько – общественной мысли.

Посмотрим на самый близкий нам как по времени, так и по актуальности пример воздействия литературы на текущую реальность, проявивший себя в последние годы под видом мирового финансового кризиса.

Ключевым словом при анализе причин обрушения ведущих банков мира стало многократно и повсеместно употребляемое всеми в эти дни, весьма трудно объяснимое слово «деривативы», в упрощённом виде означающее собой некую разновидность вторичных финансовых документов, используемых в сделках, не связанных напрямую с куплей-продажей, в основном для страхования рисков и извлечения дополнительной прибыли.

Понятнее всего высказался о деривативах известный нью-йоркский журналист и писатель Михаил Идов, сказавший, что «игра на деривативах есть заключение пари об исходах пари, заключаемых кем-то другим». Таким образом, на рынке производных успех подавляющего числа банковских операций по спекуляции деривативами оказался зависим не от развития собственного дела, а исключительно от чужого успеха. Или – от чужого провала...

На деле вся эта практика обернулась тем, что главным объектом межбанковской торговли в последние годы стали, грубо говоря, почти сплошь только одни долговые обязательства, векселя и расписки, гарантирующие выплаты огромных сумм при осуществлении неких фантастических условий, ни в малейшей степени не зависящих от выдающего эти расписки поручителя. Это привело к тому, что вместо реальных денег сейфы ведущих банков мира переполнились горами пустых бумажек, не подкреплённых ни малейшими реальными ценностями, самих настоящих шулерских «кукол», не стоящих ни единого цента, но до поры до времени приносящих доходы их продавцам и покупателям. На торговле такими финансовыми «куклами»-пустышками и дер-

жалась мировая финансовая система последнего времени, всё больше превращаясь в огромную всепланетную «пирамиду» сродни пресловутой мавродиевской «МММ».

Те, кто одновременно с анализом финансового кризиса 2008–2010 годов взялись бы по какой-либо причине изучать особенности ещё и литературного процесса десятилетней давности, были бы немало удивлены полнейшим сходством того, что происходило в двух этих, весьма далёких, на первый взгляд, друг от друга, областях человеческой деятельности. Они бы увидели, что литература конца 1990-х годов – это время воцарения постмодернизма, творческого метода, который практически совершенно перестал создавать литературные тексты, имеющие хотя бы какую-то самостоятельную идейную, социальную, философскую или художественную ценность. Практикуемая им методика сотворения произведений заключалась почти исключительно в повторном использовании тех текстов, которые были созданы писателями предшествующих поколений. Оттуда беззастенчиво брались чужие литературные герои и сюжеты, которые облекались в язык сегодняшних жаргонизмов и таким образом как бы обретали свою самостоятельную ценность. Оттуда, из книг Толстого, Достоевского, Чехова и других предшественников, выдёргивались десятки сотворённых классиками художественных образов и цитат, которые маскировались в гуще нового произведения и, как котлеты в тесте (*котлеты в тексте*), преподносились затем читателю.

Не производя никаких реальных эстетических ценностей, литература постмодернизма и примыкающих к ней коммерческих направлений только бесконечно закладывала и перезаклаживала в банк читательского доверия взятые ею под заведомо невозвратимые проценты акции литературы прежних лет, выжимая себе на её бесконечном опошлении и обихихивании максимально возможные на то время дивиденды.

Однако не подкреплённые никакими живыми чувствами, глубокими философскими идеями, важной социальной тематикой и подлинным психологизмом сюжеты постмодернистов и других представителей российской литературы коммерческого направления конца XX века только обесценивали литературное творчество, превращая создаваемые с его помощью произведения в испачканную никому не нужными буквами бумагу, переводя его из категории вечного капитала в не обеспеченные никакими реальными средствами векселя и акции и ведя тем самым этот род искусства к неизбежному банкротству.

По сути дела, это именно писатели, а вовсе не финансисты, начали производить на свет такой виртуальный продукт, как деривативы, когда вместо написания собственных высоко духовных и глубоко идейных книг они стали выпускать сплошь со-

чинения-пустышки, этакие литературные «куклы», иронически обыгрывающие произведения других авторов, а вместо реальных художественных, идейных, нравственных или эстетических ценностей стали преподносить читателю только бледные копии этих категорий в виде растыканных среди интертекста скрытых цитат из классики либо разбросанных по гипертексту ссылок на первоисточники. Перегрузив книжный рынок России сплошными литературными «деривативами», постмодернизм превратил великую русскую словесность практически в абсолютно неликвидный товар (наличие 5–10 успешных авторов вроде Донцовой или Акунина являются исключением из правила и на общую картину не влияют), обанкротив тем самым один из самых надёжных и прибыльных родов искусства.

И ладно бы, если бы переключка между развитием финансового кризиса 2008–2010 годов и текущим литературным процессом второй половины 1990-х (и тот и другой обанкротили себя переизбытком не подкреплённого никакими реальными ценностями капитала, один – банковского, другой – литературного) была единичным совпадением, которое можно было бы считать просто занятным сходством, так ведь нет – литература на протяжении многих лет и веков как бы упреждает ходом своего развития те тупики и повороты истории, которые спустя 10–15 лет становятся реальной судьбой России. Так, например, явление декадентов-символистов в русской литературе конца XIX века аукнулось России через неполных два десятилетия революцией 1905 года, а проклюнувшийся в 1910-е годы из бурлюковского «Приказа» и хлебниковских «Смехачей» российский футуризм предуготовил своими бунтарскими токами приход революции 1917 года. Или же вспомним предельно жёсткие стихи поэтов-романтиков первых послереволюционных лет, ну хотя бы самого молодого и яркого среди них, Павла Васильева, с его кошунственными и страшными призывами: «Чтобы республика зацвела, щедрой рукою посеи свинец», «Пусть он отец твой, и пусть он твой брат, не береги для другого заряд... Если припомнишь, что пел коростель – крепче бери стариков на прицел», «Саблею небо руби сплеча, чтобы заря потекла по ней!..» Такие самоубийственные накликанья беды и крови не могли не запрограммировать себя в реальной жизни, что и явилось в последовавших в 1930-е годы репрессиях, не в последнюю очередь ударивших и по самим писателям.

В истории нашей страны слишком явно видно, как течение литературного процесса предваряет собой наступление реальных событий, причём, как мы уже говорили, не только повторением в реальной жизни сюжетов конкретных произведений, но в не меньшей степени и самим характером развития литературного процесса. Скука и однообразие в творчестве советских писателей брежневской поры

материализовались через какое-то время застоём в экономике и политике, а бунтарство литературного авангарда и постмодерна завершились перестройкой и разрушением СССР.

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, как *слово*, эта мельчайшая и на первый взгляд весьма незначительная сама по себе частичка пульсирующего мира, способно влиять на развитие событий и даже менять ход истории. Ведь ещё апостол и евангелист Иоанн раскрыл нам в первой строке своего Евангелия знаменитую формулу развития мировой истории: «В начале было Слово», дав нам вместе с ней ключ к пониманию того, что это именно оно, *слово*, подобно обнаруженным в атмосфере наночастицам, отражающим солнечные лучи и влияющим на изменение климата, является главным двигателем исторического процесса. А уж влияние всей мировой литературы в совокупности на эволюцию человечества оказывается мощнее и загадочнее самых изощрённых нанотехнологий.

Надо сказать, что «тень нанотехнологий» на мировой культуре и литературе замечалась уже давно, однако, несмотря на поразительное сходство их характеристик, они рассматривались обычно как абсолютно самостоятельные области с индивидуальной природой, хотя при этом и допускалась возможность их случайного или целенаправленного взаимодействия. По словам автора статьи «Нанотехнологии и культура» Катерины Хайлес¹, «нанотехнологии в настоящее время могут играть значительную роль в культуре общества. Они не содержат практически никаких новых теоретических знаний, однако совместное рассмотрение результатов из различных областей естественных наук в сочетании с применением самых современных приборов даёт синергетический эффект и приводит к тому, что наука выходит на новый междисциплинарный уровень...».

В этом ряду находится, на мой взгляд, и рассмотрение литературы как одной из разновидностей нанотехнологий, что, казалось бы, очевидно говорит о необходимости и целесообразности системного изучения её свойств с учётом этого неординарного фактора. Ведь если литература влияет на нашу жизнь и историю, как наночастицы влияют на атмосферу Земли и её климат, то почему бы нам не влиять на развитие литературного процесса и не корректировать с его помощью ход мировой или хотя бы нашей отечественной истории? Думаю, это стоит того, чтобы наряду с лабораториями современной физики и химии открыть при создающемся ныне научном центре в Сколково также и лабораторию современной литературы...

г. Москва

¹Hayles N. Connecting the quantum dots: Nanotechnology and culture // Nanoculture: Implications of the New Technoscience / N. Hayles. – Bristol, UK: Intellect Books, 2004. – P. 11.

Влад РИВЛИН

РАЗМЫШЛЕНИЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В Израиле я живу 20 лет – для человеческой жизни срок огромный. Так что времени осмыслить и переосмыслить события собственной жизни и окружающей меня действительности было в моем распоряжении предостаточно.

Начало девяностых прошлого века... Развал Союза и сотни тысяч иммигрантов, хлынувшие в Израиль в этот период. За каких-нибудь два года Израиль получил нежданный-негаданный и самый дорогой подарок судьбы за всю свою историю.

Иммигранты из СССР позволили Израилу нейтрализовать демографическую угрозу со стороны палестинцев – причину постоянного страха израильских элит и поборников государства только для евреев.

А еще массовая иммиграция советских евреев сказочно обогатила многих уроженцев страны и старожил.

В то время на эмиграции из СССР обогащались все, кто мог. Это был звездный час квартирных мажоров, всевозможных подрядчиков и спекулянтов. Рынок труда превратился в рынок рабов – рабочих мест на всех не хватало, и масса людей, прибывших в страну со ста долларами в кармане (на человека), вынуждены были соглашаться на любую работу и на любых условиях, а Израиль стал государством с самыми образованными дворниками, мойщиками посуды, чернорабочими и сиделками. Дешевая рабочая сила из бывшего СССР позволила избавиться местным работодателям от палестинцев. Платить «русским» можно было не больше, чем арабам, а эксплуатировать и обманывать их – не рискуя при этом получить удар ножом.

Сытые, самодовольные физиономии чиновников в министерствах и ведомствах, хамство лавочников, рыночных торговцев и всяких хозяйчиков, убогая архитектура и крайне низкий уровень культуры – таковы были мои первые впечатления от встречи с новой страной.

Это был шок, после которого началось отрезвление. Этому отрезвлению способствовала окружавшая нас убогая действительность, которая предстала в полном противоречии с панегириками

в адрес Израиля – «передовой, европейской во всех отношениях страны, единственной демократии на Ближнем Востоке», которые мне часто приходилось слышать до отъезда. Убогая колониальная архитектура (помню, в какой шок привела меня старая автобусная станция в Тель-Авиве) и совершенно не европейские манеры уроженцев страны, предпочитавших, от министра до рыночного торговца, застиранные майки, шорты, больше похожие на семейные трусы, и сандалии на босу ногу. Они не стеснялись чесать себя в интимных местах, находясь на людях, а там, где жили, всегда держали двери в свои квартиры открытыми, и те, кому «посчастливилось» жить с ними в одном доме, были вынуждены с утра до глубокой ночи дышать сигаретным дымом, слушать их громкую речь и такую же громкую и навязчивую восточную музыку.

До других им, похоже, дела не было, поскольку людьми они считали только себя. Соседи, собравшись возле дома, громко разговаривали, грызли семечки, заплевывая узенькие дорожки, а их дети в это время шумно резвились на пустырях возле домов, планировавшихся кем-то и когда-то как палисадники. В перерывах они справляли нужду там, где им было удобно, а удобно им было везде. Часто они усаживались прямо на ступеньках лестницы, так, что соседям, для того чтобы выйти из дому или попасть в свою квартиру, приходилось просить их потесниться.

123 Говорить что-либо детям или их родителям было себе дороже: любое замечание они воспринимали как покушение на свою свободу и жестоко мстили нарушителям. Как правило, остракизму подвергались старики, не знавшие местного наречия, но пытавшиеся изменить существующие порядки. Месть принимала самые разнообразные формы: от разбитых окон до постоянной травли, когда дети и подростки шли за жертвой буквально по пятам, выкрикивая ей вслед оскорбления и бросая в спину мелкие камни.

При этом все они – и дети, и взрослые – свято соблюдали субботу, кашрут и все религиозные праздники, входя в дом, первым делом целовали мезузу, а на День Независимости вывешивали на своих окнах бело-голубые флаги со звездой Давида.

Но это не главное. С первых дней своего пребывания в Израиле я был поражен силой ненависти к нам, царившей в израильском обществе. Навсегда мне запомнилось, с каким презрением и злорадством произносились здесь слова «Русия» и «русим».

А ведь сколько было говорено об антисемитизме до отъезда! «Здесь нас будут ненавидеть всегда, а вот в Израиле...»

В Союзе мне приходилось сталкиваться с проявлениями антисемитизма, но так, как в Израиле, меня еще нигде не ненавидели!

Помню, как в раввinate молодой раввин в течение часа с пристрастием иезуита допрашивал меня, пытаясь выявить обман в моих ответах и добыть доказательств моего нееврейства: кто может подтвердить твоё еврейство? Как звали твою бабушку со стороны матери? Что написано на могиле твоей прабабушки?

Знал ли этот самодовольный чиновник от религии хоть что-нибудь про историю советских евреев? Что довелось им пережить во время войны?

Вряд ли это его вообще интересовало.

Антисемитизм в Союзе был. Но все члены нашей семьи получили высшее образование, которое в нашей семье считалось нормой, и после окончания вуза работали в соответствии с полученной профессией. Кто-то добился больше, а кто-то – меньше. Но никого из нас после окончания вуза не отправляли работать дворником или чернорабочим.

В Израиле ни наше образование, ни наш опыт оказались никому нужны. В нас видели лишь замену дешевой рабочей силы палестинцев с оккупированных территорий, разнорабочих, сиделок, охранников...

Мне довелось работать и на уборке, и на стройке, и в теплицах. Оплата везде была либо минимальной, либо меньше минимума. Многое мне довелось изведать за время моих трудовых будней в Израиле. Не раз я видел, как люди падали в обморок в теплицах и цехах. Жара летом – невыносимая, работали по 10–12 часов. В парниках температура была летом стабильно под 50. Не все выдерживали.

Соседка, тридцатилетняя женщина, работавшая со мной в парниках, за год поседела. Но тогда, чтобы получить эту работу, мы вставали затемно, в три часа утра бежали в центр города (машин тогда ни у кого не было), чтобы успеть на работу в теплицы.

Потом многое изменилось, и немало людей из числа иммигрантов все-таки восстановили свой прежний статус врачей, учителей, инженеров, ученых. Но еще больше было тех, кто так и не смог этого сделать. И не их вина в том, что образование, опыт и творческий потенциал этих людей оказались никому не нужны в Израиле. Кто-то вернулся обратно, кто-то решил на повторную эмиграцию. А кто-то смирился со своей невостребованностью ради семьи, ради детей...

Лично мне помогли выжить образование и опыт работы, полученные в СССР, где меня учили не только специальности. В первую очередь меня учили самостоятельно мыслить, развивали во мне критическое чутье, готовили из меня ученого, а не ремесленника...

Мне очень повезло, что я учился в СССР. Таких учителей, как в Союзе, которые вкладывали в свой труд не только собственное время и опыт, но и душу, я, увы, в Израиле не встречал.

Новая действительность стала для меня толчком к переосмыслению моих взглядов на жизнь.

Особую роль в этом сыграла работа с палестинскими арабами.

Полностью избавиться от палестинской рабсилы израильским подрядчикам в то время так и не удалось, и благодаря этому мне довелось с ними работать.

Мы делали одну и ту же работу и находились примерно в одинаковых условиях.

За время нашей общей работы я многое узнал о своих палестинских собратьях. У большинства из них были большие семьи. «Мои дети едят только хлеб, – однажды просто сказал мне один из рабочих, – и круглый год ходят босиком». Этот человек не был лентяем, но тех денег, которые он зарабатывал, не хватало, чтобы содержать большую семью с десятью детьми. Становясь старше, дети работали вместе с родителями.

Значительную часть заработанных денег рабочие-палестинцы тратили на проезд. Выезжали из дому затемно и затемно же возвращались. Чтобы утром попасть на работу в Израиль, они часто подолгу ждали на контрольно-пропускных пунктах, нередко подвергаясь унижительной проверке.

Они, эти рабочие, очень мало походили на террористов, которыми нас повсюду пугали. У этих людей были совсем другие проблемы: как прокормить свои семьи, а вовсе не то, как кого-то убить или взорвать.

Узнав этих людей получше за время нашей совместной работы, я сделал для себя интересное открытие: палестинские рабочие, с которыми у меня зачастую не находилось общего языка, оказались мне ближе, нежели еврейские подрядчики.

В конце концов я пришел к убеждению, что с рабочими, будь то палестинцы, евреи или русские, мне делить нечего!

Мне часто доводилось отстаивать свои взгляды, споря с теми, кто позиционирует себя в качестве «истинных патриотов Израиля».

– Разве там у вас были такие машины?! – не раз патетически вопрошали меня эти люди. – У вас ведь там не было всего того, что вы имеете здесь!

Да, у нас действительно не было многого из того, что есть сейчас. Но все, что мы имеем, стало результатом тяжелого труда, а вовсе не чьей-то милости.

Но это не главное. У нас было нечто очень важное, чего нет теперь.

В Союзе профессора, врачи и инженеры не подметали улицы, и там я чувствовал себя человеком.

И еще, без подрядчиков по трудоустройству и квартирных маклеров, без еврейского местечка с его убожеством мне жилось гораздо лучше.

Такие выводы я сделал для себя в первые годы моей жизни в Израиле и не собираюсь отказываться от них и сегодня.

И хотя за время своей жизни в Израиле я полюбил мудрость древнего иврита, самобытную иврит-

скую культуру – уникальное явление, оставшееся, к сожалению, незамеченным даже многими уроженцами страны, не устаю восхищаться удивительной природой и историей этой древней земли, да и многие события в повседневной жизни воспринимаю равнодушно, либо с радостью, либо с досадой, выражая свое возмущение или одобрение, потому что это уже мое, я не намерен отказываться от того, чему меня учили и воспитывали во мне с детства.

Поэтому я осознаю себя не просто евреем, а советским евреем – потомком тех, кто строил и защищал великую страну. Причем сначала советским, а потом уже евреем.

В общем, действительность все расставила по своим местам.

Израиль

**Надежда
КУДРЯВЦЕВА-КУЗНЕЦОВА,**
член Союза журналистов России

ДОЛЖНА ПОЯВИТЬСЯ «МОДА» НА ЧИСТУЮ РУССКУЮ РЕЧЬ

*Обращаться со словом
нужно честно, оно есть высший
подарок Бога человеку.*

Н. В. ГОГОЛЬ

Состоянием современного языка вообще и русского языка в художественной литературе обеспокоены многие: и сами участники литературного процесса – писатели и журналисты, филологи и литературоведы, учителя школ, преподаватели вузов, и Русская Православная Церковь...

Так, 23 апреля 2011 года в Кемерове (ещё в 10 городах России и в Бостоне) прошла акция «тотальный диктант», направленная на оценку знаний русского языка участниками. И что же оказалось? Из 4 770 человек, принявших участие в написании диктанта, пятерки получили только 1,3 %, четверки – 11,6 %, на оценку «три» написали 25,5 % участников, а большинство – это 61,1 % – получили «два». Кстати, в Кемерове из 610 кузбассовцев разных возрастов и профессий «пять» получили всего четыре человека, 33 человека получили «четыре», а вот 476 участников получили «два».

Писатели давно бьют тревогу по этому поводу. Русскому языку недостаточно уделяется внимания в школе. В газете «Советская Россия» приведен

пример, что количество часов, отведённое на русский язык, составляет в год 204 часа (в то время как на иностранный отводится 408). «Положение центрального предмета в школе – русского языка – катастрофическое, языковая среда СМИ ежедневно усугубляет его... Русский язык находится в самом плохом положении среди всех школьных гуманитарных дисциплин».

В этой же статье приведено в пример отношение к своему национальному языку во Франции. В 1994 году министр Франции Жак Турбон, принимая закон «Об употреблении французского языка», сказал: «Депутаты Национального собрания и сенаторы отдают себе отчёт в важности языковой проблемы во Франции. Они поняли, что язык является одним из основных элементов исторического наследия страны, цементирующих национальное единство и социальную интеграцию». Т. В. Головкина, учёный-филолог, говорит: «Жизнеспособность общества соответствует его языковому состоянию. Поэтому вопрос о языке – политический». Именно с языком связана «нормальная жизнедеятельность человека и народа», также и защита общественных и государственных интересов.

Значит, государство должно (только оно и может!) эффективно отрегулировать все вопросы в области культуры и просвещения.

Кузбасский писатель Михаил Анохин пишет: «Надо помнить: у человека, как и у народа, вначале отнимают его язык, то есть вынимают душу, а хребет ломают потом».

Семён Иванович Шуртаков, известный писатель, призывает «заслоном встать против чужезычного урагана». Он говорит, что «русский язык по-прежнему затаптывается, исконно русские слова без всякой необходимости заменяются чужезычными». Приводит пример, что в Москве есть много рекламных щитов на иностранном языке, чаще английском. А радио и телеэкран что несут нам: «мы позиционируем свой бренд в секторе хай-милд-класса». Это речь о каком-то дорогом кофе? «О народе мы судим прежде всего по его духовному вкладу в общечеловеческую культуру, – говорит С. И. Шуртаков и подчеркивает: – Я не знаю в мире ничего более достойного и великого, чем русская литература». Он призывает: «Согласитесь, надо всю культурную политику в стране коренным образом менять».

«Заниматься сбережением родного русского языка» призывают и другие писатели и поэты. В своей статье «Русский язык – крепь России» Борис Бурмистров, председатель Кемеровского отделения Союза писателей России, пишет: «Все вопросы русского языка и рассматриваемые нами связаны одной нитью: это просвещение в школах, вузах, это наши СМИ, это литература, это, в конце концов, политика государства». И отношения к родному слову

должно быть бережным. Не надо загрязнять язык «нечистотами»: матом, бранью, хулой, заимствованием необязательных иностранных слов, словами-паразитами, неправильным произношением слов...

Б. Бурмистров спрашивает, чем могли обогатить наш русский язык такие слова, как: бабки (деньги), байк (мотоцикл), башлять, шейпинг, хавальник, ништяк, пиарить, ксивник, китчмен, татуаж, репер, бойфренд и др. И если произведения авторов пропитаны «недобрым словом, бранью, пошлостью», достойны ли такие авторы звания писателя?

Другой кузбасский автор, Александр Гзогян, говорит о преемственности: «Язык, письменность – если не единственные, то главные средства, через которые реализуется преемственность поколений и исторических эпох. История каждого языка неотделима от истории народа, владеющего им». Автор статьи задает вопросы о «целесообразности» внедрения английских слов в русский литературный язык. Он считает, что иностранные слова не просто «засоряют», а зачастую способствуют переводу языка (например, такое слово, как «твиттер» (щебетать, чирикать) с уровня более высокопонятийного на более низкий – бытовой уровень «с урезанной и искаженной смысловой нагрузкой». Внедрение иноязычных слов «выхолащивает душу» нашего родного русского языка.

Не только в печатном слове, но и на радио, в общественном национальном проекте «Русские XXI века» люди часто говорят о недостойном отношении самих русских к слову: «сквернословие жуткое». Сквернословие проникает и в произведения литераторов.

«Немалый вред приносит пустое, а нередко и гнилое слово писателей, которые опускаются, как мы знаем, до самого вульгарного сквернословия, опустошая тем самым душу людей». Это слова из речи Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Кафедральном соборе Храма Христа Спасителя. Он с болью говорил о том, что в настоящее время в литературе преобладают тексты «весьма сомнительного содержания и ценностной ориентации» и что именно сейчас «очень важно, чтобы был создан некий институт, где высоко оценивалась бы роль писателя, который ставит задачу содействовать своим творчеством возвышению человеческой личности». Во все века общество воспринимает писателей как «умнейших людей эпохи», поэтому книжные тексты, как и СМИ, сегодня влияют на духовную и интеллектуальную жизнь общества, а слово писателя всегда находит в обществе своих подражателей. На что Патриарх Кирилл привел слова святителя Григория Богослова: «Равно худы и негодная жизнь, и негодное слово. Если имеешь одно, будешь иметь и другое».

К сожалению, не только в печатном слове, но и в Интернете, на сервере «Стихи.ру» и других, публикуют свои произведения авторы, а некоторые из них не

желают «фильтровать свой... порою мутноватый словесный поток». Действительно, очень мягко написал в своей статье «санитар поэтического леса».

И если известные писатели и поэты имеют (какую-то!) совесть, изображая мат в тексте буквой и точками (например, А. Дементьев), то молодые авторы предельно откровенны.

О чём пишут молодые авторы? Какой у них язык? Приведём примеры. Победитель областного состязания молодых поэтов: «Кемерово – город поэтов-2010», занявший первое место, пишет: «Сами мы давно уже не те, / В свете мониторов мы – лишь тени. / Так, под скрип модемов в темноте, / Всё моё погибнет поколение»... и далее: «Целый день я мотаюсь – успеть и туда, и туда. / Я работаю на две работы, учусь в институте, / Для детей, которых я не заведу никогда, / Потому что любви у меня на них нет и не будет».

Девушка же, занявшая второе место, ниспровергает идеалы, которым поклонялся весь цивилизованный мир: «Сдохни, Ева, / Независимой лошадию и быком! / В щепки древо! / Докажи, что Адам был черновиком!» Но верхом попирания, осквернения, даже святотатством я считаю другие строки: «Сдохни, Мадонна, / Жри героин, чтоб стать героиней! / Распят нерожденным, / Пусть Божий Сын твоё чрево покинет...».

А какой русский язык у этих псевдопоэтов: «очнись на востоке, беспечный гайдзин, / отведай сакэ, обездоля апельсин, / и вторгнись, как в задницу – клизма, / в безмозглую бездну буддизма». Какими принципами руководствуются здесь редакторы журнала?

Опошляют, оскверняют духовные ценности. Да, ещё за это получают титулы «поэтов». Это что же, от оскудения словарного запаса или от душевной нищеты написано такое: «Сдохни, Асоль... Сдохни, Жанна-д'Арк... Сдохни, Мадонна...»?

Сквернословие и мат не просто проникают в литературу, а утверждаются в ней как хозяева. Ненормативная лексика почему стала возможной в печатном слове? В статье «Утомлённые грамотой» на вопросы о современном состоянии русского языка отвечает доктор филологических наук, директор Института лингвистики РГГУ Максим Кронгауз. Он констатирует: «То, что случилось за последние, наверное, лет двадцать, – настоящая катастрофа для языка... Ненормативная лексика была опасным оружием, а превратилась в грязь, покрывающую нашу речь». Он говорит, что если раньше мы все читали одни и те же произведения (Ильфа и Петрова, братьев Стругацких, Окуджаву и др.), то теперь «при общении со своими студентами я поражаюсь несовпадению наших с ними базовых знаний... Мы потеряли общее поле, на котором существовали». Молодые люди не могут знать одни и те же тексты, поэтому «почти не осталось

точек соприкосновения не только между представителями разных поколений, но и между сверстниками». Что же это, как не потеря нашего великого, могучего русского языка новым поколением? Доктрина Далласа сделала своё дело?

В России проводятся конференции, посвященные мату, толерантности в языке, печатают словари «Русский мат»... А что пишет молодежь «ВКонтакте», в Интернете!

Слово. Русское слово. Великое русское слово... Знаменитый В. М. Бехтерев утверждал, что «через слова, жесты и движения окружающих лиц происходит взаимная психическая заражаемость». Слова имеют великую силу. Слово «вторгается в психическую сферу, как тать, и производит в ней роковые последствия». Это слово может «прорасти мнением, решимостью, мировоззрением».

Известный российский писатель Сергей Кара-Мурза говорит, что слова – это «зародыши образов» и с ними надо обращаться почти как с живыми существами. А «язык как система понятий слов (имён)... есть самое главное средство подчинения». СССР победил в Великой Отечественной войне, вернувшись к «исконному» языку. А «новояз» – специально изобретённый язык, который используется с целью «программирования поведения» людей. Почему такая борьба идёт за школу, потому что «она даёт детям язык, и его потом трудно сменить».

В словаре Владимира Даля сказано: «Слово есть первый признак сознательной разумной жизни; Слово слову рознь; Словом Господь мир создал, Словом Иуда предал Господа; Не шути словом; Слово пуще стрелы разит; Что слово, то и дело».

Сегодня Библию называют «Памятником древней культуры». В переводе с арамейского языка «слово» – это синоним слова «Бог». В Библии также сказано: «Земля и небо пройдут, а слова мои не пройдут», и ещё: «За каждое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда. Ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься».

Великие русские поэты знали и чтити СЛОВО. Николай Гумилёв в своём стихотворении «Слово» пишет о его творческой силе: «В оный день, когда над миром новым / Бог склонял своё лицо, тогда / Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города»... И завершает своё стихотворение так: «Но забыли мы, что осиянно / Только слово средь земных тревог, / И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово это – Бог».

Анна Ахматова в своём стихотворении «Мужество» в страшную годину фашистского нашествия верит в победу нашего народа, в силу русской речи, в её чистоту и свободу: «...мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово. / Свободным и чистым тебя пронесём, / И внукам дадим и от плена спасём / Навек!»

Слово свободное... Слово чистое... В городе Ке-

меров проводится социокультурная акция: «Чистому городу – чистое слово».

Чистая русская речь, чистое слово и культура – есть ли связь между ними? В словаре Ожегова сказано: культура – возделывание; речь – звучащий язык; чистый – освобожденный от грязи, не имеющий грязи. Значит, можно сказать, что чистый – это культурный, возделанный, очищенный.

Культура слова и культура речи важны не только в образовании и воспитании как процессах, но и в средствах – книги, журналы и др. Художественно-литературные издания и СМИ отражают «состояние культуры и духовных устремлений народа». Именно литература и формирует и культуру, и эти устремления. Она формирует систему «ценностей, в которой живут люди».

Значит... Значит, наше отношение к литературе, к печатному слову должно быть бережным. Слово – чистым, а речь – свободной от пустословия, сквернословия, ненормативной лексики. Само по себе это не произойдёт. Для этого нужно предпринять следующие шаги.

Во-первых, русский язык – язык государственный. Его изучение должно быть поставлено на качественно новую ступень, потому что язык – это показатель культуры в обществе. Русский язык и великое русское литературное наследие должны изучать все студенты: в колледжах, техникумах, вузах...

Во-вторых, на всех уровнях нужно поддерживать и расширять акции: «Чистое слово», «Чистая русская речь», «Слово – великая сила» и др. Эту работу проводить не только в школах, гимназиях, вузах, библиотеках, но и в дошкольных учреждениях, формируя с детства бережное отношение к слову. Здесь необходима работа прежде всего с родителями, поскольку мы знаем, что семья даёт первый пример адекватного поведения в социуме и формирует родную речь и язык ребёнка.

В-третьих, при проведении культурных и научных мероприятий: конференций, симпозиумов, конкурсов – доверять работу не только профессионалам-специалистам (членам союзов писателей, журналистов, общественных организаций), но личностям с высокими моральными и нравственными устоями. Привлекать к работе с молодёжью ветеранов войны и труда, крепить связь поколений совместным участием в диспутах, встречах, обсуждениях, праздниках.

В-четвёртых, как сейчас в обществе полезно быть здоровым, так должна появиться и хорошая «мода» на чистое слово и чистую русскую речь. И, поскольку в СМИ и литературе нет цензуры, необходимо, чтобы происходило «самоочищение» русского языка и русской речи при участии редакционных и этических советов при издательствах и изданиях.

г. Кемерово

Николай НАСЕДКИН

ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ДОСТОЕВСКОГО КАК ЧЕЛОВЕК

Только я вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

1

О творчестве Достоевского написано огромное количество критических и литературоведческих работ. Все произведения писателя разобраны и исследованы многократно, а образы, созданные им, определены и объяснены. Можно смело предположить, что большинство грамотных, любящих литературу людей отчетливо и зримо представляют себе, кто такой несчастный «экспериментатор» Родион Раскольников, «положительно-прекрасный» князь Лев Николаевич Мышкин, старый сладострастник Федор Павлович Карамазов, добрейший Макар Алексеевич Девушкин или даже загадочный Николай Всеволодович Ставрогин... Трудно спорить с этими устоявшимися характеристиками героев Достоевского.

В этом плане вроде бы и личность скандально известного Подпольного человека давно уже охарактеризована. «Ближайший родственник» князю Валковскому, Свидригайлову, отцу Карамазову, Версилову — грязное, ужасное, циничное, безобразное, гадкое, отвратительное, низменное, дегенеративное, презренное, нравственно уродливое и с явными признаками патологии существо... Но и это еще не все. Как-то вошло в привычку у некоторых исследователей чуть ли не отождествлять Подпольного человека с самим Федором Михайловичем Достоевским. На это указывал еще известный исследователь творчества Достоевского Б. И. Бурсов:

«Достоевский, несомненно, прекрасно сознавал, на какой риск идет, выводя на свет божий подпольного человека. Это могли принять за отступление от принципов гуманизма. Действительно, в таком духе критика и писала о «Записках из подполья». В более

позднее время иные его исследователи, в частности, Л. Шестов, пели ему хвалу за то, будто своим отречением от прежних гуманистических идеалов он поднялся к новым художественным вершинам, еще неизвестным всей мировой литературе. По словам Шестова, «Записки из подполья» означали для Достоевского «публичное — хотя и не открытое — отречение от своего прошлого».

За Шестовым, превратно истолковавшим «Записки из подполья», последовала целая вереница советских исследователей. Это Л. П. Гроссман, А. С. Долинин, В. Л. Комарович. Принимая шестовское понимание замечательной повести Достоевского, они, в отличие от Шестова, отрицательно оценили ее: Гроссман увидел в ней произведение «эгоистического и аморального индивидуализма»; по мнению Долинина, она является «жесточайшей пародией» Достоевского на свои собственные идеалы, которые его вдохновляли в годы 40-е и в годы 60-е; Комарович же считал, что этой повестью Достоевский втоптал в грязь мечты о героическом служении человечеству².

Вообще же, ни на одно произведение писателя (исключая разве что роман «Бесы») не было столько злобных нападок со стороны критиков. Вот, к примеру, что мог написать один из «достоевсковедов» М. С. Гус: «Достоевский, создав «подпольного человека», обнаружил духовный и идейный ад в самом себе. Со страниц этой повести пахло таким духовным смрадом, таким цинизмом, что А. Суслова спрашивала его: «что ты за скандальную повесть пишешь» и называла «Записки из подполья» циничной вещью»³.

Перед нами — чрезвычайно яркий образец заданного, тенденциозного взгляда на произведение, и при этом дается ссылка на человека, который сам ничего не понял в этой повести. Мне кажется более объективным объяснение этого факта Е. И. Кийко, которая в комментариях к повести замечательно и удивительно тонко подметила, что «не будучи единомышленником героя, Достоевский наделил рассуждения его такой силой «доказательности», какой впоследствии отличались монологи Раскольникова, Ставрогина и братьев Карамазовых. Этот прием был столь необычен для современников, что даже искушенная в вопросах литературы и хорошо знавшая Достоевского А. П. Суслова не поняла его и, прочитав первую часть «Записок из подполья», писала их автору: «что ты за скандальную повесть пишешь... Мне не нравится, когда ты пишешь циничные вещи. Это тебе как-то не идет»...»

Широко известна характеристика, данная Подпольному человеку А. М. Горьким в выступлении на съезде писателей: «Достоевскому принадлежит сла-

² Бурсов Б. И. Личность Достоевского. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 199.

³ Гус М. С. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. М.: ГИХЛ, 1962. С. 242.

¹ Тексты Достоевского цитируются по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

ва человека, который в лице героя «Записок из подполья» с исключительно ярким совершенством живописи слова дал тип эгоцентриста, тип социального дегенерата. С торжеством ненасытного мстителя за свои личные невзгоды и страдания, за увлечения своей юности Достоевский фигурой своего героя показал, до какого подлого визга может дожить индивидуалист из среды оторвавшихся от жизни молодых людей XIX–XX столетий»⁴.

Но обличение Подпольного человека как мерзкого типа – это только одна сторона медали. С момента опубликования «Записок из подполья» в 1864 году, как уже говорилось, сразу же появилась тенденция у некоторых критиков сопоставлять героя повести с автором и говорить об этом как о само собой разумеющемся. Еще Н. К. Михайловский убежденно писал: «Подпольный человек не просто подпольный человек, а до известной степени сам Достоевский»⁵.

Сто с лишним лет эта мысль варьируется в критике, принимая окраску то сожаления (за Достоевского!), то презрения (к Достоевскому!), то явной злобы – достаточно вспомнить поздние письма Страхова к Толстому. А вот как патетически, с оттенком непонятого самобичевания еще сравнительно недавно писал один из печально известных советских литературоведов: «Перед лицом всего человечества мы должны признать роль самого Достоевского в этом моральном преступлении (речь идет об эпизоде с Лизой. – Н. Н.) тяжелой»⁶.

Очень интересно, мне кажется, обратить внимание на несколько противоречивую трактовку этого вопроса М. М. Бахтиным: «Гораздо труднее дать цельный образ собственной наружности в автобиографическом герое словесного произведения (ранее речь шла об автопортретах живописцев. – Н. Н.), где она, приведенная в разностороннее фабульное движение, должна покрывать всего человека. Мне неизвестны законченные попытки этого рода в значительном художественном произведении, но частичных попыток много; вот некоторые из них: детский автопортрет Пушкина, Иртеньев Толстого, его же Левин, человек из подполья Достоевского и др.»⁷.

Вот так, Подпольный человек есть автобиографический и автопортретный герой, такой же, как Николенька Иртеньев у Толстого, ни больше ни меньше. Можно было бы и не удивляться такому странному утверждению уважаемого литературоведа, если бы чуть раньше, в этой же работе, М. М. Бахтин не написал: «Самым обычным явлением, даже в серьезном и добросовестном историко-литературном труде, является – черпать биографический материал из произведений, и обратно – объяснять биографией дан-

ное произведение, причем совершенно достаточным представляется чисто фактические оправдания, то есть попросту совпадение фактов жизни героя и автора, производятся выборки, претендующие иметь какой-то смысл, *целое* героя и *целое* автора при этом совершенно игнорируется, и самый существенный момент – форма отношения к событию, форма его переживания в целом жизни и мира. Особенно дикими представляются такие фактические сопоставления и взаимообъяснения мировоззрения героя и автора: отвлеченно-содержательную сторону отдельной мысли сопоставляют с соответствующей мыслью героя...»⁸.

Я не собираюсь доказывать, что между Подпольным человеком и Достоевским нет ничего общего. Несомненно, что в этой повести (как и во многих других произведениях Достоевского) есть штрихи автобиографичности. Но обыкновенно утверждается, что герой похож на автора или близок ему, а вот четкой грани между ними вроде бы еще не проводилось. Вот и хотелось бы детальнее рассмотреть, так ли уж плох Подпольный человек и чем же он действительно похож на автора, а чем нет.

Наиболее (но не во всем) близки мне выводы, сделанные Б. И. Бурсовым в уже упоминаемой книге «Личность Достоевского». Трудно не согласиться, что все лица, созданные Достоевским, в *чем-то* близки его собственной личности, но отнюдь не тождественны с ней;

– что Подпольный человек совершает пакости не потому, что действительно так уж зол по натуре, а по гораздо более глубоким причинам;

– что в автопортрете героя много самонаговора, а это присуще было и самому Достоевскому;

– что много в самооплевании Подпольного человека нарочитости и показухи;

– что главный мученик в повести сам герой...

Но и Б. И. Бурсов, к сожалению, или оставил без внимания существенные черты образа Подпольного человека (ум, талант, гордость, стыдливость и пр.), или поставил акценты не там, где следовало (как, например, по поводу злосчастного эпизода с чаем).

2

Еще раз подчеркну, что в центре моего внимания – личность героя и вопрос о степени его близости к автору, поэтому такой важный момент в повести, как полемика с демократическим лагерем, не будет затрагиваться. Впрочем, с этой стороны все ясно и расхождений у критиков почти нет. Достоевский был «почвенник», имел серьезные претензии к теориям революционных демократов и высказал их в ряде своих произведений, в том числе и в «Записках из подполья».

Но, основываясь на этом, будет непростительной ошибкой считать, будто автор оттолкнул своего героя

⁴ Достоевский в русской критике. М.: ГИХЛ, 1956. С. 400.

⁵ Там же. С. 377.

⁶ Ермилов В. В. Ф. М. Достоевский. М.: ГИХЛ, 1956. С. 138.

⁷ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Вопросы литературы. 1978. № 12. С. 292.

⁸ Там же. С. 274.

и заговорил напрямую от своего имени, что все злобные выпады против Чернышевского и его сторонников произнесены самим Достоевским. Вот это-то и не принимают во внимание иные исследователи, а именно – неразрывную связь формы произведения с его содержанием. Как известно, «только в данной своей форме художественное произведение оказывает свое психологическое воздействие»⁹. Ведь невозможно представить «Записки из подполья» иначе, как в исповедальной форме. Ведись рассказ от третьего лица, и, бесспорно, получилась бы скандальная, циничная вещь с описанием беспричинных мерзостей и гадостей. Достоевский в подготовительных материалах так и намеревался назвать эту повесть – «Исповедь», придавая этому огромное значение.

Не нужно забывать, что Подпольный человек не просто человек, а – писатель. Существуют такие писатели-гомункулы в литературе: Белкин с его повестями, Печорин, написавший свой журнал, Чулкатурин, автор «Дневника лишнего человека», профессор Николай Степанович, создатель «Скучной истории»... Подпольный человек – из этого ряда. В целом и упрощенно это можно представить в виде матрешки, где «Я» героя полностью охватывается «Я» героя-автора: «автор» выводит в «Записках...» героя, который составляет лишь часть его сущности, он, «автор», знает о герое больше, и намного, чем знаем мы. Ведь когда человек пишет свой личный дневник, всегда остается часть, и значительная часть, его жизни, черт характера, происшествий «за кадром». То есть он о себе знает больше, чем можно узнать о нем, прочитав его дневник. Так и здесь. Этот искусственно созданный писатель (талантливый, и даже очень, писатель – кто будет отрицать?) сам порождает своих героев, в первую очередь – самого себя, а также слугу Аполлона, Лизу и т. д.

Надо заметить, что бывают случаи, когда писатель не создает в произведении другого автора, а как бы дублирует самого себя (как, например, Горький в автобиографической трилогии, или Гарин-Михайловский в своей тетралогии), и здесь, конечно, не вызывает сомнения тождественность почти полная между ними в главных чертах характера и поступках. Это, во-первых, совсем другой литературный прием, а, во-вторых, это сразу видно любому искушенному читателю.

Итак, как ни странно это звучит, «Записки из подполья» написаны не Достоевским. Так же, как «Скучная история» – не Чеховым. Можно назвать этот прием перевоплощением, выступлением писателя под маской, но и эти определения несколько огрубляют и упрощают, на мой взгляд, суть дела. Вернее будет сказать, что в момент создания «Записок из подполья» не было Достоевского, а был Подпольный человек – писатель-гомункул. Даже можно утверждать, что Достоевскому здесь принадлежит лишь роль ре-

дактора-цензора. Трудно предположить, что еще наговорил бы Подпольный человек, если бы не был «вымыслен» (утверждение Достоевского), то есть охвачен своего рода рамками, уже не зависящими от его воли.

Подпольный человек – умный, образованный, начитанный, мыслящий, равнодушный человек. Об этом говорят и сам текст его записок, вопросы и аспекты жизни, затронутые в них, и суждения этого автора.

«По крайней мере, от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уже, наверно, хуже, гаже кровожаден, чем прежде. Прежде он видел в кровопролитии справедливость и с покойною совестью истреблял кого следовало; теперь же мы хоть и считаем кровопролитие гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше, чем прежде...»

«И кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать – в самой жизни...»

«Одним словом, все можно сказать о всемирной истории, все, что только самому расстроенному воображению в голову может прийти. Одного только нельзя сказать, – что благоразумно...»

Вот лишь малая часть проблем, над которыми ломает голову Подпольный человек.

Он знаком с философскими концепциями Канта, Штирнера, Шопенгауэра, он читает Чернышевского, Некрасова, Гоголя, Гончарова, Пушкина, Байрона, Гейне... Да, впрочем, это даже скучно – доказывать, что он образованный и незаурядный человек. Это – очевидно.

И вот такой мыслящий индивидуум с самого раннего детства получает от жизни только горести и обиды.

«<...> весь вечер давили меня воспоминания о каторжных годах моей школьной жизни, и я не мог от них отвязаться. Меня сунули в эту школу мои дальние родственники, от которых я зависел и о которых с тех пор не имел никакого понятия, – сунули сиротливого, уже забитого их попреками, уже задумывающегося, молчаливого и дико на все озиравшегося. Товарищи встретили меня злобными и безжалостными насмешками за то, что я ни на кого из них не был похож.

<...> Они цинически смеялись над моим лицом, над моей мешковатой фигурой; а между тем такие глупые у них самих были лица!

<...> Еще в шестнадцать лет я угрюмо на них дивился; меня уж и тогда изумляли мелочь их мышления, глупость их занятий, игр, разговоров.

<...> чтоб избавить себя от их насмешек, я нарочно начал как можно лучше учиться и пробился в число самых первых. Это им внушило. К тому же все они начали помаленьку понимать, что я уже читал такие книги, которых они не могли читать, и понимал такие вещи (не входившие в состав нашего специального курса), о которых они и не слыхивали...»

⁹ Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1964. С. 49.

Эти давящие воспоминания жгут его и не раз заставляют возвращаться к ним: «Я, может быть, и на службу-то в другое ведомство перешел для того, чтоб не быть вместе с ними (товарищами по школе. — Н. Н.) и разом отрезать со всем ненавистным моим детством. Проклятие на эту школу, на эти ужасные каторжные годы!» И вполне естественно этот человек пришел в конце концов к выводу, что сознательный уход от людей — единственный способ защиты от страданий, возникающих от общения с людьми.

Здесь уместно вспомнить интересное в этой связи убеждение Достоевского, высказанное им в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Так вот не понимаю я, чтоб умный человек, когда бы то ни было, при каких бы ни было обстоятельствах, не мог найти себе дела <...>. Нельзя версты пройти, так пройди только сто шагов, все же лучше, все ближе к цели, если к цели идешь...» Подпольный умный человек, даже не имея твердой цели, и нашел себе какое-никакое дело — он пишет, он показывает нам (а еще вернее — показывал современникам) своим героем человека, ищущего цель и не верящего в нее. Словом, если он сам в буквальном смысле и не идет к цели (то есть к «хрустальному дворцу»), то объясняет и помогает понять — отчего он и тысячи ему подобных забились в подполье. А, согласитесь, то, что понятно, с тем можно бороться, можно избежать этого. Подпольный человек в какой-то мере предостерегал людей от ухода в подполье, и это его, без сомнения, полезное для тогдашнего человечества дело.

Теперь необходимо обратить внимание на следующий, обычно игнорируемый исследователями, но весьма существенный момент. Если внимательно читать XI главу первой части, то нельзя не заметить недвусмысленное заявление «автора», что рукопись его предназначена отнюдь не для печати. А для чего? Он объясняет: «Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть и такие, которые он и друзьям не откроет, а разве только себе самому, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открывать боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится.

<...> теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды.

<...> Кроме того: может быть, я от записывания действительно получу облегчение...»

Вот две основные причины появления этих записок: своего рода эксперимент (он знаком с «Исповедью» Руссо и пренебрежительно отзывается о степени ее искренности), с другой стороны — невыносимая уже тоска от ужаснейшего подпольного сознательного одиночества.

Позвольте, могут мне возразить, это — обыкновенный литературный прием, использованный Достоевским. Но я как раз и ратую за правильное понимание литературного приема. Если можно понять и принять

утверждение, что «Записки...» писал сам Подпольный человек, то тогда и ясно совершенно, что он действительно не намеревался их публиковать. А то, что мы эти «Записки...» прочитали, это уж надо быть благодарными Достоевскому.

Руководствуясь этим, мы, точно так же, как сам герой «Записок...» смотрит на «Исповедь» Руссо (а он считает, что значительную часть ее составляют самонаговоры), должны и даже обязаны смотреть и на данную исповедь. Человек, мечтавший о чем-то этаким, к чему-то стремившийся в юности, воспитывающийся на книгах и фантазиях, неожиданно, но закономерно рухнул в «подполье». Он начинает размышлять, делать выводы, искать причины своего, так сказать, падения и, естественно, склонен все преувеличивать, в том числе и свои недостатки.

Наиважнейшая черта его характера та, что он «мнителен и обидчив, как горбун или карлик». Через призму мнительности он невольно и окружающий мир, и самого себя видит в ужасно деформированном виде. А какие душевные изгибы и корчи заставляют его проделывать гордость и самолюбие! Чего стоит только эпизод с офицером из биллиардной, или сцена с Лизой у него на квартире, или поединки со слугой Аполлоном. И под влиянием оскорбленной гордости, чересчур обостренной ранимости, стыда выступает на поверхность цинизм. «Человек в стыде обыкновенно начинает сердиться и наклонен к цинизму», — сформулирует позже Достоевский такое свойство человеческого характера в «Бесах».

И самое главное то, что весь цинизм, все безобразие это — напускные и доставляют больше всего страданий самому Подпольному человеку. «Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи, постыдно сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек...»

«Главный мученик был, конечно, я сам, потому что вполне сознавал всю омерзительную низость моей злобной глупости, в то же время никак не мог удержаться себя...»

«Она (Лиза. — Н. Н.) поняла из всего этого то, что женщина всегда прежде всего поймет, если искренне любит, а именно: что я сам несчастлив...»

Уже по этим стонам души понятно, что не таков уж Подпольный человек дегенерат и циник, каковым представляется в повести. Но необходимо привлечь внимание еще к одной чрезвычайно существенной детали: во второй части произведения упоминается, что созданы «Записки...» через шестнадцать лет после описываемых событий. Я не хочу сказать, что всё здесь напридумано, но ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов эти шестнадцать подпольных лет. Хотя и в 24 года он был угрюмым и одиноким чиновником, но — чиновником. Он жил еще среди людей, он получил еще не всю, отпущенную ему жизнью порцию унижений и обид, не было еще этих самых глав-

ных шестнадцати лет, когда он все это переварил, осмыслил и покрылся внешним панцирем злобы и желчи. Ведь наверняка этот Подпольный сорокалетний человек с определенного рода мышлением пересказал те давние события, пропустив их предварительно через свое уже намного более утвердившееся мнение о жизни. Короче, он до невозможности сгустил краски, и это не вызывает сомнения.

Кстати, и о пресловутом эпизоде с чаем. Сколько раз повторяют этот вопль Подпольного человека и пытаются выдать этот безобразный вопль за сущность самого человека. Даже Б. И. Бурсов утверждает: «Парадоксалист... даже более бескомпромиссен, чем Раскольников, так как предпочитает, чтоб провалился свет, лишь бы ему подали стакан чая»¹⁰. Поразительно, как стараются не замечать, что слова эти вывалились у человека, находящегося в истерике. Не нужно быть медиком или психологом, чтобы знать: человек, находясь в состоянии истерики, не отвечает за свои слова.

Исследователи также совершенно упускают из виду, что если, с одной стороны, Подпольный человек стоит в одном ряду с Белкиным, Печориным и другими героями-«авторами», то, с другой — он очень близок Чацкому, Онегину, Бельтову, тому же Печорину... Это — *лишний человек* своего времени, но из *другой* среды.

Кстати, вполне можно предположить, что Подпольный человек — ровесник Печорина и формировался рос в совершенно одно с ним время. Хотя, по утверждению Подпольного, он и должен быть на десятилетие моложе поколения Печорина, но он так часто и настойчиво восклицает-твердит о *сорока* годах подполья, что невольно напрашивается мысль: ведь не с пеленок же он таковым сделался! Впрочем, это не суть важно; важно, что он — «лишний».

Это сознание своей «лишности», бессмысленно проживаемой жизни, прозябание при таких возможностях души и ума — еще одна причина всепоглощающего раздражения, нервности, напускной злобы. Да поставь Печорина или Чацкого в положение Подпольного человека, в положение униженного и оскорбленного, нищего и некрасивого, то и с них бы слетели их романтические чайльд-гарольдовские одеяния, и они наверняка вызывали бы брезгливость, раздражение, унижительную жалость.

Достоевский своим писателем-гомункулом показал «лишнего человека» из низшего разряда российских образованных людей. Печорин предстал перед нами, так сказать, в совершенно новом свете и обличье, а мы не узнали его и стали уничивать — дегенерат, парадоксалист, циник!.. Интересно в связи с этим привести высказывание самого Достоевского: «В Печорине он (тип «лишнего человека». — Н. Н.) дошел до неутомимой желчной злобы и до странной, в высшей степени оригинально русской противопо-

ложности двух разнородных элементов: эгоизма до самообожания и в то же время злобного самоневуажения. И всё та же жажда истины и деятельности и все то же вечное «нечего делать!»» Рассматривая через такое стекло сущность подпольного «писателя», естественно, акцент с вопроса — почему он такой? — надо перенести на вопрос: почему он *стал* таким?

А теперь о том, что же действительно есть схожего у Федора Михайловича Достоевского с автором-героем «Записок из подполья». Это похоже на ножницы, где есть момент соприкосновения, есть общая точка у концов, но смотрят они в разные стороны. Подпольный «писатель» — *антипод* Достоевского. Они полярно противоположны, но имеют и часть общего. От этого общего один, Подпольный человек, устремлен, говоря языком математики, к минусу; второй, Достоевский, — к плюсу. В Подпольном человеке скопилось, сформировалось и стало сутью все то, что, не исключено, могло быть и в самом Достоевском, не будь он гением и брось в самом начале пути поиски цели и смысла жизни.

Не вызывает сомнения, что очень много автобиографического в описании школьных лет Подпольного человека. Более подробно писатель обрисовал эти годы позднее в романе «Подросток», вводя читателя в атмосферу пансиона Тушара.

Было в Достоевском и немало черточек характера, роднящих его с Подпольным человеком. По воспоминаниям Анны Григорьевны, жены писателя, современников, близко знавших Достоевского, мы знаем, что он был и мнителен, и замкнут, и раздражителен...

«При всей теплоте, даже горячности сердца, — вспоминал Д. В. Григорович, который учился с Достоевским в Инженерном училище, — он еще в училище, в нашем тесном, почти детском кружке, отличался несвойственной возрасту сосредоточенностью и скрытностью...»¹¹ (Заметьте — при всей *теплоте*, даже *горячности*!)

«Во мне есть много недостатков и много пороков. Я оплакиваю их, особенно некоторые, и желал бы, чтобы на совести моей было легче»¹², — признавал сам Достоевский.

Но эти недостатки, конечно же, преувеличены (вот еще черточка, сближающая писателя с Подпольным человеком, — склонность к самонаговорам), это только штрихи. В кардинальном, по своей сути, Достоевский и его герой-«автор» были резкие антиподы.

«<...> несмотря на все утраты, я люблю жизнь горячо; люблю жизнь для жизни, и, серьезно, все чаще собираюсь начать мою жизнь. <...> Вот главная черта моего характера; может быть, и деятельности», — записывает в 1873 году Достоевский в альбом О. А. Козловой.

¹¹ Ф. М. Достоевский об искусстве. М.: Искусство, 1973. С. 492.

¹² Лит. наследство. Т. 83. М.: Наука, 1971. С. 252.

¹⁰ Бурсов Б. И. Указ. соч. С. 579.

«Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитее, а остальные девять десятых должны лишь послужить к этому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или сколько их тогда народится) будут все когда-нибудь образованы, очеловечены и счастливы...» Эту мысль Достоевский неоднократно варьировал в своих записях.

«Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и оставаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я осознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою...» Такой, если можно сказать, девиз сформулировал Достоевский перед отправкой на каторгу в 1849 году и следовал ему в продолжении всей жизни. Вот что вспоминал барон А. Е. Врангель, близко знавший писателя в Семипалатинске:

«Замечательно, что, несмотря на все тяжкие испытания судьбы: каторгу, ссылку, ужасную болезнь и непрестанную материальную нужду, в душе Ф. М. неугасимо теплились самые светлые, самые широкие человеческие чувства. И эта удивительная, несмотря ни на что, незлобивость всегда особенно поражала меня в Достоевском...»¹³

Подобные цитаты из писем Достоевского и воспоминаний о нем можно приводить десятками. Да, есть у Подпольного человека и Достоевского точка соприкосновения, но от нее один все глубже закапывался в подполье, а второй все выше поднимался на высоту решения мировых вопросов, становясь властителем дум, защитником униженных и оскорбленных... Как различны дела их, которые, как все умные люди, нашли они себе, так и мировоззрение и мирозерцание их в общем и целом различны или противоположны.

И в конце – о кличке «парадоксалист». Большинство критиков подхватили этот ярлык, потому что сам Достоевский употребил его в послесловии к повести. Но ведь совершенно очевидно из «Записок...», из тона, каким «произнесено» это слово писателем, что

такое ироничное с оскорбительным оттенком прозвище дано Достоевским от имени и голосом обывательской толпы. От имени тех «господ», к которым Подпольный человек обращается в конце: «Что же, собственно, до меня касается, то ведь я только доводил в моей жизни до крайности то, что вы не осмеливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумие, и тем утешались, обманывая сами себя. Так что я, пожалуй, еще «живее» вас выхожу...»

Это на их взгляд Подпольный человек – парадоксалист. Ведь не называем мы чисто от своего имени князя Мышкина идиотом или Дон Кихота – сумасшедшим, так почему здесь, в аналогичном случае, допускаем подобное!

3

Итак:

– Подпольный человек, если смотреть на него как на человека, не таков подлец, дегенерат и циник, каковым представляется с первого взгляда и по его словам.

– Подпольный человек является писателем, самостоятельным автором, созданным силой гения Достоевского.

– Подпольный человек относится к типу «лишних людей» в русской литературе, но совершенно новым по своему положению и месту в обществе.

– И, наконец, Подпольный человек – это антипод Достоевского...

«Записки из подполья» – переломное произведение в творчестве писателя. Это – подступ к самым значительным его романам, многие философские концепции, разрабатываемые в «великом пятикнижии», корнями уходят в эту повесть.

Читая ее, необходимо помнить кредо Достоевского как писателя: «Точно как будто скрывая порок и мрачную сторону жизни, скроешь от читателя, что есть на свете порок и мрачная сторона жизни. Нет, автор не скроет этой мрачной стороны, систематически опуская ее перед читателем, а только заподозрит себя перед ним в неискренности, в неправдивости. Да и можно ли писать одними светлыми красками?.. О свете мы имеем понятие только потому, что есть тень...».

г. Тамбов

¹³ Цит. по: Чулков Г. И. Как работал Достоевский. М., 1939. С. 59.

Елена ТРУХАН

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОТКРЫТИЯ ДОСТОЕВСКОГО

К 190-летию со дня рождения
Ф. М. Достоевского

«Евангелие – настольная книга Достоевского» – так назывался выставочный проект, реализованный к 190-летию со дня рождения писателя в новокузнецком литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского. Он посвящен значению Священного Писания в жизни, творчестве, философии, судьбе гения мировой литературы.

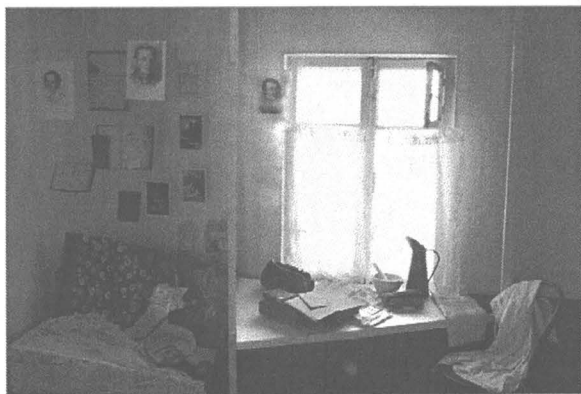
Импульсом к созданию новокузнецкого выставочного проекта стал выход в свет в конце 2010 года в издательстве «Русский мир» фундаментального коллективного двухтомного труда «Евангелие Достоевского». Первый том этого издания представляет собой факсимильное воспроизведение «Нового завета» 1823 года, личного экземпляра писателя, с подробным описанием помет (ногтем, карандашом, чернилами, сухим пером), а также загибов страниц, сделанных владельцем книги. Второй том – кропотливо собранная достоевоведами и приведенная в систему совокупность данных о присутствии евангельского Слова в художественном, публицистическом, эпистолярном мирах Достоевского. Бесспорно, двухтомник «Евангелие Достоевского» для многих стал настоящим открытием. С его появлением в научный оборот вошли

ранее неизвестные широкому кругу, находящиеся на грани утраты литературно-биографические и музейные источники. Именно они дали жизнь выставочному проекту.

Открытие нового в уже знакомом – лейтмотив экспозиции «Евангелие – настольная книга Достоевского». Её авторы – директор музея Е. Д. Трухан, научный сотрудник М. Г. Баркова, художник-оформитель В. А. Ерофеев – представили музейное пространство как место открытий, как постижение неизвестных страниц жизни и творчества, казалось бы, известного писателя-христианина. Благодаря такому взгляду удалось передать посетителям многоуровневую мистическую и образно-символическую связь Ф. М. Достоевского со Священным Писанием, рассказать много нового о взаимоотношениях личности и Книги, наметить подостоевски тонкую грань между жизнью и литературой, художественным и евангельским Словом.

Ключом к экспозиции «Евангелие – настольная книга Достоевского» и основой для ее членения на зоны стали слова 33-летнего писателя, адресованные им жене декабриста Н. Д. Фонвизиной в конце января – 20-х числах февраля 1854 года. Это знаменитое размышление Достоевского о символе веры: «...Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной...».

Движение вслед за мыслью Достоевского позволило определить внутри эпистолярного фрагмента пять знаковых вех в биографической и литературной жизни писателя: «Евангелие чуть ли не с первого детства»; «Рождество и Пасха на каторге»; «1864 и «Мертвый Христос»; «Мадонна в облаках»; «Вековечный от века идеал». (Пять – значимое для Достоевского число, достаточно вспомнить, что главные его романы называют «Великое Пятикнижие».) Детские впечатления и годы каторги, смерти родных и близких в 1864 году, зарубежные знакомства писателя с шедеврами мирового изобразительного искусства («Сикстинская мадонна» Рафаэля и «Мертвый Христос в гробу» Ганса Гольбейна-младшего), литературные отражения Нового завета в «Великом Пятикнижии» – все это разные по времени и глубине встречи с Евангелием, запечатленные в музейном пространстве в виде инсталляций.

Евангелие чуть ли не с первого детства

При обрисовке определенных ситуаций из жизни Достоевского (хранил Евангелие под подушкой; гадал на Евангелии; во время каторги носил кандалы весом около 4,5 кг) авторы проекта вплотную приближались к принципам ансамблевого экспозиционного показа.

Как известно, *окно* в культурной традиции ассоциируется с выходом за пределы чего-либо (бытового пространства, скучных рамок, стереотипов мышления, общепринятых мнений и восприятий и др.). Оно как будто создано для того, чтобы визуализировать саму идею пространства открытий. Это внезапно распахнувшиеся возможности познания другого мира и главная новость, свежий воздух перемен и вероятность проникновения в дом лучей, шума другой жизни. На выставке типовые *окна* деревенского строения переживали метаморфозы, превращались в экспериментальное пространство. Больничное *окно*, каторжное *окно*, *окно*-переход между земным и небесным миром, храмовое *окно* – все это созданные «оконные лики», подчеркнувшие своеобразие каждой очередной встречи Достоевского с Евангелием.

Выставка строилась как постепенное, пошаговое приближение экскурсантов к удаленному смысловому центру в третьем зале – письменному столу писателя, возле которого располагался холст, изображающий Спасителя с Евангелием в руках. Таким образом, весь экскурсионный маршрут становился метафорой индивидуального восхождения каждого посетителя к символу веры писателя – Иисусу Христу, «вековечному от века идеалу». Примечательно, что эту же идею 135 приближения ко Христу, к евангельскому Слову несет в себе и макет памятника Ф. М. Достоевскому, выполненный художником В. С. Дьячковым в 2001 году и также представленный в экспозиции.

Картина «Образ Спасителя» была специально написана для литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского новокузнецкой художницей, студенткой Красноярского художественного училища И. А. Луцишиной.

Еще одним акцентом в инсталляции «Вековечный от века идеал» стало факсимильное издание Нового

завета 1823 года, личного экземпляра Ф. М. Достоевского с вложениями, хранившимися в нем. Все эти своеобразные «закладки», «заметы» писательской души, имеющие глубокое духовное содержание, ранее были указаны в документальном источнике – «Инвентарной описи архивных документов», составленной Г. Ф. Коган. Создатели выставки постарались максимально полно представить вещественные реликвии из описи, чтобы показать посетителям неведомого Достоевского.

Раскрыть евангельскую тему в выставочном проекте помогли и другие музейные и немuseumные образы. Так, в инсталляции «Евангелие чуть ли не с первого детства» старинный *сундук* превратился в символ духовного багажа и вместилище детских воспоминаний, в том числе – первой встречи с книгой «104 Священные истории Ветхого и Нового завета», а *нити* – в образ культурных, литературных, событийных, родственных, ассоциативных и других связей, тянущихся через всю жизнь Достоевского.

Привлекли к себе внимание посетителей и елочные украшения (*ангел-хранитель* и расписное *пасхальное яйцо*) в инсталляции «Рождество и Пасха на каторге», одновременно несущие семантику новогодней игрушки и православного образа. Их переключки между залами предоставили возможность экскурсоводам «развернуть» в евангельском ключе «детскую» тему Достоевского и тему воскресения из мертвых, сердцем которой являлась инсталляция «1864 и Мертвый Христос Гольбеина». В ней сломанные *напольные часы* с полуистертым циферблатом и будто искореженными цифрами передают мысль о внезапно остановившемся, но в тот же момент давшем новую точку отсчета времени. Оформленные в траурном стиле, часы воплощают образ безвременья, преодолеваемого Словом. Один из примеров такого преодоления – дневниковая запись Ф. М. Достоевского у гроба первой жены М. Д. Исаевой «Маша лежит на столе...» от 16 апреля 1864 года, которую исследователь А. С. Серопян рассматривает как исток «Великого Пятикнижия»...

Выставочный проект «Евангелие – настольная книга Достоевского» стал событием для многих посетителей новокузнецкого музея Ф. М. Достоевского. В частности, он был удостоен положительных оценок со стороны кузбасских поэтов и писателей. В своем отзыве о выставке член Союза писателей России Л. А. Никонova отмечала: «Выставка «Евангелие – настольная книга Ф. М. Достоевского» открывает этапы Богопознания и Богообщения, через которые прошел великий писатель-христианин... Она привлекает внимание всех почитателей творчества Федора Михайловича Достоевского, внимание всех искателей ответов на загадки глубочайшего ума и мятущейся совести, подступающих в поисках Истины непосредственно к Богу...».

г. Новокузнецк

Вековечный от века идеал

Олег
КУХАРЕВ

СЛУЧАЙНЫЕ ЗАПИСКИ НЕХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА

Эссе

По душам только в пивной.

И. БРОДСКИЙ

*Мы вспоминаем не то, что было,
а то, что однажды вспомнили.*

А. А. АХМАТОВА

Позвонил Ю. Я. Светлакову с просьбой найти оператора, с которым можно было бы снять фильм о театре.

– Так я сам и сниму, – обрадовал он.

Через месяц показали материал в клубе документального кино. О фильме не вспомнили даже в юбилейные дни театра.

А лучше-то никто не снимал.

Закадровый текст, не вошедший в фильм: «У С. Моэма есть наблюдение: «Личность актёра состоит из тех ролей, которые он сыграл».

Через персонажей пьес мы оказываемся сопричастниками области чувств, нам неведомых. Мир другого человека может уничтожить тебя, нарушить твою единичность. Вот почему Церковь считает актёрство духовно опасным делом.

Когда я узнавал в храме о таинстве пострижения в великую схиму для спектакля «Борис Годунов», меня крепко предупредили, чтобы мы случайно не произнесли над актёром молитву и не произвели неких действий. Это может разрушить его жизнь.

Православие проповедует идеал жизни человека, который выражается понятием «целомудрие», это не просто образ сексуального поведения. Это цельность мудрости, цельность человека.

Псковско-Печерский старец Иоанн Крестьянкин как-то выговаривал прихожанке: «Твой грех в том, что есть пять разных Татьян; та, которую знаю я, та, которую знаешь ты, та, которую знают друзья, которую знают на работе и которую знает Бог. А должна

быть только одна Татьяна». Не искусственное ли это усечение человеческой личности батюшкой?

Нет!

Любой священник скажет вам, что надо быть самим собой, жить из себя, а не играть социальную роль. И через это восходить на уровень, где игра исчезает.

В актёре, стремящемся к воцерковлению, пропадает потребность подлинности, ему становится скучно в рамках вторичности.

Если цель человека в бытии собой, то цель актёра в бытии другим, оставаясь собой. Ибо это бытие другим и есть его актёрская возможность быть собой.

Но судьба и профессия – разные вещи.

Какой я? Кто б рассказал...

Мир театра замкнут, и вся литература об актёрах носит анекдотичный характер – воспоминания о разных случаях.

А что делать, если это единственное, что есть конкретного в нашем ремесле?

...Левашёв К. К., сыгравший Ленина, не мог перестроиться и всю жизнь изображал вождя даже тогда, когда играл Белого Мыша в сказке «Все мыши любят сыр».

136

Однажды я пошутил на эту тему, и мы разошлись. Я уехал в Ереван. Лет через пять заглянул в Кемеровский театр уже заморским гостем. Мне хотелось обнять его – он был моим другом, я любил его, но не научен был в те глупые годы смирять гордыню. И тогда он подошёл и извинился за прошлое, взяв вину на себя.

Через много лет подобное произошло между мной и Б. И. Мостовым. Я был несдержан и жёстко ответил Борису Ивановичу. Недели через две он зашёл в мою гримуборную и потребовал, чтоб я извинился. «Считаю тебя своим другом, а другу можно сказать всё, особенно если он не прав».

А совсем недавно ещё один подобный случай срифмовался: «...с кем угодно, но с вами не хочу быть в ссоре».

Блаженны миротворцы, ибо сынами Божиими нарекутся.

А я до сих пор не готов к такому преодолению обиды.

«Вы, Олег Сергеевич, человек нехороший, но я всё-таки буду с вами здороваться». Легкомысленно было бы не согласиться – кто не грешен? Я смиренно принял оценку себя другим и крепко с благодарностью задумался, ведь «хорошо зная свои пороки, легко находишь их в других».

Сегодня театр возвращается к тому девственному времени, когда одной из радостей было собрать всей деревней денег для толкового мужика и послать его мир поглазеть, а потом зимними вечерами слушать его рассказы. Нет ничего худого в этом, как и ничего хорошего, оставаясь только соглядатаем.

Театр не обязан быть седьмым чудом света, но должен хотя бы пытаться раскрывать человеку замысел Божий о нём самом, а не только ублажать мимолётными образами наслаждения и быть добавкой к пиву.

Савкин Е. Т. был незамысловатым человеком, но никому в голову не пришло бы похлопать его по плечу. Все называли его нежно Батей. Играть на сцене было для него радостью. В этом он был похож на Жана Маре, который как-то после интервью добавил журналисту: «Пойду, побалуюсь», – и шёл играть короля Лира.

Казалось, он знал в профессии не только секреты, но и тайны, и когда он умер, чувствовалось не только событие, но и горе.

Чувство, которое связывало Евгения Терентьевича с театром, было спокойным и неброским. Его любовь выражалась не в страстных объяснениях, а в том, что свою работу, чаще однообразную, он не прерывал никогда. Его любовь сказывалась даже в том, как бережно он относился к реквизиту, к костюму, подшитым страничкам роли.

С ним было по-домашнему хорошо. Последние 137 пять лет мы жили в одном доме, в одном подъезде и почти каждый день играли в шахматы. Он играл лучше, но победить его при желании было легко и порой даже необходимо. Делал я это так: из книжки «Шахматные ловушки» заучивал несколько угрожающих терминов вроде защита Грюнфельда, феонкеттированные слоны... Победоносно звонил в дверь. Он, как всегда, встречал меня дружественным: «Челодой Молавек, прошу», я сосредоточенный проходил в комнату, заговорщически молча поправлял фигуры, молниеносно делал первые 7–8 ходов, проговаривая «невзначай» заученные умные слова, выдерживал паузу и по-Талевски подставлял под удар ферзя. Батя начинал нервничать, он знал, что дома у меня лежат «Шахматные ловушки». Брать ферзя было опасно. Я вставал, ходил, отвлекался на ТВ, демонстрируя бесполезность его сопротивления, он не выдерживал и сдавался или делал непростительно слабый ход. Это была известная ему моя уловка, но он не мог совладать с собой и всегда попадался на неё.

В далёкие времена, когда игра называлась Ша-транж, утверждают, что проигравшего оправдывали, если он в гневе покалечит «обидчика» после партии. Я готов поверить. Батя отходил дня три, после чего вновь разделявал меня как кошка мышку,

затем шла моя уловка и снова три дня обиды. «Что пройдёт, то будет мило».

Балакин Станислав Клавдиевич – неоспоримо талантливый, некарьерный артист. Внятный мужской тип при росте два аршина три вершка.

Он был «слаб» порядочностью, что опасно в театре во все времена. Человек большого горького опыта. Он был самым дисциплинированным актёром по отношению к своему ремеслу, к театру. Однажды он опоздал на репетицию и получил выговор. Прошёл год. Встречаю его на остановке, и он, не примирившийся с тем выговором, сказал: «Тогда я так же сидел здесь и не мог шагу ступить из-за прихватившего сердечного приступа». Он не сомневался, что я понимаю, о чём он говорит.

Рядом с ним было интересно жить. Он привлекал меня неучастием и незаинтересованностью к мирской и многогрешной закулисной суете. Его нельзя было поставить в один ряд!!! Он не стал победителем, но умер как человек, просветлённый благочестием.

У Т. Е. Кораблёвой «вылетел» текст, спектакль доиграли, но больше на сцену она не вышла. И ни разу до конца жизни не переступила порога театра и не пустила к себе никого в гости. Периферия увеличивает судьбу, ответственность за свой талант. Слава Богу, что ей не удалось встретиться с сегодняшними режиссёрами наезжающими, для которых постановка спектакля в нашем театре – кара Господня, они даже обуславливают в договоре раз в месяц перерыв в репетициях, чтоб слетать в Москву – отдышаться.

Вопрос помрежа западного театра: «Есть у кого-нибудь причины, по которым нельзя начать репетицию?» В русском театре только смерть может быть уважительной причиной невыхода актёра на сцену.

Актёры в России считали свою работу святой. Они обожествляли её. Но уже Станиславский кричал: «Беда!», видя, как разрушается построенный им Храм, так он называл театр. Сегодня это комбинат бытовых услуг оптом и в розницу.

Как сохранить основание для выхода к зрителям? Государство не помощник. Сейчас мы имеем страну, в которой старикам отказано в праве посидеть на скамеечке просто так, ничего не делая, но любуюсь и радуясь, глядя на внуков.

Утеряна сила. Не на что опереться.

Байка, которую рассказывают во всех театрах. Актёр (у него всегда есть имя) иногда приходил в театр со своей собачкой. Она сидела в кулисах и никогда и никому не мешала. После окончания

спектакля, когда артисты начинали говорить своими голосами, она с радостью выбегала на сцену к хозяину. Но однажды чутьё пёсика подвело – он выскочил на сцену при полном зрительном зале. Просто в труппе появился хороший артист.

Если актёр на своём месте – это радость: тяжело видеть стареющую актёрку в роли восемнадцатилетней девушки или подагрического героя-любовника. Это я о себе в «Горе от ума».

Давно актёры не клеят носы, уши, не засовывают в нос пробки. Compliment «я тебя не узнал» в прошлом. И сегодня актёры играют кого-то или что-то. Не себя, конечно, но от самого себя. Тут, кроме умения взять на себя чужую жизнь, ещё нужна особая техника игры, мне, например, неведомая – на медные деньги учён...

Драматург-режиссёр-актёр – тайна триединства. Общее дыхание, а не случайная связь с прикусом поспешной интимности.

У Кромвеля: «Никогда человек не продвигается дальше, чем тогда, когда он не знает, куда идёт, что и есть творчество». Сегодня в театре эксперимент невозможен – ближние перспективы в цене.

Достоинство актрисы – пышная грудь и основательный зад, ладно распределённые по фигуре. Для образа наименьшего зла достаточно. 138

А лёгкость снегопада, летние дожди, радуги и тучи? – это за оградой монастырей.

Актёр – высшая форма сосредоточенности на себе самом. Твой внутренний мир и есть твой инструмент. Артист ведь не играет самый текст, он играет «по тексту» или «в текст», и через это не проговорённое происходит развоплощение себя через профессию.

Театр – небольшая группа актёров и их режиссёр, художественные идеи которого эти актёры разделяют, – это прошло. Не однажды купившись, мы продолжаем прислушиваться к режиссёру, шальным ветром занесённому, как к дудочке крысолова.

Лишь недавно я научился сдерживать искушение слагать жизнь к ногам режиссёров.

День готовишься к спектаклю, выходишь на сцену и – ничего. А иногда прибежишь к третьему звонку, по костюму определив, какой спектакль играем, – и всё случается.

В Вахтанговской студии М. Чехов всегда опаздывал, и К. С. Станиславский распорядился: «Обя-

зать его приходить за три часа, как всех». Чехов стал приходить за три часа. Станиславский посмотрел несколько спектаклей и повесил новый приказ «Всем приходить за три часа, кроме М. Чехова».

Лет тридцать назад. Мастерская художника Бачинина. Он только что вернулся с пленера и дорабатывал этюд. На моих глазах из пятен краски возник пейзаж. Я как-то про себя, наблюдая за ним, пробубнил: «Не понимаю, как это происходит?» Он оживился, даже заволновался: «...как хорошо, что ты меня об этом спросил – это я тебе объясню, это просто, лучше ты мне растолкуй, как вы, актёры, надевая чужой костюм, говоря не свои слова, присваивая чужие чувства, принуждаете меня верить вам – непостижимо!».

А если он имел в виду дерзость?

Раньше река Волга называлась Ра. Поперёк к ней текла небольшая речушка, упёрлась в неё и требует уступить дорогу, на что Волга говорит: «Разве ты не знаешь, что я Ра?» – «Я сама Ра», – отвечает речка.

Так нам, детям, объясняли этимологию названия реки Самара, что впадает в Волгу.

Наши претензии на творчество выглядят чаще всего так же наивно, как амбиции речушки Самары! Мы лишь удваиваем реальность.

Раньше за неубедительную игру артиста могли выпороть на площади. А в царской армии офицеры наказывались принудительным посещением плохих спектаклей. Тухлые яйца, гнилые помидоры – не байки. И не надо было деликатничать и ломать перья рецензентам, как из г... сделать пулю.

Театральный автобус упал с деревенского моста в реку. Спасались кто как мог. Течение приличное. Пожилой актёр выбрался на берег. Его жена вместе с несколькими другими ждала помощи, ухватившись за крышу автобуса. Ребята-монтажники как могли помогали выбраться из воды. Сильно замёрзнув, теряя силы, она крикнула мужу: «Коля, помоги!» А он ей с берега: «Как? Я сам еле выбрался, ты же знаешь, я не умею плавать».

Она ушла от него в тот же день, хотя прожили вместе всю жизнь.

Я – артист вспомогательного состава Канского драматического театра. 1970 год. Мои первые сельские летние гастроли. Живём в Доме колхозника, вода и удобства на улице. Договорились о бане. Заодно и постирали. Сменного белья нет, и я решаюсь добежать до гостиницы, закутавшись в простыню. На мне длинные волосы – время хиппи, щетина уже укоренившаяся. Навстречу две бабушки, смо-

трят на меня в безумии, крестятся, валяются наземь: «Господи!»

Через 15 минут вся деревня у Дома колхозника на коленях. Мои коллеги в это время стригут, бреют, одевают меня.

Только через час, не найдя в номерах никого похожего на «Спасителя», всё успокаивается.

Играли спектакль «Комиссар милиции» для политзаключённых в лагере-поселении в Красноярском крае. Обсуждение. Поднимается невыразительный человек и как-то робко, будто объясняясь в любви, неторопливо доказывает, что у нас нет мотивации к существованию. Им был известный режиссёр из Москвы.

Куда засунуть это воспоминание? стыдно. Какое забытое слово.

Сельские гастроли актёры ждали ещё и потому, что можно было приобрести хорошую литературу, причём разными путями: в магазине «Книги», например, покупали идеологическую макулатуру и обменивали её в библиотеке на что хочешь – выгодная сделка для обеих сторон: «Швейка» Гашека, например, я нигде не купил бы, тем более если книга выпущена 10 лет назад, а для библиотек давность издания – повод к списанию, даже если за эти годы её никто в руки не взял и она совершенно новёхонька. Библиотекари понимали свою неправедность, но ЧИТАЮЩИЕ для них выше циркуляров. Они – их смысл, даже если это не свои деревенские.

Книги М. А. Булгакова, А. И. Солженицына, Шевцова «Любовь и ненависть», томик Сталина... вытащил из кучи, приготовленной к сожжению, спасибо им. Они и подсказывали, многим рискуя.

Лет 8–10 назад книги о. Александра Меня, о. А. Шмемана, о. Сергия Булгакова... сжигались на паперти Екатеринбургской епархии, кого ни спроси – никто не слышал, не читал.

«Братство Маленького Принца».

В Н... отыграли спектакль в доме у больной девочки-олигофрена. Подхожу к машине, шофёр молится в сторону девочки, плачет. А та с крыльца машет нам.

– Володя, что такое? – спрашиваю.

– Господь прощается с нами.

– ???

– А кто ещё? Ведь она не понимает, кто вы и зачем приезжали, я знаю её – она моя родственница.

Надежда на помощь «Братству Маленького Принца», что была главным мотивом опубликования актёрских записок в № 5 «Огней Кузбасса» за

2008 год, была определена моим другом как учебное пособие для сотрудников психбольниц и их пациентов. В том смысле, что моя задержавшаяся наивность – клиника.

Но как же важно не унывать!

Через год директор нашего театра А. А. Разуков передаёт сиротам Елыкаевского монастыря костюмы, реквизит, парики, декорации для их Рождественского спектакля и договаривается с матушкой Михайлой о дальнейшем сотрудничестве. Серьёзную сумму жертвует Апарин С. Н., руководитель «Стройдорэкспорта», на поддержание «Братства». Слава Богу!

Астров («Дядя Ваня»): «Когда начинаешь делать дело, понимаешь, как много вокруг плохих людей», впрочем, другой чеховский доктор, Рагин из «Палаты № 6», уравнивал ситуацию: «Не надо мешать людям сходить с ума».

До встречи на страшном суде.

Артист М. Макушкин был крепкого сложения, и это противоречие с фамилией вызывало улыбку. И он решил сократить её до окончания – Кин.

«Миша, – говорили ему, – Эдмунд Кин – великий английский трагик, а ты – всемирно неизвестный комик, смились с тем, что есть».

Смирился наполовину. Теперь он МАКУШ.

139

Пропал молодой артист. Искали даже на крыше театра. Нашли в психушке. Я навестил его, и вот что он рассказал. Заканчивался спектакль «Мария Стюарт», длинннн-ый, ск-уу-чный, он играл стражника с алебардой, а что ещё более усугубляло самолюбие – все выходы на сцену из ямы (пространство под сценой). И они с товарищем по несчастью решили притупить актёрские амбиции алкоголем. Финал. Поклоны. Он резко переодевается и, чтоб не быть замеченным в нарушении этики, выскакивает из театра. Утром, посмотрев на себя в зеркало, упал в обморок. Он забыл после спектакля снять парик и отклеить усы с бородой!

1978 год. Пермь. На выезде играем «Даму-невидимку». В антракте полная перестановка за закрытым занавесом. Три звонка – поехали во второе действие! Минута, две, пять... за кулисами паника – зал никак не реагирует, а эпизод самый смешной, события происходят в темноте со свечами: для комедии положения лучше не придумать. Доигрываем сцену, включаем свет.

О Господи! – забыли открыть занавес.

1971 год. Новосибирское театральное училище. Моего товарища забирают в Красную армию. Мне повезло – отсрочка. Но он – мой партнёр по

всем этюдам, пирушкам, приключениям. Верный друг. Расстаться? Немыслимо. Решение находим у моих любимых Я. Гашека «Приключения Швейка» и Т. Мана «Признание авантюриста Феликса Круля».

За неделю до медкомиссии Юра не делает резких движений, живот вспух, на лице нужная бледность, туалет обходит – крепится.

Осторожно везу его в военкомат. Там его раздевают до гола и, прикрывшись историей болезни, начинается дефиле от врача к врачу. Юра по нашему сценарию входит к военкому, присаживается в углу кабинета и прорывается недельной кучей, затем вставляет в зад... заготовленный хвост селёдки, бегают по военкомату с воплем: «Я – РУСАЛКА!».

Мы победили – статья «8 Б».

Долго веселились, пересказывая пережитое.

Вызывает Юру директор училища и объявляет, что он отчислен по состоянию здоровья: «8 Б» – это шизофрения.

Мы к военкому, так и так, мы будущие артисты, вера в предлагаемые обстоятельства, жизнь человеческого духа, а он как хватит по столу кулаком-окороком: «...да я вас, сучьи потроха, под трибунал».

Через несколько лет у Юры открылся талант художника-живописца, а за портрет матери он был даже отмечен. Я на правах старого друга, стараясь не обидеть его художественных принципов, спрашиваю, а почему у неё лицо оранжевое, а деревья синие?

Он оказался дальтоником, а для армии это ещё хуже шизофрении.

1977 год. Пермь.

Сказка «О мёртвой царевне и семи богатырях».

Сцена сватовства.

Один: «Помири нас как-нибудь»,

Другой: «Одному женою будь»,

Третий: «Прочим ласковой сестрою»,

Четвёртый: «Что ж качаешь головою?»

На одном из спектаклей третий богатырь оговорился: «Прочим – ласковой сестриЦЕЙ».

Четвёртый в рифму: «Что ж качаешь головИЦЕЙ?»

Богатыри вместе с царевной уползли за кулисы в судорогах смеха.

Опустили занавес.

Шел спектакль «Чайка». Над сценой на рабочих мостках сидел старенький монтировщик по прозвищу Дедуня, ножки в валенках вниз свесил, на перильца облокотился, дремлет себе. И вот – финал. Как и положено за кулисами. Раздается выстрел – стреляется Треплев, все вздрагивают. Аркадина

спрашивает: «Что это?» Доктор отвечает: «Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптечке что-нибудь лопнуло». И тут на сцену со смачным шлепком падает валенок. Зрительный зал взрывается смехом. Финал явно смазан, однако спектакль надо как-то доигрывать. Тогда доктор, обращаясь к Тригорину, говорит: «Уведите отсюда Ирину Николаевну. После неудачной попытки застрелиться Константин Гаврилыч, кажется, повесился».

Ереванский русский театр славен не только тем, что там работали Джигарханян и Гомиашвили (и мы с Людой). Там случилось событие, достойное Книги рекордов Гиннеса. После первого действия спектакля «Мамаша Кураж и ее дети» в зрительном зале не задержалось ни одного человека.

В 1969 году окончил школу, а 1970-м поступил во вспомогательный состав Канского театра – пространство удивления.

Милиционер – моя первая роль. Срочный ввод. Я должен был выйти на сцену, получить приказ, сказать «Есть!», развернуться и уйти.

Я был девственно-необразован, в армии не служил, в самодеятельности не участвовал, потому каждый дружески поддерживал советом: военные поворачиваются через правое плечо, не вставай к зрителям спиной, не мордикулируй, в смысле не хлопочи лицом, поддерживай живое общение, т. е. петелька – крючок, ты мне – я тебе.

Потом, когда отмечали премьеру, с каждой рюмкой добавлялась масса подробностей: я будто бы незапланированно постучал в дверь, на недоумённый, но логичный вопрос «Кто там?» ответил: «Это я!», войдя, как отсиженная нога, снял фуражку, извинился за беспокойство, получив приказ, повернулся через левое плечо, потом исправился и развернулся через правое, запутавшись, ушёл со сцены в кулису пятясь спиной, со словами: «Пожалуйста, конечно, я передам вашу просьбу».

Второй выход оказался последним в тот вечер. Артист, игравший комиссара милиции, увидев меня, прыснул от смеха, обыграв лежащую на столе газету «Правда» словами «Умеют коммунисты пошутить!», тыча пальцем в заголовок статьи. Я, чтоб поддержать живой диалог, как учили, подошёл, прочёл, но он не показался мне смешным, что я и выразил ему взглядом, на что комиссар разочарался артикуляцией «уйди» и рухнул под стол. Я по системе «петелька – крючок» решил выяснить, «могу ли я быть ему чем-то полезным», на что он уже не смеялся, но дёргался и всхлипывал. Но когда он увидел мои сапоги, надетые на разные ноги, его охватило удушье.

В антракте на моё имя пришла записка от зрителя: «Для вас накрыт стол». И действительно всё, что

имелось в буфете, кем-то оплаченное, было выставлено на столы.

Мне самому, отработавшему сорок лет в театре, трудно поверить в случившееся, но это было!

1979 год. Кемерово. Спектакль «Святой и грешный». По ходу действия грузчики вносили на сцену мебель, их играли монтировщики – самые не задерживающиеся, свободные люди в театре. Новеньким заново растолковывали, как вынести, куда поставить. Чтоб они не зажимались, им в этих обстоятельствах предложили быть в знакомом состоянии – чуть-чуть выпившими «будто бы». Ребята, чтоб не искушать судьбу, для подлинности выпили. Потом добавили в тротиловом эквиваленте. К выходу были никакими. Шкаф они несли аккуратно, но всё равно уронили, в зале смехок, когда уронили во второй раз – зрители смеялись. Почувствовав успех, уронили шкаф уже специально. Сцена шла минут десять, всё это время они общались друг с другом, обсуждая происходящее, флиртовали с героиней, «незаметно» выпивали принесённое с собой, предлагая другим присоединиться.

Были предприняты жёсткие попытки увести их за кулисы. Это их остепенило, и они всеми силами начали изображать трезвых.

Продолжать было бесполезно, в зале стоял истеричный хохот.

На другой день – профком: «Вот ты, что скажешь?» – «Товарищи, соболезную, слов нет – одни буквы!»

Простили.

Уж не знаю, насколько истинно приписываемое академику Павлову высказывание: «Три непознаваемые особи на земле – обезьяна, идиот, актёр», отсюда, видимо, и шутка: идиотом и актёром надо родиться.

28 апреля 2009 года.

Вчера по телефону актёр нашего театра, не очень занятый в репертуаре, спросил:

– Почему висит фото Б. Н. Соловьёва в мемориальном зале?

– Он умер, – ответил я, – уже как год.

– Понятно, значит, его больше нет, понятно, учтём. У него с головой что-то было?

– Нет.

– Нет? Странно... Понятно.

– Потанина уехала.

– Кто? Ах, да, да... Понятно. Ну, а так всё нормально?

Прошёл год, как упал герб Кузбасса во время Губернаторского приёма на сцене нашего театра. «Запах» до сих пор стоит.

Артист Z «высоко ползал» (был доверительно допущен). Как-то сказал о другом: «Подхалим», при этом был страстен и убедителен.

В словаре психоанализа Ч. Райкрофта можно прочесть о болезнях, при которых совесть, честь и многое другое отсутствуют у людей.

Два бомжа неопределимого возраста, мужчина и женщина, роются в мусорных баках. Он вытаскивает арбуз, кончиками пальцев скорябывает остатки розовой мякоти и на ладони эту влажную массу предлагает своей подруге, она, благодарная, сглатывает её. А попавшую в рот косточку зажимает между пальцами и «стреляет» в него.

Таких счастливых людей я не встречал очень давно.

Прямая трансляция ТВ с какого-то торжественного заседания, в зале всё правительство, на сцену приглашают О. Н. Ефремова, он явно не готов. Долго молчал, разглядывая сидящих, а потом сказал примерно следующее: «Вы все воспитаны на спектаклях «Современника» (аплодисменты), но, видимо, мы что-то не так делали или плохо делали, если вы довели государство до теперешнего состояния».

Н. Гундарева напрягла откровенностью, призвавшись в интервью, что не любит играть большие роли, потому что они отнимают слишком много сил и требуют ещё больших на восстановление. Очень скоро она умерла.

В 90-е годы в Алма-Ате подписали сказочно-выгодный государственный договор с иностранной фирмой. На банкете по сему случаю её глава сказал: «Когда я увидел, какой вольер выстроен в центре города для собак, я понял, что с этой властью можно иметь дело».

Место действительно было идеальным для подготовки собак к выставкам, но их гнали оттуда вместе с хозяевами нещадно, потому что это была детская площадка, куда и детей-то не всех пускали. Чтоб избежать казуса, вывеску той же ночью поменяли в соответствии с международными требованиями.

27 июня 2009 года.

...«хромой останется хромым, даже если первым прибежит к финишу», так и я, сколько бы раз не произносил заимствованную из спектакля «Пигмалион» фразу Хиггинса: «Что такое жизнь, как не цепь вдохновенных безрассудств?», – останусь в берегах скучного благоразумия.

«На такие деньги не разговоришься», – говорит мой другой персонаж.

Завидую тем, кто может вот так остроумно высказаться.

«Фантазия, она у меня чуть живее, чем у всех, этим и отличаюсь, – заметил Л. Н. Толстой, – это моя радость и несчастье».

Режиссёры не любят выглядеть дураками перед актёрами и мстят им за находчивость:

– Опустите глаза.

– Отдельно не получается, можно вместе с головой? – ответ, после которого гарантированно не попадёшь в следующее распределение ролей.

70-е годы. Готовился бенефис хорошей актрисы, мне предложили прочесть что-нибудь с юмором, а я как раз восстанавливал по памяти лёгкий стишок, слышанный по радио.

В торжественный день прочёл. Шутка не прошла.

Уходил со сцены, понимая, что сейчас будут бить. Актриса навсегда затаилась против меня.

Вот тот опус.

*Мечтать о вас, бродить за вами,
Писать вам письма столько лет,
Встречать вас нежными словами,
Внезапно доставать билет,
Чтоб ехать к вам,
Чтоб только рядом побыть вдвоём
В который раз, в который раз
Влюблённым взглядом
Глядеть в безмолвии на вас;
Улыбкой, танцем, песней, шуткой
Добиться в вас любви своей;
Назначить день женитьбы скорой,
Созвать на шумный пир друзей,
Разлить вино по звонким чашам,
Упрямо стать супругом вашим.
Узнать вас ближе... ужаснуться.
Уйти. И больше не вернуться!*

Писателя и журналиста А. Т. Аверченко однажды вызвали в какое-то придворное учреждение и сообщили, что царь не прочь пригласить его к себе во дворец: августейшему семейству «благоугодно было» послушать смешные рассказы юмориста. Аркадий Тимофеевич сказался больным и отказался: он понял, что пойти развлекать царя – значит, поставить крест на своей репутации журналиста и писателя. Что же это за понятие чести было у людей до 17 года?

Сегодня пригласи нашего брата – приползём на коленях.

Мошки – ждём кормёжки пожирнее.

80-е годы. Прокопьевск. Гастроли. Спектакль «18-й верблюд».

Часа за два до начала к нам в номер гостиницы тарабанит в лоскуты пьяный актёр Л.

– Олечка, выручай: 150 – и я на ногах, иначе сдохнет верблюд.

Я верю: мало ли на кого как действует алкоголь.

Через пару минут принёс ему из ресторана спасительную влагу и уже после первого его глотка понял, что начались проблемы: водка «не пошла», но он впихнул её в себя и... отключился.

На нас с Людой напал нервный смех от безвыходности. До спектакля оставалось часа полтора. Ехать на трамвае нельзя – остановка напротив окон гостиницы. Я вывел его через чёрный ход. Обогнув стадион, частным сектором приволок тело, сопротивляющееся и философствующее, в театр, разложил в гримборной и скорее к тётке Тоне – парикмахеру: она из бывших употреблявших, но последние лет десять в шифровке.

Нашатырь, разбавленный водой, не проглатывался, от напряжения он даже забывал дышать. Тётя Тоня доходчиво втолковала, что будет, если он не протрезвеет, а за лекарство ручается – проверено.

Вторую порцию он выпил добровольно, но она была лишней – пена пошла даже из ушей.

Начался спектакль, он кивал головой и молчал, играя профессора, немногословность была органична.

Партнёры, чтобы действие как-то продвигалось, спрашивали его:

– Вы, наверное, хотите сказать... то-то и то-то?

– Вы думаете, что?..

Он на всё отвечал «Да!» И это было убедительно – артистом он был хорошим.

Одну мизансцену отменить было нельзя – героиня должна была запрыгнуть ему на руки, что и сделала.

Он с немыслимым усилием поймал её, но уже не мог отпустить. Вызволять артистку вышли, вопреки сценической логике, почти все персонажи. Доиграли на нервах.

Через пару дней в рецензии на спектакль ругали всех.

Кроме него.

В 80-е годы гастроли в г. Кирове открывали «Тихим Доном», у народного артиста РСФСР Б. Н. Сурова один, но яркий эпизод в нём.

В тот день он приболел. Его решили побережь и вымарали, т. е. сцена не игралась, но «Кировская правда» пропечатала, как глубоко он прожил, воплотил, передал...

В конце 70-х в Перми голод и, как издёвка, двухэтажный гастроном. К открытию выстраивались тысячные очереди, а мясной отдел, естественно, на

втором этаже. В 9 часов он открывался, и народ, тедрая облик, нёсся к суповым наборам, ливерной колбасе... через два часа сметались даже пороссячьи хвостики. Вопрос у всех был один: а где мясо?

Сельские гастроли в те времена были послаблением: парное молоко, сметана, с утра в лес за грибами, ягодами или с ночи на рыбалку. Места сказочные – Урал.

– Хозяюшка, ведро картошки сколько? Пять рублей? Так ведь это дороже, чем в городе!

Через неделю в другой деревне, что в ста километрах:

- Хозяин, картошка есть?
- С утра была.
- Нам пару килограммов.
- Заходите, берите сколько надо.
- ???

Историю эту любят рассказывать приезжим, может быть, поэтому для зачина и предлагают сколько унесёшь. Вот она: послали как-то по разнарядке в Москву на ВДНХ местного дурачка – единственно на всю деревню трезвого. В одном из павильонов он удивился в три кулака картошке и понял, что земляки ему не поверят. Для наглядности украл несколько штук. А через 5–7 лет деревня на выставочной картошке поднялась.

«А что, трудно приехать из той деревни, где «по пять», набрать ведро бесплатно и посадить?» – скажете вы. И я полюбопытствовал. В ответ пожали плечами: мол, неразрешимые вопросы задаёшь, старик. Русская душа – потёмки.

На выезде играем «Недоросля». После первой картины со сцены в гримборную приходит Саша Измайлов, делится впечатлением:

– В первом ряду сидит толстая дама, обливается потом и шёпотом, но на весь зал: «Ой, когда же это закончится!»

Репетиции сказки «Маленькая Баба-яга». Режиссёр – актрисам:

- Девушки-ведьмы, вы хоть на разные ноги хромайте, и так все на одно лицо.
- Этой можно хоть сейчас открывать курсы по полётам на метле.
- Танец «Мухи – источник заразы», причём все мухи беременные. Размахивать руками – ещё не танец, включите мозги, ноги.

Слово «актёр» часто переводят как «действующий». «Что я здесь делаю?» – нормальный вопрос артиста к режиссёру в застольный период.

М. Захаров на этот вопрос, заданный со сцены, задумался и очень серьёзно ответил: «А действительно, что вы там делаете?»

Больше актёр вопросов не задавал – был уволен.

Ещё один эпизод приписывают Захарову. Он уволил талантливого актёра с формулировкой: «Театр дороже».

После Новосибирского театрального училища по распределению поехал в Карагандинский театр, моим соседом по коммуналке стал девяностолетний ссыльный мхатовский актёр К. М. Рауш – барон Страйденберг. Разговоры с ним велись на кухне, где мы, два холостяка, варили себе похлёбку из фрикаделек. Он был учеником К. С. Станиславского. Я видел у него письма от К. С., расписывался в книге почтальона за корреспонденцию из Америки от Ирины Шалапиной – дочери великого баса, видел два чемодана денег под кроватью, полученные им за переводы казахских пьес на русский язык, получал от него 5 копеек на глазные капли за 3 коп. и отвечивал за сдачу, имел право выбрать любую книгу из его библиотеки, а когда выбрал ничего не значащего для него и для меня американца Маршалла, он обнял меня и предложил пользоваться ею всегда.

Помню россыпь его оценок, например: «Ермолова не была красавицей, не имела голоса, фактуры, но вера в предлагаемые обстоятельства сделали её первой народной артисткой Советской Республики».

История от барона:

К. С. ставил пьесу об эмигрантах. Заласканным актёрам МХАТа не давались растерянность и отчаяние в эпизоде, в котором их персонажи оказывались на перроне вокзала незнакомой им страны, где их никто не встретил. Тогда Мастер сделал то, что его система не предполагала: актёров развёл по зрительному залу, выключил свет и заставил пробираться на сцену, открыв оркестровую яму, а вместо щитов положил узкую доску, соединившую зрительный зал со сценой, что было опасно. Через полчаса включили свет. На сцене в оторопи стояли перепуганные актёры в психо-физическом самочувствии, необходимом их персонажам. И всё же одна актриса была не убедительна, тогда К. С. договаривается со всеми, кто был за кулисами: что бы он ни делал – не дать ей возможности убежать. В последние годы К. С. ходил с палочкой, и давай ею лупить бедную актрису до синяков, та от него, а вокруг ошарашенные, как и сама жертва, соучастники педагогического метода. Слезы, истерика. «Верю! Закрепите самочувствие», – обнимая и целуя несчастную, выдохнул Отец Театра.

Во время спектакля «Годунов» ко мне подсел Мостовой Б. И. и с испуганным восторгом прошептал: «Я сегодня закончил писать мемуары и мне некому об этом сказать, наверно, так и должно быть: в этой жизни я никогда никого не любил, как и меня никто».

Как-то я напомнил ему об этом.

«Я так сказал? Не помню», – и отошёл без слов.

Не мною подмечено: номинанты на «Оскара» очень часто в один год получают и «Калашу». Актёр выполняет задачи режиссёра, т. е. он должен, как портной, сшить костюм по фигуре заказчика. А если у того пузо?

Поэт Введенский (?) сказал: «Лучшая форма управления государством – монархия: есть возможность, что случайно по наследству власть получит порядочный человек». Работа в провинциальном театре – сизифов труд. Одно и то же с тем же результатом – без случайностей.

В начальных классах одним из уроков был танец. «Учительница первая моя» всегда ставила меня в пару со своей дочерью – одноклассницей. Мне это не нравилось. Однажды нам было позволено самим выбрать партнёра! И я из страха не угодить учительнице выбрал её дочь. Так, скорее всего, выглядело со стороны. На самом же деле мне не хотелось их обидеть. Недавно, припоминая школьные годы, обнаружил, что почти никогда не ходил на вечера, а если случалось, никогда ни с кем не танцевал. Я боялся, что та девочка, которую должен был пригласить тогда, помнила мою «слабость». Даже если забыла – я никогда не забывал.

1959 год. Ижевск, 1-й класс.

Воскресными вечерами в нашей школе № 30 показывали кино. Вход – 10 копеек. Мы вынужденно устраивались на полу перед экраном, что было неудобно, зато приобщало к пространству «тридцатки».

«Ты где учился?» – вопрос в Ижевске с подтекстом.

В тот день что-то не заладилось с техникой и фильм перенесли. Через неделю я взял с собой сестру Ирину, что на три года меня младше. «Она была с тобой в прошлый раз?» – спросил на входе старшеклассник-контролёр. «Аха». – «Проходите».

Он не поверил, но пропустил.

Полтора часа в темноте зрительного зала я перееживал «выгоду» вранья.

Всегда и сейчас, когда при мне врут, я опускаю голову: «Проходите».

В пионерском лагере я впервые явил себя перед зрителями в роли Волка. Провал был грандиозный!

От волнения текст выдавливал из себя и совершенно забыл, по замыслу постановщика, периодически рычать. «Спас» баянист за сценой: он озвучил за меня волчий рык так убедительно, что мы от неожиданности и страха прижались с Красной Шапочкой друг к другу.

Пацаны аплодировали.

В небесных скрижалях не было записано предначертанности к профессии. В школе мне не удалось из-за стеснения одолеть перед классом незамысловатый стишок. Только на перемене на ухо учительнице, без свидетелей.

1976 год.

Гастроли в Оренбурге, в городе очень набожном, запомнились не провалом спектакля «Испанский священный», во время действия которого уходили зрители, возмущённые похотливостью и пьянством главного героя, а рыбалкой.

В те годы гастроли тянулись три месяца. Переезды, гостиницы, кипятильники (о них чуть позже), столовые, ранние выезды на сказки и опасное чувство бессмысленности. Спасала рыбалка. Одна из них была выдающейся. После разлива рек образовывались маленькие озёрца-лужи, и в них оказывалось много рыбы. В это трудно поверить, но, связав одежду, полотенца, получили что-то вроде бредня. Наловили в него за полдня два мешка щук. Улов дотащили до базара, продали «в лёт», купили ящик коньяку и ящик водки. Привлекли коллег отметить событие.

На другой день пришлось отменить спектакль – некому было играть: в номерах шёл разговор за жизнь.

Оставшиеся гастроли с обрётёнными (протрезвевшими) артистами отработали на энергии интереса к самим себе и партнёрам.

Надо было крепко выпить, чтоб просветлеть, осмелеть задуматься в то идеологическое время, проговориться и найти рифму своим загнанным в потёмки мыслям в забитом, как и ты, собрате.

А с кипятильником такая история. Пользоваться ими в гостиницах было запрещено. Стук в дверь.

– Добрый вечер. У вас кипятильник есть?

– Есть. Вам какой, большой или маленький?

– Давайте оба. Я директор гостиницы.

В Перми я приятельствовал с актёром – басом Театра оперы и балета. Перед международным курсом вокалистов в Париже директор опрометчиво пообещал ему, если он выиграет, то любая его прихоть будет исполнена. Мой друг получил Гран-при. На банкете по приезде опустили люстру в зрительном зале, и он, взобравшись на неё, летая над креслами, получал удовольствие.

...я жалкий огрызок без своей матушки, отца. Без них я и сейчас не целое с самим собой.

Когда родители были живы, я имел пространство для отступления.

* * *

Текст для альманаха к 90-летию обл. библиотеки им. В. Фёдорова.

В Кемерово нас занесло из Перми в конце 70-х.

В аэропорту слоган «Кузбасское – лучшее», а всё лучшее – детям, продолжил я про себя масонскую «премудрость» и двинулся на поиски театра: традиция встречать актёров ещё не привилась.

Я ехал по городу, и мне всё меньше хотелось его завоёвывать. Вспоминалось трагическое недоумение мамы по поводу моей профессии и неизменное стенание «где родился, там и пригодился».

Около служебного входа со стороны ул. Ноградской стоял персонаж.

– Театр? – восторженно спросил я у него, показывая на пафосный сталинский пирог, выстроенный для заслушивания резолюций и директив.

Он мощно облегчил нос привычным движением зажима и встряха: «Нет, это баня!»

Мне хотелось застрелиться, но я заставил себя принять его недружественность за шутку.

Мы получили квартиру на ул. Весенней. Год я не сворачивал ни на шаг с пути «работа – дом». Угрюмые, смутные люди окружали меня, даже тени их казались мне темнее и больше обычного. Встретиться взглядами – значит не уснуть всю ночь.

Откуда мне было знать, что каждый третий в этих «местах не столь отдалённых» – и это уже не метафора – сидел, или будет сидеть, или имеет родственников среди них.

Очень скоро всё, что потом будет связано с библиотекой им. В. Фёдорова, станет контрапунктом и к городу, и к театру, в котором я в те годы был незамечаемым «пятым грибом в третьем ряду» на утренних спектаклях.

Оказалось, меня знают в библиотеке, разглядели, и даже предупредительнее, чем к другим: однажды позволили почитать Библию где-то под лестницей, вынеся её под юбкой из тайников.

Я был не приспособлен к холодам, потому погибал, как обезьяна, привезённая из тропиков. Мои новые знакомые узнавали об этом и приносили в больницу редкие книги из основного фонда!!!

Потихоньку публика персонифицировалась через эти лица. Они стали теми, во имя кого, ради

кого существует артист – по слову Марины Цветаевой.

Скоро мы уехали в Ереван. Первая телеграмма после землетрясения «Вы живы-здоровы?» была от Ольги Крылёвой, она и сейчас работает в краеведческом отделе.

Возвращались в Кемерово через десять лет уже из Алма-Аты.

Вахтёры театра с повышенным любопытством передали мне тёплые вязанные вещи, что пролежали у них больше года. «...Дама принесла очень строгая, просила пригласить тебя, мы ей объяснили, что ты давно не работаешь, она же: «Он должен был уже вернуться»!!! Позже я с ней познакомился, она была библиотекарем.

Фиолетовый звук, обратная сторона ветра – её мир. Как-то в сердцах я назвал её сумасшедшей.

«Это самый желанный комплимент, – не обиделась она, – сойти с человеческого ума цель моей жизни». Ницше сказал: «Когда обезьяна сошла с ума – она стала человеком».

Наверняка у него есть определение человека, сошедшего с ума.

По отношению к ней, сумасшествие – синоним вызова.

Она, верящая в реинкарнацию, уверяла, что во мне живёт неуспокоившийся дух Сергея Рахманинова. Удивительнее всего, что в моей сумке в тот момент лежала книга из серии ЖЗЛ о нём.

Она считала Кузбасс местом духовного возрождения России и возвращение наше ставила через запятую в один ряд – добрейший человек.

Я меняюсь, входя в библиотеку, включаюсь в её атмосферу, ужас существования улиц отступает, и я уже не раб той обезьяны, что живёт во мне, и всё любезно и любимо.

Раньше на контроле сидела бабушка, когда она заканчивала оформлять пропуск, ей хотелось поцеловать руку, потому что делала она это подчёркнуто неторопливо, ведя вроде необязательный диалог, но через него ты понимал, что попал в заповеданное место, суety нетерпящее.

Каждому человеку должно быть куда прийти, где его ждут. Этим местом остаётся библиотека им. В. Фёдорова, и там по-прежнему есть, кому целовать руки.

Текст для не вышедшей театральной стенгазеты к 65-летию Великой Отечественной войны. «У моего отца парадных снимков не было, его награды за участие в Великой Отечественной войне лежали в доступном месте, и мы с братом легко пользовались их для игр.

Отец не возражал. Скорее всего, я их обменял на марки, со временем.

Думаю, что когда он узнал об этом, то не огорчился: его отношения с властью были сложными, и знаки внимания от неё принимались без пафоса, иначе не объяснить, почему в 70-х годах он подал заявление о выходе из Компартии.

У него было огнестрельное ранение в живот из тех лихих молодых лет. Получил он эту пулю не на фронте, а при обстоятельствах, за которые его разжаловали, возможно, это была дуэль.

Мама очень любила его, иначе не родила бы шестерых детей. За всю жизнь он ни разу!! не назвал её и нас, детей, по имени!!! Мы, сыновья, были у него «молекулы», а дочери – «малявки».

Он никогда не обнимал меня и не говорил ласковых слов. Но больше, чем он, меня никто не любил, кроме мамы, конечно. Я редко бываю на его могиле в Ижевске, в последний раз, когда я там был, в его оградке росли любимые им грибы маслята (и не ко времени, и не по почве) – так он приветствовал меня, иначе не объяснить этой причуды.

После собрания коллектива вспомнил своего любимого Швейка. Он спросил знакомого денщика, может ли тот по приказу своего офицера сожрать ложку его кала? «Если господин лейтенант прикажет – я сожру, только чтоб в нём не попался волос. Я страшно брезглив, и меня тут же стошнит».

Ещё недавно утирались – Божья роса. Сегодня вдруг явлена разборчивость, и «во всё воронье горло» концепция счастья – мы «зеркальным шкафом интересуемся».

В Большом идет «Хованщина». Хованский выезжает на лошади, с булавой, и поет басом «Дети-и мои-и... Спаси Бог!». Это, по замыслу режиссера, должно быть «с рычанием». Все было хорошо до тех пор, пока не поехали на гастроли в Ла-Скала. Реквизит погрузили, а лошадь договорились взять из местного цирка. В Ла-Скала сцена для улучшения акустики наклонена. Привели лошадь. Одели ее под стрелецкую, подняли артиста Бориса. Лошадь от его веса, крикнув, присела. Артист сидит, готовится, откашливается. Подходит их выход. Лошадь выводят, она упирается на наклонной сцене, и вдруг

у нее над ухом «Дети-и... мои-и...». Она начинает мотать головой, бросаться слюной, брызгами. Вновь подходит его место. Он уже осторожнее: «Дети-и... мои-и...». Лошадь снова брыкаться. Артист ее по голове булавой – тюк. Лошадь на передние колени упала и описалась, а так как лошадь не пудель, то бурлящий между ног поток устремился на суфлерскую будку. Итальянцы, народ темпераментный, привстали, чтобы лучше видеть. В самый последний момент из будки взметнулась рука и, описав полукруг, направила поток мимо будки в оркестровую яму. Музыканты врассыпную. Спектакль остановился. Публика визжала и, крича «Браво!», аплодировала минут двадцать. Артист сидит на лошади и говорит: «Двадцать лет пою – такого успеха не было!»

Декабрь 2010 года.

Зрители есть или нет – всё равно. Ведь результат живёт вне меня и ко мне уже не имеет отношения.

Зритель – морковка: морковка, она морковка и есть, как ещё объяснить, что такое морковка? (по Чехову).

Как жизнь, которую надо прожить, едва её касаясь, – это уже К. Кастанеда.

САМОВЫЯВЛЕНИЕ на сцене – это поиск предназначения, акт самопознания через взаимодействие с партнёрами, тайна, в которую погружаешься, открывая самого себя, время.

САМОВЫРАЖЕНИЕ – рациональное предъявление себя зрителям через навыки.

Актёры самовыражения скучны, не искренни, честолюбивы. Они как та бабка, что ставила по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывая кукиш змею, изображённому на иконе, говоря: «Вот тебе, святой Егорий, свечка, а тебе, сатана, шиш». Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел и явился к ней во сне и стал стращать: «Ну, уж попадись ты ко мне в ад, натерпишься муки». После этого баба ставила по свечке Егорию и змею. Люди спрашивают, зачем она это делает. «Да как же, родимые! Ведь не знамо ещё, куда попадёшь: либо в рай, либо в ад».

Екатерина ТЮШИНА,
библиотекарь

ПОТОМУ ЧТО ДУША ТАК ВЕЛЕЛА

**К 65-летию со дня рождения поэта
Бориса Васильевича Бурмистрова**

Щедра Кузбасская земля на талантливых людей. Многих поэтов и писателей вырастила она. 8 августа 1946 года в Кемерове, на улице Каменной, что в Кировском районе, в семье рабочих родился поэт Борис Васильевич Бурмистров. Здесь, на этой улице, прошли его детство и юность. Этой улице, теперь она называется Автомобильная, он посвятил строки: «Вот и состарилась улочка тихая, где наше детство прошло...».

Писать стихи Борис Бурмистров начал еще в школе. Как сказал сам поэт, «Потому что душа так велела, потому что чувства просились наружу».

После окончания в 1964 году Сибирского политехнического техникума работал в Прокопьевске, Кемерове, Березовском – слесарем, бульдозеристом, механиком, заместителем директора завода. Несколько лет жил и работал в старательской артели на Крайнем Севере. Впервые напечатался в 1971 году в газете «Северная заря». Там, на Севере, писал мужские, старательские стихи, которые потом превратились в песни. Их записывали на магнитофон и передавали друг другу. Когда спустя несколько лет Борис Бурмистров поехал в Донбасс, то с удивлением обнаружил, что там поют его «северные» песни. Север навсегда остался в сердце поэта.

*Не писал я про Север пока,
Не сказать, что иные заботы,
Просто долго дрожала рука
От тяжелой колымской работы.*

Вернувшись в Кузбасс, работал в Берёзовском заместителем начальника строительной организации, затем механиком, зам. директора оборонного завода в Кемерове. С 1984 года Борис Васильевич начал работать в Союзе писателей Кузбасса директором бюро пропаганды художественной литературы и полностью посвятил себя литературному труду. В 1992 году был принят в члены Союза писателей России. В 1993 году его избрали председателем Правления Союза писате-

лей Кузбасса. С 2003 года работает директором Дома литераторов. Является секретарем Правления Союза писателей России. Бурмистров – член Союза писателей СССР, России, член Высшего Творческого Совета Союза писателей России. Входит в Российскую академию естественных наук и является академиком Петровской академии наук и искусств. Член Общественной палаты Кемеровской области I созыва. Многие годы был советником губернатора Кемеровской области по культуре.

Но где бы и кем ни работал Борис Васильевич Бурмистров, всегда оставался поэтом. Он – автор многих поэтических сборников. Первая книга стихов Б. Бурмистрова «Не разлюби» вышла в Кемерове в 1989 году. В дальнейшем выходили: «Душа» (1991), «Поклонись земле русской» (1994), «Песочные часы» (1995), «Лирика» (1995), «Живу, и радуюсь, и плачу» (1999), «День зимнего солнцестояния» (2001), «Скажи люблю...» (2005), «Чтобы женщина рядом была» (2006), «Как жить на свете не любя» (2007), «О чем не сказано ещё» (2009), «Сквозь сумерки времён» (2011).

Лучшие произведения Бориса Бурмистрова включены в российские коллективные сборники, хрестоматии, антологии: «Собор стихов», «Русская сибирская поэзия», «Писатели Кузбасса». Его стихи переведены на узбекский язык.

Бурмистров публиковался в российских и сибирских журналах: «Наш современник», «Москва», «Литературная Россия», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Бийский вестник» и др.

Борис Васильевич также великолепный исполнитель своих песен под гитару. У него записан компакт-диск с песнями, которые когда-то пел друзьям, и новыми, пользующимися популярностью у слушателей: «Осенняя трава», «Чтобы женщина была рядом» и др.

Стихи к Борису Бурмистрову приходят по-разному. Может что-то увидеть на улице – и в памяти останется зарубка, а может встать ранним утром и записать строчку, которая вдруг пришла в голову. Однажды утром проснулся и записал: «Любовью к ближним истончусь... душа любовью станет». И вначале не придавал этим строчкам особого значения, а когда позже посмотрел, то понял: совсем неплохо. Так появилось стихотворение, а эти слова стали его жизненным кредо.

*Пройдет печаль, исчезнет грусть,
И ночь, как сон, истает.
Любовью к ближним истончусь –
Душа любовью станет.*

Важной темой в творчестве Бурмистрова является любовь к женщине: «Чтобы женщина рядом была. И не просто была, а любила...»

«Я начинал писать о любви и продолжаю творить в этом направлении», – говорит поэт. Не зря его сборни-

ки так и называются: «Не разлюби», «Скажи люблю...», «Чтобы женщина рядом была», «Как жить на свете не любя».

Но поэт совсем не сводит понятие «Любовь» только к взаимоотношению полов, она для него не просто воздыхания под луной.

«Любовь для поэта, – считает Бурмистров, – та ось мироздания, вокруг которой вращается всё. А отношения между мужчиной и женщиной – это лишь оселок, на котором Всевышний стремится довести до совершенства самое светлое чувство, сформировать его таким, чтобы оно стало всеохватывающим, всегда и везде главенствовало во взаимоотношениях людей. Бог любит и учит этому чувству нас». На встречах со школьниками Борис Васильевич так и говорит: «Любовь – это не то, что показывают в американских фильмах, это – сначала соприкосновение душ, а уже потом – жизнь вместе».

*И свет любви необъяснимой
Во тьме отыщется... И вновь
К душе измученной, ранимой,
Как божий дар, придёт Любовь.*

Жизнь для поэта Бурмистрова интересна своим многообразием. Он впустил в свои стихи весь окружающий мир. Свое творчество посвятил людям, живущим рядом, отчужденному, родному краю и городу, которые стали для него источником вдохновения.

*Из прошлого высвечен сердцем
Нетленный родительский дом...*

*В моем лице – морщинки прапрадеда,
В моем лице – улыбки праправнука,
В моем лице – крупинки праправсета,
В моем лице – полоски праправзвук.*

Борис Бурмистров – современный поэт, и его, конечно же, тревожит все, что касается современного общества.

Поэт ощущает в себе кровные связи с вечными обликами и явлениями жизни, и в первую очередь с прошедшим, настоящим и будущим поколением родных людей. Семья, родные, «родова» для него не просто слова, это связь времен. И что бы ни происходило в стране, эта связь не должна рушиться.

Когда в 90-е годы на страну обрушились реформы, вогнавшие многих россиян в депрессию и нищету, поэт Бурмистров не молчал. Его строки, написанные на злобу дня, правдивы и убедительны.

*Что-то не то в этом мире творится,
Если печалью подсвечены лица,
Если на лицах тревога застыла,
Значит, душа о душе позабыла,
Значит, душе одиноко и сиротно,*

*Значит, в миру нету Божьего мира,
Значит, Любовь в суете затерялась –
Мне не досталась, тебе не досталась...
Так и живем в этой жизни мы бральной –
Плачет душа о душе сокровенной.*

Россия, Родина воспринимается поэтом Бурмистровым во времени, исторически. Страна сегодняшняя для него – это далеко не та Россия, которую знает мир. Он уверен, что испокон веков, даже в самые трудные времена опорой для русских была духовность, которую он черпал в православии.

«Поэт без Бога в душе подвержен искривленному восприятию и изложению сути земного бытия, – считает Борис Васильевич. – И напротив, когда поэт остается один на один с Богом, верой, в нем раскрывается искренность, чистота помыслов и их воплощение в поэтических творениях».

В 2003 году была издана книга «Собор стихов». Три года три поэта – Борис Бурмистров, Сергей Донбай и Александр Ибрагимов – работали над «Собором стихов». Стихи для этого издания не писались специально. Они были написаны в разное время, но оказалось, что духовные стихи писались всегда, даже в самые атеистические времена. Потому что при любых политических событиях поэт не может не думать о Боге, о душе, о любви, о природе.

Есть два пути – Божественный, к Свету, и – бездну страстей и неверия. Книга «Собор стихов» несет в себе Свет... Вглядитесь, вслушайтесь!

118

ЗАПОВЕДЬ

*На грешную жизнь не ропщите –
Все было, все будет в судьбе.
Друг в друге врага не ищите,
Но Бога ищите в себе.
Друг в друге лишь друга ищите,
Отринув хулу и вранье,
И памяти тонкие нити
Не рвите во имя свое.*

Творчество, несомненно, занимает большое место в жизни Бориса Васильевича Бурмистрова. Но у председателя Кемеровского областного отделения «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» очень много и других важных дел. Его постоянной заботой стала поддержка молодых талантливых авторов.

В течение многих лет Борис Васильевич вместе с соратниками по перу ведет просветительскую работу в учебных заведениях Кузбасса. Совместно с департаментом образования разработал и внедрил программу эстетического воспитания школьников. В школах Кузбасса проходят уроки кузбасской литературы, на которых писатели встречаются со школьниками.

На литературных встречах в школах неоднократно поднимался вопрос об издании книги, в которой были бы представлены поэзия и проза писателей, чье творчество наиболее полно отражает историко-литературный процесс в Кузбассе. Ответом на такой социальный заказ и стала работа Союза писателей Кузбасса и его художественного совета над хрестоматией «Писатели Кузбасса». Хрестоматия, вышедшая в 2007 году, представляет собой труд пятидесяти четырех наиболее известных поэтов и писателей Кузбасса, внесших в литературу заметный вклад. Книга рекомендована для чтения в 5–11-х классах общеобразовательных учреждений Кемеровской области.

Большим событием в литературной, культурной жизни не только Сибири, но и России стала реализация проекта Бориса Васильевича Бурмистрова – издание антологии «Русская сибирская поэзия – 20 век». Цель данного проекта – собрать лучшие поэтические произведения сибирских писателей XX столетия.

И благодаря поддержке Губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева и использованию средств от гранта Международного гуманитарного общественного фонда «Знание» в августе 2008 года антология вышла в свет. Такое собрание лучших произведений сибирских писателей появилось впервые. Антология «Русская сибирская поэзия – 20 век» – это не только художественная книга, но и прекрасное учебное пособие для школьников и студентов.

Особо волнует Бориса Васильевича снижение среди молодежи культуры русского языка. По его инициативе в областной Совет народных депутатов было подготовлено обращение писателей Кузбасса с просьбой издать закон о сохранении русского языка. Он с горечью отмечает, что сегодня русский язык нужно защищать – от неразумных заимствований из иностранных языков, от использования нецензурных слов, от языка Интернета, который становится модным и превращает современную молодежь в Эллочек Людоедок.

*Загляделся в прозрачный ручей
И над жизнью задумался снова:
Отдохнуть бы от шумных речей
В ожидании светлого слова.
Как прекрасен родимый язык,
Как он в строчки, созвучья ложится,
Словно к чистой водице приник –
До конца моих дней не напиться...*

За особый вклад в литературу и культуру страны Борис Васильевич Бурмистров удостоен редких наград. Одним из первых российских писателей он награжден орденом Российской академии естественных

наук «За пользу Отечеству» им. В. Н. Татищева, юбилейной медалью им. Вернадского, юбилейной медалью к 200-летию А. С. Пушкина. В 2005 году за создание сборника православной поэзии «Собор стихов» ему вручена особая Всероссийская православная литературная премия им. Александра Невского. Лауреат литературной премии имени Василия Фёдорова, Всероссийской премии «Белуха», Всероссийской литературной премии имени Н. А. Клюева. Награжден почетной грамотой Министерства культуры РФ, областными медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III и II степени, юбилейной медалью «60 лет Кемеровской области» и др.

Жизнь и время посеребрили бороду, пришла мудрость, но душа поэта Бориса Бурмистрова всё так же светла, как у того мальчика, бегавшего по улице Каменной. В детстве ему мечталось, что придет время, когда мир, покой и любовь будут в каждом доме на всей Земле. Ему верилось, что это возможно в его родной стране. Но прошли годы. Много бед, горя и потерь обрушилось как на страну, так и на самого поэта. Какими словами можно рассказать о потерях друзей и близких, какими слезами оплакать любимых. Оттого и печальны некоторые стихи поэта.

*Поплачь душа, быть может, легче станет,
Забудь обиды, горести забудь.
И этот день – он также в бездну канет
И там продолжит бесконечный путь.*

179 или

*Что-то оплачено кровью и потом,
Что-то свалилось, как манна с небес.
И в одиночку, и с целым народом
Нес я безропотно тяжкий свой крест.*

Душа и слово для Бориса Бурмистрова понятия неразделимые. А когда душа больна – ее лечат словами добра, любви, сострадания. Он убежден, что любой человек, приходящий на Землю, должен хотя бы маленькую толику сделать для совершенствования мира сего.

«Наше поколение далеко не последнее на планете, – считает поэт, – поэтому долг всех живущих сегодня сохранять и приумножать доставшееся духовное богатство для будущего наших детей, чтобы они могли черпать из него и очищать свои души от скверны всякой».

С этими мыслями живет поэт Борис Бурмистров. Живет и надеется, что тяжкие, смутные дни на Руси обязательно пройдут. Ведь во все времена «и плакалось, и пелось...». Поэту же Борису Бурмистрову хочется, чтобы больше пелось!

г. Кемерово

Рисунок Нади Ручевой

Елисей ЕЛИЗАРОВ,

г. Кемерово, лицей № 62, 5-й класс

КОТ КУЗЯ

В нашем доме, в соседнем подъезде, на первом этаже живёт один дедушка. Это высокий, крупный мужчина 65 лет с приветливым лицом и добрыми глазами. Зовут его Андрей Миронович. Летом он высаживает перед своими окнами красивые цветы, за которыми всегда сам ухаживает, а зимой мастерит кормушки и развешивает их на деревьях. Но одну из них он обязательно вывешивает за своим окном.

Три года назад Андрею Мироновичу кто-то подарил прелестного пушистого чёрно-белого котёнка. Я тогда гулял во дворе и вдруг увидел за окном дедушки это сибирское чудо с большими зелёными глазами! Котёнок сидел на подоконнике и внимательно следил за птицами, которые подлетали к кормушке и клевали семечки. А я стоял и смотрел на котёнка и не мог оторвать от него глаз. Позже я узнал, что котёнка называли Кузей.

Когда Кузя подрос, дедушка стал его выгуливать на поводке, как собачку. Это так было смешно! Представьте, впереди важно вышагивает Кузя с высоко задранным хвостом, а сзади его держит за поводок Андрей Миронович! Как будто это кот выгуливает своего хозяина!

Теперь Кузя стал совсем взрослым и гуляет самостоятельно. Он выскакивает из подъезда и носится по двору как угорелый: то запрыгнет на дерево, то начинает играть с листочками, а то вообще исчезнет из виду. И тогда дедушка выходит на улицу и начинает свистеть. Кот

его прекрасно слышит, но сразу не спешит на зов, а затем вдруг неожиданно откуда-то появляется.

Однажды я подошёл к окну и увидел во дворе Кузю. Он припал к земле и сосредоточенно куда-то смотрел. Недалеко от кота сидела сорока и с увлечением что-то клевала, ничего не замечая вокруг. У Кузи от напряжения начал вздрагивать хвост, и птица его тут же заметила, бросила свою добычу, испуганно застрекотала и взлетела на ветку соседнего дерева. Кот, не долго думая, запрыгнул на это дерево и стал карабкаться по стволу. Он быстро добрался до ветки, на которой сидела сорока, но она застрекотала и перелетела на соседнюю. Кузя хотел перебраться к ней поближе, но вдруг птица сама полетела к коту, уселась рядом с ним и начала громко стрекотать.

Вы бы видели в этот момент Кузю! Он весь вытянулся в струнку, вытаращил глаза и замер! Сорока «отругала» его и улетела, а котяра в панике соскочил с дерева и побежал к своему подъезду, всё время оглядываясь. Он был в шоке!

ТРРЮ

Наконец наступила весна, которую я так долго ждал! Как я люблю наблюдать, как день за днём пробуждается природа! Яркое солнце уже посылает на землю свои золотые лучики, от тепла которых просыпается всё живое.

Я шёл по улице, и мне вдруг вспомнился один случай, произошедший весной прошлого года. Это было в начале апреля, когда местами ещё лежал снег. Мы с бабушкой пошли прогуляться в Городской сад. Погода стояла прекрасная, и светило ласковое солнышко. Из проталин выглядывала прошлогодняя трава. По дорожкам бежали весёлые ручейки, обгоняя друг друга и сверкая всеми цветами радуги. Где-то одиноко чирикал воробышка, и слышались звуки капли. На крыше одного из павильонов висели зеркальные сосульки и плакали: «Кап-кап, кап-кап-кап». И это звучало так жалобно! Лёгкий ветерок раскачивал нежные веточки берёз, и мне казалось, что они нас приветствуют. И мы с ними поздоровались. Жаль, что я не композитор! Можно было бы написать симфонию о пробуждении природы...

Вдруг мы услышали необычные звуки: «Тррю, тррю». Сначала было не понятно, что это такое. Потом мы догадались, что это кричит какая-то птица. Мы решили посмотреть на неё.

И вот увидели на самом верху большого тополя... воронёнка. Он был какой-то взъерошенный и неуклюжий, смешно вытягивал шею и кричал: «Тррю, тррю». На соседнем дереве сидели две большие вороны, наверное, его родители. Птицы наблюдали за своим воронёнком и поправляли пёрышки друг на друге. Мы с бабушкой очень удивились, что это кричит ворона, ведь они же издают другие звуки! Нам стало интересно, чем же всё закончится. И тут мы слышим: «Кар-кар». Воронёнок также вытягивал шею, но теперь каркал. И он уже не казался нам таким неуклюжим, а как-то приосанился, пёрышки у него пригладились и даже заблестели на солнце.

Родители воронёнка взлетели вверх, сделали круг около своего взрослого птенца, и затем они все вместе улетели. Нам было интересно наблюдать эту сцену, ведь воронёнок кричал совсем не похожее на обычное «кар».

Мы поняли, что воронёнок учился каркать. Он чем-то напомнил маленького ребёнка, ещё не умеющего говорить и вдруг сказавшего своё первое слово «мама» после разных «агуканий».

Когда мы шли домой, мне вдруг на ум пришли такие строки: «Весною просыпается природа, Блестит под тёплым солнцем ручеёк. Чудесная весенняя погода, Которой рад любой лесной зверёк!»

Бабушка мне сказала, что это четверостишие звучит как гимн юной весне. Может, это и не так, но я с ней согласился.

Татьяна РАСПОПОВА,

г. Кемерово, школа № 16, 8-й класс

МАМИН ГОЛОС

Мамин голос рядом,
С мамой в сердце трепет,
Мамина улыбка
Спряталась в портрете...

Мамина забота,
Мамины рассветы,
А какие вкусные
Мамины котлеты!

С мамой – свет в окошке,
Солнце ярче светит,
Самая счастливая
Я на белом свете!

ВЕСНА

Звонко плакала сосулька
На железной крыше:
– Ах, как жаль, что слёз моих
Зимушка не слышит!

Мне б найти такую крышу,
Где всегда морозы,
Там бы не было весны,
Не гремели б грозы...

Горько плакала сосулька,
Отдыха не зная...
Шла по улице весною
Девушка босая!..

Ноги в ручейках омыла,
На плече синички
Громко распевает песни,
Щурясь с непривычки!..

Сарафан на ней зелёный
С поясом небесным –
Дева юная Весна
Из славянской песни!..

БОР

Сосновый бор, лохматые ладоши,
В безоблачное небо устремился...
И кажется, сейчас умчится к звёздам,
Но держится он из последних сил.

Гуляет ветер в раскудрявых кронах,
Кукушка счёт ведёт своим годам,
И сосны в изумрудовых коронах
Похожи на прекрасных знатных дам.

БОЛЬ

Повисла радуга дугой
Над утренним Инголем,
И солнце воду серебрит...
А сердце рвётся болью!

На берегу твоём, Инголь,
И банки, и бутылки,
Остатки брошенной еды,
Осколки и опилки!..

И даже места не найти,
Где можно пробежаться,
Босой ногой не наступить,
И чтоб не испугаться!

Журчи, о батюшка Инголь,
Природною водою!..
Учи растроганных людей
Своею чистотою!

Карина ТАНЦЫРЕВА,
МНО «Лицей», 11-й класс

ДОЧЬ СОЛДАТА

В списках не значился

Как-то, размышляя о войне, я поймала себя на том, что мне почти ничего не известно о том, что было с моей семьей во времена Великой Отечественной войны. Но однажды случайно я оказалась в доме моей бабушки, папиной мамы, в день, когда она встречалась с репортером местной газеты.

Он готовил материал к шестидесятилетию Победы о семьях, не понаслышке знающих, что такое Война.

По несчастным упоминаниям, редким рассказам и паре фотографий, которые показывал мне мой отец, я, конечно, знала, что и нашу семью война не обошла стороной. Как оказалось, мои знания были непростительно мизерны, и, может, я бы никогда не услышала рассказа о прадедушке, если бы не эта встреча с газетчиком.

Моя бабушка в течение долгих лет пыталась разыскать могилу своего отца. Но попытки оказывались тщетны, а запросы возвращались с пометкой: «В списках погибших и умерших от ран Александр Васильевич Давыденко, 1905 года рождения, не значится». Нина Александровна теперь уже намного пережила своего отца. Но до сих пор отчетливо воспроизводятся картинки из прошлого – полеты на отцовских руках, когда от высоты захватывает дух и никакого страха, только уверенность, что папины руки крепки и надежны! Могла ли она тогда предполагать, что этого ощущения – уверенности в будущем, надежности и защищенности – ей будет не хватать потом всю жизнь...

На Волховское направление фронта моего прадеда (Александра Васильевича) призвали в первые же дни после объявления о нападении фашистов. Он только что вернулся с финской войны – высокий, молодой, сильный. Свидетельство тому – последняя фотография семьи в полном составе с крупными каракулями на обороте: «На память бабе. От Нины, от Раи, от мамы и папы. Если любишь – береги, а не любишь – порви».

– Мне здесь лет 9, а младшей сестре Рае около годика, – делится воспоминаниями бабушка, – уж и не помню, ходила она или ещё нет. – и будто

спохватывается, пряча мгновенно влажнеющие глаза. – Да что теперь? Уж и её не стало.

Первое время семья моей бабушки получала письма с фронта. В последнем, написанном при свете спички, были выведены карандашом страшные для всех слова: «Завтра вступаем в бой...»

Страшнее этих строк были другие, адресованные моей прабабушке Елизавете: «Рано ты меня забыла, раз не пишешь...» Как потом оказалось, письма не доходили до солдат, возвращались обратно. Трудно даже представить, что творилось у близких на душе. Семья поначалу и знать не знала, что же с отцом, – ни писем, ни «похоронки». Мало того, что тяжело от разлуки, от неизвестности, а еще и пособия от государства не полагалось. Так они и ждали. Всю войну...

Подранки

Жила семья Давыденко тогда на Пионерке. Иногда случалось, что подселяли к ним военнопленных, работавших на шахтах, за что выда-

вали рабочие карточки. Бабушке до сих пор вспоминается, как приходилось в детские годы и коров доить, и молоко продавать (без этого бы и не выжили), и хлебные очереди отстаивать. А если к буханке крошечный довесок полагался, закапывали его в снег, в укромное место в палисаднике, чтобы потом по пути в школу подольше смаковать мерзлый хлебный кусочек.

Что касается обуви, большей частью приходилось бегать босиком. Сшитые тапочки берегли на выход. Летом было проще – высушенный подсолнечник использовали в роли банной мочалки. Отпарили в бане ноги, до дома – в тапочках, переночевали с чистыми ножками – и снова босиком. С одеждой их выручал завод «Прогресс»: покупали там мешочки из-под пороха, из них и шили одежду.

Несмотря на все горести, которые приносила война, детей старались уберечь и побаловать. На большой перемене выдавали по кусочку хлеба и ложечке сахару. Есть старались, чтобы ни крошки, ни крупинки не уронить. Во избежание голодной смерти многим приходилось работать в подсобном хозяйстве, копать картошку, вязать снопы. Прабабушка Елизавета и в шахте работала – груженные породой вагонетки «гоняла». Помогавшим ей детям за три ночи работы выдавали по две пары носков – большая по тем временам радость.

«Без отца растешь – все камушки твои, – вздыхает Нина Александровна, перебирая старые фотографии. – И под босые ноги, и по израненной душе...»

«Подранки» – так называли их, детей войны. Для тех, кто не знает, это раненый зверь или птица с перебитым крылом. Сближение таких противоположных вещей: война и дети – есть ли что-нибудь ещё более нечеловеческое, суровое, страшное и мучительное на свете? Как поднимали на крыло подранков войны их матери и бабушки, оставшиеся без мужского плеча, вынужденные взять на себя роль кормильца, известно разве что им и Богу. Некоторые, не находя сил, накладывали на себя руки. Однако вера в лучшее будущее, надежда и мужество помогли народу справиться с муками военного существования и поднять с колен разрушенную страну.

Спасибо Ворошилову!

Всю войну ждали хотя бы упоминания об Александре Васильевиче, но так и не дождались.

По стечению обстоятельств в голодном и тифозном 46-м году моей прабабушке пришлось поехать в Москву. Она вернулась в конце исхудавшая, прозябшая до костей, в завшивленной и от того, будто муравьиная кочка, шевелящейся одежке, которую тут же с неё, обессиленной, сняли и сожгли. Поразительным был её рассказ.

Елизавета жила в полуобморочном состоянии несколько дней без еды и питья в телефонной будке недалеко от Красной площади. Среди прохожих прабабушка узнала легендарного маршала Ворошилова, хотя видела его лишь раз на фотографии («Бог помог», считала она всю жизнь). Елизавета с надеждой кинулась к нему наперерез. Ворошилов её выслушал, выписал пропуск в Кремль и привел в приемную. Она плакала и рассказывала. Он куда-то звонил. Вручил записку, по которой ей выдали на вокзале билет, чтобы вернуться к детям. И самое главное – булку хлеба, кусок сала и фляжку воды дал он ей, потому и не умерла моя прабабушка в дороге.

Через полторы недели после возвращения семья Давыденко получила «похоронку» – листок с вымаранными строками и датой смерти: 2 января 1942 года.

По шк

СИВВО
ИЗВЕЩЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ районный Военный Комиссариат г. Кемерово

Ваш муж, рядовой **Давыденко Александр Васильевич 1905г.**
Уроженец **Новосибирской обл. г. Березинка.**

по 2 части
Исчез в 1942г.
№ 2/425
г. Кемерово.

Находится на фронте
погиб
2 января 1942г.

Настоящее извещение является документом для возмещения ходатайства о пенсии (приказ М.В.О. № 220)

Центральный районвоенком
Исх. № 673
подписанный (Евгений) *подпись*

Похоронка пришла, но где покоится солдат Давыденко, семья долгие годы не знала, но всё так же искала и надеялась.

Однажды в опубликованном местной газетой списке раненых, прибывших в деревню Дроздовку Тогуцинского района, нашли знакомую фамилию. Совпадало всё, кроме отчества. Но затеплившаяся в сердце надежда – вдруг опе-

чатка, вдруг отец? – заставила мою бабушку, тогда 12-летнюю девочку, собраться и преодолеть от станции Орлюк 25 километров пешим ходом. Раненых, лежавших здесь, называли «самоварами» – не было у них ни рук, ни ног. В гигантском и непомерном для её роста халате от кровати к кровати шла она к солдату-однофамильцу. Он был, как и другие, «самовар» – рук нет, ног нет. Лишь глаза жили. Бабушка рассказывает, как смотрел на неё раненый и попросил об одном: «Дай мне ручки твои». Поднесла она ладони к его лицу – долго он их целовал и плакал: «Хоть и солдатская ты доченька, да не моя...»

Прошло время. Бабушка моя и ее сестра жили уже своей семейной жизнью, которая у них обеих, говорит не без радости бабушка, удалась. Нина Александровна стала женой фронтовика, бывшего разведчиком под Сталинградом.

В 1995 году по Центральному ТВ был зачитан список найденных и перезахороненных останков солдат, и бабушка услышала фамилии своего деда (моего прапрадеда) и отца (прадеда). Из все-российской группы «Поиск» пришло известие: «Давыденко Александр Васильевич покойся в воинском захоронении в деревне Лезно Новгородской области на границе с Ленинградской. Его имя занесено на одну из могильных плит...»

«Долина смерти, долина боли, долина скорби, долина горя, долина без вести пропавших, долина павших, долина павших...», – писал в своем «Снежном десанте» В. Ерхов об этом месте. В нескольких братских могилах Лезнинского за-

хоронения покоятся более 4 тысяч советских солдат.

Описывая село, бабушка разворачивает небольшую брошюру с современными фотографиями этого места, на которых запечатлены могилы и останки погибших. Съездить туда она смогла в 2004-м. Привезла на могилу нашу землю и цветы. Рассказала, что её мама всю жизнь его ждала, да так и умерла, не узнав, где он похоронен; что и сама уже мужа-фронтовика схоронила, и сестру, и дочь его младшую. И что внуки у него удались, да и правнуки семьями обзавелись – жизнь-то продолжается!..

«На одной из этих огромных братских могил маленький памятник видела земляку, – завершает свой рассказ Нина Александровна. – Будут силы, съезжу туда ещё раз, тоже поставлю. Хоть через 65 лет после Великой Победы, а надо. Чтобы помнили. Чтобы ни детям нашим, ни внукам, ни правнукам не пришлось того пережить, что нам довелось. Лучше б забыть такое горе!»

Такое – забыть?! В брошюре о Долине размещено послание нам, поколению, которое должно быть безмерно благодарно тем, кто подарил нам жизнь. Оно гласит:

«Более миллиона защитников Отечества до сих пор считаются пропавшими без вести. Это позор нации. Брошенные на полях боев защитники родины мстят нам, живущим. Мстят отсутствием идеалов, нравственных ценностей, бездуховностью значительной части населения. Мы в долгу перед теми, кто подарил нам мирную жизнь. А по своим долгам нужно платить».

Наталья МУРЗИНА

«ИМЯ РОДНОЕ ВСЁ ВЫШЕ...»

К 130-летию со дня рождения
иерея Василия Гоголушко
(1881–1920)

*В тайге сентябрьской и апрельской
среди багульника и хвой
лежит в воде священник сельский
с отрубленною головой...*

Из стихотворения А. ИВАНТЕРА
«Вода святая»

Белые пятна истории. Беспамятство наше, наследие жестокого века. Но ведь бывает так, что внезапно, как от глубинного внутреннего толчка, по Неведомому Промыслу вскроется такое пятно, и будто со дна бездонного колодца почерпнём мы подземную воду памяти, немея от удивления.

Пережив 90-летнее глухое забвение, возвратилось к нам имя человека, который мученически пострадал за веру Христову в годы красного террора. Ему выпало жить на сломе эпох, и он, своей верой противостоя кошмару преступного времени, победил время. Возникнув словно из небытия, судьба этого человека – верится в это! – войдёт в историю сибирской земли.

В Сибири не осталось, наверное, никого, кто помнил бы отца Василия. Прямых свидетелей его жизни и служения нет, ведь 90 лет – это солидный срок, это больше, чем средняя человеческая жизнь. Крайне скупы на свидетельства и архивные полки. Документов, относящихся к репрессиям 1920 года, особенно мало. А те, что есть, закрыты для частных исследователей.

Но вот прилетело в редакцию письмо из Беларуси, от Веры Ивановны Венскович, внучки отца Василия, которая всю жизнь вместе со своими родственниками бережно хранит память о своём погибшем в далёкой Сибири деде.

Найти могилу о. Василия и совершить достойное захоронение, рассказать, чтобы знали и помнили о нём в тех краях, где служил батюшка, – об этом мечтала семья, но в советские годы это было не-

возможно. Место захоронения о. Василия неизвестно и по сей день.

По семейным воспоминаниям, собранным Верой Ивановной, и составлено это повествование.

ИСТОКИ

Василий Митрофанович Гоголушко родился в 1881 году в д. Бобры Лидского района Гродненской области. Издавна крестьянский род Гоголушко проживал в Беларуси. Деды пахали землю и сеяли хлеб. Отец его, Митрофан Иванович, был бедняком, работал портным и жил в курной хате. Несмотря на бедность, он отдал сыновей Адама и Василия учиться в учительскую семинарию в г. Лиду и через день носил им хлеб и еду, пешком преодолевая 25-километровый путь от деревни до города.

После окончания семинарии Василий был поставлен псаломщиком в церкви с. Ласица, однако мечта стать пастырем не оставляла его. Через некоторое время он уехал учиться на пастырские курсы в Москву, а в 1911 году, окончив их, был рукоположен в сан иерея.

За учебу надо было платить. Если же нет денег, то необходимо было отслужить в отдаленной местности не менее пяти лет, чтобы приобщить народ к православию. У о. Василия не было средств заплатить за обучение, и его направили на службу во вновь открытый приход Томской епархии, в переселенческий поселок Дальний Долговской волости Новониколаевского уезда. Посёлок находился неподалёку от железнодорожной станции Болотная. Так о. Василий с семьёй оказался в Сибири.

БАТЮШКА ИЗ ПОСЁЛКА ДАЛЬНОГО

На фотографии «4 июня 1911 года. В день отъезда в Сибирь» родители и трое детей: старший Пётр, средний Александр и дочка Зинаида. Младшей дочери Любочке на тот момент исполнилось всего два месяца – она лежит за шторой, которую видно на фотографии. Супруги не побоялись ехать с четырьмя малыми детьми, в том числе с грудным ребёнком, в такое далёкое, незнакомое место. Они были уверены, что справятся со всеми трудностями, а людей хороших везде много – помогут!

Посёлок Дальний, образованный в 1908 году и населённый белорусами, насчитывал несколько десятков дворов и стоял на реке Терь (ныне Правая Терь). Во всей округе – ни одной церкви. Нового священника не ожидали там хорошие условия. Поначалу не было даже дома для семьи. Матушка Ольга Викентьевна и четверо детей делили с батюшкой всю неустроенность жизни. А в 1913 году в семье священника родился пятый ребёнок – сын Миша.

Дела налаживались. Отец Василий построил для прихожан молитвенный дом, а вскоре на самом красивом месте в посёлке вырос и пятиглавый ке-

дровый храм, который именовали в честь Святой Живоначальной Троицы. Лес в Сибири кругом, а труды по строительству храма приносили всем великую радость. Потом уже были заботы и о строительстве домов под жильё – для священника и псаломщика.

Люди потянулись в церковь. Батюшка безотказно помогал всем, исполняя не только свои церковные обязанности, но и врачебные, поскольку на курсах в Москве обучали также и оказанию первой медицинской помощи. К нему приезжали и днём, и ночью. Он был очень скромным и незлобивым человеком, уважал и привечал всех людей. В метель и сорокаградусный мороз по первому зову беспрекословно собирался и ехал к больному. У него была длинная енотовая шуба, которую он всегда надевал в такие поездки. Поднимал воротник и так ехал в санях, чтобы не обморозить лицо.

Стоит особо сказать о той любви, которая соединяла о. Василия и матушку Ольгу. Ни разу за свою совместную жизнь они не повысили друг на друга голос. Дочь Люба на всю жизнь запомнила такую картину: мать с отцом рука об руку прохаживаются по комнате, что-то вполголоса говорят друг другу, тихо беседуя. А дети бегают около них, или прячутся в складках длинной юбки матери, или играют в уголке этой же комнаты. Дети перенимали у родителей бережной и внимательное отношение друг к другу.

Выстроенный о. Василием дом был светлый, просторный – много комнат, отдельная большая детская. В дом часто заходили прихожане – не только с вопросом к батюшке, но часто и просто так, «посидеть, почаёвничать». Были в доме и наёмные люди, помощники по хозяйству. Имя кухарки даже сохранилось в семейной памяти – Ульяна. Дети часто звали их играть с собой и проводить вместе свободное время.

Матушка Ольга Викентьевна руководила всем, сама закупала продукты, составляла меню. Она была хороша собой – всегда с прямой спиной, подтянутая и аккуратная. Домашние люди, помогавшие по хозяйству, очень её любили. Позже, в 1920 году, когда случилась трагедия, матушка имела поддержку от них в горе, в самые чёрные дни её жизни. Чужие по крови люди, прислуга, они стали родными, очень плакали и скорбели, собирая семью к отъезду в Беларусь, не могли свыкнуться с мыслью, что им придётся расстаться – так они были привязаны к семейству Гоголушко.

Священник имел возможность, отслужив в Сибири по направлению пять лет, вернуться на родину. Но семье пришлось по душе жизнь на новом месте. Быстро освоились, привыкли к новому климату, к людям. Появились друзья* – два священни-

ческих семейства, видимо, из Томска или Новониколаевска. В Дальнем жилось хорошо, и покидать его не хотелось.

ПЕРЕЛОМНОЕ ВРЕМЯ

В 1917 году жизнь семьи резко омрачилась внезапной смертью от менингита десятилетней дочери Зинаиды.

А в великой России произошёл переворот, и начались необратимые перемены, не предвещавшие народу ничего хорошего. Власть нахрапом взяли большевики, беспощадно разрушая вековой уклад жизни. Полилась невинная кровь. Доходили скорбные известия, что казнена царская семья, что убивают людей и уничтожают церкви.

Отец Василий продолжал настоятельствовать в своём храме. Друзья предлагали ему переехать поближе к китайской границе, чтобы затем иметь возможность эмигрировать в Китай. Но батюшка отказался. Он не хотел покидать Россию, да и вины за собой не чувствовал никакой. А его друзья всё-таки уехали.

Когда новые хозяева жизни пришли и заявили о себе в посёлке Дальнем, священнику исполнилось только 39 лет. Весной 1920 года о. Василий был арестован и помещён в уездную тюрьму в Новониколаевске (Новосибирске). После трёхмесячного заключения его освободили, но 18 июля опять арест и заключение в Томской губернской тюрьме. Он отсидел ещё два месяца и снова был освобождён. От него требовали отказа от веры и убеждений, но батюшка не снял с себя крест, в большевики не пошёл, служб не остановил и церковь не закрыл.

Летом арестовали и расстреляли нескольких крестьян из Дальнего. Новая власть показала свою страшную личину. Спокойная мирная жизнь окончилась навсегда. До мученической кончины батюшки оставались считанные дни...

КАЗНЬ

Зимой, в конце того же 1920 года, его забрали прямо с улицы, сказав, что «на допрос и завтра отпустят». Он возвращался из храма, когда к нему подъехали два человека – один верхом на лошади, другой, самый главный, развалился в санях. Этот был в военной форме и представился комиссаром Ивановым. На улице стояли люди, и комиссары хотели показаться вежливыми представителями новой власти. Отец Василий уехал с ними...

Однако домой он так и не вернулся – ни на второй, ни на третий, ни на пятый день. Матушка Ольга не находила себе места, теряясь в догадках: опять посадили в тюрьму? Держат на допросе? Ждёт попутной лошади, чтобы добраться? А вскоре до семьи дошли жуткие вести: на железнодорожном разъезде Чебула из речной проруби женщина, чер-

* Священники Филипп Михайлов и Стефан Макаренко.

пая ведром воду, вытащила человеческую голову. Голова, сказали, завернута в подрясник, прошитый гвоздями. Матушка, предчувствуя недоброе, немедленно собралась туда.

Долго она ходила по разному начальству, плакала и умоляла показать ей голову мёртвого человека для опознания. После долгих мытарств её допустили в ледник морга. Тела там не было. Отдельно на льду лежала человеческая голова, отрубленная с шеей и частью плеча. Матушка узнала родные черты и упала в глубокий обморок...

Поднявшись с пола в морге, когда пришла в себя, она стала слёзно просить отдать ей тело и голову супруга, чтобы по христианскому обычаю предать останки земле. За разрешением её послали к местному прокурору, который устно обещал выполнить просьбу вдовы, но не сдержал своего слова. Голова и изуродованное тело были где-то закопаны самими мучителями. «Не вздумайте только искать!» – предупредили матушку палачи. Это была угроза. Тела своего мужа матушка так и не увидела. Можно только догадываться, какие смертные муки пришлось перенести о. Василию перед кончиной. В это время собравшийся у церкви народ звонил в церковный колокол, ожидая гроб с останками своего батюшки, поскольку молва о смерти священника очень быстро разнеслась по округе. Но всё оказалось напрасно. Матушка приехала с пустым гробом.

Продав все вещи, в том числе и енотовую батюшину шубу, матушка собрала целый мешок бумажных обесцененных денег и всё отдала в железнодорожную кассу, спросив там: «Этого хватит?» Ей ответили: «Хватит» и выдали билеты на всю семью.

ДЕТИ «ВРАГА НАРОДА»

С четырьмя детьми (15, 11, 9 и 7 лет) она возвратилась в Западную Белоруссию. Как жить дальше, чем существовать? Матушка обратилась к владыке Елевферию, епископу Виленскому, с просьбой помочь ей устроить сирот. Владыка плакал от рассказа матушки о том, что с ними случилось. Двоих сыновей (Александра и Михаила) взяли на воспитание в приют Свято-Духова монастыря в г. Вильно.

Старший сын Пётр, к тому времени окончив в Томске Духовное училище, стал работать псаломщиком в городе Поставы и с 15 лет кормил семью – мать и сестру. Через некоторое время был рукоположен во иерея и уехал к месту службы. Отец Пётр был религиозным композитором, составил большую партитуру церковных песнопений, в том числе к Литургии. После его смерти эта партитура была передана в Свято-Духов Виленский монастырь. Скончался в 1971 году в сане протоиерея церкви села Лавришево Новогрудского района Гродненской области.

Средний сын Александр поступил на учебу в Виленскую Духовную семинарию. В 1939 году был схвачен активистами-комсомольцами, жестоко избит и брошен в тюрьму. Около года тюремного заключения без суда и следствия, а после – приговор: 8 лет советских лагерей. Этапы, пересыльные пункты, бараки... Север. Котлас. Пять тысяч политзаключенных, эпидемии, клопы, смерти.

В начале войны с фашистской Германией Александр по амнистии попадает в Узбекистан, где узнаёт, что его мать с сестрой – в Казахстане, куда их сослали после его ареста как семью репрессированного. Уже после окончания войны, в 1946-м, им разрешают вернуться в родные места, на Гродненщину.

Возвратившись на родину, Александр Гоголушко, как и старший брат, пошёл по стопам отца и стал священником. Гонения на верующих достигли в эти годы невиданных масштабов. И снова как приговор: выселение из дома или отказ от убеждений. Но не устрасил батюшка, отстоял и дом свой, и церковь, и приход. В то время, когда сплошь и рядом закрывались храмы, церковь д. Раковичи, где служил о. Александр, оставалась действующей. Открыта она и до сих пор.

У Александра ещё с детских лет ярко проявился талант художника: он много рисовал, мечтал стать иконописцем и уметь написать Богородицу. Был даже период в жизни о. Александра, когда ремеслом художника он кормил семью.

Умер о. Александр в возрасте 89 лет в сане протоиерея и был самым старым священником Гродненской епархии.

Дочь о. Василия Любовь обладала уникальным сильным голосом. Всю жизнь пела в церковных хорах. Люди из окрестных деревень стекались в церковь ради её пения. Она была глубоко религиозным человеком. Вера была для неё «и хлебом, и водой, и богатством, и смыслом жизни, и утешением, и наградой». Умерла в возрасте 67 лет от тяжёлой болезни.

О младшем сыне о. Василия Михаиле сведений мало. Он окончил в Варшаве Богословский факультет университета, имел два высших образования (богословское и педагогическое), работал директором средней школы. Убит немцами в 1941 году.

Матушка Ольга Викентьевна, овдовев в 37 лет, больше не вышла замуж, более полувека храня верность своему погибшему супругу.

«И НЕТУ ХРАМА НА КРОВИ...»

Давным-давно нет на карте Новосибирской области посёлка Дальнего. Когда и по какой причине он сгинул, в период ли коллективизации или позже, – ещё предстоит выяснять историкам и краеведам. А об аресте отца Василия на данный момент

получена справка: «...Арестован 18 июля 1920 г. Приговорен: Томской губЧК 30 сентября 1920 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности». Приговор: к лишению свободы в пределах отбытого срока. Реабилитирован 28 октября 2002 г.» Имеем в распоряжении также приговоры сельских сходов, относящиеся ко второму аресту батюшки. Очевидно, что прихожане из окрестных деревень единодушно защищали священника. Документов, где были бы хоть какие-то сведения о кончине, пока не найдено. Белые пятна истории. Беспамятство наше, наследие жестокого века...

Священник Василий Гоголушко с семьёй
перед отъездом на службу в Сибирь
после окончания пастырских курсов. 4 июня 1911 г.

Потомки о. Василия как драгоценную реликвию хранят старинную семейную икону, которую по заказу батюшки написал неизвестный сибирский иконописец в период с 1914 по 1917 год. Икона пережила все тяготы, обрушившиеся впоследствии на семью Гоголушко. С неё и ныне сияют лики семерых святых – небесные покровители каждого члена семьи.

Внучка о. Василия –
Вера Ивановна Венкович

Помимо иконы, в память об о. Василии в семье с великой бережностью хранят ещё две вещи: «Настольную поваренную книгу» 1910 года издания, подаренную им матушке Ольге по случаю приезда в Сибирь, и вкладыш от лекарственного справочника с рецептами, который выдавали обучающимся на пастырских курсах в Москве. К сожалению, это толь-

ко вкладыш, часть от брошюры, всего несколько страниц, без титульного листа и без обложки. Маленького размера, карманный, затёртый. Но тем не менее это – память, его держали руки батюшки.

А рукою Веры Ивановны, сумевшей собрать по крупицам и сберечь семейное предание, написаны такие слова: «Взятый на небеса к Престолу Господнему, о. Василий с тихой улыбкой глядит оттуда на нас, его потомков, появившихся на свет много лет спустя после его мученической смерти. А я, его внучка, вспоминаю его так, как если бы ему довелось укачивать меня на любящих руках... Дед! – горделиво думаю я. И чем больше проходит дней, ночей, месяцев, лет, десятилетий, тем имя родное всё выше...»

События происходили на территории Новониколаевского уезда Томской губернии, согласно современному административно-территориальному делению – в Болотнинском районе Новосибирской области. Может оказаться, что ещё живы люди, в памяти которых сохранились, учитывая давность происходящего, пусть не сами события, но хотя бы рассказы старших поколений. Сотрудники редакции настоятельно просят откликнуться тех, кто может свидетельствовать что-либо о жизни и мученической кончине о. Василия Гоголушко и написать на адрес нашего журнала.

ИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

158 «Мы, нижеподписавшиеся граждане пос. Левотерского /.../ имеем суждение относительно священника Дальнинского прихода в том, что на священника Василия Гоголушко в контрреволюционных поступках замечаний не имели /.../ обхождения хорошего /.../ поведение Василий Гоголушко имел честное и ни в чём незамеченное».

«Мы, нижеподписавшиеся граждане пос. Ширяевского /.../ имели суждение об арестованном батюшке Дальнинской церкви Василии Гоголушко, которого арестовали как будто по ошибке или чьей-то клевете, так как Гоголушко не признаём никаким саботажником и не слышали никаких подрывистых слов против советской власти. Во время отступления Колчаковской армии и наступления Красной Гоголушко проживал во вверенном приходе села Дальнее, занимался своей священнической обязанностью честно и неуклонно, без всяких отговорок».

«Мы, нижеподписавшиеся граждане участка Терского /.../ на сходе, где было обсуждение о священнике участка Дальнего Василии Гоголушко, так как Гоголушко в настоящее время как будто бы арестован /.../ в нашем приходе служит уже около 10 или 11 годов /.../ поведения честного, просим отпустить товарища Василия Гоголушко, Дальнического священника, если возможно».

Использованы фрагменты из статьи Н. Дорош «Судьбы человеческие» («Гродненские епархиальные ведомости № 9–10 за 1996 год»).

г. Кемерово

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

1873, 1876 год

Герцен был совсем другое: то был продукт нашего барства, *gentilhomme russe et citoyen du monde* прежде всего, тип, явившийся только в России и который нигде, кроме России, не мог явиться. Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом. <...> Отделясь от народа, они естественно потеряли и бога. Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные – индифферентными. К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, – каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ.

В угоду общественному давлению молодой поэт 159 давит в себе натуральную потребность излиться в собственных образах, боится, что осудят «за праздное любопытство», давит, стирает образы, которые сами просятся из души его, оставляет их без развития и внимания и вытягивает из себя с болезненными судорогами тему, удовлетворяющую общему, мундирному, либеральному и социальному мнению. Какая, однако, ужасно простая и наивная ошибка, какая грубая ошибка! Одна из самых грубейших ошибок состоит в том, что обличение порока (или то, что либерализмом принято считать за порок) и возбуждение к ненависти и мести считается за единственный и возможный путь к достижению цели!

Не раз уже приходилось народу выручать себя! Он найдет в себе охранительную силу, которую всегда находил; найдет в себе начала, охраняющие и спасающие, – вот те самые, которых ни за что не находит в нем наша интеллигенция. Не захочет он сам кабака; захочет труда и порядка, захочет чести, а не кабака!..

На учительское место у нас большею частию приезжает теперь молодой человек, хотя бы даже

и желающий сделать добро, но не знающий народа, мнительный и недоверчивый; после первых, иногда самых горячих и благородных, усилий быстро утомляется, смотрит угрюмо, начинает считать свое место за нечто переходное к лучшему, а потом – или спивается окончательно, или за лишние десять рублей бросает всё и бежит куда угодно, даже даром бежит, даже в Америку, «чтоб испытать свободный труд в свободном государстве». Это случалось и, говорят, случается и теперь. Там, в Америке, какой-нибудь гнуснейший антрепренер морит его на грубой ручной работе, обсчитывает и даже тузит его кулаками, а он за каждым тузом восклицает про себя в умилении: «Боже, как эти же самые тузы на моей родине ретроградны и неблагородны и как, напротив, они здесь благородны, вкусны и либеральны!» И долго еще так ему будет казаться; не изменять же из-за таких пустяков своим убеждениям!

...В возможности считать себя, и даже иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость, – вот в чем наша современная беда!

Чем же так особенно защищена молодежь в сравнении с другими возрастами, что вы, господа защитники ее, чуть лишь только она занималась и училась прилежно, немедленно требуете от нее такой стойкости и такой зрелости убеждений, какой не было даже у их отцов, а теперь менее чем когда-нибудь есть. Наши юные люди наших интеллигентных сословий, развитые в семействах своих, в которых всего чаще встречаете теперь недовольство, нетерпение, грубость невежества (несмотря на интеллигентность классов) и где почти повсеместно настоящее образование заменяется лишь нахальным отрицанием с чужого голоса; где материальные побуждения господствуют над всякой высшей идеей; где дети воспитываются без почвы, вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу, так особенно распространяющемся в последнее время, – тут ли, из этого ли родника наши юные люди почерпнут правду и безошибочность направления своих первых шагов в жизни? Вот где начало зла: в предании, в преемстве идей, в вековом национальном подавлении в себе всякой независимости мысли, в понятии о сани европейца под неперменным условием неуважения к самому себе как к русскому человеку!

Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома. Европа, по крайней мере в высших представителях своей мысли, отвергает Христа, мы же, как известно, обязаны подражать Европе.

Господа защитники молодежи нашей, возьмите, наконец, ту среду, то общество, в котором она возрастает, и спросите себя: может ли быть в наше время что-нибудь менее защищено от известных влияний?

Прежде всего поставьте вопрос: если сами отцы этих юношей не лучше, не крепче и не здоровее их убеждениями; если с самого первого детства своего эти дети встречали в семействах своих один лишь цинизм, высокомерное и равнодушное (большею частию) отрицание; если слово «отечество» произносилось перед ними не иначе как с насмешливой складкой, если к делу России все воспитывавшие их относились с презрением или равнодушием; если великодушнейшие из отцов и воспитателей их твердили им лишь об идеях «общечеловеческих»...

...детям теперь так всё облегчают – не только всякое изучение, всякое приобретение знаний, но даже игру и игрушки. Чуть только ребенок станет лепетать первые слова, и уже тотчас же начинают его облегчать. Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении. Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а, даже напротив, есть отупление. Две-три мысли, два-три впечатления поглубже выжитые в детстве, собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь, чем самая облегченная школа, из которой сплошь да рядом выходит ни то ни сё, ни доброе ни злое, даже и в разврате не развратное, и в добродетели не добродетельное.

Да и одно ли вино свирепствует и развращает народ в наше удивительное время? Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму. Материализмом я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь всё, заключает в себе всякую силу, а что всё, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, – всё вздор.

Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может.

Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того

был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не все же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают!

Да и какой истинный русский не думает прежде всего о Европе?

<...> они <...> плюют на народ со всею откровенностью и с видом самого полного культурного права. Вот они-то и сыплют на него удивительнейшие обвинения: связанного двести лет сряду дразнят пассивностью, бедного, с которого драли оброк, обвиняют в нечистоплотности, не наученного ничему обвиняют в ненаучности, а битого палками – в грубости нравов, а подчас готовы обвинить даже за то, что он не напомажен и не причесан у парикмахера из Большой Морской. Это вовсе не преувеличение, это буквально так, и вот в том-то всё и дело, что не преувеличение. У них отвращение от народа остервенелое, и если когда и похвалят народ, – ну, из политики, то наберут лишь громких фраз, для приличия, в которых сами не понимают ни слова, потому что сами себе через несколько строк и противоречат.

Слишком ясно и понятно, что всё делается по известным законам природы и истории и что не скудоумие, не низость способностей русского народа и не позорная лень причиною того, что мы так мало произвели в науке и в промышленности. Такое-то дерево вырастает в столько-то лет, а другое вдвое позже его. Тут всё зависит от того, как был поставлен народ природой, обстоятельствами и что ему прежде всего надо было сделать. <...> Русские колонизировали дальнейшие края своей бесконечной родины, русские отстаивали и укрепляли за собою свои окраины, да так укрепляли, как теперь мы, культурные люди, и не укрепим, а, напротив, пожалуй, еще их расшатаем. <...> точно ли мы так хороши собой и так безошибочно окультурены, что народную культуру побоку, а нашей поклон? И если мы и несем что с собой, то что именно? На это прямо отвечу, что мы гораздо хуже народа, и почти во всех отношениях.

Я хочу указать на совершенную несостоятельность и даже ничтожность именно той стороны на-

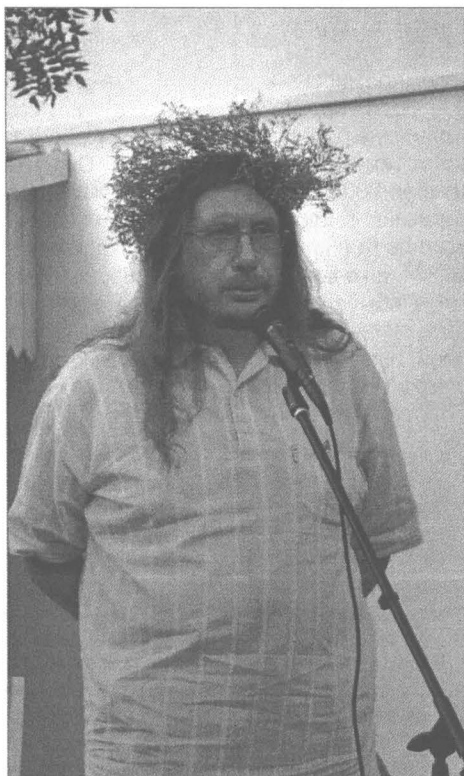
шей культуры, которую иные господа считают, напротив, нашим светом, единственным спасением и славой нашей перед народом, с высоты которой плюют они на народ и считают себя в полном праве плевать. Ибо хвалить «народные начала», восхищаться ими и тут же уверять, что в них нет никакой силы, никакого воспитательного значения и что всё это лишь одна «пассивность», – значит плевать на эти начала. <...> Я хочу именно указать, что народ

вовсе не так безнадежен, вовсе не так подвержен шатости и неопределенности, как, напротив, подвержен тому и заражен тем наш русский культурный слой... <...> Я хотел бы, наконец, указать, что в народе нашем вполне сохранилась та твердая сердцевина, которая спасет его от излишеств и уклонений нашей культуры и выдержит грядущее к народу образование, без ущерба лику и образу народа русского.

Подготовил Д. МУРЗИН

Литературная жизнь

Международный Волошинский фестиваль. Коктебель. Сентябрь 2011 г.
Поэт Дмитрий Мурзин читает стихи у дома М. Волошина

Михаил БЕЗУГЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент

**НЕ ЗАБУДУ КЛАДБИЩЕ
В БЕСЛАНЕ**

В 1958 году я окончил Саратовский юридический институт и по путёвке был направлен в органы прокуратуры Северной Осетии. Там я прошёл путь от стажёра до прокурора г. Алагир. Этот город стал известен всему миру, поскольку в нём организовали пристанище для беженцев из Южной Осетии после грузинской агрессии. Затем по решению партийных органов меня назначили на руководящую должность в МВД Северной Осетии. Поэтому я обзавёлся друзьями как среди работников прокуратуры, так и МВД.

Наша дружба зиждилась на бескомпромиссной борьбе с преступностью. Осетины – люди гордые, душевные, вскоре они и их горы стали мне родными. Хотя я уже много лет жил далеко от тех мест – в Кемерове. Поэтому события 1 сентября 2004 года непередаваемо потрясли меня. Приехав в июле этого года в Осетию, я прежде всего посетил кладбище в Беслане, где похоронены 334 школьника

вместе с их учителями и родными. Побывал и в школе, где они были убиты.

На кладбище со мной ездил мой друг Тогоев Ленкар Георгиевич – полковник милиции в отставке. Ему уже 82 года. Но память его чутко отзывается на

Памятник погибшим детям Беслана

боль. Он рассказывает, чьи дети и родственники погибли. Среди них – осетины, русские, армяне и люди других национальностей.

Каждая машина проезжавшая мимо кладбища, замедляла ход и издавала протяжный гудок. Душу саднило, невольно накатывались слёзы.

Осетины, как я уже говорил, народ душевный и простой и в тоже время гордый и мужественный. За себя могут постоять. Но только их мужеством можно объяснить то обстоятельство, что они не скатились на путь мести своим соседям.

М. Безуглов и Л. Тогоев на кладбище в Беслане

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

С 5 по 11 сентября в крымском Коктебеле прошёл IX Международный научно-творческий симпозиум «Волошинский сентябрь». Это комплекс значительных культурологических проектов: Международный литературный Волошинский конкурс, Международная Волошинская премия, Международный литературный фестиваль им. М. А. Волошина. В нынешнем году в проектах симпозиума приняли участие граждане 26 государств. В рамках культурной программы симпозиума состоялось более 60 мероприятий. В симпозиуме участвовал и «человек из Кемерова» – Дмитрий Мурзин. Дмитрий выступал на вечерах журналов «Дети Ра» и «Сибирские огни», вечерах «Поэзия России», «Поэзия стран СНГ», в поэтическом мосте «Россия – Украина». Принял участие в турнире поэтов и занял второе место.

21 сентября в зале Дома литераторов Кузбасса отмечали День памяти Евгения Буравлёва – известного поэта-фронтовика и драматурга, в 1962 году ставшего первым руководителем Кемеровского отделения Союза писателей РСФСР. Тёплыми воспоминаниями о нём поделились литераторы, члены Союза писателей России С. Донбай, В. Зубарев, И. Куралов, А. Катков. И, конечно, звучали не меркнущие с течением времени чеканные буравлёвские строки – о войне, о Родине, о любви.

29 сентября в Центральной городской библиотеке г. Анжеро-Судженска для читателей и студентов филиала КемГУ фронтовик и драматург поэт А. Катков. Полезным дополнением для молодых горожан – участников литературных студий: им. В. Фёдорова (рук. С. Побокин) и «Ижморские искорки» (рук. М. Шеховцов) – стали и мастер-классы, на которых поэт делился богатым литературным опытом.

5 октября в актовом зале КемГУ состоялась встреча, посвящённая 90-летию со дня рождения поэта-фронтовика Михаила Небогатова. Её организовала для студентов зам. декана факультета журналистики Г. И. Карпова. На встречу были приглашены поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, А. Катков, И. Куралов, а также дочь поэта Н. Инякина-Небогатова.

В этот же день творческая встреча памяти поэта М. Небогатова состоялась и в помещении Дома литераторов Кузбасса. Она была проведена совместно с городским филиалом Совета ветеранов. Почтить память поэта-фронтовика и поделиться воспоминаниями о нём пришли литераторы: С. Донбай, Б. Бурмистров, В. Арнаутов, А. Катков, А. Ибрагимов, А. Иленко.

6 октября в Новокузнецком Доме-музее Ф. М. Достоевского состоялось подведение итогов и церемония награждения победителей фестиваля молодых поэтов «Звучащее слово», посвящённого 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. Всего в фести-

вале приняли участие более 130 литераторов в трёх возрастных группах: 8–13 лет, 14–18 лет и 19–25 лет. К финалу подошли 15 поэтов. Все они получили дипломы участников. А победителями фестиваля стали соответственно по группам: Д. Михайлова, М. Заречнева и С. Белозерцев. Члены жюри фестиваля поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, Л. Никонова, представитель управления культуры администрации г. Новокузнецка И. Ульянова и директор музея Е. Трухан выразили надежду, что фестиваль «Звучащее слово» продолжится и в будущие годы.

РУССКИЙ STIL ГРАНИЦ НЕ ЗНАЕТ!

Я вернулся с международного фестиваля литературы и искусства «Русский Stil»-2011, г. Ульм, Германия. В номинации «Поющие сердца – Автор слов» получил главный приз – стал лауреатом 1-й степени.

Ещё один представитель Кузбасса попал в призы основной конкурсной программы: в номинации «Малая проза» лауреатом 2-й степени стала Тамара Черемнова из г. Новокузнецка, о произведениях которой очень по-доброму и высоко отзывалась председатель жюри М. Арбатова. Боюсь, Тамаре Александровне будет сложно когда-нибудь самой поехать на подобный фестиваль. Много лет она живет в Новоильинском доме инвалидов: у нее более чем серьезный диагноз. Я вызвался передать призы адресату в Новоильинку и, конечно, счел за честь это сделать.

Впрочем, многие и вполне здоровые «электронные» конкурсанты из России и СНГ приехать на финал тоже не смогли. Наивные люди полагают, что если ты стал номинантом международного конкурса, то никакие «накладные» расходы на поездку тебе не грозят. Если бы... Хотя Оскара завоюй, но если родная держава, или твоя семья, или добрый дядя в дорогу не соберут, то, естественно, никакие оргкомитеты на себя такие затраты не возмут. Третью расходов на мою поездку компенсировала администрация г. Кемерова. Мой поклон ей. Остальное собрали семейство, дети. Мне еще повезло. Задолго до поездки нашел в интернете дешевые авиабилеты...

В конце фестиваля был проведен дополнительный турнир «Поэтри слэм» – так на Западе называют очное сражение поэтов. У слэма есть строгие правила. Сначала проводятся отборочные раунды по группам, а победители групп сражаются в финале. Продолжительность каждого раунда – строго 4 мин., за которые надо выдать «на-гора» свои стихи, покоров жюри. Мне удалось потряхнуть стариной и занять в финале 2-е место. Первое присудили нью-йоркцу Юрию Бердану, читавшему иронические миниатюры, поэту, журналисту и одному из издателей самого популярного русского журнала в Америке. А третьей стала прелестная фройлен из г. Эссен – Наташа Хмельёва – с прекрасным русским языком и искоркой Божьей стихотворца.

Организаторы фестиваля – супруги Лада и Стефан Баумгартены – устроили нам замечательную экскурсионную программу. Обаятельная Лада, по-

нятно, тоже из русских немок. Такая мысль пришла: очевидно, что исход людей из России на «исторические родины», «земли обетованные» и просто за лучшей долей всё-таки здорово расширил географию великого и могучего. И сейчас всяк сущий в мире язык хочет – не хочет, а всё больше прислушивается к нашему...

Четыре дня и пять ночей пролетели быстро. До свидания, Ульм! На следующий год этот фестиваль пройдет во Франкфурте-на-Майне. Надеюсь на нем быть, ибо меня уже пригласили участвовать в качестве судьи – члена жюри по поэтическим номинациям. Что еще... Получил сертификат на вступление в Международную гильдию писателей без вступительного взноса. Пустячок, а приятно...

Вячеслав ЛОПУШНОЙ

12 октября в Кемеровском губернаторском многопрофильном лицее-интернате прошло мероприятие, посвященное 90-летию со дня рождения замечательного русского поэта М. А. Небогатова. Под руководством В. А. Штаб, преподавателя русского языка и литературы, студентки-практикантки 5-го курса филфака КемГУ Н. Вологина и К. Конева задали тон и направление этому поэтическому празднику. А открыли они этот вечер видеорядом и известной песней Ю. Антонова «У берёз и сосен тихо бродит осень» на стихи М. Небогатова. От Союза писателей Кузбасса на вечере выступил автор очерков о поэте прозаик В. Арнаутков.

17 октября в помещении Дома литераторов Кузбасса открылась художественная выставка «Палитра дружбы», включающая 30 живописных и графических работ, организованная молодёжным творческим объединением «Содружество». Выставочный проект посвящён союзу братских народов России, Беларуси и Казахстана. География проекта: Караганды – Новосибирск – Кемерово. В числе авторов выставки семеро кузбассовцев: Г. Гарифуллина, А. Мальцева, Ю. Нагаева, П. Смирнов, Ю. Филатович, Н. Яковлева и А. Ивершин – руководитель группы «Содружество».

17 октября в гимназии № 42 (микрорайон «Лесная поляна», г. Кемерово) состоялась встреча учеников старших классов с поэтом Д. Мурзиным. Разговор шёл о литературе и писателях в современном обществе, о роли литературы в становлении личности и значении книги в жизни человека. В конце встречи поэт подарил всем желающим свою книгу стихов.

18 октября в г. Юрге проводилась литературная встреча, посвящённая 200-летию Царскосельского лицея, в которой принимал участие поэт Б. Бурмистров.

На следующий день, 19 октября, там же прошёл литературный вечер памяти Е. Дубро в связи с её 65-летним юбилеем и выходом посмертной книги

стихов «Мотивы». От писательской организации во встрече участвовал поэт А. Ибрагимов. Он рассказал собравшимся о жизни и творчестве писательницы.

26 октября поэты Б. Бурмистров и В. Шумилов провели творческую встречу с сотрудниками Главного управления Банка России в связи с выходом своих поэтических книг «Сквозь сумерки времён» (Б. Бурмистров) и «Благодарю тебя, Судьба» (В. Шумилов).

ВТОРЫЕ КЛЮЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ ЗАВЕРШИЛИ СВОЮ РАБОТУ В ТОМСКЕ.

Всё-таки Томск – удивительный город. Вот никак не было запланировано на Вторых Всероссийских Ключевских чтениях выступление геолога В. Безходарнова. А он пришел и попросил слова. И показал собравшимся в зале сборник стихов Н. Ключева «Мать-Суббота» 1922 года издания. И рассказал, что эта книжница подарена его ближней родне – семье Мягковых – в 1937 году самим автором. В этот последний год жизни ссыльного поэта поддерживали в нашем старинном городе люди, знавшие и ценившие его талант.

В октябре того же года Николай Алексеевич Ключев был расстрелян как участник придуманной чекистами антисоветской организации. Упокоился он в братской могиле под обрывом тогда глухой городской окраины с тюркским именем Каштак. Сегодня здесь стоит крест памяти всех казнённых в проклятые годы.

А Николаю Ключеву будет поставлен в Томске памятник. Проект уже существует. И на открытии Ключевских дней председатель Думы г. Томска Сергей Ильиных заверил, что к следующим чтениям он будет стоять. Уже определено место близ Каменного моста через речку Ушайку. Если, оставив позади центр города, миновать мост, то выйдешь к Воскресенской горе, на которой поставлен был первый острог, крепость. А поднявшись на гору, в старых улочках найдешь дома, куда пускали на постой ссыльного Ключева. Одного дома, правда, уже нет – показался неумолимо ветхим, снесли. Участники чтений постояли у другого дома, где жил поэт – в переулке Красного Пожарника, 12. Посетили они и следственный изолятор, где Николай Алексеевич провел свои последние дни. На двери камеры, куда он был заключен вместе с другими смертниками, ныне установлена напоминающая об этом табличка.

Теперь в Томске есть улица Н. Ключева – широкая современная магистраль, говорящая о той широкой посмертной славе, которая находит поэта. В школе № 58 создан музей – каждый ученик знает, чьё имя носит улица. Нередки здесь сегодня и гости. Вот и приехавшие на ключевские дни пополнили экспонаты музея своими подарками.

Писатели и исследователи творчества великого русского поэта из Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Новосибирска, Кемерова и других городов России выступали с лекциями в различных аудиториях. В рамках чтений в Томском государственном

университете прошла научно-практическая конференция «Николай Клюев – художественное наследие и судьба». Интересные, содержательные доклады представили ведущий сотрудник Института мировой литературы РАН М. Скороходов, заведующий отделом критики журнала «Наш современник» С. Куняев, редактор-составитель полного собрания сочинений Николая Клюева А. Казаков и другие.

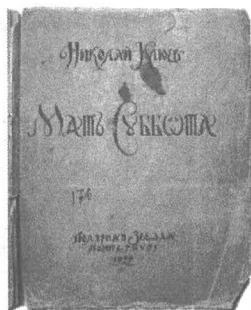
В торжественной обстановке уже второй раз были вручены литературные премии имени Николая Клюева. В. Берязев отмечен премией за большой вклад в развитие литературы и культуры России, Л. Пичурин – за исследование томского периода жизни Н. Клюева и В. Доманский – за исследования творчества поэта. Вручил премии секретарь СП России Б. Бурмистров.

В областной библиотеке имени А. С. Пушкина прошёл конкурс юных чтецов. Более сорока школьников Томска и его соседа города Северска со сцены актового зала читали стихи Клюева. Оценивало выступление строгое жюри, которое возглавлял С. Куняев. Все участники получили дипломы и подарки.

Праздничными сделали эти дни выступления солистки Пудожского народного хора из Карелии Р. Крапивиной. Она пела песни, романсы на стихи Николая Клюева, которые тонко прочувствовал петербургский композитор Виктор Панченко. Звучали и народные северные припевки. Чистый родниковый голос Риммы Крапивиной, самобытность песенного дара покорили сердца и томичей, приходящих в актовый зал библиотеки имени Пушкина, и гостей города.

На снимках: камера, где провёл последние дни Н. Клюев, книга поэта с дарственной надписью семье Мягковых.

Николай СКАРЛЫГИН

27 октября в зале областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова состоялась творческая встреча писательницы Веры Лавриной с воспитанниками интерната № 27. Это уже её третья встреча с учащимися этой школы. На этот раз пришли дети младшего школьного возраста. Они принесли любимой писательнице в дар рисунки – иллюстрации к её сказкам. Среди детских работ оказалось немало настоящих творческих находок, порадовавших автора.

В этот же день в библиотеке «Диалог» проводилась встреча школьников с поэтом А. Катковым. Основной темой разговора стали вопросы сбережения родного языка.

С 3 по 9 ноября в г. Магнитогорске проводилась XII конференция Ассоциации писателей Урала «Будущее отечественной литературы: упадок или возрождение» и церемония вручения Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Главной целью Ассоциации писателей Урала, возглавляемой поэтом А. Керданом, стало объединение литературного пространства региона. По его словам, «Ассоциация писателей Урала – это своеобразная лаборатория форм литературной работы. Здесь происходят жаркие дискуссии между писателями, учёными, политиками, бизнесменами, формируется новая интеллектуальная элита региона». Представлял Кузбасскую писательскую организацию и участвовал в работе конференции поэт Б. Бурмистров.

3 ноября Союз писателей Кузбасса совместно со студентами Кемеровского коммунально-строительного колледжа в помещении Дома литераторов проводил литературный праздник, посвящённый Дню национального единства (подготовили поэт А. Катков и преподаватель Л. Виноградова). В рамках встречи студенты имели возможность прослушать лекцию о переломных моментах русской истории.

16 ноября Топкинская центральная библиотека отметила 75-летний юбилей. От писательской организации сотрудников библиотеки и читателей приехал поздравить поэт и редактор журнала «Огни Кузбасса» С. Донбай. Много добрых слов прозвучало в адрес директора библиотеки Л. М. Елоновой, которая возглавляет коллектив в течение 35 лет.

21 ноября отметила 55-летний юбилей замечательная детская писательница Вера Лаврина. На творческом юбилейном вечере супружеская пара – Андрей Правда и Вера Лаврина – представили гостям свою новую книгу «Вдвоём», а также электронную версию книги Веры Лавриной «История Сибири для детей», для издания которой пока не найдены необходимые средства. Писательница принимала искренние поздравления собратьев по перу – В. Мазаева, В. Зубарева, Б. Бурмистрова, С. Донбая, а также работников областной библиотеки им. В. Фёдорова – главного библиотекаря Г. А. Княжевой и

начальника отдела по связям с общественностью В. А. Курзанцевой, чьи музыкальные номера стали настоящим украшением вечера. Среди гостей находился и В. А. Ермоленко, руководитель культурно-исторического общества «Стягъ», чья деятельность направлена на исторический поиск и сбережение православных святынь, организацию крестных ходов, увековечение памяти новомучеников в Кузбассе.

В продолжение юбилейного вечера гости имели возможность получить в дар книгу «Вдвоём», а также приобрести ранее изданные книги В. Лавриной. Средства, собранные от благотворительной продажи книг, супружеская чета передала в пользу культурно-исторического общества «Стягъ» на развитие православно-патриотической деятельности.

ПОЭТ БОРИС БУРМИСТРОВ УДОСТОЕН БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ РОССИИ ЗА КНИГУ «СКВОЗЬ СУМЕРКИ ВРЕМЁН».

1 декабря в Москве в Доме Пашкова (в читальном зале библиотеки им. В. И. Ленина) состоялось торжественное вручение. В числе награждённых – известные писатели, деятели культуры: В. Г. Распутин, народная артистка СССР Т. В. Доронина, известный публицист А. И. Казинцев, профессор, зав. кафедрой МГИМО, ведущий программы ТВ «Умники и умницы» Ю. П. Вяземский и поэты: Б. А. Орлов из Санкт-Петербурга, Г. Н. Красников из Москвы.

В церемонии награждения принимали участие министр культуры России А. А. Авдеев, председатель комитета по культуре Госдумы Г. П. Ивлиев, председатель Счётной палаты России С. В. Степашин, Председатель Шолоховского фонда А. В. Черномырдин, Председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев, представители компании «АлРОСА» («Алмазы России»).

Такой престижной награды писательское сообщество Кемеровской области удостоено впервые. Поздравляем нашего дорогого земляка и главу писательской организации с этим знаменательным событием и желаем ему новых творческих свершений!

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

В литературном журнале «Алтай» (№ 4, 2011) опубликована повесть Владимира Мазаева «Зиму пережить».

В общероссийском литературно-художественном альманахе «Охотничьи просторы» (Москва) напечатаны рассказы Владимира Неунывахины «Шатун» и «На косачей с лунок» (Книга 67, 1-2011) и Виктора Арнаутова «Стариково – рыбацкое Эльдorado» (Книга 68, 2-2011).

В сборник произведений участников международного совещания молодых писателей «Каменский семинар-2» вошли проза Агаты Рыжовой и стихи Ирины Тюниной – литераторов из Кемерова.

У поэта Дмитрия Мурзина состоялись публикации сразу в нескольких литературных журналах: «Литературный Днепр» (№ 4, 2011, Днепропетровск), «Дети Ра» (№ 12, 2011, Москва), «Футурум АРТ» (№ 4, 2011, Москва), в литературном альманахе «45 параллель» (№ 10, 2011, Ставрополь).

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Премия «Гнёздышко»: литературно-художественное издание / ОАО «Кемсочинбанк»; литературный журнал «Огни Кузбасса». – Кемерово, 2011. – 83 с. – 500 экз.

Иленко Анатолий. Рассудит время / Избранное: стихи / А. П. Иленко. – Кемерово: Ректаймс, 2011. – 168 с.

Коврижных Виктор. Избранное время: стихи / В. Коврижных. – Кемерово: Сибирский писатель, 2011. – 216 с.

Дубро Екатерина. Мотивы: стихи / сост. М. Туралина. – Юрга, 2011. – 102 с.

Донбай Сергей. Посредине России: стихотворения / С. Донбай. – Москва: Российский писатель, 2011. – 288 с.

Правда Андрей. Лаврина Вера. Вдвоём: стихи, сказки / Андрей Правда, Вера Лаврина. – Кемерово: Примула, 2011. – 102 с.

Ильина Людмила. Как больно смеяться: рассказы и стихи / Людмила Ильина; сост. Нина Глушкова. – Кемерово: ООО ПК «Офсет», 2011. – 164 с.

Чиняев Сергей. Падевый мёд / С. Чиняев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – 223 с.

Подготовила Наталья МУРЗИНА

ОБЗОР ЖУРНАЛОВ

НАЧАЛО ВЕКА (№ 1/2011)

О томском литературно-краеведческом журнале «Начало века» не хочется говорить дежурными словами. Журнал сей – самобытен и, если к нему можно применить человеческий эпитет, – самодостаточен. Вот уж поистине, «он ума не попросит взаймы».

Каждый новый номер журнала беру в руки с неким трепетом. Будучи прозаиком, выхватываю из оглавления рассказы и повести, ищу знакомые имена. С некоторой долей настороженности и любопытства вчитываюсь в новые, пока ещё мне неизвестные...

А обзор первого номера за 2011 год начну не с прозы, а с поэзии. Что тут особенного: подборки каждого автора малообъёмны, всего-то на две-три странички. Николай Игнатенко, выходец из Прокопьевска, провозгласивший некогда, что «стихи не могут быть не о любви», опубликовал на сей раз вполне прозаические вирши в подборке «Я в Тимирязеву построил дом», пытаясь отгородиться от брэнного мира:

*А где-то за рекой живёт страна,
Но к нам в деревню звуков не доносит...*

Алтайский поэт и редактор журнала «Барнаул» Валерий Тихонов, один из немногих «варягов» номера, сетует на закономерности Природы, экстраполируя на жизнь человеческую:

*Есть мудрая народная примета,
Повторами богата – хоть куда:
Всегда в начале солнечного лета
Черёмуха приносит холода.*

Член редколлегии журнала поэт Валерий Сердюк опубликовал поэму «Гусляр», уводящую в летописно-исторические времена похода Игоря, где сам поход воспринимается глазами «человека искусства» – ратника-гусляра Даниила. В поэме очень афористично определяется суть всех войн:

*Обвенчался я с войной,
С нелюбимой женой.
Нелюбимая жена
Будет вечно мне верна.
А расстанусь с головой –
Не останется вдовой...*

Так и хочется продолжить строкой Булата Окуджавы: «А уж как война пойдёт – пуля дырочку найдёт...»

Своеобразной смысловой инверсионностью отличаются патриотические стихи Александра Панова из подборки «Говорила Родина со мной», где:

*Я могу без Родины прожить –
Умереть без Родины обидно.*

С предисловиями и краткими комментариями В. Крюкова, И. Киселёвой и Н. Серебrenникова в рубрике «Память» в журнале представлены верлибры Евгения Зимины, ушедшего из жизни десять лет назад. В этой же рубрике дана подборка стихов и Владимира Бельчикова «...И в мыслях, может, обо мне...».

Убеждён, что читателей этого номера заинтересуют стихи Никиты Зонина, Ольги Кортусовой, Юрия Татаренко, Виктора Ванштейна и тем более подборка стихотворений участников Отечественной войны: Давида Лившица, Леонида Грундана, Михаила Карбышева, Иннокентия Луговского, Василия Казанцева, Константина Седых и других томичей.

Юбилейные очерки о классиках советской литературы, имевших отношение к Томску, Георгии Маркове и Галине Николаевой, написали Тамара Калёнова и Лев Пичурин. Журнал поздравил и саму Тамару Калёнову с 70-летним юбилеем, поместив в номере её небольшие документальные рассказы.

Стоит обратить внимание и на очень короткие познавательные-занимательные зарисовки с натуры, написанные Светланой Вьюгиной. Они рассчитаны на самых юных читателей. А ещё в номере два рассказа Геннадия Иванова – «Прожекторист» и «Возвращение».

Любителям мемуарного наследия можно порекомендовать «Семейные записки» Георгия Торощина и «Мои воспоминания» Ивана Банщикова.

Теперь о крупномасштабном произведении номера – первой части романа Тимофея Алексеева «Глазами дьявола и бога». Признаюсь, эту вещь я прочитал на одном дыхании, опасаясь за автора, что не хватит у него пороха написать всё так ровно и складно от начала и до конца. Получилось! И невольно пришла на ум параллель с замечательным томским прозаиком Вячеславом Шишковым. И тематикой сродни, и масштабностью, и стилем. О чём роман? В Сибири до сих пор бытуют легенды, байки и сказы о золоте, старателях и каторжниках-варнаках. Всё это присутствует в первой части романа с подзаголовком «Шатун». Золото здесь как связующее звено времен. А ещё – очень колоритны фигуры старателей Смолокура и «немтыря» Петруши, душегуба-священника Анисима, беглого каторжанина Лариона, что творили свои деяния в начале XX столетия, и лесного пожарного-парашютиста Егора Гончара из нашего времени, случайно обнаружившего в тайге золото тех варнаков. Будем ждать продолжения этого романа – авантюрного, с налётом мистики.

В заключение – не пропустите такого автора, как Виктор Лойша, и его «Неожиданные сюжеты» из биографий писателей: Исаака Бабеля, Михаила Булгакова, Виля Липатова – с острой, порой саркастической строкой...

АЛТАЙ (№ 2/2011)

На фоне многих региональных изданий литературно-художественный журнал «Алтай», выпускаемый Алтайской краевой писательской организацией, внешне выглядит скромно. Однако редакторская наполняемость и отбор материалов этого номера весьма качественны. Открывает номер и занимает в нём центральное место повесть Сергея Бузмакова «Голубиный город» – этакое милое, ностальгическое, исповедальное откровение о школьной поре и беззаботном, частенько разгульном студенчестве первой половины 80-х годов прошлого столетия. Очень многое тут узнаваемо по приметам времени и конкретно-географическому месту действия (Барнаул и его педагогический институт). Читаешь – и невольно вспоминается своё студенчество, пусть даже иного десятилетия....

Весьма зрело и мастеровито выглядит автобиографический рассказ «Фронтовое крещение» ветерана войны, моряка-водолаза писателя Анатолия Соболева, который оставил заметный след и в литературной жизни Кузбасса – во времена становления и образования Кемеровской областной писательской организации. Юному матросу, только что выпущенному из водолазной школы и попавшему на катер, в качестве первого задания командир катера, мичман, приказывает спуститься, отыскать под водой и поднять наверх утопленника. А вместе с утопленником молодой матрос, натерпевшись страха, обнаруживает ещё и неразорвавшуюся после налёта вражеских самолётов 500-килограммовую авиабомбу. В этом году Анатолию Пантелеевичу Соболеву исполнилось бы 85 лет. Журнал сообщает, что в рам-

ках традиционных ежегодных Шукшинских чтений, проводимых на Алтае в конце июля, найдётся место памяти и ещё одному земляку-писателю.

Как дань Победе журнал напечатал публицистический материал Ю. Стрижкова «Начало войны», основанный на воспоминаниях тех, кому пришлось первыми вступить в неравную схватку с фашистскими полицаями уже рано утром 22 июня 1941 года.

Тему купечества XIX – начала XX столетий (не в параллель ли нашим современным предпринимателям и деятелям малого и среднего бизнеса?) развивает в своих рассказах Владимир Шнайдер. Курьёзной оказывается ситуация в рассказе «Сосватал», где приказчик, ухаживая за сватом, решил подкузнить купца Ивана Ивановича, сосватав «вслепую» совсем другую, нежели следовало, «девицу на выданье».

Рассказ «Юка» руководителя Алтайского дома литераторов Юлии Нифонтовой очень драматичен, с непредсказуемыми ходами, вполне мог бы развернуться если не в роман, то в полноценную повесть. А по сюжету: дочь одного из влиятельных современных чиновников губернского масштаба случайно обнаруживает в груде документов своё настоящее свидетельство о рождении. Героиня рассказа шокирована: оказывается, она – приёмш, найденная совершенно одичавшей в собачьей конуре! «Господи, веди нас куда Ты Сам хочешь», – с такими словами Юка убегает из дома в надежде отыскать своих настоящих родителей или хотя бы родственников.

Лауреат литературной премии им. В. М. Шукшина за 1976 год Борис Стукачев (г. Бийск) написал походно-приключенческий рассказ «Одолень-корень» с элементами алтайских легенд и преданий. Сей корень у нас в Кузбассе известен как «золотой корень», а по-научному – «родиола розовая». За ним-то и отправляются в таёжные горы два дилетанта в надежде сделать бизнес. Впрочем, «...не будет корня, шишек набьём. Всё пустыми не будем».

С горечью и болью за нынешнюю деревню и селян написана остропублицистическая статья «Убывающая деревня» Анатолия Кирилина. Читая её, радуешься за попытки встать на ноги некоторых фермеров и их хозяйств, сопереживаешь и печалишься, когда видишь, как деградирует деревня, а её жители нищают духовно – в пьянстве и лени...

Поэзию номера представляют подборки Дмитрия Шарабарина («За весенними перекатами»), Ольги Такмаковой («Там, где в небе тают звуки...») и Натальи Николенко («Не гаснет свет. И ангелы хранят...»)

А вот для молодых литературных дарований Алтая в журнале места совсем не предусмотрено. Может, только в этом номере?

ДЕНЬ И НОЧЬ (№ 2/2011)

Необычайно широк спектр авторов, публикующихся в этом журнале, – от местных до столичных писателей. Редколлегия журнала представляют, помимо красноярцев, писатели из Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Перми, Омска, Барнаула, Ижевска, Кемерово.

Журнал выходит шесть раз в год. В каждом номере – обилие рубрик, кроме чисто литературных («Проза», «Поэзия», «Публицистика», «Роман», «Пьеса»), есть и такие, как: «Память», «Галерея», «Притча», «Реплика» «Антология», «Ирония», «Школа», «Дебют», и даже «Дети». Одним словом, познавательно-занимательного тут предостаточно.

Возьмём, к примеру, «Историю одной песни» Варвары Юшмановой. Какой песни? «Славное море – священный Байкал!» Наверное, многие думали, что это народная песня. Я тоже так считал. А оказывается, сочинил её сибирский поэт Дмитрий Давыдов под названием «Думы беглеца на Байкале». В оригинале в ней 11 строф (куплетов). Поются же всего пять-шесть, и то в разных вариантах. А это – целая песенная новелла! Читая оригинал, становится понятен и смысл второй строки, где «славный корабль – омулёвая бочка». Признаться, я считал, что это поэтическая метафора, где сам Байкал – как бочка с омулями. Ан нет. Омулёвая бочка – это и впрямь всего лишь бочка для засолки омулей, в которой беглец вынужден вплавь перебираться через Байкал. А парусом у него служит «кафтан дырчатый». Так и возникают ассоциации с пушкинским Гвидоном и его матерью, коих замуровали в бочку и бросили в море-окиян, или тех трёх мудрецов, что пустились в медном тазу по морю в грозу... Кроме оригинала, приводятся в этом номере ещё и три наиболее распространённых песенных варианта.

Наверное, многие знают, что в конце своей жизни замечательный русский писатель-фронтовик Виктор Петрович Астафьев был ошельмован на официальном уровне в связи с выходом его романа «Прокляты и убиты», а также телевизионными и радиоинтервью, где он не очень лестно отзывался о роли «руководящей и направляющей» в войне и Победе. Николай Ковин, журналист «Радио России», выпустивший 2 мая 2001 года в эфир передачу с участием В. П. Астафьева, после был завален грудой писем радиослушателей – от гневно-обличительных до покаянно-благодарственных. Часть этих писем опубликована в журнале в статье «Не надо камня-памятника, пусть живёт Астафьев!».

Об Андрее Вознесенском – последних встречах с ним, больным, в Переделкине, делится воспоминаниями московский поэт-«сын» Юрий Беликов.

Дневниковые записи из-за своей достоверности и обилия фактографии всегда вызвали неподдельный интерес, тем более, если они написаны выдающимся государственным или политическим деятелем, известным учёным, представителем искусства или маститым писателем. К таковым, без сомнения, можно отнести «Страницы дневника» лауреата многих государственных и международных литературных премий писателя-москвича Сергея Есина.

Проза второго номера представлена романом Андрея Лазарчука «Мой старший брат Иешуа», повестью Татьяны Завориной, «поэмой в прозе и бронзе» Евгения Лукина «Памятник», а также рассказами Анастасии Астафьевой и Владимира Селянинова.

В центре повести «Жизнь хороша, и птички поют» Татьяна Завориной – 75-летний дед Фёдор Стребулаев, его дочь Александра и внучка Алёнка. Три поколения. И у каждого – свои привычки, своя натура, свой жизненный путь. Хотя и живут вместе, а нет между ними семейного лада. Повествование многопланово, то уводит в детские и юношеские годы деда или его дочери, то опалено военным лихолетьем, то возвращается в наше время, обрастая новыми, порой неожиданными сюжетами и персонажами. Строка из песни, взятая в название повести, зачастую приобретает в ней совершенно противоположное значение. В финале же вновь обретает первоначальный смысл, когда герои произведения в трудных жизненных ситуациях приходят к взаимопониманию – через веру в Спасителя...

Потрясающе-пронзительны мини-рассказы Владимира Селянинова «Настёнка» и «Смех нутрянной». О чём они? О циничном чиновничьем равнодушии, отсутствии сострадания и соучастия к больным детям и немощным старикам, будь то чиновники от медицины, налоговых, социальных или иных служб.

Безусловного внимания заслуживает роман Андрея Лазарчука «Мой старший брат Иешуа». В этом номере его окончание. Роман изобилует историко-библейскими сюжетами. Не трудно догадаться, что речь идёт о времени и месте, когда действовали реальные исторические лица вроде царя Ирода, прокуратора Понтия Пилата, мессии Иисуса (Иешуа)... Правда, параллельно возникают ассоциации и

сравнения с романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита»...

Довольно обширна в номере поэзия. Назовём достаточно известных и признанных поэтов: москвича Геннадия Иванова, Александра Кердана и Андрея Расторгуева из Екатеринбурга, Полину Кондаурову из Санкт-Петербурга. Отрадно, что нашлось здесь место и кемеровчанину Дмитрию Мурзину. Его стихи, как всегда, свежи и оригинальны, во многом по-авторски ассоциативны.

Останавливается внимание и на подборке стихов Александра Величанского. Уже заглавие «Под музыку Вивальди» говорит само за себя, во многом благодаря популярнейшему бардовскому хиту на музыку Сергея Никитина. В этой же рубрике («Антология») – подборки стихов Николая Гумилёва и Осипа Мандельштама, приуроченные к юбилеям замечательных русских поэтов Серебряного века.

Напечатать Нину Ягодинцеву – поэта, критика, литературоведа, публициста, кандидата культурологических наук из Челябинска – считают за честь многие современные толстые журналы. Не стал исключением и этот номер обозреваемого журнала, где опубликована её статья «Страна одинокого снега», посвященная книге стихов Сергея Филатова «Свет отраженный».

Особенностям русского стихосложения посвящена довольно объёмная статья Павла Кулешова из Ташкента, впрочем, родившегося в Новокузнецке.

Помимо отмеченного, читатель отыщет в этом номере ещё много интересного.

Подготовил
Виктор АРНАУТОВ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2011 ГОД

ПРОЗА

- Арнаутов Виктор.** Велимир. Роман. Журнальный вариант I-15
Баранов Валерий. Скорпионовая мазь. Повесть в стиле ретро III-51
Вьюгина Светлана. Братишка. Рассказ III-91
Золотаина Галина. Прогалины. Короткие рассказы I-84
Иванов Андрей. В ожидании дня. IV-86
Коняев Виктор. Робка, Димыч и печаль. Рассказ VI-65
Королёв Андрей. Апокалипсис. IV-86
Кривошеин Михаил. Тёплый цвет холодного апельсина. Повесть VI-81
Кулемзин Анатолий. Дом крайний и последний. Рассказ V-109
Лаврина Вера. Братья наши IV-68
Ляшева Руслана. Бронзовый перстень. Рассказ I-76
Мазаев Владимир. Зиму пережить. Повесть II-3
Макшеев Вадим. Я встретил Вас... Рассказ I-7
Павлов Сергей. Кузбасская сага. Роман. Книга 2. Пленники Маньчжурии IV-3, V-46, VI-9
Подгорнов Сергей. Салим. Приключенческая повесть-притча III-6
Попок Василий. Джонни Холидей как стимул партийной демократии. Рассказ I-70
Ровицкий Владислав. Алёша. Кемеровский миф VI-92
Рыжова Агата. Однажды и навсегда. Повесть II-43
Серов Владимир. Обгон. Рассказ IV-60
Титов Арсен. Три новеллы V-100
Тотыш Юрий. Раб Божий. Повесть V-6
Тюнина Ирина. «Мой» ожидает. Рассказ VI-103
Хоботнев Дмитрий. Остановка в ночи. Рассказ IV-53
Цыпхайкина Марина. Гнедко. Рассказ II-100
Шолохов Алексей. Зонт IV-86
Ярошук Александр. Панов и другие. Два рассказа I-91
- ### ПОЭЗИЯ
- Андреев Михаил.** Из трубы дымок поднимается I-68
Бацевич Николай. Я буду петь шахтёрам дифирамбы IV-51
Бельмасов Алексей. Человек состоит из солнца! I-11
Бурмистров Борис. Сквозь сумерки времён IV-57
Гержидович Леонид. По-новому сердце забилось II-39
Дронова Анна. Чужестранная V-3
Елистратова Елена. Тяжела ты, ушанка зимы! III-96
Иленко Анатолий. Сердцу время подошло V-43
Клёстов Дмитрий. Я на милую землю вернулся II-41
Коврижных Виктор. Стала родина часто сниться I-74
Комарова Ольга. Легки и узнаваемы черты III-98
Костерина Татьяна. Ничейная звезда II-103
Крёков Виталий. Хорошо это всё вспоминать IV-92
Крюков Владимир. Из гуши света и тени IV-65
Музыка Лидия. Ничтожность и причастность VI-101
Мурзин Дмитрий. Таким полюбите меня II-96
Нестругин Александр. Одинокий вихрь V-107
Никонова Любовь. Знакомый мир неузнаваемый I-3

- Новосельская Ирина.** Ангел с белой вышины? I-82
Перминов Юрий. В дымке прошлого III-3
Подгорнов Сергей. Над терриконом, парком, лугом... VI-63
Раевский Александр. Райская птица на кончике пера IV-83
Сливина Юлия. Кормиться черемухой рифм V-114
Соснора Виктор. О бедный мир дарёных слёз III-48
Сурова Нина. Сны в поисках зрителя II-98
Сычёва Юлия. И мысли сложатся в стихи II-105
Тихонов Валерий. Отчётливей чувствуешь мир V-98
Тудегешева Таяна. В сговоре с веками III-89
Шангина Лана. Ошалевший от метели май VI-79
Шемшученко Владимир. Писательские заградотряды поэзию не щадят VI-3
Шумилов Владимир. Я живу в деревенской тиши VI-90
Поэтическая почта. **Антипин Анатолий** IV-96,
Волосюк Иван IV-96, **Краснословцев Анатолий** I-88,
Крючков Леонид IV-96, **Рукосуев Вячеслав** I-88,
Стрельников Сергей I-88, **Черноскутова Марина** IV-96

ПУБЛИЦИСТИКА

- Бедюров Бронтой.** Алтайская идея: гармония культурного, природного, духовного начал I-115
Власов Валерий. И воспрянет душа IV-99
Ермакова Нелли. На вытоптанном поле и полынь не растёт IV-109
Коняев Виктор. Взыскание правды (Полемические наброски) I-106
Кудрявцева-Кузнецова Надежда. Должна появиться «мода» на чистую русскую речь VI-125
Мурзина Наталья. Держись, последняя крепость! III-160
Переяслов Николай. Литература как предвестница нанотехнологий и её влияние на общественные процессы VI-116
Ривлин Влад. Размышления двадцать лет спустя VI-123
Якунина Галина. Вперёд, к избе-читальне? I-115

ЭССЕ

- Варламов Алексей.** На берегу незамерзающей реки V-116
Естамонова Зоя. Страницы Иванковского дневника I-96
Лопушной Вячеслав. Перекрестье судеб I-128
Скорик Любовь. В броне военной коммуналки II-107

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

- Алексеева Анна** I-119. **Альшевская Юлия** III-146
Андреева Светлана III-146. **Батхен Ника** III-146
Беккулиева Ольга III-146. **Берестов Сергей** III-146
Доберман Александр I-119. **Исакова Александра** I-119
Калинин Михаил III-146. **Карпенко Марина** I-119
Костицкая Виктория III-146. **Логинов Сергей** I-119
Мальцева Кира I-119. **Уланова Светлана** I-119
Ухандеев Валерий I-119. **Шагин Дмитрий** II-161

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

- Арнаутов Виктор.** Победил самого себя...
(О Виталии Степановиче Рехлове) IV-128

Поэт, наставник, хроникер (К 90-летию со дня рождения
Михаила Небогатова) V-145

Мазаев Владимир. «Стих суров, но никуда не деться...»
(К 90-летию со дня рождения Евгения Буравлева) V-142

Ничик Николай. След в жизни (К 80-летию со дня рождения
Геннадия Емельянова) V-152

Тюшина Екатерина. Потому что душа так велела (К 65-летию
со дня рождения поэта Бориса Бурмистрова) VI-147

Филатов Сергей. Сердцевина. Повесть-миф III-104

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Красников Геннадий. Когда о них потомки говорят IV-118

Наседкин Николай. Подпольный человек Достоевского
как человек VI-128

Парпара Анатолий. Суровый счёт ведите всем утратам IV-111

Трухан Елена. Евангельские открытия Достоевского VI-134

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Зайцев Александр. Дурнина I-139

Лунегов Геннадий. Чудики на Чуе I-141

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Любовь Скорик. Связывая нить Ариадны V-118

КНИГА ПАМЯТИ

Елфимов Аркадий. Подвиг их бессмертен II-125

Козьмин Пётр. Земля спасает от пуль. Военные воспоминания
II-114

Макшеев Вадим. Последнее прости... III-153

Сенк Виктор. Строительство центральной обогатительной
фабрики «Берёзовская» (Подготовила В. Лаврина) IV-140

Шумилов Владимир. Почтовый перевод из 1942 года II-123

СВЕТЛИЦА

Габышева Алёна I-145. **Граф Даша** I-145. **Дейч Галина** IV-136

Елизаров Елисей VI-150. **Ипатова Яна** IV-136. **Пешка Таня** I-145

Пилявских Любовь I-145. **Приходько Сергей** I-145

Распопова Татьяна VI-151. **Рулёва Анастасия** IV-136

Рыбалкина Дарина IV-136. **Семененко Вера** IV-136

Соколова Алина I-145. **Степаненко Павел** I-145. **Танцырева**

Карина VI-152. **Тарунин Андрей** I-145. **Худина Настя** I-145

Чекункова Вика I-145. **Штепа Михаил** IV-136.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Варламов Алексей. Нужны ли государству мыслящие души?
(Интервью взяла **Т. Эмих**) IV-151

Кружков Николай. «Я назвал бы Россию Голгофой».
Молитвенное слово иеромонаха Романа V-157

Крюков Владимир. О Патриаршей премии IV-151

Курбатов Валентин. Было утро... IV-149

Лейфер Александр. Приглашение к «сорботничеству» IV-151

Литвинов Иван. Всего вам доброго. Весенние записки
провинциального таксиста II-126

Мурзина Наталья. «Имя родное всё выше...» VI-155

ИСКУССТВО

Марина Чертогова. Представление личности: Инна Акимова
III-100

Олег Кухарев. Случайные записки нехорошего человека VI-136

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бахаев Леонид. Среди смородины духмяной...
(О Леониде Мерзликине) I-167

Бокин Виктор. Приближение к поэзии

(О книге стихов Виктора Горшкова «Не скрывая чувств») I-169

Гусев Владимир. От Буслаева до Кузнецова. И Пелевина
(Интервью взяла **Р. Ляшева**) IV-163

Крапивина Кира. Семь вод – один компот
(О сборнике В. Киселёва «Седьмая вода») IV-158

Кузнецов Геннадий. Стеклянная лестница в небо V-167

Лавряшина Юлия. Рекреация индейцев
(О повести А. Иванова «Ржа») IV-159

Мурзин Дмитрий. Корабль современности
(Из цикла «Записки зануды») IV-157

Ничик Николай. К 75-летию Гария Немченко IV-160.
«Листая лучших дней мгновения...» (О творчестве
Л. Никоновой) V-164

Плющев Валерий. Предприниматель должно звучать гордо
V-162.

Пятилетка романтиков-интернационалистов I-165

Струкова Марина. Между небом и мной...
(О поэзии Владимира Шемшученко) VI-6

ЦИТАТА

Дневник читателя. Подготовил **С. Донбай** V-160

Дневник читателя (К 190-летию Ф. Достоевского).
Подготовил **Д. Мурзин** VI-159

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Кабин Вячеслав. Трудовые байки I-150

РУССКАЯ ШКОЛА

Ащеулова Ирина. Николай Рубцов как национальный поэт
России IV-125

Малышев Юрий. Урок Победы IV-123

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Виктору Лихоносову – 75 лет II-99

Литературные хроники. Подготовил **В. Арнаутов** I-170, II-169

Подготовили **В. Арнаутов** и **Н. Мурзина** III-169.

Подготовила **Н. Мурзина** IV-166, V-169, VI-163

Обзор журналов. Подготовил **В. Арнаутов** IV-168, V-170, VI-166

Обсуждение журнала: **Валерий Плющев, Владимир Каганов,**
Людмила Суворова, Олег Кухарев, Ольга Черкасова,
Александр Ярошук, Юрий Малышев, Ольга Яковлева.

Пародии. **Галина Карпова**

Сияй, сияй, звезда поэта! (О Торбоковских чтениях)

Эмих Т. К нам приехал I-171

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Безуглов Михаил. Не забуду кладбище в Беслане VI-162

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Всерусский Соборъ» и «Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» и «Новый енисейский литератор» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай», «Барнаул» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь», «Зеленая лампа» (Иркутск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, которую они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флэшки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Metallургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован
Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректоры: **Т. Э. Панибратова, Т. А. Козяева**
Компьютерная верстка **Л. А. Астанковой**

Подписано к печати 15.12.2011. Формат 60×84 1/4. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1100 экз. Заказ № 317.
Цена свободная

Адрес редакции: 650000, г. Кемерово, пр-т Советский, 40.
Адрес изд-ва и типографии: ООО «Издательство «Кузбассвуиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-29-34. www.kvi.bip.ru

Литературный фронт

Постоянный автор журнала Вера Лаврина отметила юбилей

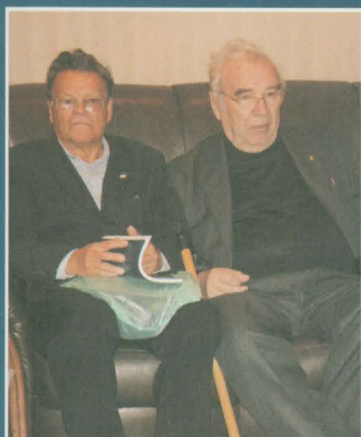

Лауреат премии им. В. П. Крапивина Ю. Лавряшина представляет свою книгу «Улитка в тарелке»

Поэты С. Донбай, Б. Бурмистров, Л. Никонова в музее Ф. М. Достоевского (г. Новокузнецк)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ 5-го НОМЕРА ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА»

Публицист В. Власов и член общественного совета журнала В. И. Носырев

М. И. Найдов, директор фонда «Шахтерская память», имени В. П. Романова, и поэт А. Раевский

С. Донбай и руководитель рекламной службы ОАО «Кемсоцинбанк» Т. Мигунова вручают авторские экземпляры книги «Гнёздышко»

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписка на журнал «Огни Кузбасса»
на второе полугодие 2011 года
и первое полугодие 2012 года
оформляется в любом отделении
почтовой связи Кемеровской области
по каталогу «ПОЧТА РОССИИ»

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС 12234

Периодичность выхода – раз в два месяца
(6 номеров в год)

Подписная цена за полугодие 180 руб.